

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

B

804,519

81-75

Д. Умановъ

Этнографическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологін и Этнографін.

Russkīia byliny staroi i novoi zapisi

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. С. Миллера.

МОСКВА.

Высочайше утвержд. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Москва, Петровка, д. Левенсонъ.
1894.

GRAD /BUHR

891.708

R972

1894

GL
614374X
B255
6-14-90

ОТЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Предпринимая изданіе сборника былинъ, Этнографическій Отдѣлъ имѣлъ первоначально въ виду собрать въ одной книгѣ всѣ былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и разсѣяныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ. Такимъ образомъ предпріятіе Отдѣла являлось бы продолженіемъ труда П. А. Безсонова, который во 2-е изданіе „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“ включилъ всѣ былины, появившіяся въ печати до года выхода 4-го выпуска названнаго сборника ¹⁾. Но благодаря поддержкѣ, оказанной нашему изданію нѣкоторыми лицами, оно могло значительно расширить свою первоначальную программу. Такъ, сынъ извѣстнаго сибирскаго этнографа Степана Ивановича Гуляева, Н. С. Гуляевъ, доставилъ въ Отдѣлъ чрезъ посредство В. И. Семевскаго рукописный сборникъ сибирскихъ былинъ, составленный его покойнымъ отцомъ, и этимъ обогатилъ наше изданіе лучшими ММ-ми былинъ, еще не появившихся въ печати. Затѣмъ былины недавней записи были намъ доставлены Ѳ. М. Истоминымъ, Г. И. Куликовскимъ, С. И. Лапшинымъ, Е. В. Барсовымъ и С. П. Писаревымъ. Наконецъ, академикъ Н. С. Тихонравовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги въ переизданіи былинъ изъ рукописей XVII и XVIII столѣтій. Доставка новыхъ еще неизданныхъ матеріаловъ и обѣщанное содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ, видоизмѣнивъ первоначальный планъ изданія, побудили редактора сборника раздѣлить его на 2 отдѣла съ особой пагинаціей. I—былины *старой* записи, редакцію коихъ взялъ на себя акад. Н. С. Тихонравовъ, и II—былины *новой* записи, именно: а) былины еще не напечатанныя доселѣ, и б) явившіяся въ печати въ различныхъ изданіяхъ въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ. Намѣтивъ такой планъ сборника, оба редактора приступили еще въ 1892 году къ собиранію ма-

¹⁾ Четвертый выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, вышелъ въ Москвѣ въ 1879 году.

II

теріаловъ и подготовленію ихъ къ печати. Но *habent sua fata libelli!* Наше изданіе испытало превратности судьбы еще въ своей „типографской“ жизни. Когда уже отпечатано было болѣе трети книги и значительная часть оригинала въ рукописи сдана въ наборъ, случился въ маѣ 1892 года пожаръ, истребившій типографію товарищества А. А. Левенсона, и въ числѣ множества другихъ сгорѣвшихъ изданій оказалось и наше. Приходилось начинать съизнова и изготовлять новые списки былинъ для набора. Въ концѣ 1892 года началось печатанье книги вновь и продолжалось въ теченіе слѣдующаго года. Отдѣлъ II-й былъ уже оконченъ, но I-й, вслѣдствіе извѣстной педантической тщательности его редактора въ изданіи старинныхъ рукописныхъ текстовъ, печатался медленно и задерживалъ выпускъ книги. Затѣмъ надъ изданіемъ разразился второй ударъ—болѣзнь и смерть Н. С. Тихонравова († 27 ноября 1893 г.)—печальное событіе, снова затянувшее появленіе книги и создавшее затрудненія второму редактору. Послѣдняя былина I-го отдѣла, напечатанная при жизни академикомъ Тихонравовымъ—№ V (стр. 59—60), и, насколько намъ извѣстно, Николай Саввичъ считалъ ею законченнымъ свой отдѣлъ. Строго держась правила издавать тексты, хотя бы раньше напечатанные, только по сличеніи ихъ съ рукописями, онъ не желалъ включить въ свой отдѣлъ „Богатырское слово“, изданное Е. В. Барсовымъ, такъ какъ не имѣлъ возможности получить отъ владѣльца самую рукопись этой былины XVII вѣка для переизданія. Въ этомъ случаѣ я не счелъ возможнымъ нарушить желаніе, лично высказанное мнѣ покойнымъ академикомъ. Но въ отпечатанныхъ имъ листахъ не оказалось также былины о „Михаилѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ“, содержащейся въ рукописи начала XVIII вѣка, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ. Не зная, чѣмъ объяснить этотъ пропускъ, я рѣшилъ включить эту былинку въ отдѣлъ покойнаго редактора, сдѣлавъ тщательный списокъ съ рукописнаго оригинала. Къ сожалѣнію, Н. С. Тихонравовъ не успѣлъ снабдить изданные имъ тексты приложеніемъ, которое, по его мысли, должно было содержать свѣдѣнія о рукописяхъ, изъ которыхъ взяты имъ былины. Онъ имѣлъ въ виду для этой цѣли передѣлать и дополнить свою статью „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка (напечат. въ VIII кн. „Этнографическаго Обзоренія“), включивъ въ нее свѣдѣнія о былинахъ старой записи, изданныхъ акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году (въ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ“ II и III), и данныя, сообщенныя ему А. И. Станкевичемъ, о приговоренномъ послѣднимъ къ изданію отрывкѣ былины объ Алешѣ Поповичѣ. Несомнѣнно, такая статья о *всѣхъ* доселѣ извѣстныхъ былинахъ изъ рукописей XVII и XVIII вв. представила бы капитальный научный интересъ, какъ и все, выходявшее изъ подъ опытнаго пера покойнаго академика. вмѣсто такого изслѣдованія, мнѣ оставалось только представить отдѣльно

материалы, которые должны были въ него войти, что я и сдѣлалъ въ *четыре*хъ приложеніяхъ къ I-му Отдѣлу.

Второй отдѣлъ, содержащій 70 былинъ, изъ коихъ почти *половина* является въ первый разъ въ печати, представляетъ особый интересъ для вопроса о географическомъ распространеніи былинъ. Кромѣ былинъ изъ Олонецкой губерніи, этой „Исландіи“ русскаго былеваго эпоса, еще неисчерпанной обширными сборниками Рыбникова и Гильфердинга, читатель найдетъ въ нашемъ изданіи значительное число былинъ, записанныхъ въ Сибири, нѣсколько №-овъ изъ губерн. Архангельской и одиночныя былины изъ губб. Московской, Петербургской, Нижегородской, Самарской, Уфимской и изъ области Уральской и Терской. Въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя былины, либо появившіяся въ печати въ то время, когда отд. I-й уже былъ законченъ, либо пропущенныя случайно. Два указателя къ текстамъ былинъ— предметный и именной—составлены въ интересахъ изслѣдователей нашего былеваго эпоса. Считаю тутъ-же необходимымъ замѣтить, что именной и предметный матеріалъ, содержащійся въ текстѣ былины № VI отд. I-го, не могъ быть внесенъ въ указатели, такъ какъ послѣдніе уже были отпечатаны, когда редакторъ рѣшилъ восполнить I-й отд. названной былиной (см. выше).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ принести отъ имени Этнографическаго Отдѣла глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе нашему изданію сообщеніемъ матеріаловъ или указаній, а именно: Н. С. Гуляеву, Л. Н. Майкову, Ѡ. М. Истомину, Г. И. Куликовскому, П. В. Шейну, Е. В. Барсову, С. И. Лаппину, С. П. Писареву, А. И. Станкевичу и С. О. Долгову.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла

Профессоръ *Всев. Миллеръ*.

Москва

15 февраля 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый—былины старой записи.

I. *Илья Муромецъ*: 1. Повѣсть о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 1—4). 2. Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 4—7). 3. Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 7—9). 4. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ (стр. 10—11). 5. Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолицѣ (стр. 11—24).

II. *Михайло Потокъ*: 1. Повѣсть о князѣ Владимірѣ Кіевскомъ и о богатыряхъ Кіевскихъ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ, о царѣ Кашчѣ Золотой орды (стр. 25—31). 2. Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ Кіевскихъ и о походе ихъ (стр. 32—39). 3. Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ (стр. 39—46).

III. *Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ* (стр. 47—53).

IV. *Ставеръ Гаденовичъ* (стр. 54—58).

V. *Отрывокъ изъ неизвѣстной былины* (стр. 59—60).

VI. *Гисторія о Кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ двенадцати лѣтъ* (стр. 61—67).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Къ повѣсти о сильнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (стр. 68—69).

II. Къ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова—статья Н. С. Тихонравова (стр. 69—85).

III. Къ повѣсти о Михайлѣ Потокѣ по рукописи XVII в. (стр. 86—88).

IV. Къ отрывку изъ неизвѣстной былины (стр. 88—90).

Отдѣлъ второй—былины новой записи.

	Стран.
*1. ¹⁾ Илья Муромецъ: первая поѣздка его въ Кіевъ	1
2. То-же	7
*3. Встрѣча съ разбойниками	8
4. То-же	8
5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ	9
*6. Три поѣздки Ильи Муромца	14
7. Илья Муромецъ (сводная былина)	17
8. Илья Муромецъ и Мамай	22
*9. Илья Муромецъ и царь Калинъ	30
10. Илья Муромецъ и Каинъ	34
*11. То-же	38
12. То-же	48
13. Илья у царя Василія Боголюблева	52
14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцяниновъ	56
15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ	60
16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколъ-корабль	63
17. То-же	65
18. Добрыня (Скимень звѣрь, рожденіе)	65
19. То-же (начало)	66
20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь	67
*21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ	68
22. Добрыня въ отъздѣ	77
*23. Добрыня и Марина (съ напѣвомъ)	79
24. То-же	80
25. То-же (начало)	82
26. То-же	83
27. Добрыня Никитичъ (сводная былина)	86
*28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ	93
29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ	97
*30. Алеша Поповичъ (начало)	101
31. Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ	102
32. Дунай Ивановичъ	115
*33. Дунай Ивановичъ	121
34. То-же (начало)	127
*35. То-же	127
36. То-же	131
*37. Василій Казимерской	134
*38. Василій Игнатьевичъ и Батыга	143
*39. Василій пьяница	146

¹⁾ Звѣздочкой отмѣчаются былины, издаваемые въ первый разъ.

	Стран.
40. То-же	148
*41. Михайлъ Казарятинъ	149
*42. Иванъ Годеновичъ	153
*43. То-же	159
44. То-же	283
*45. Чурило Пленковичъ	163
*46. То-же	165
*47. То-же	166
48. То-же	168
49. Дюкъ Степановичъ	172
*50. То-же	176
51. То-же	179
52. То-же	183
53. То-же	188
*54. Суханьша Замантьевъ	188
*55. Иванъ Гостиный сынъ	190
*56. Ставеръ Годеновичъ	193
57 То-же	197
*58. То-же	204
*59. То-же	207
*60. Молодецъ и королевна	214
*61. Василий Буслаевичъ	221
*62. То-же	231
*63. То-же	234
*64. То-же	236
*65. Сурога-богатырь	237
*66. Соломанъ и Василий Окульевичъ	239
67. То-же	246
68. Сорокъ каликъ со каликою	255
*69. Наъздъ литовцевъ	261
70. Конецъ богатырей (отрывокъ)	265

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I. <i>Свидѣнія о крестьянинахъ тѣщъ былинъ Л. Г. Тупицынъ</i>	269
II. <i>Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ:</i>	
Илья Муромецъ и разбойники: варианты а), б) и в).	271
г) Илья Муромецъ и царице Кудрянише.	274
д) Илья Муромецъ на Соколъ-кораблѣ	278
е) Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Му- ромцѣ	277
ж) Илья Муромецъ	277.

VIII

	Стран.
III. <i>Къ былинамъ о Добрыни Никитичъ:</i>	
а) Устиманъ-звѣрь	278
б) Добрыня въ отъѣздѣ.	279
в) Добрыня и Марина	279
IV. <i>Къ былинамъ объ Алешѣ Поповичѣ:</i>	
а) Алеша и Тугаринъ	280
б) Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ.	280
в) Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ (въ изложеніи Г. Н. Потанина).	282
V. <i>Къ былинамъ объ Иванѣ Годеновичѣ.</i>	283
VI. <i>Къ былинамъ о Василии Буслаевичѣ.</i>	289
<i>Указатель предметовъ</i>	293
<i>Указатель именъ</i>	298—304

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

БЫЛИНЫ СТАРОЙ ЗАПИСИ.

I.

ИЛЪЯ МУРОМЕЦЪ.

1.

(По списку Императорской Публичной Библиотеки, Q, XVII, 194).

**Повѣсть ѿ силнѣ^а могуще^а богатыре ѿ Илье Муромцѣ и ѿ Соловье
ра^абойнике.**

- Во славно^а было градѣ Моровѣ¹⁾ слуша Илья Муровѣцъ
заутреню воскресную и в умѣ держаль к сильному ко князю
Владимеру киевскому Всеславичу, а завѣтъ²⁾ держаль во
всу востру саблю і на крешкой лукъ, чтобъ во всю дорогу
5. титивы не кладывать, что о[т]нютъ во всю дорогу широкую
вострыя сабли із ножней не вынимать и на крешкой лукъ
титивы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д] Себѣж^а
градомъ, и уелыша^а крикъ і стукъ і ко^аское ржаніе, и на-
ехалъ тутъ силны Илья Муравѣцъ, ажю подъ Себѣжемъ
10. градомъ стоять три царевича заморские, а силы с нимъ
было у всякова царевича по сту и по тыеѣче, а хотять
они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самага царя сибир-
скаго³⁾ в полонъ взять. І тутъ Илья Мурорѣцъ (sic!) о^авязы-
ваетъ свою востру саблю о^а седла че^акаскаго і напущаетъ
15. на ихъ силу вѣликую, какъ на галѣчье стадо, і побилъ всю
рать силу вѣликую і трехъ цѣвичевъ в полонъ взялъ и
подарилъ сибирскому царю в пода^аки. Сибирской цѣрь

¹⁾ Въ ркпе. надъ этимъ словомъ надписано еще разъ: „градъ Мурове“.—Ниже
слова приписанныя надъ строкой, на браны въ текстъ курсивомъ: пропущенное въ
рук. заключено въ прямыя скобки. ²⁾ Въ рук.: „засидѣ“. ³⁾ Выѣето: „себежекаго“.

- взговори: „О еси ты доброй молодець! какъ тебя зовутъ по имѣни и по отечеству, і котораго ты города?“ Ѳтвѣтъ держаль Илья Муравѣцъ: „Зову мѣня, гда, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова“. І сибирской црѣ взговорить: „Откуда твоя дорога ізлучилась?“ Ѳтвѣтъ держа Илья Муравѣцъ: „Еду, гдарь, к стоному граду Киеву, ко князю Владимѣру киевскому Всеславичу“. І сибирской црѣ ¹⁾ взговорить Илье Муравцу: „Служи ты у мѣня; всѣ одамъ тебѣ поцаства“. Илья Муравѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. І сибирской црѣ, взговорить: „Прямая у на дорога ка граду Киеву на леса на брын[с]кие, на грази тонучие, на мость калиновъ, на реку Смородыню, — толко тутъ тебѣ дорога залѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никакось человекъ конской не проеживаль, ни человекъ не ²⁾ прохаживаль, ни птица не пролѣтывала, ни звѣрь не прорыскива³⁾ о Солов[ь]я разбойника“. І тутъ богатырское сердце разгорелось, и поеха⁴⁾ прямой дорогою. І какъ ⁵⁾ Илья Муравѣцъ буде⁶⁾ на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустиль к нѣму Соловѣй разбойникъ, засвиста⁷⁾ своимъ разбойничскимъ посвистомъ, ажно подѣльею конь впотыкнулся. І тутъ Илья Муравѣцъ взговорить: „Что ты, волчья сыть, рано подомною вподыкнулся? Нету вѣтъ силнѣе меня на всей святоруской земле!“ І вышимаеть свой кренкой лукъ і калену стрелу накладываетъ... Соловья разбойника в правой гла⁸⁾. І Соловѣй разбойникъ упаль з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалися. Илья Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловѣй разбойникъ: „Ой еси ты ⁹⁾ сины могучий богатырь Илья Муравѣцъ сынъ Ивановичъ! оставь душу хотя на покаяние!“ Что взговорить Илья Муравѣцъ Солов[ь]ю разбойнику: „Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежи?“ И Соловѣй разбойникъ взговори¹⁰⁾ таково слово: „Моя гдарь, золота казна лежитъ ¹¹⁾ [въ] мои села Кутузовы, а гонцу

¹⁾ Это слово написано надъ строкою. ²⁾ Въ рук.: „и“. ³⁾ Въ рукописи: „такъ“. ⁴⁾ Послѣ нѣ въ рукописи надъ строкой приписано доб—доброй? ⁵⁾ Въ рукописи это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

- гонять ровнѡ по два месеца, а скоро паскоро во единъ мѣсець“. Илья Муравѣцъ привязываетъ Соловья ра^ббойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ едучи будутъ по[дѣ] селами Кутузовыми ¹⁾, і увидѣли Соловья ра^ббойника
5. ево 12 сыновѣй, и зговоря^т таково слово: „Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана“. А большой сынъ взговорить: „То дѣ едѣтъ Илья Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана“. І метались в золоту казнѣ, і надѣвали на себя ружье ²⁾ богатырское,
10. і хотя^т они с нимъ поле да^т. І Соловей ра^ббойникъ взговори^т: „О еси вы, мое детушки! не дразните вы добраго молодца, зовите вы ево к себѣ хлѣба кушать і сажайте егѡ за столы дубовы, а за ествы саха^нныи“. А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду
15. Киеву ко князю Владимиру. І какъ едучи будетъ ко граду ³⁾ Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, и едѣтъ ка^к на княженецкой дворъ, не о^бсылаючи і шапки не снимаючи, а Соловья при[в]язываетъ к своему ⁴⁾ доброму коню богатырскому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному
20. образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны ⁵⁾. І князь Владимиръ спрашиваетъ: „О еси ты доброй молодець! какъ тебя зовутъ по имени і потечеству ⁶⁾, і котораго ты города?“ О^твѣтъ держаль Илья Муравѣцъ: „Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а потечеству ⁶⁾ Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурова“. Князь Владимиръ взговорить: „Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?“ О^твѣтъ держаль Илья Муравѣцъ: „Поехаль я, государь, из Мурова, о^тслушавъ заутреню воскресную“. І князь Владимиръ усмехаетца: „Что ты, Илья,
25. бредишь? Не твои у меня го^тцы: гоняють по два мѣа, а скоро паскоро во единъ мѣсець с Киева ⁷⁾ в Муръ градъ“. Илья Муровѣцъ взговорить: „Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великие і беды несносны. Какъ поеха^л из Мурова, о^тслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положи^т
30. на всю востру саблю і на кренкой лукъ, что о^тнюдь во веу

1) Вь рук.: „Кутузовыми“. 2) Слѣдуетъ: „оружье“. 3) Вь рукописи: „ко грады“. Не слѣдуетъ ли читать: „въ ограды“? (т. е. въ оградѣ). 4) Вь рукописи: „своему“. 5) Вь рукописи: „сторону“. 6) Такъ вь рукописи. 7) Вь рипс.: „скиль“.

- дорогу вострой сабли из ножней не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тivity не кладывать; а какъ едучи будѣтъ по[дѣ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича замо^рские, а силы с нимъ былѡ у всякова царевича по сту и по тысяче; а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самага царя сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ, і побилъ всю силу и^х, і трѣх царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ сибирскому црю в подарки. І другая, государь, на меня причина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ, і напустилъ на меня Соловѣй разбойникъ: закричалъ громкимъ гласомъ і засвисталъ своимъ ра^ббойническимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся: і билъ Соловья ра^ббойника в правой гла^о и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь о^н стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана^а. І выглядываетъ князь Владимиръ в оконечку ¹⁾ хруста^ную і самъ взговорить: „О еси ты, Соловѣй ра^ббойникъ! засвищи ты своимъ ра^ббойническимъ посвистомъ“. І Соловѣй ра^ббойникъ отвѣтъ дѣ^ржить: „Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего гдина Ілью Муравца“ ²⁾. Велелъ Соловью ра^ббойнику *Ілья Муромецъ* ³⁾: засвисталъ ра^ббойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[и]ки подломились. І князь Владимѣръ бысть вѣлми радощенъ і зговорить: „Тебѣ у меня, Ілья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою“. Тежъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века. Аминь. Конѣцъ и Богу слава! Аминь.

2.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 71).

Гисторія ѿ Илье Муромце и о Соловѣе разбойнике.

30. Во славномъ граде Муроме слушалъ Ілья Муромецъ заутреню воскресную: похоть держалъ ко граду Киеву, ко

¹⁾ Въ ркпс.: „вокошечнаку“. ²⁾ Надъ буквою *в* въ словѣ *Муравца* надписано м. ³⁾ Слова: „Ілья Муромецъ“, написаны поздне надъ строкою.

славному князю Владимиру Сеславъевичу, а заветъ положили, чтооъ о́нютъ во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

5. И тако поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоять три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели ѿне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя себежского в полонъ взять.
10. И тако поехалъ Илья Муромецъ в сугонъ за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взять, и возвратилса во гратъ Себежъ. И увидели ево граждани и возвести ѿ немъ царю себежекому.
15. И потомъ себежской царь приказалъ о́ворять врата градския и принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говорить: „Гой еси ты, доброй молодець! какъ твое имя и коего ты граду?“
- Ѹвещаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по ѿчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома“.
20. Потомъ рече себежской царь: „Окуда твоя дорога лучилась?“
- Овещаетъ Илья Муромецъ: „Еду я на мосты колиновы“.
- А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.
25. И рече ему себежской царь: „Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ оъ Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала“.
30. И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту колиновомъ, и тамъ увидель ево Соловей и зависталъ своимъ посвистомъ. В то время подыльею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулса, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ, и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой глаеъ. В то время упалъ Соловей з девети дубовъ, что ѳвсяной сношь, а Илья Муромецъ слесъ с своего добраго коня и хочеть ретиво сердце вынуть.
- 35.

И возмолитца ему Соловей: „Гой еси ты, доброй молодець! оставь душу мою хотя на покойние“.

И говоритъ ему Илья Муромецъ: „Где твоя лежитъ злата казна?“

5. Оъвещаетъ Соловей: „Лежитъ моя злата казна в моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняють по два мѣа, а скоро наскоро мѣць“.

- И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенадцеть сыновъ и надевають на себя збрую богатырскую и хотять съ Ильею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: „Светы мои дети малые! зовите вы ево за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого“.

15. Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимиру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимира было пированье великое.

20. Потомъ князь Владимиръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: „Гой еси ты, доброй молодець! какъ твое имя и коего ты граду?“

Оъвещаетъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Ильею, по имени Иваномъ сынъ, уроженецъ града Мурома“.

25. Потомъ рече князь Владимиръ: „Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?“

30. Оъвещаетъ Илья Муромецъ: „Поехалъ я из града Мурома, слушавши заутреню воскресную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоять три царевича заморския, а силы с ними триста тысячъ, и хотели они Себежь грать за щитомъ взять, а самого царя себежскаго в полонъ взять. Вторая притчина: какъ я будучи на мосту колиновомъ, и тамъ увидель Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулся, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперъ онъ стоитъ у моего добраго коня“.

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велель Соловью засвистать.

И Соловейъ сталъ свистать; в то время у князя Владимира кресла подломились, и уполаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхые хоромы и все^е повалились. И князь Владиме^р сталъ весель и говоритъ ему: „Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую“.

И всему тому конецъ.

3.

(Изъ сборника Ф. И. Булгаева).

Повѣтъ ѿ Ильѣ Муромце и ѿ Соловьѣ Разбо^нике.

- Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ бѣатырь Илья Муромецъ заутреню вѣкресную, а похоть ¹⁾ держалъ къ столному граду Киеву, ко кнзю Владимиру киевскому Все^славьевичю, а заветъ держалъ большой: кладеть вострую саблю и на крѣпко^е лукъ тетивы накладываетъ. И какъ едучи будетъ по^а Себѣжиномъ градомъ, ажно стоять ту^т три цѣевича заморскія, а силы с ними у всякова цѣевича по сороку тысячь, и хотять Себежъ ²⁾ гра^д за щито^е взять и самого црѣя в полонъ взять. А Илья побилъ силу великую, бу^то зайче стадо, а трехъ цѣевичевъ в полонъ взя^л и подарилъ црѣя сибирскова ³⁾. И сибирски црѣ говоритъ: „Какъ тебя зовуть по имени и по вѣчеству і которог^о ты града?“ ѿ^тветъ держить Илья Муромецъ: „Зовуть меня, гдѣрь, Илюшкою, а по вѣчеству Ивановъ снѣ, а уроженецъ града Муромѣ.“ И сибирски црѣ зговорить таково слово: „Ой еси доброй ⁴⁾ молодець, Илья Муромецъ! живи ты у меня, служи ты мнѣ вѣрою да правдою, да^ю я тебѣ половину црѣтва своего.“
25. Илья Муромецъ говоритъ: „Много мнѣ твоего жалованья!“ И спрашиваетъ у него прямой дороги к столному граду Киеву, ко кнзю Владимиру киевскому Все^славьевичю. И си-

¹⁾ Такъ въ рукописи; читай: „походъ“. ²⁾ Въ рукописи: „себе“; не написано надстрочное ж. ³⁾ Такъ въ рукописи, вѣсто: „сбирскова“. Не разобрано надстрочное ж? Это чтеніе сохраняется и далѣе. ⁴⁾ Въ рукописи: ой и ей пишутся такъ: „о“ „ѣ“.

- бирски говоритъ црѣ: „Прямая дорога на^алежитъ на лесе
бранскія, на мостъ калиновой, на реку Смородину; толко
та дорога залегла ѿ Соловья разбойника равно лѣтъ: единое
члѣкъ не прохаживалъ, и звѣрь не прорыскива^а, и птица не
5. пролетовала ѿ Соловья разбойника.“ И тутъ бѣтырское
сер^аце разгараецца: поехалъ прямою дорогою х Киеву граду.
И какъ едучи будетъ на мосту калиново^а, на реке Сморо-
дине, ажно наступа^а к нему Соловей разбойникъ и завви-
ста^а свои^а разбойнически^а посвистомъ: подЫльею ¹⁾ конь
10. спотыкну^ася; Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Что
ты, волче ²⁾, спотыкаешся? Не^а ветъ меня во всей русской
земли сильнея.“ И вынимаетъ по Соловью разбойнику ка-
лену стрелу; и тутъ во Соловья разбойника попа^а, и Со-
ловея з двена^ацати дубовъ свалился, аки швсеной снопь.
15. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы^а груди^а і хочеть у
нево вынуть сер^аце. И возмолица тутъ Соловей разбой-
никъ: „Сѣй еси доброй молодець Илья Муромецъ! оставь
дшю въ телѣ хоть на покаяние!“ Илья Муромецъ говоритъ
таково слово: „Съкажи ты мнѣ, Соловей разбойникъ, где
20. твоя золота казна лежитъ?“ И Соловей разбойникъ о^аветъ
держитъ: „Моя, гдѣрь, золота казна лежитъ в моихъ селахъ
Кутузовыхъ; а гонецъ гоняетъ равно по два мѣа, а скорш
наскоро во единъ мѣъ.“ Илья Муромецъ привязуетъ Со-
ловья разбойника к своему стремю булатному и съкачетъ
25. з горы на гору, а у реки перевозу не спрашиваетъ. А какъ
будетъ по^а ево село^а Кутузовы^а, увидѣли Соловья разбой-
рика .вѣ. сыновъ. Большой говоритъ: „Во^ат де нашъ ба-
тющка едетъ, а мужика везетъ у своево стрема булатнова.“
Меншой сѣъ говоритъ таково слово: „Во^а де едетъ Илья
30. Муромецъ, а батющка везетъ у своево стрема булатнова.“
И ту^а мечютца .вѣ. сѣновъ и надѣваю^а на себя шружие
бѣатырское, и хотять е нимъ поле дать. І Соловей разбой-
никъ говоритъ таково слово: „Светы вы мое малые дѣтушки!
не дразните вы сево добѣра молотца, зовите ево к себѣ
35. хлѣба кушати.“ Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ доб-

¹⁾ Такъ въ рукописи; чит.: „Подъ Ильею.“ ²⁾ Такъ въ рукописи вместо
„волче?“ Затѣмъ пропущено слово. Въ Забланискомъ текстѣ: „волчье мясо“.

- рымъ конемъ к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всѣславьевичю. И какъ буде^т пот Киево^м градомъ, скаче^т чере^зъ стену каменную и еде^т на княженетскоѣ ¹⁾ дворъ, не сбсылаючи и шапки не снимаючи. Входитъ в полату столовую и молитца чю⁴нымъ образомъ, а кнзю Владимиру нѣко челомъ і кнеине, а послѣ на четыре стороны. Князь Владимиръ говоритъ таково слово: „Какъ тебя зовутъ по имени и по ѿчеству и которого ты града?“ Ѹветъ держитъ Илья Муромецъ: „Зовутъ меня Илюшкою, а по ѿчеству Ивановъ снъ, уроженецъ града Мурома.“ Кнзъ говоритъ: „Давно ли ты поехалъ из Мурома града?“ Ѹветъ держитъ Илья Муромецъ: „Отслушавши заутреню воскресную.“ А князь Владимиръ усмехну^тся, что Илья вретъ, и зговоритъ таково слово: „Не тесѣсья у меня говсы — го⁰ няютъ равно по два мѣа, а скоро нѣкоро во единъ мѣъ.“ Илья Муромецъ говоритъ таково слово: „Да еще, гдѣрь, были на меня двѣ причины ²⁾: поеха^т из Мурома града по⁴ Себежиномъ градомъ, ажно стоятъ тутъ три царевича заморскія, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысячъ, и хотятъ они Себѣжъ ³⁾ гра⁴ за щитомъ взять, и самого цѣя в полонъ взя^т; і я ево выручилъ и побн⁴ вею ратную ⁴⁾. И какъ буду на лесы бранскія, на мосту калиновомъ, на реке Смородине, ажно напускаетъ на меня Соловей разбойникъ: подо мною конь спотыкну^тся, и я ево убилъ, и топеря стоитъ у моего коня у добраго.“ А князь говоритъ: „Засвищи ты, Соловей, свои^м пѣвистомъ.“ И Соловей говори^т: „Не твой де я холопъ, не лѣшаюсь тебя, слушаюсь Ильи Муромца.“ Илья Муромецъ велѣлъ зѣвистать Соловью разбойнику, и Соловей зѣвиста^т свои^м пѣвистомъ⁵⁾: у богатырей ту⁴ крѣла ⁵⁾ подломились. И кнзъ Владимиръ бѣтъ радоненъ і зговоритъ таково слово: „Тебѣ у у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, и погребы не замкнѣнуты.“

¹⁾ В рукописи: „княженетскоѣ.“ ²⁾ Такъ въ рукописи; ифронтно, въ оригиналѣ было: „двѣ причнѣ“. Слово *причина* сохранено и въ Заблзненскомъ спискѣ этой былинны. Ср. стр. 6. ³⁾ В рукописи: „себѣ“. ⁴⁾ Такъ въ рукоп.; читай: „силу ратную“. ⁵⁾ Тоже слово и въ Заблзненской рукописи. Ср. стр. 7.

(Изъ сборника Е. С. Тихомирова. № 222-й).

Сказание о Ілне Муромце и ѿ Соловие разбойнике ¹⁾.

- Во славно²⁾ граде ³⁾ Муроме слышать бытъ бгаты⁴⁾ Ілня Муромецъ. Слыша⁵⁾ заутреню вѣрннѹю. Поехалъ о⁶⁾ ко граду Киеву, ко князю Владимиру. Ка⁷⁾ буд⁸⁾ Ілня Муромецъ на то⁹⁾ же поле, вышлн к нему три царевича сибескнз ¹⁰⁾, а слнзы с ними у всяково првча ¹¹⁾ ѿ тысячъ. Ілня Муромецъ вышнмае¹²⁾ свои востры мечъ и побн¹³⁾ ихъ слнзу великую, а тре¹⁴⁾ царевиче¹⁵⁾ в поло¹⁶⁾ взя¹⁷⁾ и подарн¹⁸⁾ томужь црѹ сибескому. И сибеской црѹ зговорн¹⁹⁾ таково слово: „Щн еси ты Ілня Муроме²⁰⁾! ка²¹⁾ тебя зову²²⁾ по імени и по ч²³⁾еству и котораго городу?— Ёве²⁴⁾ держн²⁵⁾ Ілня Муроме²⁶⁾! Зовутъ меня, гд²⁷⁾рь, Ілн(е)ю, а по ч²⁸⁾еству Ивано²⁹⁾ енѹ, а роженецъ града Муроме³⁰⁾. И сибѣской црѹ зговорн³¹⁾ таково слово: „Светъ государь, Ілня Муромецъ! Ёкуду твоя дорога случнласа³²⁾? Ёве³³⁾ держн³⁴⁾ Ілня Муромецъ: „Еду я, гѹда³⁵⁾, к столному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому Всѣславевичу³⁶⁾“). И сибѣски црѹ зговорн³⁷⁾ таково слово: „Светъ гѹдарь, Ілня Муромецъ! не ездн к столному граду Киеву, ко великому князю Владимиру киевскому Всеславѣвичу, живн ты у меня, служн ты мне верою и правдою, і я тебѹ пожалую половину царства ³⁸⁾, гѹдарства своего сибѣскаго³⁹⁾. Ілня Муромецъ зговорн⁴⁰⁾ таково слово: „Много ли мне госуда⁴¹⁾тва твоего жалованнз!“ І спрашнвае⁴²⁾ ч⁴³⁾ прямоі дороги къ столному граду Киеву. И сибѣской црѹ зговорн⁴⁴⁾ таково слово: „Есть у нѹ, госуда⁴⁵⁾, прямая дорога к столному граду Киеву, на лесы брынскнз ⁴⁶⁾, на грязи топучнз, на мостъ на калнновой, на речку Смородн⁴⁷⁾ку: толко та дорога залегла 10 летъ: ни едннѹ челове⁴⁸⁾ не прохажнва⁴⁹⁾ і не проеживалѹ, ни зве⁵⁰⁾ не прорыскнва⁵¹⁾ ѿ Соловья разбойннка Будимеровнча⁵²⁾. И ту⁵³⁾ бга-

¹⁾ Въ рукописи постоянно: „разбойке, разбойнка, разбойнкъ, разбойническимъ“: пропущено надстрочное и. ²⁾ Въ рукописи: „гроде.“ ³⁾ Ошибка; слѣдуетъ: „заморскнз.“ ⁴⁾ Въ рукописи: „заговорнть“, какъ и ниже. ⁵⁾ Такъ въ рукописи. ⁶⁾ Въ рукописи: „паства.“ Въ оригиналѣ буква р, вѣроятно, стояла надъ строкою: переписчикъ не умѣлъ читать надстрочныхъ буквъ. ⁷⁾ Въ рукописи: „брыскнз“.

- ты^нское се^рце разгарало^с: поеха^т прямою дорогоі. Какъ будетъ на речке на Смородинке, на мосту на калиново^н, напусти^т к нему Соловеі разбойни^н 1) Будимеро^н, заѣвиста^т своімъ разбойничѣки^н пѣвисто^н: под Илею конь потыкаеца, Илия
5. Муромецъ зговори^т таково слово: „Во^ччия шереть, што ты потыкаеца? (sic!) Веть нету силнея меня во всеі светоруской земле“. И вымае^т изъ налучая свої крепкой лукъ 2), искачана калену стрелу, и стреляе^т ко Соловию разбойнику 1), и уби^т ево в правое ѡко. I ту^т Соловеі упаль на сыру землю
10. з девяти дубо^н, что ѡвсяной спопъ. Илия Муромецъ селъ на бѣлы груди и хоче^т вынять ретиво се^рдце; молица ему Соловеі разбойни^н 1) Будимеровичъ.... Какъ зговори^т таково слово све^т гдарь, Илия Муромецъ, сынъ Ивановичъ: „Скажи ты мне, где твоя золота казна лежи^т?“.... „в моі^х соле^х Кузовыхъ (sic!)“....

5.

Сназаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ разбойникѣ и Идолицѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина, № 82).

- взять по^л правую руку, а воевода че^рниговской 3) по^л левую. Илья Муромецъ говори^т таковы речи: „Гдѣри кнѣзь киберской и воевода черниговской, не по^ллежитъ вамъ меня, низкашева раба, брать по^л руки и вестъ в полаты бѣлокаменные“.
20. И взять ихъ обеи^х по^л руки и велъ и^х в полаты, и сажалъ за столы за дубовыя, за скатерти браныя, за ествы сахарныя. И какъ сталъ пи^р навесѣле, и стали князь киберской и воевода че^рниго^вской спрашивать: „Пожалуй, скажи, уда^т до-
25. брой молодець, какъ тебя зоуть по имени и по отчеству, и уроженецъ которые земли, и роду хрѣтианскова ль?“

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: „Я, гдѣри, роду хрѣтианског^о, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой—крѣтяницъ Иванъ Тимооѣвичъ, а меня, гдѣри,

1) Слова пропущена надстрочная буква (и). 2) Въ рукописи: „улукъ“. 3) Въ рукописи ой пишется съ надстрочнымъ и-ѡ.

- зоуть Илюшкою, а по отчеству Ивановъ сѣ; а еду я, гдѣри, ко славному граду Киеву Бѣу молитца, а кѣзю Владимеру о'явитца". И сталъ кѣзь кибирской спрашивать: „Скажи, пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поеха^а из
5. дому отца своего, и давно ль билса съ етаю силаю босурманскою?“ О[т]ветъ держи^л Илья Муромецъ: „Я гдѣрь, поехалъ вчерась победавши и к вамъ приеха^а вчерашняго числа, какъ вы сами видели“. И какъ столъ отошелъ, Илья Муромецъ выходитъ изъ стола дубоваго и молитца Бѣу
10. по писанному и бѣгодарить кѣзю кибирского и воеводу черниговского за хле^б и за соль; и сталъ Бѣу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ и^х: „Скажите, пожалуйста, кѣзь кибирской и воевода черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которою дорогою?“ И
15. стали ему сказывать: „Гдѣрь нашъ Илья Муромецъ, сѣ Иваловичъ! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, гдѣрь, премея ехать

- на те леса на брянския,
на те мосты калиновы,
20. чре^а тое реку Смородину ¹⁾;

- только нетъ, гдѣрь, тамъ пропуску: ровно тритцать летъ залегла эта дорога о^т силнаго богатыря Соловья разбѣйника: не пропускаеть о^н ни пешева, ни ко^ннова, все^х грабить и убиваетъ, и храбрѣсть показываетъ всемъ сильнымъ, могучимъ богатыря^м; а воуетъ онъ без оружия, только
25. убиваетъ свои^м разбѣйническимъ свѣтомъ“.

- И слыша то, у Ильи Муромца богатырское срѣце разгорелоса: Богу молитца и съ княземъ прощаетца. И они ево стали просить: „Гдѣрь И'я Муромецъ! пожалуй у насъ начуй; и отслушаешъ заутреню воскресную, и туды во сла^нной гра^д Киевъ поспѣешь к обедни“. Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ: у ни^х начева^а и отелушелъ заутреню воскресную. А все эта делалосъ в великую субшту: и с ними, с княземъ кибирски^м и воеводай черниговски^м,
30. похристосыва^аса; и шни ему дали по яичку и на ни^х под-

¹⁾ Въ рукописи эти строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и далье нѣсколько разъ.

писали подпись: в которой день поспеть из Мурѡма в Черниговъ гра^а, и ско^око по^а Черниговы^а побилъ силы босурманекія.

5. Илья Муромецъ, принявъ о^т кѣзя ¹⁾ киберскаго и воеводы черниговскаго о^тпускъ, садился на своего добраго коня и спрашиваетъ у князя киберскаго: „Какъ, гдѣрь, мне узнать дорогу прямую на те леса на брянскія?“ И они ему сказали: „Какъ выедешь, гдѣрь, из нашева града в чистое поле—и увидишь в правой сторонѣ попрыски богатырскія“.

10. *Илья Муромецъ поехалъ ²⁾.*

И выехалъ в чистыя поля, и увидель попрыски богатырскія и по ни^а поеха^а, и приехалъ:

15. *на те лѣса на брянскія,
на те грязи топучія,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.
И Соловей разбойникъ*

Послшшелъ силнаго могучева богатыря и узналъ себѣ ко^ачину и бе^ачастіе великое; и не допуская Илью Муромца

20. *за тридцать верстъ,*

Зависталъ свои^а свистомъ разбойнически^а ³⁾ таково крепко, что по^а Ильею Муромцомъ конь спотыкнулся. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говорить таковы слова: „Что ты, волчья мяса, травной мешекъ?“

25. Али ты в темныхъ лесахъ не гулива^а и соловьиная свисту не слыхива^а?“ А са^а поеха^а путе^а свои^а. И Соловей разбойникъ, не допустя Илью Муромца

за пятнадцать верстъ,

30. Засвисталъ громче тово, и с того свисту по^а Ильею Муромцомъ конь пуще тово спотыкнулся, и о^т шпять билъ коня по крутымъ бедра^а и говорить такія речи: „Что ты, волчья

1) За словомъ „князя“ было написано: „Владимира“, по потомъ это слово заключено въ скобки. 2) Куревномъ напечатаны слова и фразы, написанныя въ рукописи ишюварью. 3) Въ рукописи: „разбойчески“.

мѣса, травеной мешокъ? Или ты в темныѣ лесаѣ не гули-
вала, соловьиначу свисту не слыхивала?“ А саѣ опять по-
ехалъ дорогою

и приехалъ поѣ Соловѣйное мѣдо:

5. Свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые шбой-
мовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей
разбойникъ увидель светорускова сиѣнова, могучева богатыря
и засвистаѣ во весь свой свистъ разбойничей: хотель, чтабъ
10. такова силнова богатыря убить до смеѣти, а самому бы быть
в великой чести і славе во всей вселенней; и такъ громко
засвистаѣ, что подЫльею Муромцомъ конь богатыѣской

спотыкнулся на карачки со всеѣ четырехъ ногъ.

- Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накла-
дываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьиное
15. и попалъ в правой глазъ и в левое крыло і вышебъ левой
глаѣ. И Соловей раѣбойникъ свалился з гнезда, что шѣсяпой
сноѣ. Илья Муромецъ беретъ Соловья раѣбойника и привяз-
заль ево крепко к стремешю булатному и сталъ скакать во
вею пору конскую, и выскакалъ: те леса брянскія, | те грязи
20. тошучія, | те мости калиновы, | и перескакаѣ реку Сморо-
дину | и выскочиѣ в чистыя поля ¹⁾).

Стоять три терема златоверховатія.

- Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья разбойника: „Скажи,
Соловей разбойникъ, не тотъ ли славной Кневь граѣ?“
25. Оѣветъ держить Соловей разбойникъ: „Государь, удалой
доѣрой молодець, сиѣной могучей богатырь Илья Муромецъ!
Это не славной Кневь граѣ, это мои Соловьиныя палаты, а
жить в ниѣ три мои дочери“. И какъ поровнялся Илья
Муромецъ противъ полатъ раѣбойничьихъ, и у теѣ полатъ были

30.

ѣкны настени

растворены, и в техъ ѣкнахъ

сидели дочери Соловья разбойника, смотрели в чистыя поля

¹⁾ Перпендикулярная черта замѣняетъ двѣ точки рукописи, которыми писецъ
отмѣтилъ концы отдѣльныхъ стиховъ. Выше и ниже эти стихи написаны раздѣльно
(стр. 12, 13 и 20).

з добычею отца своего и думали сами между собою, что „едить нашъ батюшка з добычею“. И увидела меньшая дочь и закричала сестрамъ свои^{мъ}: „Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везе^{тъ} к намъ мужика привязана у стремени

5. булатнова!“ А болшая дочь посмотрела и заплакала горко и закричала громки^{мъ} голосо^{мъ} богатыреки^{мъ}: „Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужи^к незнаемой и везетъ нашава батюшка привязана у стремени булатнова“. И закричала мужьямъ свои^{мъ}: „Мужья наши милья! поезжайте къ мужику на встречу и отбейте у него нашава батюшку, гдѣ Соловья разбойника, не кладите на нашъ ро^у такова позору и безчестия“. И мужья и^{хъ}, сильные богатыри, металнѣ на конюшенной дво^у, брали свои^{хъ} добры^{хъ} коней и без седель выехали противъ светоруског^о богатыря Ильи Муромца, и хотя^{тъ}
15. отбить тестя своего: кони по^и ними добрыя, и коныя у ни^{хъ} вострыя, и хотя^{тъ} Илью на коныя посадить.

- И увидель и^{хъ} Соловей разбойникъ и говорить и^{хъ}: „Зятя мои милья, удалыя добрыя моло^дцы! не позортесь вы и не дразните такого силнаг^о светоруского богатыря: ежели
20. раздразните, всемъ вамъ принять от него чашу смертную; лутче вамъ слестъ с свои^{хъ} добрыхъ коней и проси^{тъ} добрава молотца для такова торжественного пра^ника вышить по чаре зелена вина“. И они ево, тестя своего, послушали:

- Слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги
25. удалому доброму молотцу
и стали просить ево в до^{мъ} свой: „Уда^{тъ} доброй молодець, сильной могучей богатырь, мѣти у тебя проси^{тъ} в домъ отца нашава для такова торжественного пра^ника выкушать по чаре зелена вина“.

30. Илья Муромецъ, видя и^{хъ} такую поко^рность, и не ведалъ и^{хъ} такой злобы, заварачиваетъ свои^{хъ} добрымъ конемъ, и поеха^{тъ} в до^{мъ} Соловья разбойника.

И увидела болшая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ и^{хъ}, и вскочила

35. на верею
и по^хватила по^воротню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца что^б пришибить тою по^воротнею на ворота^{хъ}, а отца своего освободить из неволи.

- И какъ Илья Муромецъ в вороты едитъ, и она тое поворотню пустила и не захватила, и шпять тотъ часъ похватила, а она была сильная богатырка. И усмотрель Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и похватываетъ подворотню;
5. оборотясь удари^а ея шеленугѣй подорожною такъ сильно, что о^т тое вереи отлетела на двенатцать сажень, а са^м завороти^а своѣй доброѣ конь и поеха^з з двора; и говори^т Соловью разбойнику: „Спасиба, Соловей ра^бойникъ, на твоеѣ перепутноѣ чаре: вина я у тебя не пиваль, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезета свои^х Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ гра^д, и я к вамъ приеду, то все^м вамъ, старому и малому, смерти не минова^т, все умрете злою смертию о^т моего острого меча“. И поехалъ ко славному

граду Киеву.

15. И какъ приехалъ в Киевъ гра^д, проезжае^т прямо на княженетской дворъ, и пусти^т своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ¹⁾ и къ ясле^м не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: „Что за мужикъ приеха^з на нашъ дворъ и
20. никому коня не приказываетъ и не привязывае^т?“

Илья Муромецъ пошелъ в црковь соборную.

- Молится онъ Бѣгу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ ѿдаетъ князю Владимиру и кѣгине Адрѣанине королевишне; и сталъ молитца по писанному.
- 25.

- И увидель князь Владимиръ такова приезжева члвка и послать спросить: ѿткуда приеха^з и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра—могучия богатыри Алеша Поповичъ да Добрыня Никитичъ. И кинулса Алеша Поповичъ и ста^т спрашивать нечестливю, и очень ш^м пересмешливъ былъ: „Какъ тебя зоу^т, и чей ты, и что за мужикъ, и о^ткуда ты приехалъ?“
- 30.

- О^тветъ держи^т Илья Муромецъ: „Алеша Поповичъ, бабья бля^з, пересмешница! пришли полутче себя и повежливея“.
- 35.

¹⁾ После слова: „приказываетъ“ было написано: „и з коновла^н“, но потомъ заглажено въ прямые скобки.

И Алеша Поповичъ пошелъ прочь о' негѡ со стыдо* и пришелъ х князю Владимиру, ответу никакова не даетъ.

И кйзь Владимиръ спроси': „Алеша, ходи' ли ты спрашивать прие'жева человека, и што о* тебѣ сказалъ? кто
5. шнѣ таковъ?“

О'ветъ держитъ Алеша: „Приеха', гдѣрь, какой-та мужиченка, и я ево спрашива', и о* мне о'вету не да'; толко, гдѣрь, меня пре' народо* обезчестилъ.“

И какъ Владимиръ догадался, что шнѣ спрашива' нечестию, и посла' другова министра, Добрыню Никитича, и веле' спросить вежливо.

И Добрыня Никитичъ прише' кылье Муромцу и сталъ спрашивать шчесливо: „Присла' до васъ кйзь Владимиръ, приказа' васъ спросить: ш'ткуда ваша млт' приеха' и ко-
15. торова города уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по штечеству?“

О'ветъ держитъ И'я Муромецъ: „Гдѣрь Добрыня Никитичъ! донеси великому кйзю Владимиру: зоуть меня Илюшкою, а по штечеству Ивановъ сѣъ, уроженецъ я го-
20. рода Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочнѡ во славноѣ Киевѣ гра' Бгю молитца, а кйзю Владимиру о'явитца.“

И Добрыня Никитичъ пришелъ и о'яви' кйзю Владимиру: „Сказываетца И'я Муромецъ сѣъ Ивановичъ, а
25. уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приеха' нарочнѡ во славноѣ Киевѣ градъ Бгю молитца, а тебѣ, кйзю Владимиру, о'явитца.“

И кйзь Владимиръ веры неѣметъ, что эта силноѣ богатырь Илья Муромецъ. И какъ штошла бжестве"ная
30. литоргия, пошли все изъ цркви вонъ, Илья Муромецъ до"дался кйзя Владимира, и какъ о" пошелъ изъ цркви и со княгинею Апразиноѣ королевишноѣ,—и подоше' х кйзю и поклони'са и похристосыва'са и подари' и' теми яичками, которыми ево подарили кня' киберскоѣ и воевода
35. черниговскоѣ.

И князь Владимиръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей кйгни: „Что у тебя на яйцу написанѡ?“ И шна

мяса, травеной мешокъ? Или ты в темны^х леса^х не гули-
вала, соловьиная свисту не слыживала?“ А са^м опять по-
ехалъ дорогою

и приехалъ по^х Соловийное гнездо:

5. Свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые шбой-
мовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей
разбойникъ увидель светорускова си^нпова, могучева богатыря
и засвиста^л во весь свой свистъ разбойничей: хотель, чтабъ
10. в великой чести і славе во всей вселенней; и такъ громко
засвиста^л, что подЫльею Муромцомъ конь богаты^рской

спотыкнулся на карачки со все^х четырехъ ногъ.

- Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и наклад-
ываетъ колену стрелу и пустиль на то гнездо Соловьиное
15. и попалъ в правой глазь и в левое крыло і вышебъ левой
гла^з. И Соловей ра^ббойникъ свалился з гнезда, что ш^ссяной
сно^м. Илья Муромецъ беретъ Соловья ра^ббойника и привя-
заль ево крепко к стремени булатному и сталъ скакать во
20. всю пору конскую, и выскакаль: те леса брянския, | те грязи
топучня, | те мости калишвы, | и перескака^л реку Сморо-
дину | и выскочи^л в чистыя поля ¹⁾).

Стоять три терема златоверховатыя.

- Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья разбойника: „Скажи,
Соловей разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ гра^д?“
25. О^тветъ держить Соловей разбойникъ: „Государь, удалой
до^брой молодець, си^нной могучей богатырь Илья Муромецъ!
Это не славной Киевъ гра^д, это мои Соловьиныя палаты, а
живуть в ни^х три мои дочери“. И какъ поровнялся Илья
Муромецъ противъ полать ра^ббойничыхъ, и у те^х полать были

30.

ѡкны настени

растворены, и в техъ ѡкнахъ

сидели дочери Соловья разбойника, смотрели в чистыя поля

¹⁾ Перпендикулярная черта замѣняетъ двѣ точки рукописи, которыми писецъ отмѣтилъ концы отдѣльныхъ стиховъ. Выше и ниже эти стихи написаны раздѣльно (стр. 12, 13 и 20).

з добычею отца своего и думали сами между собою, что „едить нашъ батюшка з добычею“. И увидела меньшая дочь и закричала сестрамъ свои^{мъ}: „Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везе^{тъ} к намъ мужика привязана у стремени

5. булатнова!“ А болшая дочь посмотрела и заплакала горко и закричала громки^{мъ} голосо^{мъ} богатырски^{мъ}: „Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужи^к незнаемой и везетъ нашава батюшка привязана у стремени булатнова“. И закричала мужьямъ свои^{мъ}: „Мужья наши милья! поезжайте къ мужику на встречу и отбейте у него нашава батюшку, гдѣ Соловья разбойника, не кладите на нашъ ро^у такова позору и безчестия“. И мужья и^{хъ}, силныя богатыри, метались на конюшенной дво^у, брали свои^{хъ} добры^{хъ} коней и без седель выехали противъ светоруског^о богатыря Ильи Муромца, и хотя^{тъ} отбить тестя своего: кони по^у пими добрыя, и копы у ни^{хъ} вострыя, и хотя^{тъ} Илью на копы посадить.

- И увидель и^{хъ} Соловей разбойникъ и говорить и^{мъ}: „Зятя мои милья, удалыя добрыя молодцы! не позортесь вы и не дразните такого силнаг^о светоруского богатыря: ежели раздразните, всемъ вамъ принять от него чашу смертную: лутче вамъ слестъ с свои^{хъ} добрыхъ коней и проси^{тъ} доброва молотца для такова торжественного пра^ника выпить по чаре зелена вина“. И вси ево, тестя своего, послушали:

- Слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги удалому доброму молотцу
25. и стали просить ево в до^{мъ} свой: „Уда^{тъ} доброй молодець, сильной могучей богатырь, мѣти у тебя проси^{тъ} в домъ отца нашава для такова торжественного пра^ника выкушать по чаре зелена вина“.

30. Илья Муромецъ, видя и^{хъ} такую поко^рность, и не ведалъ и^{хъ} такой злобы, заварачиваетъ свои^{хъ} добрымъ конемъ, и поеха^{тъ} в до^{мъ} Соловья разбойника.

И увидела болшая дочь, что едитъ Илья Муромецъ в домъ и^{хъ}, и вскочила

35. на верею и по^хватила по^воротню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца что^о пришибить тою по^воротнею на ворота^{хъ}, а отца своего освободить из неволи.

- И какъ Илья Муромецъ в воршты едитъ, и она тое поворотню пустила и не захватила, и шпять тотъ часъ похватила, а она была сильная богатырка. И усмотрель Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и похватываетъ подворотню;
5. оборотясъ удари^а ея шелепуги^и подорожною такъ силно, что о^т тое верей отлетела на двенатцать сажень, а са^м завороти^а свой доброй конь и поеха^а з двора; и говори^т Соловью разбойнику: „Спасиба, Соловей ра^ббойникъ, на твоей перепутной чаре: вина я у тебя не пиваль, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезета свои Соловьиныхъ пожитковъ в славной Киевъ гра^д, и я к вамъ приеду, то все^м вамъ, старому и малому, смерти не минова^т, все умрете злою смертию о^т моего острого меча“. И поехалъ ко славному
- 10.

граду Киеву.

15. И какъ приехалъ в Киевъ гра^д, проезжае^т прямо на княженетской дворъ, и пусти^а своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ¹⁾ и къ ясле^м не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: „Что за мужикъ приеха^а на нашъ дворъ и
20. никому коня не приказываетъ и не привязываетъ?“

Илья Муромецъ пошелъ в црковь соборную.

- Молится онъ Бгу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ ѿдае^т князю Владимиру и кйгине Агрзанине королевичне; и сталъ молитца по писанному.
- 25.

- И увидель князь Владимиръ такова приезжева члвк^а и послалъ спросить: ѿткуда приеха^а и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра—могучия богатыри Алеша Поповичъ да Добрыня Никитичъ. И кинулса Алеша Поповичъ и ста^а спрашивать нещестлив^а, и очень ш^о пересмешливъ былъ: „Какъ тебя зоу^т, и чей ты, и что за мужикъ, и о^ткуда ты приехалъ?“
- 30.

- О^тветъ держи^т Илья Муромецъ: „Алеша Поповичъ, бабья бля^а, пересмешница! пришли полутче себя и повежливея“.
- 35.

¹⁾ После слова: „приказываетъ“ было написано: „и х коновязи“, но потомъ заключено въ прямые скобки.

И Алеша Поповичъ пошелъ прочь о' него со стыдо' и пришелъ х князю Владимиру, ответу никакова не дасть.

И кѣзь Владимиръ спроси': „Алеша, ходи' ли ты спрашивать прие'жева человека, и што о' тебѣ сказалъ? кто 5. шнѣ таковъ?“

О'ветъ держитъ Алеша: „Приеха', гдѣрь, какой-та мужиченка, и я ево спрашива', и о' мне о'вету не да'; толко, гдѣрь, меня пре' народо' обезчестилъ.“

И какъ Владимиръ догадалса, что шнѣ спрашива' нечестию, и посла' другова министра, Добрыню Никитича, и веле' спросить вежливо.

И Добрыня Никитичъ прише' кѣлье Муромцу и сталъ спрашивать вчесливо: „Присла' до васъ кѣзь Владимиръ, приказа' васъ спросить: ш'ткуда ваша мѣть приеха' и ко- 15. торова города уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по штечеству?“

О'тветъ держитъ И'я Муромецъ: „Гдѣрь Добрыня Никитичъ! донеси великому кѣзю Владимиру: зоутъ меня Илюшкою, а по штечеству Ивановъ сѣъ, уроженецъ я го- 20. рода Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочнѣ в славной Киевѣ гра' Бѣу молитца, а кѣзю Владимиру ш'явитца.“

И Добрыня Никитичъ пришелъ и о'яви' кѣзю Владимиру: „Сказываетца И'я Муромецъ сѣъ Ивановичъ, а 25. уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приеха' нарочнѣ во славной Киевѣ градъ Бѣу молитца, а тебѣ, кѣзю Владимиру, о'явитца.“

И кѣзь Владимиръ веры нейметъ, что эта сильной богатырь Илья Муромецъ. И какъ штошла бѣжестве'ная 30. литоргия, пошли все изъ цѣкви вонъ, Илья Муромецъ до'далса кѣзю Владимира, и какъ о' пошелъ изъ цѣкви и со княгинею Апразиной королевишной,—и подоше' х кѣзю и поклони'са и похристосыва'са и подарилъ и' теми яичками, которыми ево подарили кня' киберской и воевода 35. черниговской.

И князь Владимиръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей кѣгни: „Что у тебя на яйцу написанъ?“ И шна

ему о'ветствовала: „Написана на яице мудреная вещь, чему статца не мо^юно“.

И князь Владимиръ отъ обедни всехъ ста^т звать князей и бояръ и силны^х могучихъ богатырей к себѣ в полаты

5. белокаменные, и сталъ князь по^носить все^н по чаре зелена вина, и прише^х поднесъ Илье Муромцу.

И зговорить Ильа Муромецъ: „Гдѣрь кнѣзь Владимиръ! слей мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нече^н и ро^т полоскать.“ И кнѣзь Владиме^р нали^х кубецъ

10. в по^ве^ра и поднесъ Илье Муромцу.

Ильа Муромецъ выпил^х и поклонил^са; и сталъ говорить: „Великій князь! я таперь по мѣти твоей сытъ и пьянь, толко у меня товарищъ не сытъ и не пьянь.“ И князь Владимиръ спросил^х: „А кто твой товарищъ?“ — „А мой товарищъ—доброй конь.“ И услышал^х эта Алеша Поповичъ и выскочилъ ис пола^т белокамен^ны^х и насыпалъ ишеницы доброму коню богаты^рскому и привезалъ и своего коня, и говори^т к себѣ: „Ежели богатырской конь не припусти^т нашихъ лошадей, то премой конь богаты^рской.“ А Ильа Муромца

15. конь втиралса помаленку и втерса и хватилъ коня Алеши Поповича и убилъ до смѣрти. И Добрыня Никитичъ насилу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о то^м, что уби^л богатырской конь коня Алеши Поповича.

20.

И князь Володимеръ еще не уверяе^тца, что о^н—сильной могучей богатырь; сажалъ все^х за столы за дубовыя, за скате^ти за браные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по свои^м места^м, а Илье Муромцу кнѣзь Владимиръ приказа^х выбрать ме^сто, где похочетъ, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чае^т ево, что о^н сильной могучей богатырь: для тово велелъ ему выбирать место ме^ду

25. силны^х богатырей. А Ильа выбра^х ¹⁾ креслы что ни лучши по^ле князя Владимира и ста^т на нихъ садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ е конца и до другога конца инова богатыря ме^ду кресель

30. мертвова и полома^х все решетки железныя.

35.

¹⁾ Послеъ слова: „выбралъ“, въ рукописи написано слово: „мѣсто“, которое потомъ поставлено въ прямья скобки.

И кѣю Владимѣру все это в досаду не кажетца, все эта приемлетъ за великое счастье, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Кieve граде проявляетца.

И еще хочетца кѣю Владимѣру Илью Муромца—изве-

5. дать силу ево; выгляну³ в оконшко и увидель до⁶рова коня богаты⁹ского: естъ пшеницу белоярую; и закричалъ ко⁸нюха⁸ свои⁸: „Налейте сыты ме²вяной и выпустите мои² княжи² лошадей, и какъ богатырской конь не приуститъ мои² лошадей?“ И конюхи налили сыты медвяной коню
10. богатырскому и выпу⁶тили и княжи² лошадей, и богатырской конь втерса ме²ду ими помаленку и хватил коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. И закричалъ кѣю Владимѣръ ко⁸нюха⁸: что⁶ после²ни² коней ево не побилъ богатырской конь, велель тотъ часъ отогнать; а самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали пити, ясти и веселитися; и ста² князь Владимѣръ навеселе² и ста² Илью Муромца спрашивать:

„Скажи, доброй молодець, какъ тебя звать по имени и по штечеству, и которогъ ты города уроженецъ?“

20. И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ отвѣтъ держать: „Меня, гдѣрь, зовутъ Илюшкою, а по штечеству Ивановъ сѣъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова.“

25. „Давно ли ты, Илья Муромецъ, о⁷тудова из Мурома поехалъ?“

„А я, гдѣрь, вчера съ поехалъ побѣдавши“.

И князь Владимѣръ изумелса и ста² еще спрашивать: „Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?“

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

30. „Я ехалъ, гдѣрь, из Мурома на Черниг⁸ гра² и по² Черниговы² градо² побилъ войска босурманского—и сметы нетъ, і очисти² Черниговъ гра²; и князь кеберской и воевода черниговской вчерашняго дня увели меня начевать, и о⁷слуша² я в Черниг⁸ве воскресную заутреню, и подарили
35. меня шни по яичку, которыя я вашей светлости по²несъ. А ежели сему ¹⁾ не изволите веры повясть, то изволите

¹⁾ За словомъ „сему“ по ошибкѣ написано и потомъ заключено въ скобки слово: „шны“.

послать справи́ца чре́ почту. А из Чернигова, гдѣрь, ехаль я дорогою

- на те леса на брянския,
на те грязи топучия,
5. на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину“.

И слыша то, кѣзь Владимѣръ встае́ из места своего с велики́м гнево́м на Илью Муромца и говори́тъ таковы речи:
10. „Не по́лежитъ тебѣ, мужику, меня, такова великова князя, ѿманивать, я тебя за то велю злой смерти предать“.

И рече Илья Муромецъ: „Великѣй кнѣзь Владимѣръ! за что такой гневъ и ѿволи́ш на меня держать, и че́ я васъ оболга́ и какими словами?“

- И говоритъ Владимѣръ князь:
15. „Первое ты меня ѿболгалъ: сказываеши, что вчера съ из Мурома, чему ста́ца невозмо́жно; второе, сказываеши: из Чернигова еха́ на леса на брянския, | на грязи топучия, | на мосты калиновы, | чре́ реку Смородину ¹⁾); а тое дорогу заложилъ сильной богатырь Соловей разбойникъ ровно
20. тритца́ летъ, не пропускаетъ ни пешева, ни конного, и не выбираютца у насъ из славного города Киева противъ ево ни единой сильной могучей богатырь, а ты сказываеши, что тою дорогою еха́“.

И говоритъ Илья Муромецъ таковы речи: „Не изволь, великѣй гдѣрь, на меня гневу держать: все правду сказываю пре́ вашей светлостию; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалного богатыря Соловья разбойника, которой стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова“.

30. И тутъ все богатыри кинулись смотре́, а князь Владимѣръ приказа́ ево позвать к себѣ в полаты белокаменныя.

И выскочилъ и кину́са звать Алеша Поповичъ на крыльцо, и ста́ звать Соловья разбойника неочестливъ: „Соловей разбойникъ! поди в палаты“. А Соловей разбойникъ
35. ответствуетъ: „Алеша Поповичъ, бабья бля́, пересмешница!

¹⁾ Ся. выше стр. 14.

Ты на то надѣсса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать нечестию,—я тебя хвачю гнилы^м крыло^м, что ты у меня на двенадцать сажень в землю уйдешъ. А ты вышли полутче себя и пове^мливей позвать меня“.

5. Алеша Поповичъ пришелъ х князю Владимиру и сказа^х, что „не идетъ и не слушае^т тебя, великого кнзя“.

И кнзь Володимеръ посла^х Дв^мрыню Никитича и велелъ позвать честию; и Добрыня Никитичъ вышелъ и сталъ звать с честию; и Соловей разбойникъ говоритъ таковы речи: „Добрыня Никитичъ! не слуга я вашему кнзю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ильи Муромца“.

Услышалъ то кнзь Владимиръ такія слова и закричалъ в окошкѣ: „Соловей ра^ббойникъ! поди ко мне в палаты“.

15. И Соловей о^твѣтствуетъ: „Кнзь Владимиръ! не твой я слуга и не слушаю тебя: я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели о^н прикаже^т“. И кнзь Владимиръ говоритъ: „Илья Муромецъ! прикажи к на^м войти Соловью разбойнику“.

20. Илья Муромецъ крикну^х в окошко: „Соловей разбойникъ! поди в полаты“. И Соловей разбойникъ вошолъ. И князь Володимеръ говори^т: „Соловей разбойникъ! засвищи свои^м свисто^м разбойнически^м, какъ ты свиستا^х на леса^х на брянски^х“.

И Соловей разбойникъ сказа^х. „Князь Владимиръ! не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣния твоего не творю, а творю я повелѣние Ильи Муромца“.

И князь Владимиръ говори^т: „Илья Муромецъ! прикажи засвистать Соловью ра^ббойнику“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Велики кнзь Владимиръ! ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи ихъ принести“. И какъ принесли шубы соболиныя, то Илья Муромецъ взялъ кнзя Владимира и со княгиней Апражиной королевешной, обернулъ и^х в те шубы и по^ставилъ и^х к себѣ по^с мышки, и велелъ засвиستا^х Соловью разбойнику:

35. что^о онъ засвиستا^х в по^ссвиستا свои^м свистомъ разбойнически^м. А Соловей ра^ббойникъ думалъ, что „Илья Муромецъ пьянь, и я ево вглушу і убью до смерти и буду в Кieve граде вла^ттелино^м“, и засвисталъ во весь свистъ, что ні

есть могуты ево, и такъ крепко, что с теремо^а по самыя окны верхи съвеѣло, а богатырей^а которы^а ѡглушилъ, которыхъ вонъ іе пола^а вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпусти^а князя Владимера со княгиней
5. Апразиной испо^а мышe^а, а Соловья разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такія слова: „Не люблю я, Соловей разбойникъ, таки^а себѣ неверныхъ слугъ — которой мне ра^б невр^но служить“. И убилъ ево ѡ^б каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

10. И кнѣзь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ сильной богатырь. И пошли в другія палаты бѣлокаменные и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увидель кнѣзь в чисто^а поле силу великую: идетъ
15. прямо к городу Киеву. И сталъ кнѣзь Владимеръ тужить: „Кому у насъ и^{ти} съ етаѣй великой силой бѣ^а?“

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрите^аную трупку и сталъ говорить: „Князь Владимеръ! не печалса; по печали, гдѣрь, Бѣгъ даруетъ радость: не сила эта идетъ, не великая ко граду
20. Киеву: эта везу^а Соловьиныя воровскія пожитки по приказу моему к тебѣ, кнѣзю Владимеру“.

И какъ приехали зятя Соловья ра^бойника с пожитками, и въезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княземъ: „Где нашъ батюшка живетъ Соловей разбойникъ?“
25. И сказали и^а слуги княженетскія: „Вонъ вашъ батюшка под окно^а валяетца, и есть ево червь неусыпающій“. Тогда зятя Соловья разбойника ѡ^брезали гужи на лошада^а и уехали из града Киева: думали, что і и^а то^а будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвали^а з Добрыней Никитичемъ братьями и ѡседлали свои^а добры^а коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили в чисто^а поле три мѣа, не нашли себѣ сопротивника; то^акѡ наехали в чистомъ полѣ—идетъ Колечища прохожей:

35. гуня на немъ в пять сотъ пу^а,
 шляпа в тритцать пу^а,
 костыль сорока сажень.

Илья Муромецъ ста^т на него напущать, хоцетъ с нимъ стычку дать, о^тведать силы своей богатырския.

- И увидель колечища прохожей Илью Муромца и говорить таковы речи: „Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниш
5. ли, мы с тобой в одной школе грамоте учились, с одного блюда едали и пивали, из о^тного стакана пивали, а платье напивали с одного плеча? А нѣ ты на меня, на такова ко-
леку, напускаешъ і хоче^т ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешъ, что тебя посажу
10. и проме^т коленей ущемлю и за ето тебѣ хворостиной ж..у высеку, что^б ты такъ впредь не дела^т. А того ты не ве-
даешъ, что во славн^т городе Кieve великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной си^тной богатырь—

Идолица нечестивой:

15. Голова у нево с пивной котель,
В плечахъ касая сажень,
Промежъ бровми доброва мужа пядь,
Промежъ ушми колена стрела,—

- и разсадилъ кнзя со княгинею и целуетъ ея во уста сахар-
20. нья, а естъ онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимеръ вельми о^б тебѣ соболезуетъ, что ты ево въ едакой печали оставилъ“.

И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! что у тебя силы нетъ, или смелости?“

25. И рече прохожей: „Во мне силы много, да смелости нетъ“.

- И говоритъ Илья Муромецъ: „Ой еси ты, колечища прохожей! дай мне свою гуню в пять сотъ пу^т, шляпу в трицать пу^т, костыль сорока сажень: пойду в славной Кieve гра^т. Вотъ тебѣ мой доброй конь богатырской, и вотъ
30. тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!“

- И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ гра^т и пришелъ прямо на княженетской дворъ, і идетъ к полата^т б^тлокам-
ме^тны^т, и закричалъ и возопилъ по богатырскому: „Ой еси ты, Володимеръ князь! сошли мне, колечище прохожему,
35. милостыню!“

И увидель ево Володимеръ князь и говорить таковы

речи: „Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам“.

И вошелъ колечища прохожей в ту палату, где сидитъ князь Владимиръ и Идолица нечестивый со княгиней Апра-
5. зной королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на негѣ поглядываетъ.

И Идолица проситъ есть,—и принесли ему, нечестивому, быка целова жинова, и онъ ево и с костями съелъ.

Илья Муромецъ, стоячи у печки, говорить: „У моево
10. батюшки была такая-та корова обьжерлива: обожралась и идохла“. И на то Идолица ответу ничего не даъ.

И попросилъ Идолица пить,—и принесли ему котель пива двенатцать члвкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево.

Илья Муромецъ говоритъ: „Была у моево батюшки кобыла
15. обьжерлива: обожралась да идохла“.

И Идолица нечестивою не утерпелъ и сталъ говорить: „Шей еси ты, колечища прохожей! што меня замаешь? Мне нечево тебя в руки взять и незаче на тобою рукъ сквернить. Не то што ты, каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ,
20. я бы и с темъ стычку далъ“.

И богатырское срѣце разгорелось, и зговорилъ таковы речи: „Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ“. И схвати с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силно, что прошибъ стену
25. пола белокаменныя и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца.

И великий князь Владимиръ

Илью Муромца великими
похвалами возвеличилъ
и причелъ в сильныя могучия богатыри.

И сей исторіи
конецъ.

II. МИХАЙЛО ПОТОКЪ.

1.

(По рукописи Императорской Публичной Библиотеки, О. XVII. 44).

**Повѣсть о кнѣзе Владимѣре киевско^м и о богатыряхъ киевских^х и о
Михаилѣ Потокѣ Ивановиче, о црѣѣ Нащею Залатой арды.**

- В славномъ граде Киевѣ у великава кнѣзя Владимѣра киевскава Всеславѣвича было пированье великое на мно-
5. гие кнѣзи и бояры и сильныя могучия богатыри. Ка^к будетъ у ни^х пи^ро навѣселѣ, что зговори^т великїи кнѣзь Владимиръ киевскїи: „Шїи еси, кнѣзи и бояры и си^лныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три слу^бы великия: кто бы ехалъ в землю турецкую, взя^т бы дани і выходы;
10. кто бы ехалъ в землю задо^вскую, взя^т бы дани і выходы; кто бы ехалъ в землю алевицкую, взя^л бы дани і выходы за трицца^т лѣтъ и за три годы?“

- Востава^т и^р мѣста славнай богатырь И^ря Муромѣць, а са^м зговори^т таково слово: „Свѣ^т гдѣрь, великїи кнѣзь Влади-
15. ме^р киевскїи и кнѣзи и бояры и си^лныя могучия богатыри! Что ни^хто о^вѣту не дастъ? Бо^шпой за ме^шова, а у ме^ши^т о^вѣту и^бтъ“. Самъ зговори^т слово похваляючи: „Свѣ^т гдѣрь, великїи кнѣзь Владимиръ киевскїи! я поеду въ землю ту^рскую, возму дани і выходы“.
20. Что зъговоритъ Михаила Потокъ Ивановичъ: „Свѣ^т

гдѣрь, великій кїзь Владимиръ киевскїй, я поеду в землю задо^юскую, во^юму дани і выходы“.

Что зговорить Алеша Поповичъ: „Свѣ^т гдѣрь, великій кїзь Владимиръ киевскїй, я поеду в землю алевѣцкую, 5. возму дани і выходы за три^цать лѣтъ и за три годы“.

И тѣ рѣчи великому князю полюбилися: по^носить имъ чары зелена вина, и запиваютъ меды сла^ккими, и с велики^и кїземъ прощаютъца, и называютъца братьями названными, и садятъца на свои до^бры кони, и едутъ из града 10. Киева. И ме^с сабою таково слово мо^вили: „Братъцы милья! хто у на^с наперѣ^х придетъ до Киева, а каво не буде^т опосле, и на^с ехатъ таво еыквива^т“. А сами поехали наро^оно, вся^к своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Ивановичъ поеха^т во^лѣ моря синева. 15. А^но по морю плавае^т лебѣ^а бѣлая. И Михаила вымае^т и^а надучи свой кренкой лукъ и не ко^ччана колену стрелу и хочетъ уби^т лебѣ^а бѣлую. И она ему провѣщи^ца чѣвчески^и голосомъ: „Свѣ^т гдѣрь, Михаила Пото^к Ивано^в! не стрелий меня, лебѣди бѣлыя: я по морю плаваю лебѣ^аю, 20. а пере^х табою ¹⁾ стану кра^нною дѣвицаю“.

И Михаила не успе^т в палу^х положи^т кренка лука і в ко^ччанъ колены стрелы, ажно пере^х ни^а стала кра^нною дѣвицаю. И Миха^лу она полюбилася; и беретъ ея Миха^ла за руки бѣлыя и цалуетъ во уста саха^рныя и сажаетъ на 25. сво^ю до^брой конь. І взя^а дани і выходы, и еде^т ко граду Киеву, а бѣлую лебѣ^а с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитьца на сво^ю богатыреко^в дво^в и идетъ ко кїзю Владимиру, самъ зговорить таково слово: „Свѣ^т гдѣрь, великій кїзь Владиме^р киевскїй! о^т меня тебѣ служба 30. заслужена, приве^с дани і выходы наскорѣ“.

Что зговорить кїзь Владимиръ киевскїй: „Свѣ^т Миха^ло Потокъ Ивано^в! тебѣ у меня ^а службу залата ка^нна не запечатана и кони на сто^ле не заперты“. И Миха^ла бье^т чаломъ о сыру землю. И по^носитъ ему 35. чары зелена вина, и запиваютъ меды сла^ккими. И Михаила зговорить таково слово ²⁾: „Свѣ^т великій кїзь Владиме^р

¹⁾ Слова: „а передъ тобою“, написаны въ рукописи дважды. ²⁾ Въ рукоп. пропущено: „слово“.

киевъскій! ехаль я во³ле моря синева, а²но по морю пла-
ваетъ лебя¹ бѣлая; и я выня³ из налучи сво² крепко² лукъ
и не ко²чана колену стрелу и хотѣлъ убити лебя² бѣлую, и
она миѣ провѣщи²ца члѣвчески² голосомъ: „Свѣтъ Михаила

5. Потокъ Иванови¹! не стреляй¹ меня, лебяди бѣлыя: я по морю
плаваю лебя²ю, а пере² табою стану красною дѣвицаю“. И
я не успелъ в налу³ положить крепка лука и в ко²чанъ
колены стрелы, а²но пере²о мьною стала кра²ною дѣвицаю,
и миѣ она полюбилась, и я приве² ея во Киевъ гра²“.

10. Что зговори² великій кнѣзь Владимѣ² киевскій: „Свѣтъ
Михаила Потокъ Иванови¹! перенусти миѣ тое дѣвицу крас-
ную“.

Что зговори² Миха²ла Потокъ Ивановичъ: „Я ее, гдѣрь,
тое дѣвицу взялъ за са²лею, я самъ с нею свѣнъчаюся“. И
15. крестилъ ея, и ве²чался с нею, і ве²чалъ и вѣ²дко че²ни-
го²скоѣ и далъ ей имя: Бѣлая Лебя² Авдо²я Лиховидовна.
И поча² с нею любезна жити.

И живетъ с нею ¹⁾ два годы; а охотни² былъ Миха²ла
е²дитъ во чисто поля теши²ца по ²ва мѣа и по три, и по
20. пяти. И поеха² во чисто поля Миха²ла теши²ца на два
мѣа. И бе² нево приш² ку²чина Залато² арды с тавары
замо²скими; и прослышала Миха²лова жена про ку²чину,
что приш² с тавары замо²скими, и пошла Миха²лова жена
смо²рить таваровъ заморскихъ. И увидель купчина красату

25. лица ея и поча² ра²прашива² Киевле²: „чьа де то жена, и
ка² завуть ея по имяни?“ И Киявленя ему сказали: „То
де жена богатыря святорускова Миха²лы Потока Ивано-
вича“. И тутъ купчина поча² тавары продава² наскорѣ и
поеха² во свою зе²лю. И какъ будетъ в Залато² арды, и

30. поча² рассказывать царю Кащею: „Свѣтъ гдѣрь, ца² Коще²
Залато² арды! ско²ко де я ни е²живаль по ины² зе²ля² ку²-
чинаю уже трицать лѣ², а тако² прекрасна² не видыва², какъ
есть во гра² Киевѣ у богатыря святорускова у Миха²лы
Потока Ивановича жена Лебя² Бѣлая, А²до²я Лиховидавна—

35. лицо² зело красна“. И тутъ почаль ца² Коще² збирать
во²ска. И со²ралъ войска сорокъ тысячей и пошо² под Киевъ

¹⁾ Въ рукописи фраза: и живетъ с нею, повторяеа.

- гра^а и Киевъ осадилъ накрепко и посылаетъ посла^аника... ¹⁾
.... „Потока Ивановича. И ца^р Коще^а о^т Киева прочь по-
деть“. Ажно едетъ ис поля Миха^ала Пото^а Ивано^ави^а, едетъ
на сво^а богаты^ареко^а дво^а; ветречаетъ ево Бѣлая Лебя^а, А^адотья
5. Лиховида^ана, примае^т ево за бѣлы руки и цалуе^т ево во
уста сахарныя; сама зъговоритъ таково слово: „Свѣтъ гдѣрь
Михайла Пото^а Ивано^ави^а! Пришо^а по^а Киевъ гра^а ца^р Ко-
ще^а Залато^а а^ады и Киевъ накрепко [осадилъ] ²⁾ и проси^т
меня ис Киева, и Киевленя придумали о^тдать меня“. Что
10. зговоритъ Миха^ала Пото^а Ивано^ави^а: „Сабаки, мужики Ки-
евленя! За что сеужаютьца чюжими женами? Изделялися бы
своими женами и доче^ами. А я за свою жену умѣю и самъ
стоять и битыца с погаными во чисте полѣ“. И садитьца
на то^а до^аро^а конь и еде^т во чисто поля и побиваетъ силу Каше-
15. еву; а Каше^а ровна самъ шостъ ушо^а во свою землю. А
Михаила, побивъ силу, приехалъ в Киевъ гра^а на сво^а бо-
гатыреко^а дво^а и ста^а з жено[ю] пи^т и естъ и тѣщи^аца.
- И живе^т з жаною два годы бѣ^аъ с^аду. И поеха^а во чисто
поля теши^аца ро^ана на три месяца. И бѣз нево пришо^а царь
20. Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Киевъ оса-
ди^а накрепко и сылаетъ послалника к великому кѣзю Вла-
димеру: „Ой еси, великій кѣзь Владиме^а киевскій Всесла-
евичъ! о^тдай мнѣ Михаилову жену, и я о^т Киева про^а пои-
ду; а будетъ ты не о^тдашь мнѣ Миха^алову жену Потока Ива-
25. новича Бѣлую Лебя^а, Авдо^аю Лиховидовну, а буде^т ты не
о^тдашь мнѣ ся, и я Киевъ гра^а взяты^а возму, а люде^а твои^а в
Киевѣ всех^а въ Киевѣ выр^алю, а жонъ и детѣй в поло^а
во^аму“.
- Что зговоритъ великій кѣзь Владиме^а киевскій Все-
30. слаевичъ: „О^а еси, Киевленя все, гражания и мужики Киевъ-
леня! дума^ате да не продума^атесъ: о^тдава^а ли Миха^алову
жену Потока Ивановича Бѣлую Лебя^а, А^адотью Лиховидовну,
или нѣтъ“?
- Что зговорятъ гражания и мужики Киевленя: „Свѣтъ гдѣрь,
35. великій кѣзь Владимиръ киевскі^а Всеславевичъ! доселева
в Киевѣ Михайловы жены не бывало, и ца^р Коще^а по^а Ки-

¹⁾ Затѣмъ утрачены два листа. ²⁾ Восстанавливаемъ пропущенное слово изъ находящагося ниже разказа о приступѣ царя Кощей къ Киеву.

евъ не прихажива² и Кіева накрепко не осажива²; тебѣ, гдѣрю, тако² кручины не бывало. Огдади² Миха²лову жену Бѣлую Лебя², и ца² Кощей съ Кіева про² по²де²“. А таво не вѣдають, что Михаила бье²ца съ погаными во чистѣ полѣ

5. уже третѣй де² и побиа² силу Кащееву, и всево Каще² самъ четве²ть ушоль во свою землю, в Залату а²ду.

- А Михаила, побивъ силу, и еде² х Кіеву наскоре; скачетъ чере² стѣну горадавую и станови²ца на свой богаты²рской дво². И ни²то ево не ветречае² и за руки не примае²тъ и во уста не цалуе²тъ. Ветрѣчаютъ ево люди дворовыя, сказываютъ вѣсти недо²рія, что жена ево переставилѣ. И ту² Миха²ла закручини²ся, иде² на сво² богаты²рской дво²-тере² и приходи²тъ в о²хожую горницу, где жила жена ево: а²но лежить ме²тва жена ево, покрыта ка²кою бѣлою. И Миха²ла
10. поча² цалова² ме²твую жену свою, а самъ зговори² таково слово: „По²ню я и са² свое слово, что у меня с тобою мо²-влено и заправано: хто напере² умре², а хто остане²ца, и таму живу в могилу и²ти²“. И веле² гра²ницу дѣла² каме²нвую, чтобы дву² чѣвкомъ си²ма сидѣть и лежма лежа² и стоима
15. стоя²; и заве² на погреба²е кѣзя Владимира и кѣзи и бояры і владыку чернига²скова. И са²шлися на погреба²е кѣзь Владимир² и кѣзи, и бояры, и си²ныя могучія богатыри і владыка чернигавъско². И поча² Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею жи² лажитъся¹). Что зговоря² князи и
20. бояры і вее Кіевлениа: „Нигде-скать таво не слыхоно, не токмо видено, что² живы да лажилися с ме²твыми; а ты, Миха²ла, жи² лажи²ся в могилу для жены своей; наиде² мы в Кіевѣ захошъ княиню, или боярыню, или девку посацкую—такава² тебѣ жена“. Что зговорить Миха²ла Пото²
30. Ивановичъ: „Зна² де всякъ са² себя! Закапывайте, не мѣшкайте!“ Что зговори² кѣзь Владимиръ киевъско² Всеславъевичъ: „Накладыва²те досками дубовыми, насыщайте песками жо²тыми, а на² могилою поставте старожу крешкую: какъ Миха²лу скуचितъца, стане² крича² громко голосомъ, вынуса²те ево на во²ной свѣ², не мѣшка²те“. Похороня ево, все пошли варо²по—по домо² пошли.

¹) Въ ркп.: „лажисься“.

- И Михаила Потокъ Ивановичъ сидѣтъ в могилѣ з женою
мертвою де до вѣчара. И какъ буде въ полуночи, ажно при-
шла ко грабнице змѣя лютая и грабницу каменную проела и
пустѣла во грабницу двукъ змеековъ лютыхъ. И змеята учали
5. Лебѣ Бѣлую сесть за груди. И Михаѣла ухватилъ змѣенъ-
ковъ и поча рвать наъвае. И провѣщица ему змѣя лютая:
„Свѣтъ гдѣрь Михаила Потокъ ¹⁾ Ивановичъ! не рви мои зме-
ековъ малекыхъ: я принесу тебѣ мертвой и живо воды“.
10. И Михаила зговорить таково слово: „Поди, змея лютая,
принеси мнѣ живо воды“. И пошла змея лютая, принесла
ему живо воды. И Михаила почаль рвать змѣековъ на
крохи и покрапляетъ ихъ живою водою, и змеята ожили.
И Михаѣла покъропляетъ мертвую жену свою, и жена ево
буттъ-о сна пробудилася. И Михаѣла засвиста громко го-
лосомъ; и караушники попадали, и тутъ послышали сосѣди
15. ближния и почали могилу ракапываѣ. Ано иде из могилы
Михаило і веде за руку и могилы жену свою. И тутъ со-
шлись к могилѣ люди многия, и все они дивуютъца, что
была мертва жена Михайлова, и Михаила оживи ся. И по-
ча с нею любезна жи лучше старова.
- 20.

- И живе з женою бе съеду равна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣха Михаѣла
во чисто поля тѣщица равна на пѣть месяцевъ. А бе нево
пришо царь Коцеѣй Залатой ады, а с нимъ силы сто ты-
25. сяче, Киевъ градъ осадил накрепко; посылаетъ посланъ-
ника к великому кнзю Владимиру киевскому Всеслаевичю:
„Ой еси, кнзъ Владимиръ киевской! одай мнѣ Михайлову
жену, и я о Киевѣ про поду; а буде ты не одашь ея,
и я Киевъ гра весь выпленю, а людей всехъ в Киевѣ вы-
30. рулю, а жо и детей в поло возму, а тебѣ, царю, живу
очи вытравлю; а будетъ ты одашь мнѣ Михаѣлову жену
Потока Ивановича Лебѣ Бѣлую, Адотью Лиховидовну, и
я о Киевѣ про поиду“. Что зговорить великнй кнзъ Вла-
димеръ киевско Всеслаевичъ: „Ой еси, кнзи и бояры... ¹⁾
35. — — — — —

¹⁾ Въ рукописи описва: „токъ“. ²⁾ Дальнейшій текстъ сохранился только въ
копии Л. Н. Майкова.

....онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорья, какъ хошъ сама с нимъ“. І велель у него побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

- А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утрея пробуждаецца: ажно пѣтъ у него ружия богатырскова, ни палки железныя,—одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнова. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядью. Что зговоритъ Михаилу Потокъ Ивановичъ: „За что де побивать войска бѣзвинное!“ И поехалъ прямо к бѣлу шатру.
15. И увидела его Лебядь Бѣлая, вѣстречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: „Свѣтъ Михаилу Потокъ Ивановичъ, богатырь земли святоруския! Не хочю я жить у невѣрнова царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Киевъ градъ по прежнему“. И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаилу задумался: „А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочеть со мною жить по старому!“ И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: „Встань, государь, царь Кощей Залатой арды! Пришоль недругъ твой Михаилу Потокъ Ивановичъ, предай ему смерти скорья, а будетъ ты не предашь ему злую смерть, и онъ тебѣ самому предасть злую смерть во чистѣ полѣ“. Что зговоритъ царь Кощей: „Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ
30. Михаилу предать смерти скорья? Онъ меня двожди наехалъ во чистѣ полѣ в бѣлѣ шатрѣ соннова“...

2.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 399).

Сказание ѿрехъ богатыряхъ: о Илье ¹⁾ Муромце и о Михаїле Потокѣ Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о походе ихъ.

- Бысть во граде Кіеве у великаго кїзя Владимира киевскаго Всеѣславича ширь веліи на князи и бояра, на си^нны
5. могучи богатыри. Будеть у нихъ ширь навесело, князь Владимиръ зговоритъ таково ²⁾ слово: „Шї еси князи, и бояря и си^нные могучіе богатыри! кому у меня три сл^убы сл^ужи^т великіе? Кто бы ехаль в землю ту^рскую, взя^т бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в
10. землю в задонскую, взя^т бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в землю алеви^цкую, взя^т бы дани и выходу за три^цать и за три года?“ И тутъ все призадумались; никто ему о^твету не дастъ: бо^шіиа хороня^тца за меншія, а меншія за бо^шіиа, а у меншихъ
15. и давно о^твету нетъ. Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ гдѣрь князь Владимиръ киевскої! азъ еду в землю ту^рскую, во^му дани и выходу за три^цать и за три годы“. Михаїло Потокъ Ивановичъ зговоритъ таково слово: „Я еду в землю задонскую, во^му дани и выходы за три^цать
20. и за три годы“. Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алеви^цкую, во^му дани и выходы за три^цать и за три годы“. И те речи великому князю полюбилї: по^носитъ имъ чару зелена вина, і запиваютъ меды сла^ткими и с великимъ княземъ прощаются. И межъ себя
25. называютъ бра^тцами на^ваными, и садя^тца на свои добры конь, и поехали и^т Кіева. Какъ будетъ о^т Кіева за пять веретъ, таково слово мо^ввили: „Бра^тцы милья! хто и^т насъ передъ приедетъ до Кіева, а ково не будетъ, и по^ле ехать тово сыскивать“. И, прѣтясь, поехали ро^но—всякъ своимъ
30. путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на

¹⁾ Въ рукописи: „Иле“. ²⁾ Въ рукописи: „каково“.

- мѣты калиновые; Алеша поехалъ догояетивроворѣ¹⁾; Михайло поехалъ дорогою святорѣскою, поле моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михайло вынимаетъ и²⁾ налѣчия свой крѣпкой лукъ³⁾, ис качана вынимаетъ каленѣ стрелѣ, и хочетъ бить лебѣ⁴⁾ бѣлѣю. И она емѣ провеща члѣвческимъ голосомъ: „Михайло Пото⁵⁾ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдь бѣлѣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре⁶⁾ тобою станѣ д⁷⁾цеи кра⁸⁾ной“. И Михайло не успелъ в налѣчи положить крѣпка лѣка и в⁹⁾ качанѣ калены стрелы, ажно пре¹⁰⁾ нимъ стала дѣвица, лицемъ сѣло кра¹¹⁾на. И Михайлѣ она полюбилася: беретъ за рѣки бѣлыя, и целѣетъ во уста сахарные, и сажаетъ на свои доброй конь; и взялъ дани и выходы за трытьцать и за три годы¹²⁾. И князь Владимиръ емѣ о¹³⁾вѣ¹⁴⁾ держить:
15. „Тѣбѣ у меня, Михайло, золота ка¹⁵⁾на не запечатана, и кони на стоилѣ не заперты“. И по¹⁶⁾носить емѣ чарѣ зелена вина, и запиваютъ меды сла¹⁷⁾кими. И Михайло зговорить таково слово: „Светъ гдѣрь, кнѣзь Владимиръ киевскоѣ! ехалъ (я) во¹⁸⁾ле моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдь бѣлая, и я вынелъ, гдѣрь, из¹⁹⁾ налѣчи свой крѣпкой лѣкѣ и качанѣ калены стрелы²⁰⁾, и хотелъ убить лѣбѣдь бѣлѣю, и она емѣ провещилѣ: „Михайло, де, Потокѣ Ивановичь! не стреляи меня, лѣбѣдь бѣлѣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре²¹⁾ тобою станѣ дѣцей кра²²⁾ной“. И я, гдѣрь, не успелъ в налѣчи положити крѣпкой лукѣ и в²³⁾ калчанѣ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣца, лицемъ сѣло кра²⁴⁾на, и мнѣ она полюбилася, и я привезѣ на свой бога-

¹⁾ Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что копировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою“; слогъ *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Ставро-

вой²⁾. ²⁾ Въ рукописи слово: „лукѣ“, пропущено. ³⁾ Въ рукописи пропущено „в“.

⁴⁾ Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ: переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ? Въ вышепечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ с нею во Киевъ градъ. Становитца на свой богатырской дворѣ, идетъ ко князю Владимиру, бьетъ челомъ — повлапается, самъ зговорить таковы слова: „Святѣ государь, князь Владимиръ киевскѣ! привезѣ я дани и выходы за трытьцать лѣтъ и за три годы“ (стр. 41). ⁵⁾ Въ рукописи: „и“: пропущено надстрочное „з“.

⁶⁾ Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ качана калены стрелы“? ⁷⁾ Въ рукописи: „с“.

2.

(По рукописи Н. С. Тихонова, № 399).

**Сказание ѿрехъ богатыряхъ: о Илье ¹⁾ Муромце и о Михаїле Поточе
Ивановиче и Олеше Поповиче киевскихъ, и о походе ихъ.**

- Бысть во граде Кіеве у великаго кїзя Владимира киевскаго Всеѣславича пиръ велии на князи и бояра, на си^нны
5. могучи богатыри. Будеть у нихъ пиръ навесело, князь Владимиръ зговоритъ таково ²⁾ слово: „Ѡй еси князи, и бояря и си^нные могучие богатыри! кому у меня три слу^бы служи^т великие? Кто бы ехаль в землю ту^рскую, взя^а бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в
10. землю в задонскую, взяль бы дани и выходу за три^цать и за три года? Кто бы ехаль в землю алеви^цкую, взяль бы дани и выходу за три^цать и за три года?“ И тутъ все призадумались; никто ему о^вету не дасть: бо^шняя хороня^ца за меншия, а меншия за бо^шняя, а у меншихъ
15. и давно о^вету нетъ. Илья Муромецъ зговоритъ таково слово: „Свѣтъ гдѣрь князь Владимиръ киевской! азъ еду в землю ту^рскую, во^му дани и выходу за три^цать и за три годы“. Михаїло Потокъ Ивановичъ зговоритъ таково слово: „Я еду в землю задонскую, во^му дани и выходы за три^цать и за три годы“. Алеша Поповъ говоритъ таково слово: „Я еду в землю алеви^цкую, во^му дани и выходы за три^цать и за три годы“. И те речи великому князю полюбилъ: по^носитъ имъ чару зелена вина, і запиваютъ меды сла^ккими и с великимъ княземъ прощаются. И межъ себя
25. называютъ бра^цами на^вваными, и сады^ца на свои добры конь, и поехали и^н Кіева. Какъ будетъ о^т Кіева за пять веретъ, таково слово мо^вили: „Бра^цы милья! хто и^а насъ передъ приедеть до Кіева, а ково не будетъ, и по^ле ехать тово сыскивать“. И, прѣтясь, поехали ро^но—всякъ своимъ
30. путемъ: Илья Муромецъ поехалъ на реку Смородину, на

¹⁾ Въ рукописи: „Иле“. ²⁾ Въ рукописи: „каково“.

- мѣты калиновые; Алеша поехалъ догояетивроворѣ¹⁾; Михаилъ поехалъ дорогою святорѣскою, по^{ле} моря синево. Ажно по морю плаваетъ лѣбедь бѣлая, и Михаилъ вынимаетъ и^з налѣчя свой крѣпкой лукъ²⁾, ис ка^чана вынимаетъ каленѣ стрелѣ, и хочетъ бить лѣбѣ^з бѣлѣю. И она емѣ провѣща члѣвческимъ голосомъ: „Михаило Пото^к Ивановичъ! не стреляи меня, лѣбѣдъ бѣлѣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре^з тобою станѣ д^вцеи кра^нной“. И Михаилъ не успѣлъ в налѣчи положить крѣпка лѣка и в^з)
5. ка^чанѣ калены стрелы, ажно пре^з нимѣ стала дѣвица, лицомъ зѣло кра^нна. И Михаилѣ она полюбилася: беретъ за рѣки бѣлыя, и целѣетъ во уста сахарныя, и сажаетъ на свои доброй конь; и взялъ дани и выходы за тридцать и за три годы⁴⁾. И князь Владимирѣ емѣ о^твѣ^т держитъ:
10. „Тѣбѣ у меня, Михаилъ, золота ка^чана не запечатана, и кони на стоилѣ не заперты“. И по^носитъ емѣ чарѣ зелена вина, и запиваютъ меды сла^дкими. И Михаилъ зговоритъ таково слово: „Светъ гдѣрь, кнѣзь Владимирѣ киевскоѣ! ехалъ (я) во^{ле} моря синево, ажно по морю плаваетъ лѣбѣдъ бѣлая,
15. и я вынелъ, гдѣрь, из^з) налѣчи свой крѣпкой лѣкъ и ка^чанѣ калены стрелы⁵⁾, и хотелъ убить лѣбѣдъ бѣлѣю, и она емѣ провѣщилѣ: „Михаило, де, Потокъ Ивановичъ! не стреляи меня, лѣбѣдъ бѣлѣю: я, де, по морю плаваю лѣбѣдью, а пре^з тобою станѣ дѣвцеѣ кра^нной“. И я, гдѣрь, не
20. успѣлъ в налѣчи положити крѣпкой лукъ и в^з) калчанѣ калены стрелы, ажно предо мною стала дѣвца, лицомъ зѣло кра^нна, и мнѣ она полюбилася, и я привезъ на свой бога-

¹⁾ Въ рукописи одно слово; очевидно, писецъ не понималъ того, что копировалъ. Кажется, слѣдуетъ читать: „дорогою стивровою“; слово *ро* въ оригиналѣ, очевидно, былъ надъ строкою. Въ текстѣ, ниже напечатанномъ: „дорогою Ставро-вой“. ²⁾ Въ рукописи слово: „лукъ“, пропущено. ³⁾ Въ рукописи пропущено „и“. ⁴⁾ Затѣмъ въ рукописи пропущено нѣсколько строкъ; переписывая съ готовой рукописи, писецъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ; или этихъ строкъ не было въ его оригиналѣ? Въ нижепечатанномъ текстѣ пропущенное мѣсто читается такъ: „и поехалъ съ нею во Киевъ градъ. Ставоитца на свой богатырской дворѣ, идетъ къ князю Владимиру, бьетъ челомъ — повлаивается, самъ зговоритъ таковыя слова: „Святѣ государь, князь Владимирѣ киевски! привезъ я дани и выходы за *тридцать лѣтъ и за три годы*“ (стр. 41). ⁵⁾ Въ рукописи: „и“; пропущено надстрочное „з“. ⁶⁾ Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли: „изъ ка^чана калены стрелы“? ⁷⁾ Въ рукописи: „с“.

- тырской дворъ“. И кнѣзь Владимиръ взговоритъ таково слово: „Михайло Потокъ Ивановичь! препѣсти ¹⁾ мнѣ тѣ дѣкѣ краѣнѣю“. И Михайло оувѣтъ дежи: „Я, де, гдѣрь, самъ с тою дѣкою вѣнча'ся, крѣтился и даль ей имя Бѣлая Лебѣдь, Авдо'я Лиховидовна“. И ве'чалъ ихъ влѣка че'рниговской. И почаль Михайло с нею любезно жить; и живеть с нею равно три годы, а товарищи ево еще в Киевѣ не приехали. И поехалъ Михайло во чисто поле теши'ца на два мѣца. А бе' нево приехалъ по' Киевѣ градъ
10. кѣпчина Золотои о'рды с товары заморскими; увидель кѣпчина красотѣ лица ея и почаль ро'прашивать: „Чья ето жена и какъ ее зовѣтъ по имени?“ И Киевляня емѣ ро'казали: „Та, де, у нѣ жена богатырская, святорѣсково славново Михайла Потока Ивановича, а зовѣтъ ее Лебѣдь Бѣлая, Овдо'я
15. Лиховидовна“. И тѣтъ кѣпчина почаль товары продавать нѣкоро, и деть во свою землю. И какъ бѣдетъ в Золотои о'рдѣ у црѣ Кощея неверново, самъ зговоритъ таково слово: „Светъ гдѣрь, црѣ Кощей Золотои о'рды! Ско'ко я не е'диваль по инымъ землямъ кѣпчиною, а такой пре-
20. краѣной не видалъ, какъ есть во граде Кieve у богатыря свѣторѣсково славново Михайла Потока Ивановича жена, Бѣлая Лебѣдь, лицемъ село краѣна“. И тѣтъ црѣ Кощей силы собра' хм. и пошелъ по' Киевѣ градъ и бѣсадилъ ево накрепко. Посылаеть пѣланики к великомѣ кнѣзю Влади-
25. мерѣ: „Ой еси кнѣзь Владимиръ киевской! о'дай мнѣ женѣ Михайловѣ. Не о'дашь мнѣ ея, и я Киевѣ градъ взя'емъ во'мѣ, а людей и детей в поло' во'мѣ“. И кнѣзь Владимиръ зговоритъ таково слово: „Ой еси мой кнѣзь, и бояря, и Киевляня! дѣмаите да не продѣмаите: о'дава' ли
30. женѣ Михайловѣ, или нетъ? А топере у насъ в Кieve си'ныхъ богатырей не лѣчилося, некомѣ выехати противо мѣжиковѣ Кощевыхъ; а Михайло приедеть сердить добре, станеть побивати мѣжиковѣ в Кieve“. Кнѣзи, и боляры, и всѣ Киевляня емѣ зговорили таково слово: „Свѣтъ гдѣрь,
35. кнѣзь Владимиръ киевской! доселева не бывало в Кieve жены Михайловы, и црѣ Кощей по' Киевѣ не прихажи-

¹⁾ Ниже: „переступи“.

- валь, и Кіева накрепко не ѡсаживаль, и тебѣ, гдѣрь, такой ¹⁾ крѣчнны не бывало: одадимъ женѣ Михайловѣ, и царь Кощеи о Кіева прочь поидеть, и Михайлу дадимъ выбирать во всемъ городе Кіеве: гдѣ захочеть, тѣтъ и
5. возметь, хоть княиню, или боярыню, или дѣвкѣ посацкѣю— таковаже емѣ жена“. Ажно провенигѣся богатырское ²⁾ Михаила Потока Ивановича: едѣтъ не чиста поля на свои богатырской дворъ. Встречаетъ ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговорить таково слово: „Свѣтъ гдѣрь, Михайло Потокъ Ивановичь! бе тебѣ по насъ, по Кіевъ градъ, пришелъ цѣрь Кощей Золотой ѡрды, а силы с нимъ ³⁾ и Кіевъ ѡсадилъ накрепко, а прошаетъ меня не Кіева, и Кіевляня придмали одати меня цѣрю Кощею неведемомѣ“. И Михайло зговорить таково слово: „Мѣжикі Кіевляня! сеѣжа са бы
10. всякъ своимі женами и дочерми, а я за свою женѣ умею самъ по тоять“. И садитца на свой доброй конь, и поехалъ не Кіева, и побилъ силѣ Кощеевѣ, и всего Кощей самъ четверть ушелъ во свою землю. А Михайло побилъ силѣ; с своею ⁴⁾ женою і ⁴⁾ тешигца, и живетъ с нею равно три года; а товарици ево в Кіевъ не приехали. И поехалъ Михайло во чѣто поле тешигца равно на три мѣа, а бе нево пришелъ по Кіевъ градъ цѣрь Кощей, а силы с нимъ ³⁾ і Кіевъ ѡсадилъ накрепко. И посылаетъ пѣланики к великомѣ кизю Владимирѣ: „Ѳй еси кѣзь Владимиръ кіевской! одай мѣ женѣ Михайловѣ, и я прочь поидѣ о Кіева; а бѣде ты не одашь мѣ, и я Кіевъ взяемъ во мѣ, а людѣй твоихъ всехъ вырѣблю, а женѣ и детей в полонѣ во мѣ и самомѣ тебѣ, великомѣ кѣзю, не спѣцѣ“. И кня Владимиръ зговорить таково слово: „Ѳй
20. еси кѣзи, и бояря, и Кіевляне! дѣмайте накрепко да не продѣмайте: одавать ли женѣ Михайловѣ, или нетѣ? А топе у насъ в Кіеве синыхъ богатырей не дѣчилося, некомѣ выехать противѣ силы Кощеевы; а Михайло приедеть сердить добре, станеть побивать мѣжиковъ в Кіеве“. Кѣзи, и бояря, и
25. все Кіевляня емѣ зговорять таково слово: „Свѣтъ гдѣрь, кѣзь Владимиръ кіевской! доселева не бывало жены Ми-
30. 35.

¹⁾ Въ рук.: „такое“. ²⁾ Пропущено слово: „сердце“. ³⁾ Въ рук.: „своею“. ⁴⁾ Слово: „і“ приписано послѣ; оно должно стоять передъ словами: „с своею“.

- хаиловы, и црѣ Кощен по^а Киевъ не прихаживаль, и тѣбѣ, гдѣрь, такой крѣчины не бывало: о^ддадимъ женѣ Михайловѣ, и црѣ Кощей о^а Кіева прочь поидеть, а Михайлѣ дадимъ выбирать во всемъ граде Кіеве: где захочеть, тѣтъ и во^а меть—хоть княиню, или боярыню, или девкѣ посацкѣю“. А ужъ Михайло с Кошеемъ бьетъса три дѣи, а жена ево перѣставилася. И побилъ силѣ, и Михайло едетъ на свой богатырекой дворъ; и вѣстречають ево люди дворовые, и сказываютъ, что Бѣлая Лѣбедь перѣставилася. И втепоры Михайло закрѣчинивъса, что никто ево не вѣстречаетъ, и зарѣки не принимаетъ. И приходитъ Михайло во о^ахожѣю го^аницѣ, где лежитъ жена ево мѣтвая, покрыта камкою белою; и Михайло зговорить таково слово: „Прѣти, де, Лѣбедь Бѣлая! Помню, де, я и самъ свое слово, что у насъ
5. с тобою мо^авлено: кто и^а насъ напередъ умреть, — и хто остане^аса, и томѣ в могилѣ итъти“. И велель могилѣ рыть и гробницѣ делать камѣнѣю, что^а можно двѣмъ члѣвомъ сидеть, і стоять, и лежать. И на погребение звалъ кнѣзя Владимера, и вл^акѣ черниговскаго, и весь Киевъ градъ.
10. Сошлись все на погребеніе. И поча^а Михайло в ограде клѣть женѣ свою в могилѣ, и самъ с нею ложи^аца. І что зговорять таково слово всемъ городомъ Кіевымъ: „Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилися живые с мертвыми; а ты, Михайло, живъ в могилѣ идешъ ради жены своей:
15. или у насъ в Кіеве людей не стало? Захочешъ, во^амешъ княиню, или боярыню, или девкѣ посацкѣю—такова^а тѣбе жена“. И Михайло о^аветъ де^ажить: „Знаи, де, всякъ самъ себя“. І самъ зговорить таково слово: „Закошывайте да не мешкаите“. І князь Владимиръ зговорить таково слово:
20. „Укладывайте дѣками дѣбовыми и засыпайте пѣками желтыми; а на^а могилою пѣтавте стороженіе крепкихъ: какъ Михайлѣ скѣчи^аца и станетъ громкимъ голосомъ кричать, выпѣщайте ево на во^аной светъ, не мешкаите“. И, похороня ево, все по домамъ пошли. И сиди^а Михайло с женою
25. с мѣтвою до вечера. И какъ бѣдетъ о полѣночи, ажно пришла змея лютая, и гробницѣ проела и пѣти двѣ змеѣ^аковъ детей своихъ, и змея пожалила Лѣбе^а Бѣлѣю за грѣди. И Михайло ухвати^а ихъ і почаль рвать на двое. И про-
- 30.
- 35.

- вещеться ему змея лютая члвчѣкимъ голосомъ: „Михаило Потокъ Ивановичь! не рви моихъ змеенковъ мали^нкихъ, и я принесѣ тебѣ живои воды“. И Михайло о^вѣтъ де^ржить: „Поди, змия, принеси ми^ѣ живои воды, тогда о^пи^щи^ть детей твоихъ“. І пошла змея, и принѣла живои воды. И Михайло почаль зме^нковъ рвать на двое, и окропляетъ живою водою, и змеята оживилася ¹⁾. И окропляетъ Михайло ме^ртвѣю женѣ свою, и жена ево ожила, бѣ^то о^т ена пробѣдилася. И тѣ^мь Михайло завони^т и зѣвиста^т громкимъ
5. голосомъ, и почали ево рѣкапывати. Идетъ и^нь могилы Михайло, ведетъ за рѣкѣ^н женѣ свою, и тѣ^мь все подивилися, что жена ево была ме^ртва Михайлова, а Михайло оживилъ ея. И поча^т с нею любе^нно жи^т, и живетъ с нею равно три годы, а таварищи ево в^ь Киевѣ не бывали. И поехалъ
10. Михайло во чисто поле тешитися равно на пять мѣсѣвъ. А бе^ѣ нево пришелъ по^к Киевѣ градъ црѣ Кощеи Золотои ѡ^бды, а силы съ нимъ зрѣ, и Киевѣ осадилъ накрепко. И по^слалъ по^сланики к великомѣ кнзю Владимирѣ: „Владимеръ киевской! о^тдай ми^ѣ женѣ Михайловѣ, и я прочь поидѣ
15. от Кнева; а бѣ^де не о^тдашь мне ея, и я Киевѣ градъ взя^темъ во^мѣ, а людей твоихъ в Киевѣ всехъ вырѣблю, а женѣ и детей в полонѣ во^мѣ, и самомѣ тѣбе, великомѣ кнзю не спѣшѣ“. И князь Владимиръ зговорить таково слово: „Ѣи еси кнзи, и бояря, і все Киевляня! дѣ^майте
20. накрепко, да не продумаите: о^тдава^т ли женѣ Михайловѣ?“. І оне придѣ^мали все^н городомъ о^тдать Лѣбедь Бѣлѣю црю Кощею неверномѣ. І оне берѣ^ть Бѣлѣю Лѣбедь за рѣ^ки і о^тдаютъ црю Кощею неверномѣ, и црѣ Кощеи о^т Кнева прочь пошелъ. Ажно едетъ не поля Михайло Потокъ Ива-
25. новичь, вѣстречають ево люди дворовые, а сказываютъ, что о^тдали Киевляня црю Кощею неве^нномѣ Лѣбедь Бѣлѣю, Авдо^ю Лиховидови^ѣ. И тѣ^мь Михайло закрѣ^чини^тся: не слазя з добра коня, и е^дить по Киеву, и кричить гром^к-кимъ голосомъ: „Собаки вы мѣ^жики бе^верныя! за что о^тдали
30. крещенѣю женѣ мою црю Кощею неверномѣ? Управляюся с вами и по^де“. А мѣ^жики не Кнева ро^бежалиса. А црѣ

¹⁾ Такъ въ рукописи вм.: „ожилился“.

- Кошей ушелъ о¹ Кіева ро¹но ходѣ на три¹цать дней, а Михайло догна¹ ево въ три часы—ажно црѣ Кошей на станѣ стоять зъ Белою Лѣбею, апочивъ де¹жить. І Михайло едетъ прямо ко белѣ шатрѣ. И тѣтъ увидела ево Лѣ-
5. бедь Бѣлая: вѣстречаетъ ево и¹ бѣла ша¹ра, а сама говоритъ таково слово: „Светъ Михайло Потокъ Ивановичь! рада я тѣбѣ увидела, не хочю жить у црѣ Кошея Золотой С¹рды, хочю жить в Кіеве у богатыря светорѣсково—во¹ми меня к себѣ попр¹немъ“. І по¹носить Михайлѣ питія пияново на¹коре. Ми-
10. хаило иешиваетъ, з дороги ложи¹ся спать во бѣле ша¹ре. И меч¹ца Лебедь Бѣлая наскоре, и бѣдитъ црѣ Кошея неверново: „Вѣтань, гдѣрь црѣ Кошей! Вотъ пришелъ недрѣгъ твои Михайло Потокъ Ивановичь, предай емѣ смерти скорыя, такъ онъ за тобою не ганяе¹ца“. И црѣ Кошей о¹ветъ де¹жить: „Мне
15. Михайло не какой недрѣгъ: мѣня наеха¹ во чѣте поле, в бѣле ша¹ре, все не преда¹ мене смерти скорыя; какъ хощешъ сама с нимъ“. И Лебедь Бѣлая велела обратъ у него ору¹жие богатырское і почала о¹нима¹ палицѣ желе¹нью, и завязываетъ очи я¹чныя, и ударила ево вничь рѣкою:
20. „Лежи ты, Михайло, во чѣте поле бѣлымъ камене“. І Михайло окаменелъ; а сами поехали во о¹ду свою. Ажно приехали в Кіевъ Михайловы товарищи, привезли дани и выходы, и почали рѣпрашивати про Михайла Потока Ивановича... ¹), какъ привесъ Лѣбедь Бѣлѣю, и какъ крѣтился,
25. и какъ црѣ Кошей приходи¹, и о¹дали црѣ Кошею, и какъ Михайло погоню погна¹. И товарищи поехали Михайла сѣкивати. И какъ бѣдѣтъ у тово камени, ажно стои¹ у камени калика прохожая. И богатыри зговора¹ таково слово: „Скажи ты намъ, калика, про ца¹ство Кошеево і
30. про Михайла Потока Ивановича“. И калика имъ о¹вѣтъ де¹жить: „Хто, де, подыметъ сеѣ камень и броситъ черѣ себя, то, де, я скажѣ про Михайла Потока Ивановича“. Илья Мѣрамецъ по¹нялъ камень въ грѣди, а Олеша всево по¹ня в поясъ, а калика по¹нялъ и броси¹ черѣ себя и
35. рашшибѣ на че¹веро. А не тово камени выскочилъ Михайло Потокъ Ивановичь: „До¹го, де, бра¹цы, я сѣлю во

¹) Затѣмъ пропущено нѣсколько словъ. Въ нижепечатанномъ текстѣ: «а Кіевляни начали имъ рассказывать...» (стр. 46).

- чисте поле“.— „А спать было тебѣ, братецъ, да не проспаться, да ро^буди² тѣбя Михаило, архангелъ и воевода небесныхъ силъ“. И поча² имъ рассказывать все противъ тово, какъ сказывали имъ Киевляня, и какъ ево Лѣбе²
5. Бѣлая оборотила каменемъ. Илья Мѣромець зговорить таково слово: „Поедемъ, де, мы, бра^тцы, въ цѣр^тво Кощеево и убьемъ Лѣбедь Бѣлѣю, а цѣрю Кощею живомъ² очи вырежемъ“. И поехали во цѣр^тво Кощеево, и побили силы х^р, а цѣрю Кощею живомъ² очи выняли, а Лебе² Бѣлѣю
10. привязали х конямъ неученымъ и пѣтили во чисто поле, и тамъ смерть учинилася. А ка^н Кощеев² всю взяли в Киевъ гра² і ра²делили проме² себя. А дочь цѣря Кощея неверново, девку Ра^к Кощеев², взя² Михаило Потокъ Ивановичъ ѣ собою въ Киевъ гра², и крѣтилъ ея, и за
15. себя женою взя². И приеха² во Киевъ градъ, и побилъ силы мѣжиковъ пять тысящъ, и сами в Кieve померли. Бгѣ² нашемъ слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь. Ихъ идетъ слава до века.

3.

(По рукописи Н. С. Тихонравова, № 361).

- Сказание ѿ сильныхъ могъчихъ богатырѣ¹) киевскихъ: ѿ Илье**
20. **Му^ромце и ѿ Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче.**

- Во славномъ граде Кieve у князя Владимира киевскаго Всеславъевича бы² пиръ великъ на многия на князи, и на бояры, и на си²ныя могъчия богатыри. Какъ буде² у ни² пиръ навеселе, князь Владимиръ зговорилъ таковы
25. слова: „Ой еси вы²) мои князи, и бояры, и сильныя могъчия богатыри и все Киевляне града Кieve! есть ли у меня комъ слъзжитъ три службы великие? Кто бы ехаль в землю тѣрекую, взя² бы дани и выходы за трицать летъ и за три годы? Кто бы ехаль в землю задонскую, взя² бы дани
30. и выходы за трицетъ летъ и за три годы? Кто бы ехаль

¹) Въ рукописи: „богатыре“: пропущено надстрочное х. ²) Въ рукописи: „ѿи²сивы“: механически скопированы непонятныя писцу слова.

- в землю алевицкю, взя¹ бы дани и выходы за трицеть-
летъ (и три годы)¹⁾“ И тутъ все позадумалъ; никто ве-
ликому князю о²ветѣ не дастъ: бо³шня за менши²), а
о⁷ менши² давно ѿвету нету. Илия Мъронецъ зговори⁴
5. таковы слова: „Свѣтъ гѣдрь, князь Владимиръ кие⁵ски! я по-
еду в землю ту⁶скю, во³му дани и выходы за трицеть
летъ и за три годы“. Михайло Потокъ зговори⁴ таковы
слова: „А я, де, гѣдрь, поеду в землю задонскую, возму
дани и выходы за трицеть летъ і за три годы“. А Олеша
10. Поповичъ зговори⁴ таковы слова: „А я де, гѣдрь, поеду
в землю алевицкую, возмѣ дани и выходы за трице⁷ летъ
и за три годы“. І те речи великомѣ князю полюбилися:
подносить имъ чары зелена вина, і запиваютъ меды сла⁷-
кими и с велики⁸ княземъ прощаются. І межъ себя на-
зываются бра⁷еми названными, и садятся на свое добры
кони, и поехали ис Кіева. І какъ бѣдѣтъ в⁷ Кіева за
пять верстѣ, ме⁸ себя таково словѣ мо⁷вили: „Бра⁷цы“,
де, „милые! хто и³ насѣ приедетъ до Кіева а ково не бѣ-
детъ³) ѿпосле, і на⁸ ехать тово сыскивать“. И, прост-
ятѣ⁴), все поехали *нарозно, всякъ свои⁸ пѣтемъ: Илия
20. Мъронецъ поеха⁴ на рекѣ Смородинѣ, на мосты калино-
вые; а та уже дорога залегала равно три⁷цеть летъ в⁷ Соло⁷я
ра⁷боиника Мировича. А Олеша Поповичъ поеха⁴ доро-
гою святого⁷скою⁵). А Михайло поеха⁴ дорогою свавровою
возле моря синева. Ажно по морѣ плавае⁷ лебѣть бѣлая, и
25. Михайло вымае⁷ изъ налучи своеи крепкой лѣкъ, ис ка⁷чана
каленѣ стрелѣ и хоцетъ убить лебѣть бѣлѣю. І ѿна емѣ про-
гласила члѣвскимъ голосомъ: „Михайло“, де, „Потокъ Ивано-
вичъ! не стреляи, де, меня, лебѣди бѣлѣя; я де по морѣ пла-
ваю лебѣдью, а пере⁷ тобою станѣ дѣвицею красною“. І Ми-
30. хайло не успе⁷ въ налучь положить и⁶) крепкой лукъ, въ
ко⁷чанѣ — калены стрелы, ажно пре⁷ нимъ стала девица ли-
це⁸ зѣло красна. И Михайле ѿна полюбилася: бѣре⁷ ея за
рѣки бѣлѣя, и целѣе⁷ в уста саха⁷ные, и сажае⁷ ея на свои

¹) Поставленное въ скобки пропущено въ рукописи; внесено изъ предыдущаго сказанія. ²) После того въ рукописи пропущено: „хоронятся“. Ср. предыдущее сказаніе (стр. 32). ³) Въ рукописи: „каково будетъ“. ⁴) Эти два слова написаны два раза; буква с вторая написана и подъ титломъ, и съ конечнымъ ѣ. ⁵) Въ рук.: „свавторою“. Слѣдуетъ: „свавторою“? ⁶) Слово лишнее.

- доброї конь, и взя ¹⁾ дани и выходы, и поехалъ с нею во Кие^в градъ. Стонови^ца на свои богатырьской дворъ, идетъ ко князю Владимиру, бьетъ челомъ, покланяе^тся, самъ зговоритъ таковы слова: „Светъ г^дрь, князь Владимиръ кие^вски! привесъ я дани и выходы за три^цеть летъ и за три годы“. И князь Владимиръ зговори^т таковы слова: „Тебѣ у меня, Михаило, залота казна не запечатана, и кони на стоиле не запеч^ты“. И подноситъ ем^у пи^я пьяные, и запиваетъ меды слаткими. И Михаило зговоритъ таковы слова: „Светъ г^дрь, князь Владимиръ кие^вски! ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плавае^т лѣбѣдь бѣлая; и я, г^дрь, вынелъ изъ нал^ччи своей крепкой лукъ, ис ка^ччана калены стрелы, и хоте^т убить лебѣдь бѣлую¹, и с^на мнѣ, г^дрь, прогласила члѣвскимъ гла^со^м: „Михаило“, де, „Потокъ Иванович! не стреляи меня, лебѣди бѣлыя; я, де, по морю плаваю лебедью, а пере^т тобою стан^у девицею красною“. Я, г^дрь, не успелъ в нал^ччь положить крепкой лукъ и в ко^ччанъ калены стрелы, ажно пере^т тобою стала дѣвца лицемъ сѣло красна. И мне, г^дрь, с^на полюбилася, привесъ ея с собою во Киевъ градъ на свои богаты^рской дворъ“. И князь Владимиръ зговоритъ таковы слова: „Светъ Михаило Потокъ Иванович! перест^упи ты мнѣ тѣ дѣв^ц красн^ю“. И Михаило ѿветъ де^житъ „Све^т г^дрь, князь Владимиръ кие^вски! Я тѣ дѣв^ц взя^т за себя, и я, г^дрь, самъ с нею ѿвенчался, крестилъ я ²⁾, и далъ ей имя—Лебѣдь Бѣлая, Авдотья Лиховидовна, и ве^ча^т владыко черниг^оски“. И поча^т Михаило с нею, Бѣлою Лебѣдью, жить. Живетъ с нею три годы, а товарищи еще в Кие^в не приехали. (И поѣхалъ ³⁾)
30. Михаило во ч^ттое поле тешится равно на два м^ца, а бѣ^т нево приеха^т во Кие^в градъ к^лпчина Залотой С^рды с товары замо^вскими. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть таваро^в замо^вски^х. И увиделъ к^лпчина красот^у лица ея и поче^т спрашивать: „Чия, де, сия жена? и како зов^утъ ея по имени?“ И Киявляны ем^у рѣсказывать: „Сня, де, у насъ жена богатыря святор^ускаго славнаго Михаила

¹⁾ Въ рукописи: „вел“. ²⁾ Опіска; слѣдуетъ: „ен“. ³⁾ Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи пропущены; внесены изъ предыдущаго текста.

- Потока Ивановича; а завѣтъ ея Бѣлая Лебѣть, Авдотья Лиховидовна“. И тѣтъ купчина почаль продавать товары на-скоро, и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Золотой Ордѣ у царя Кощея неве^рнаго ¹⁾, са^н зговори^{тъ} таковы
5. слова: „Све^{тъ} гдѣрь, царь Кощеи Златой о^рды! ско^{ль}ко я не ѣжива^{тъ} по инымъ земля^н купчиною, а такой пре-красной не видыва^{тъ} уже трицеть летъ ни у единого, какъ есть во граде Кieve у князя Владимира Сесла^невича, у бо-гатыря святор^сскаго славнаго Михаила Потока Ивановича,—
10. Лебѣть Бѣлая; а лице^н сѣло красна“. И тѣ^{тъ} црѣ Ко-щеи почаль збирать воиска. И собравъ силы сорокъ ты-сящъ, и Кieve ѣсади^{тъ} накрепко. Посылаетъ посо^нника к великом^у кнзю Владимир^у: „Сѣи еси ты, князь Владимиръ кие^вски! ѿдай мне жен^у Михайлов^у, и я прочь ѿ Кieveа;
15. а бѣде ты не даш^ь мне ея, и я Кие^в гра^дъ взятъ^ь во^му, а людей твои^х в Кieve все^х выр^ублю ²⁾, ажно и дети в полон^ъ во^му“. И князь Владимиръ зговори^{тъ} таковы слова: „Сѣи еси вы, князи, и бояры, и все Киевляне града Кieveа! думайте вы да не продумантес^ь: ѿдава^{тъ} ли жен^у
20. Михайлову, или нетъ? А топерь у насъ в Кieve си^нны^х богатырей не лучилось: неком^у выехать проти^{въ} силы Ко-щѣевоы, а Михайло приде^{тъ} серди^{тъ} добре, стане^{тъ} по-бивать мужиковъ кие^вскихъ“. И князи, и бояры, и все Кие^вляня реша ³⁾: „Светъ гдѣрь, князь Владимиръ кие^вски!
25. доселе в Кieve не было жены Михайловоы, црѣ Кощеи по^{тъ} Кieve не прихажива^{тъ} и Кieveа накрепко не ѣсажи-валъ, и тебѣ, гдѣрь, таковы кручины не бывало: ѿдадимъ жен^у Михайлов^у, и царь Кощеи ѿ Кieveа прочь поидетъ, а Михайле дади^{тъ} выбрать во все^х Кieve городе, гдѣ за-хоцетъ, тамъ во^метъ; хошъ княжню, или боярыню, или девк^у посацк^ю—таковажъ ем^у жена“. Ажно будетъ не чиста поля Михайло Потокъ на свои богаты^рскои дворъ; встре-чае^{тъ} ево Лебѣдь Бѣлая, сама зговори^{тъ} таковы слова:
30. „Светъ гдѣрь, Михайло Потокъ Ивановичь! Бѣ тебѣ по^{тъ}
35. нашъ Кие^в градъ пришелъ царь Кощеи Златой Орды, а силы с нимъ сорокъ тысящъ, и Кieve ѣсади^{тъ} накрепко

¹⁾ Въ рукописи: „неверны“. ²⁾ Въ рукописи: „вырубля“. ³⁾ Слово: „реша“, приписано послѣ, сверху строки.

- и просить меня ис Киева, и Киявляне придумали ѿдать меня царю Коцею неверному“. И Михаило зговори^т таковы слова: „Собаки мѹжики Киявляня! Сеужалися бы они своими женами и дочерми, и я за свою женѹ умею и самъ
5. стоять“. И сади^тца на свои добраи конь, и поеха^т ис Киева, и побилъ всю рать-силѹ великѹю, и приеха^т на свои богатѹекои дворъ и поча^т з женою своею питъ, и есть и тешитися. И живеть з женою равно три годы; а таварищи ево еще в Кие^в не приехали. И поеха^т Михайло в чѣто поле тешѣца равно на три мѣа, а бѣз невѹ приеха^т по^т Кие^в царь Коцей, а силы с нимъ шѣдесять тысящъ, и Кие^в ѿсади^т накрепко, посылает^ь посолника и просить ис Киева Лебѣди Бѣлыя. И князь Владимиръ зговори^т таковы слова: „Ои еси вы князи, и бояры,
15. и все Киевляня! дѹмайте накрепко да не продумаетея: ѿдавать ли женѹ Михаилѹ, или нетъ? А теперь у насъ в Киеве си^нны^х богатѹреи не дѣчилось — некомѹ выеха^т протѣ силы Коцеевы; а Михаило придетъ се^рдить до^бре, станетъ побивать мѹжиковъ кие^вски“. И князи, и бояры,
20. и все Киевляне реша ¹⁾: „Светъ гдѣрь, князь Владимиръ кие^вски! доселева в Киеве не было жены Михайловы—(царь Коцей подѣ Киевъ не прихаживалъ и Киева накрепко не осаживалъ, и тебѣ, государь, таковы кручины не бывало: отдадимъ жену Михайлову) ²⁾, и црѣ Коцей о^т Киева прочъ
25. поиде^т; а Михаиле дадимъ выбрать во всемъ граде Киеве: гдѣ захочеть, тамъ возметь ³⁾: хошь княгиню, или боярыню, или девкѹ посацкѹю — таковажъ ⁴⁾ емѹ жена“. А тово не ведають, что жена Михайлова переставилась. Ажно едетъ ис чиста поля Михайло Потокъ на свои богатѹекои дворъ,
30. встречаютъ ево люди дворовые і сказывають вести недо^брые, что жена ево переставилась. И тѣ^м Михайло закрѣчинн^ася, идетъ во свои высокъ теремъ,—никто ево не встречаетъ, за рѣки не принимаетъ и во уста не целѣеть. И приходитъ Михаило в о^тхожѹю го^рницу, где жена Лебѣтъ

¹⁾ Слово: „реша“, приписано впоследствии сверхъ строки. ²⁾ Строки, заключенныя въ скобки, пропущены въ рукописи; внесены изъ текста той же редакціи (см. выше, стр. 35). ³⁾ Слово: „возьметъ“ въ рукописи пропущено; внесено изъ текста предыд. редакціи (стр. 35). ⁴⁾ Въ рукописи пропущено слово: „таковажъ“.

- Бѣлая. И Михаило зговорить таковы слова: „Прости, де, Лебѣтъ Бѣлая; помню я и самъ свое слова, что у нѣ с тобою мо'влено: „хто и³ на⁶ напредь умреть, — и кто ѿстане'ца, і томѹ живому в могилѹ итьти“. І зоветь на по-
5. гребѣние князья, и бояря, и владыкѹ черниго'сково, и весь Киевъ гра³, и сошлися все на погребѣние. И почаль Михаило во гробъ клас⁷ женѹ свою и самъ с нею жи⁸ ¹⁾ ложи'ца в могилѹ. І князь Владимѣр зговорить: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ло-
19. жилися с мертвыми, а ты, Михаило, жи⁸ в могилѹ идешь для жены своеи. Али у насъ тѣбѣ в Киеве невестъ нетѹ? Захоцѹ княинѹ, или бояронию, или девку посацкѹю, — таковажъ тебѣ жена“. И Михаило о'ветъ де'жить: „Знай, де, всякъ самъ себя; закопывайте, не мешкайте“. И
15. князь Владимѣрь зговори⁷ таковы слова: „Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками желтыми, а на³ могилою поставте сторожѹ крешкѹю: какъ Михаиле скуче'ца, стане⁷ кричать гро'кимъ голосо“, — скоро вытаскивайте его на во'ной светъ, не мешкайте“. І, похороня ево, все по до-
20. мамъ пошли. А Михаило сидить в могиле з женою мертвою день до вечера. І какъ буде⁷ ѿ пол'ночи, ажно пришла змея лютая і гробницѹ камсию проела і пустила в гробницѹ двухъ змеинко⁸, детеі своихъ, и змеи те почали Лѣбѣтъ Бѣлую ссати за грѣди. И Михаило ухватилъ ихъ і
25. почель рвати надвое. И провици'ца емѹ змя лютая члѣчески⁸ голосомъ: „Михаило, де, Потокъ Ивановичь! не рви мои⁷ змеенкавъ мали'ки⁸, я принесѹ тебѣ живой воды“. И Михаило о'ве⁷ де'жи⁷; „Поди ты, змя лютая, принеси мне живой воды, тогда о'пуцѹ детеи твои⁸“. И по-
30. шла змея лютая и принѣла емѹ живой воды. И Михаило поча³ змее'ковъ рва⁷ на крохи и кропляетъ ихъ живою водою, — и змеи те шжили. І кропляетъ Михаило мертвѹю женѹ свою, и жена ево бѹтто о' сна пробѹдилася. И Михаило засвисталъ громки⁸ голосо⁸, и карау'щики попадали; і слышали сесѣды бли'ния, і послали ро'копывать. Иде⁷ из могилы Михаило і ведеть за рѹку женѹ свою,

¹⁾ Послѣ этого слова приписано сверху строки: „с нею“.

- и тутъ все подивилися, что была меѣтва жена Михайлова, а Михайло ѡживиѣ еѣ. И почаѣ с нею жити по старомѣ, и живетъ с нѣю равно три годы, а товарищи ево еще в Киевѣ не приехали. И поехал Михайло во чѣто поле тешиѣца равно на пять мѣровѣ. А бѣз нево приехалъ поѣ Киевѣ граѣ царь Кощеи, а силы с ниѣ сто тысячъ, и Киевѣ всадиѣлъ накрепко, и просиѣтъ ис Киева Лебѣди Бѣлыя, и Киявляне ему оѣдали женѣ Михайловѣ. И Царь Кощеи, жену Михайловѣ взяѣши, самъ и прочѣ пошелъ. Ажно
5. приехалъ во Киеѣ Михайло Потокъ, встречаюѣ ево люди дворовыя, а сказываюѣ вести недоѣрья, что ѡдали Киявляне жену ево Лебѣтъ Бѣлѣю царю Кощею неверѣному; и тѣтъ Михайло закрѣчинилъся. Не слазиѣ ¹⁾ з добра коня, ездить по Киеву, кричиѣ гроѣкиѣ голосомѣ: „Собаки мужики бѣзверѣныя Киявляне! за что ѡдали крещенѣю женѣ мою цѣрю Кощею нѣвѣрѣному? Управляюса я с вами и ѡпосле самъ“. И поехаѣ ѣ Киевѣ и догнаѣ цѣря Кощея неверѣнова: ажно ѡѣ на стану стоиѣ з Бѣлаю Лебѣдѣю, опочивѣ ²⁾ держиѣ. И Михайло едетъ прямо к бѣлому шаѣру; ажно увидела ево Лебѣтъ Бѣлая, мечиѣся иѣ бѣла шаѣра наскоре, сама зговориѣ таковы слова: „Светъ гѣдрѣ, Михайло Потокъ Ивановичь! Рада тебѣ увидела; не хочу жить ³⁾ у неверѣново цѣря Кощея Златы Сѣрды, хоѣщѣ жить в Киеве у тебѣ, богатыря святорѣскаго, воѣми меня
20. тѣбѣ ⁴⁾ по прежнемѣ“. И поѣноситъ емѣ питѣя пьяныя наскоре, испивать ⁵⁾ Михайло и ложиѣца спать у ниѣ, у бѣла шаѣра. И ѡна будиѣ ⁶⁾: „Востань, гѣдрѣ цѣрь Кощеи! Воѣ пришеѣ недруѣгѣ Михайло Потокъ—предаи емѣ смеѣрти скорои, таѣ за тобою не ⁷⁾ гониѣца“. И цѣрь Кощеиѣ зговориѣ: „Мне Михайло не какои недругъ: ѡѣ меня наехаѣ соѣнова, се не предаѣ меня злои смерти. Какъ хоѣщешъ сама с нимъ“. И ѡна велела у него подобраѣ ружѣя богатыѣрские и паѣку желеѣнѣю, и Михайла ѡборотила каменеѣ, а сама поехала с Кощееѣ в Золоту Сѣрдѣ. Ажно

¹⁾ Въ рукописи „не лази“. ²⁾ Въ рукописи: „и почиваетъ“. ³⁾ Такъ въ рукописи; въ предыдущей редакци: „жить“. ⁴⁾ Такъ въ рукописи; въ предыд. редакци: „к себѣ“. ⁵⁾ Въ рукописи: „испивать“. ⁶⁾ Въ предыдущей редакци: „и будить царя Кощея неверѣново“. ⁷⁾ Въ рукописи пропущено слово: „не“; въ предыд. редакци: „такъ онъ за тобою не гоняетца“.

- гдрю великому князю Владимиру ударить челомъ нечимъ.“
І руския богатыри ударили челомъ црю Костянтину і по-
ехали прочь х Киеву граду. І ведутъ бгатыри Тугарина
Змиевича, і едутъ богатыри по полю по чистому. И какъ
5. будутъ бгатыри близъ града Києва, выбираютъ себѣ бгата-
тыря Залѣшенина и посылаютъ ево ко граду Киеву ко кня-
зю Владимиру киевскому со здоровьемъ. І приехалъ дво-
рянинъ Залѣшенинъ в Києвъ градъ ко князю Владимиру
киевскому і говоритъ таково слово: „Многолѣтъное здравие
 10. гдрю великому князю Владимиру киевскому! Вели, гдрь,
намъ, холопамъ твоимъ, свои вчи видѣти! Были мы, гдрь,
без твоего гдрева вѣдома во Црѣградѣ для твоих гдревыхъ
недруговъ, і убили во Црѣградѣ сорокъ богатыре“, а двухъ
живыхъ взяли: Идола Скоропита да Тугарина Змиевича;
 15. одново одали царю Кнстянтину, а другова съ собою взя-
ли—Тугарина Змиевича, удалова бгатыря. А к тебѣ, гдрь,
приехалъ дворянинъ Залѣшенинъ к великому князю Влади-
меру править о своихъ товарищевъ здоровье.“ І гдрь ихъ
пожалова: велѣлъ имъ приехати к себѣ. И приехали бога-
тыри в Києвъ градъ к великому князю Владимиру і привели
языка—дуброва и удалова бгатыря Тугарина Змиевича. І
гдрь ихъ пожаловаль за ту службу вѣрную: даваль имъ
шубы свбшліныя и цепи злотыя великия, да им же гово-
ритъ таково слово: „І впредъ я буду васъ жаловать за
вашу службу вѣрную.“ Спрашиваетъ велики князь Влади-
меръ киевски Тугарина Змиевича во вѣстяхъ: „Что у васъ
вѣсти во Црѣградѣ?“ И зговоритъ Тугаринъ Змиевичъ та-
ково слово: „Что ты, гдрь, меня спрашиваешъ во вѣстяхъ?
Всѣ вѣсти у тебя, гдрь. Нѣтъ, гдрь, тебя грознея во всѣхъ
30. царствахъ, а богатыре“ твоихъ нѣтъ удалѣя во всѣхъ
земляхъ.“ Бьет челомъ Ілья Муромецъ с товарищи: „Сми-
лу“ся, гдрь, велики князь Владимиръ киевски! опусти,
гдрь, Тугарина Змиевича: дали есть слово благовѣрно“
црицѣ Елене, что намъ у тебя, гдря, упросити Тугарина
35. Змиевича.“ И зговоритъ князь Владимиръ киевски своимъ
богатырямъ; „Были вы во Црѣградѣ, і всѣхъ богатыре“
в полѣ побивали.“ Опускают же Тугарина Змиевича з
добрымъ конемъ и з своею збуею ратною, і провжжаютъ

евъ до Цряграда до рубежа, і о'пустили ево въ Цръградъ. И зговорятъ ему бѣгатыри такъво слово: „Скажи ты, Тугаринъ Змиевичъ, гдѣне благовѣрної царице Елене: еще есмы в правдѣ устояли и црское все ісполнили: гдѣрю служба 5. служена і честь пвлучена.“ И поехали богатыри назадъ въ Киевъ градъ ко князю Владимиру киевскому і стали славнѣ жить во градѣ Киеве, и ихъ хра'росьти слава не минуета.

IV

СТАВЕРЬ ГАДЕНОВИЧЪ.

(Изъ сборника Ѳ. И. Буслаева).

-[боя]ришь Ставерь Гаденовичъ: „Ш^н есте вы, князи, и бвяре, и сильныя могучия бвгатыри! есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По еѣ счастью есть у меня ¹⁾ злота казна: николи казна не держитца, всегда казна испол-
5. няется ²⁾. И есть у меня триста молотцовъ—все молотцы перебврчетыя: молодець молотца лутче, николижь молотцы не старѣютца. Да есть у меня триста жеребцовъ, а все жеребцы латынскія: николи жеребъцы не изъездытца“ ³⁾. И згшворятъ князи, и бояре, и сильныя могучія бвгатыри, і
10. мужики торговыя: „Ш^н еси ты бояринъ Сътаверь Гаденовичъ! почему у тебя злота казна не держитца?“ І зговорить бояринъ Ставерь Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня злота казна не держитца, что я ись тв^н казны в ростъ деньги в ростъ ⁴⁾ даю, і тѣмъ я ршстомъ годъ живу,
15. потому моя золота казна не деръжитца“.—„Почему у тебя молотцы не старѣются?“ І възговорить бвяринъ Ставерь Гаденовичъ таково слово: „Потому у меня молотцы не старѣются: пѣютъ, едятъ, а сами потѣшаютца і никако^н кручины не вѣдаютъ; чебшты носятъ по турецкому: шиломъ
20. пяты, носки в[о]стрыя, шднорятъки носятъ по посолскому—

¹⁾ Въ рукописи слова: „есть у меня“ повторены: „есть у меня, есть у меня“.

²⁾ Послѣ этого повторено: „есть у меня золота казна“. ³⁾ Затѣмъ текстъ начинается съ новой строки. ⁴⁾ Слова: „въ ростъ“ написаны въ рукописи два раза.

- скорлять сукно, колнаки посятъ, плащи золотыя: потому молотцы не старѣютца“. — „Почему у тебя жеребцы не изъездаѣца?“ І възговрить тутъ бояринъ Ставеръ Гаденовичъ таковъ словъ: „Потому у меня жеребцы не изъездаѣца: се-
5. вѣдни я поехалъ на томъ жеребце, а завтра поеду на другомъ жеребце, всегда у меня жеребцы перемѣнныя: потому шни не изъездаѣца“. И лихи были в Києве ѿговорѣщики: ѿговорили онѣ князю Владимиру киевскому боярина Ставра Гаденовича небыльными словесами і ложными: „Гдѣрь ты нашъ,
10. князь Владимиръ киевскъ"! пѣшъ, ешъ і потѣшаешъся, а твою себѣ не вѣдаешъ: есть у тебя на пиру бояринъ Ставеръ Гаденовичъ столнова града Чернигова, а за шчи ѿговрить таковъ словъ: „Я, де, в Києвѣ градѣ болши великаго князя Владимира і богатея“. І тутъ князь Владимиръ
15. на негѣ рѣкручинился, велѣлъ ево скоро пред собою поставити. И съкоръ поставили боярина Ставра Гаденовича передъ князя Владимира киевскаго. Чтѣ възговорить князь Владимиръ киевско: „Ш еси ты бояринъ Ставеръ Гаденовичъ! негѣрадѣ ты за шчи похваляешся и ѿговоришъ таково слово, что де я в Києве богатѣ князя Владимира“. И възговорить бояринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Азъ, гдѣрь, никакова слова про тебя не ѿваривалъ“. Бгѣ над Ставромъ прѣгнѣвался, гдѣрь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ ево посадитъ в глубокъ погребъ сорѣка сажень і закрытъ доскою желѣзною і засыпать песками желтыми. І повели боярина Ставра Гаденовича в глубокъ погренъ сорѣка сажень. И чтѣ възговорить бояринъ Ставеръ Гаденовичъ: „Шѣ еси ты мо" слуга поваренно"! садись ты съкоръ на жеребца латынекова, поедъ к столному граду
30. Чернигову к мое[й] молодѣ" женѣ к Василисѣ Микулишиѣ, ѿправъ еі ѿ меня челобитье великое: „Бгѣ над Ставромъ прѣгнѣвался, гдѣрь велики князь Владимиръ раскручинился, велѣлъ ево посадитъ в глубокъ погребъ сорока сажень и засыпать песками желтыми, і закрытъ доскою желѣзною“. І екоръ дѣтинкѣ садился на жеребца на латынекова и ѿехалъ к столному граду Чернигову. И какъ будетъ в Черниговѣ градѣ, възъездяетъ на цѣскѣ" дворъ, с коня не слажучи; бѣжитъ во свѣтлую гѣрницу, не ѿбсылаючи, молитца

- чюднымъ образомъ, бьетъ челомъ Василисѣ Микулишнѣ, а самъ гворитъ такво слово: „Гдѣрня Василиса Микулишна! привесъ я къ тебѣ вѣсти нерадѣстѣныя: Бгѣ на¹ Ставрѣмъ прогнѣвался, гдѣрь велики князь Владимиръ рѣкручинился,
5. велѣлъ ево посадить в глубокѣ погребѣ сорока сажень и закрьть дѣскѣю желѣзнѣю, і засыпать песками желтыми“.
- И тутъ Василиса Микулишна была догадливѣ, скоро она догададѣ: пошла она в хорѣмъ шпришенныя, скидовала съ себя волосы женскія, завивала кудри молодецкія, надѣвала на себя пѣлатѣе посолское, скоро садилася на жеребца латынскаго, имала съ собою триста молотцовъ: молдѣецъ молотца лутче, все молотцы переборчетыя: бу²то едетъ младъ посолъ младъ ¹⁾ Василе² Ивановичъ не тое земли из галацкія о³ короля полскаго ²⁾ править посолствѣмъ великое.
15. І шехалъ младъ посолъ Василе² Ивановичъ къ столному граду Киеву къ великому князю Владимиру киевскому тою дорѣгою пѣродолную на лѣсы на бранскія, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбойника. И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василе² Ивановичъ
20. блискѣ столнова града Киева, в тѣхъ лугахъ гдѣревыхъ, і тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣлобелчѣтыя розставити; а посолско² шатеръ не мешаецѣ с тѣми: маковка у шатра злотая, золота ³ аравитѣское. І малѣ² часъ поизо²дучи, о³ столнова града Киева, о³ князя Владимира киевскаго, мимо
25. шатра пѣсолскаго гвнѣть скоро² гонецъ в Черниговъ градъ. І что згворитъ грозенъ посолъ младъ Василе² Ивановичъ: „О² естъ вы мои слуги і дворяня молотцы! пере²мите вы скорова гонца, поставте ево передо мною“.
- І скорѣ тутъ кинулись і поймали гвнца, і привели предъ грознаго посла
30. млада Василья Ивановичя. Что взгворитъ грозенъ посолъ младъ Василе² Ивановичъ: „Ѡй еси ты скорѣ² гонецъ! куды ты гвнишь наскорѣ?“ І взгворитъ ему скоро² гонецъ: Гдѣрь ты, грозенъ посолъ младъ Василе² Ивановичъ! Ѡ еду Ѡ столнаго града Киева о³ князя Владимира киев-
35. скаго, а еду в столно² градъ Черниговъ переписать золоту

¹⁾ Такъ въ рукописи; не слѣдуетъ ли: „грозенъ посолъ младъ Василей Ивановичъ“, какъ ниже? ²⁾ Въ рукописи описка: „посолскаго“. ³⁾ Такъ въ рукописи.

- казну боярина Ставра Гаденовича“. И что взговорить грозенъ посоль младъ Василе" Ивановичь: „Шй еси ты грозенъ посоль, скоро" гонецъ! поедь ты скорѡ назадъ к столному граду Киеву, к великому князю Владимиру киевскому, да
5. скажи ему про меня: „Гдѣрь мо" князь Вѣладимеръ киевски! к твое" здорověю иде", гдѣрь, младъ посоль Василе" Ивановичь изъ земли галацкия ш" короля польскова править посолствѡ великое“. И скорѡ скоро" гонецъ назадъ поехалъ в Киевъ градъ і сказалъ князю Владимиру все по ряду
10. по словеси грознагѡ посла млада Василья Ивановича. А самъ посоль не мешъкая за гонцомъ в Киевъ градъ приеждяючи ставилься на посолско" дворъ. Какъ будеть третє" день, звалъ князь Вѣладимеръ киевскѡ" грознаго посла млада Василья Ивановича на почестнѡ" пиръ. И какъ будеть по порамъ, пошоль грозно" посоль на почестнѡ" пиръ.
15. И какъ будеть грозенъ посоль младъ Василе Ивановичь среди двѡра гдѣрева, і тутъ еѡв встречаютъ князи і бѡяре, и взяли еѡв под руки бѣлыя, повели в полаты каменные, посадили на мѣствѡ посолское. И какъ пошелъ почестнѡ"
20. пиръ, і почели пить и ясти і потѣшатися, і увидѣла Апразѣя королевишна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говоритъ таково слово: „Гдѣрь ты, князь Вѣладимеръ киевскѡ"! не быть тѡ грозно послѡ младѡ Василью Ивановичю—быть Василисѣ Микулишчѣнѣ, Ставроѡ" женѣ
25. Гаденовичя“. И что взговорить князь Вѣладимеръ киевскѡ": „Ой еси ты княгиня Апразѣя королевишна! мѡшнѡ то намъ розвѣдати, лише бы не ѡпозоритца“. И какъ у князя Вѣладимера столъ ѡшелъ, и послѣ стола пошла потѣха молѡдецкая, и что взговорить князь Вѣладимеръ киевскѡ": „Шй еси ты грозенъ посоль, младъ Василе" Ивановичь! есѣт ли теперѡ с тобою умѣющія бѡрцы, с моими бы борцы поборолися, а насъ бы с тобѡю потѣшили?“ И что взговорить грозенъ посоль младъ Василе" Ивановичь: „Гдѣрь ты, князь Вѣладимеръ киевски! теперѡ со мною бѡрцовъ нѣту: не вѣдалъ я потехи молодецкия, твоего слова гдѣрева, і я за тѣмъ бѡрцовъ не бралъ. Развѣ, гдѣрь, мнѣ самому побѡртися, а тебя, гдѣрь, потѣшити?“ И пошелъ грозенъ посоль на прѣвѣ двѡрь і учель по двѡру похаживать, ручки і нѡшки

- поправливать. И в ту пору князь Владимиръ іс хоромъ смотриль, із окошка стеколчетова. И выходятъ пять бѣрцовъ умѣющихъ, і учили бѣротися: первому бѣрцу голову сломиль, другому бѣрцу руку выломиль, третьему бѣрцу ногу
5. выломиль, четвертаго борца за тынь кинулъ, а пято^а борець в таскахъ забѣжалъ. І тутъ младъ посолъ Василе^а ¹⁾ Ивановичъ бьетъ челомъ князю Владимиру киевскому своею потѣхою молодецкою, а самъ гвѣрритъ таково слово: „Гдѣ ты, князь Владимиръ киевко! я тебя тѣшилъ своею потѣхою молодецкою,—вели, гдѣ, меня потѣшитъ: да^а мнѣ ігреца, ко^а бы гвраздъ в гусли іграть и провѣдилъ бы меня на посолско^а дворъ“. І князь Владимиръ стоячи задумался, чтѣ нѣтъ в Києве ігреца гвраздѣва. І вспало на умъ князю Владимиру про бѣярина про Ставра Гаденовича, і велѣлъ
15. ево вынуть із глубька погреба і велѣлъ ему дать звончатя гусли, і пошелъ Ставеръ Гаденовичъ за грознымъ посломъ на посолско^а дворъ. І какъ будетъ на посолскомъ дѣвѣрѣ, и зговоритъ младъ посолъ Василе^а Ивановичъ: „Помниш ли ты, Ставеръ Гаденовичъ, про меня, іли ты меня
20. знаеш ли, іли нѣтъ?“ І взговоритъ бѣяринъ Сътаверъ Гаденовичъ таково слово: „Азь про тебя і не слыхиваль, не токмо чтѣ мнѣ тебя знать“. І что вѣговоритъ грозенъ посолъ младъ Василе^а Ивановичъ: „А помниш ли ты, бѣяринъ Сътаверъ Гаденовичъ, коли мы с твоею ребячью ігрушку
25. ігрывали: у тебя была сваечка серебряная, а у меня бы^а колечко золотое, і ты в мое колечко часто попадава^а?“ І тутъ бѣяринъ Ставеръ Гаденовичъ догодался: імалися онѣ за руки бѣля, цѣловалися во уста сахарныя. І велико^а князь Владимиръ киевск^а опять іхъ пожалывалъ столнымъ
30. градомъ Черниговымъ, и о^апустилъ іхъ с великою чесьтию, и учалъ ево жаловаты лутче старова. І онѣ поехали в Черниговъ градъ і учили жить і бы^а по старому лутче прежнего. И учили пити, і ясти, і веселитися по прежнему. И начелъ іхъ князь Владимиръ жаловаты лутче старѣва.
35. Конецъ.

¹⁾ Слово „Василей“ въ рукописи повторено два раза.

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗВѢСТНОЙ БЫЛИНЫ.

(По фотографическому снимку, сообщенному А. И. Станкевичемъ).

..... и на^а си^тны^м[мо]г^лчи^м боготыри, ли не ш^лти на^т Т^лгарин^о Змиевичемъ: Т^лгарин^о Змеев^й, усе^рдия добрая, не люби^т ш^лтки тоя чежелыа“. Что в^говори^т мла^а Алеша Попов^й: „Г^дрь ты, л^ак^о кня^а Владимиръ киевск^о али ты, г^дрь, с княинею н^елю^ви живешъ, что промеж^ж ва^м бо^тва“ сиди^т нет^ссон^о ¹⁾“? Что в^говори^т ч^ан^й ер^лзи^м Ма^тв^ѣ Петро-ви^й: „Ой ²⁾ еси ты мла^а Алеша Попов^й, не ш^лти ты ш^лткою н^ев^оскою ³⁾ на^т Т^лгарин^о Змеевиче^м: Тугари^м Змеев^й усе^рдия до^брова, не люби^т ш^лтки тежелыа“. Что в^говори^т чашнику мла^а Алеша Попов^й: „О^т ⁴⁾ еси ты ер^лзи^м Ма^тв^ѣ ⁵⁾ Петров^й! не печал^ѣса ⁶⁾ ты об Олеше Поповиче, печал^ѣся ⁷⁾ о Тугарине Змеевиче; а за меня печал^ѣца ⁸⁾ сп^а и пречистая б^ѣца. И приходи^т д^нь к вечер^л, а уже иде^т пи^р на вечере, подаду^т еств^л девят^ю л^ѣб^я б^ѣлою. И к^а бу^деть ⁹⁾ пи^р на веселе, учели к^нзи и бо^лре напиватися і си^тныя мог^лчия богатыри по^твалятися, что в^говори^т ¹⁰⁾ л^аковъ кня^а Владимиръ киевск[ой]: „... есть ли мо^чашни ¹¹⁾ ер^лзи^м Ма^тв^ѣ Пе^тров^й! налеі чар^л в по^тпята ¹²⁾ ве^ра мед^л сла^ково за Т^лгаринина ¹²⁾ Змеевича здра^ѣ“. И по^тноси^т велики л^аковъ к^нзь Вла-

¹⁾ Въ рук.: „нет^ссоно“. ²⁾ Въ рук.: „О“. ³⁾ Въ рук.: „не^вскою“. ⁴⁾ Въ рук.: „О“. ⁵⁾ Въ рукоп.: „Матв^ѣ“. ⁶⁾ Въ рук.: „не печал^ѣса“, ⁷⁾ Въ рук.: „печал^ѣся“. ⁸⁾ Въ рук. это слово сначала было пропущено; при вставкѣ пришлось раздѣлить на три строки—одна надъ другою. ⁹⁾ Въ рук.: „вговори^т“; пропущено надстрочное з. ¹⁰⁾ Конецъ слова „киевской“ и начало слѣдующаго слова вырваны. Переписчикъ, очевидно, невѣрно прочелъ свой оригиналь; слѣдуетъ: „Ой еси ты мой чашникъ“. ¹¹⁾ Въ рук.: „попята“, ¹²⁾ Такъ въ рукописи.

димеръ киѣско медѸ слакова ТѸгарину Змеевичю ча^р в по-
пята ведра и о^а еѣ в^апивае^т одины^а дѣо^а досѸха. Послѣ
того по^аносили ту^а ча^р ме^а слаково мла^а Алеше Попови-
чю, и Олеша Поповѣ, прикушевѣ, подае^т Торопу, слугѣ
свое^а порѣкѸ; а са^а говори^т токова слово: „О^а ¹⁾ еси ты
Торѣ, слѸга парабѣ! прими ча^р медѸ слакова в по^апята
ве^ара: са^а пе^а ²⁾ и полѣ себя по^ачива^т ³⁾ кѣзе^а ⁴⁾, і бол^а и
свою бра^аю си^аны^а могѸчи^а боготыре. Не бѸ^т ты о^ажи^ачи^а
в ТѸгарина Змиевича: у насъ была у батюшка моего у
Федора, попа собо^аного, корова о^аже^ачива—шотчи на пова^аню
да ба^ады опилѣ“....

¹²⁾ Въ рук.: „О^а“. ¹⁴⁾ Въ рук.: „пе^а“. ¹⁵⁾ Въ рук.: „подчива^а“. ¹⁶⁾ Въ рукописи: „кѣзе^а“.

VI.

ГИСТОРИЯ О КИЕВСКОМЪ БОГАТЫРЕ МИХАИЛЕ СЫНЕ ДАНИЛОВИЧЕ ДВЕНАТЦАТИ ЛЕТЪ.

(По рукописи начала XVIII в. Московск. Публичн. Музея №774)

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде Кieve, у великаго князя Владимира Всеславьевича, было пированье почестное на руския сильныя богатыри. Пьетъ, есть велики князь, тешится, а над собою кручины не ведаеть.

5. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставитъ без привези, бегитъ во светлую горницу, пред княземъ колпака не сьмаеть, и сталъ говорить ему: „Государь велики князь Владимиръ Всеславьевич киевской, пьешь ты и ешь и тешисся, а над собою, государь, кручины не ведаешь: идетъ из большия орды царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысяччи; да с нимижь идутъ семь князей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячъ; да с ними же идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всеи силы с царемъ Бахметомъ сыномъ Тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хоцетъ твои столной градъ Киевъ за щитомъ взять, князеи
20. и боярь всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить.“ Тогда велики князь Владимиръ Всеславьевич киевскойъ закручинился; наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тритцати богатырямъ и говорить имъ: „которой из васъ выпьетъ турей рогъ меду слаткова, тот бы вынелъ из подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую“. И в то время болшен богатырь хоронитца за меншихъ, а меншаи богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимается.

- Потомъ изъ техъ богатырей выступаетъ младъ Михаило сынъ Даниловичъ: „Государь князь велики Владимиръ Всеславъевичъ киевской! Я, государь, выню турей рогъ меду слаткова и выиму исъ подъ знамени человека перваго, которой
5. ведаеть думу царскую“. И в то время взговорить велики князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской: „Младъ Михаило сынъ Даниловичъ, малымъ ты малешинекъ и молодымъ ты молодешинекъ, всево тебѣ отъ роду двенатцать летъ; а умомъ ты, Михаило сынъ Даниловичъ, глупешеникъ, в чистомъ
10. поле не бываль, криваго ты человека не видываль, на крепкомъ деле не стаиваль, робячьимъ умомъ говоришь“. Ответъ держитъ младъ Михаило сынъ Даниловичъ: „Государь, князь Владимиръ Всеславъевичъ киевской! Вели, государь, поймать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь,
15. того гоголя на воду, и умѣет-ли тотъ гоголь по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неумчиво ¹⁾“. Тогда великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому то слово полюбилось. И говоритъ ему: „Младъ Михаила сынъ Даниловичъ! буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Киеве.—Ответъ
20. держитъ младъ Михаило сынъ Даниловичъ: „Много твоего государскаго жалованья“. И оседлалъ младъ Михаила сынъ Даниловичъ добра коня наступчитова с черкасскимъ седломъ и подтянулъ двенатцатью подпругинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырской и
25. положилъ на главу свою златъ венець. И сядилъ младъ Михаило сынъ Даниловичъ на своего добраго коня наступчитова и поехалъ исъ Киева града не воротами, и скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, ко отцу своему Даниле Ивановичю просить от него
30. прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ Михаило сынъ Даниловичъ ко отцу своему Данилу Ивановичю и сталъ у него просить благославения: „Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ прѣтивъ царя Бахмета сына Тавруевича и вынетъ исъ подъ знамени
35. человека перваго, которой ведаеть думу царскую“. Потомъ сталъ говорить отецъ его Данило Ивановичъ: „Чадо мое

¹⁾ Въ рукоп. неумчиво.

- милое, младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ ¹⁾, азъ я в Києве жилъ девяносто леть, выезжаючи ис Києва побивалъ девяносто побоищевъ и ис под знамени человека перваго не вынимывалъ, и х Києву к великому князю Владимиру Все-
5. славьевичю не проваживалъ и на муку такова человека не даывалъ и греха на себѣ не принимывалъ. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добиваеися до знамени чернаго; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добиваеися до знамени последнего, и ни на кого не надеися: Богъ тебѣ,
10. чадо мое, на помощь подасть“. Тогда младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ взялъ у отца своего благословение и прщение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя Бахмета сына Тавруевича. Тогда поглядить в сторону—сила рать великая, в другую сторону посмотреть,—
15. и тово болѣе, а на третью сторону погледить,— аки вода сильная колыбается. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ утрашился и рече себѣ: „буде поехать мне молотцу не побивъ побоища к столному граду Києву и великому князю Владимиру, то принять мне от него кручину великую, а
20. от своей братьи позоръ мне будетъ великой; а какъ побью побоище и с того побоища поеду к столному граду Києву к великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя Владимира Всеславьевича киевского и от своей братьи великая“. Тогда
25. младъ Михаила сынъ Даниловичъ помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напущать онъ на полки татарские, что ясенъ соколъ на стада на галечья. Тогда выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича сильныя богатыри три брата братовича, а с ними
30. силы выходить по три тысячи. Тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ трехъ братьевъ братовичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаетъ противъ его семь князей ширскихъ, а силы с ними по семи тысячъ; и младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ семь князей ширскихъ,
35. такожь и силу ихъ всю побилъ. А потомъ выехали противъ Михаила сына Даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с

¹⁾ Въ рукоп. *Ивановичъ*.

- ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысячъ; тогда младъ Михаила сынъ Даниловичъ убилъ сорокъ царевичевъ, такожъ и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ Михаила сына Даниловича мурзы уланова и говорятъ ему
5. таково слово: „Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовуть и по отечеству? И дай ты намъ сроку на три дни“.—Тогда младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ отвѣтъ держитъ: „Зовуть меня по имени Михаилою, а по отечеству Даниловичемъ, а езжу я не краснаго столнаго
10. города Киева от великаго князя Владимира Всеславьевича киевскаго“. То Михаилъ сынъ Даниловичъ далъ имъ сроку на три дни, а самъ поехалъ к белому своему шатру полотняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дни и три нощи бес просыпу. А мурзы уланова в ту пору
15. около полковъ своихъ копали ¹⁾ рвы глубокия, во ²⁾ рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полетми ордынскими, делали мосты опрометныя ³⁾. Тогда младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарския, —первой полкъ
20. побилъ; тогда напустилъ на второй полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ и на третей полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ Михаило сынъ Даниловичъ ввалился въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а Михаилу сына Даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти, и повели ево в полки татарския ко царю Бахмету сыну Тавруевичю. Что взговорить царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ Михаилу сыну Даниловичю: „Какъ тебя, молотца, по имени зовуть, и которой ты деревни или вотчины“?
30. Ответъ держалъ младъ Михаилъ сынъ Даниловичъ: „Государь царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ, по имени меня зовуть Михаилою, а по отечеству сынъ Даниловичъ; а езжу я истолнаго града с Киева от великаго князя Владимира Всеславьевича киевскаго“. Тогда сталъ ему говорить царь
35. Бахметъ сынъ Тавруевичъ Михаилу сыну Даниловичю:

¹⁾ Въ рукоп. *капали*.

²⁾ Въ рукоп. *са*.

³⁾ Въ рукоп. *апрометныя*.

- „Служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю Владимиру Всеславьевичу киевскому; я тебе у себя в золотой орде долю дамъ да треть своего царства“.
- Ответъ держить младъ Михаила сынъ Даниловичъ царю
5. Бахмету сыну Тавруевичу: „Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею острою над твоею шеею толстою“.
- Тогда возговорить царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ: „Мурзы улановя, возьмите Михаилу сына Даниловича за белые руки и поведите ево за белые шатры-полотняные и снимите с
10. него буиную ево голову“.—Потомъ сталъ имъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичъ: „Кто хочетъ жить подолше, тотъ бжи подале, а хто хочетъ жить поменше, тотъ подвинся поближе“.— Тогда возговорять ему мурзы улановя: „Брате Михаиле, теперь ты у насъ въ рукахъ, а грозишь ¹⁾ намъ.“—Потомъ не ясенъ соколъ вострепенулся, а младъ Михаила сынъ Даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людей многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис подъ телеги ордынской ось выломилъ и учалъ побивать на
20. все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного и тутъ полки клонилъ. И уже Михаилу сынъ Даниловичъ уже по колени в крови бродить. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ и бьетъ челомъ о сыру землю: „Государь мой, младъ Михаилу сынъ
25. Даниловичъ, отпусти ты меня в мою орду хотя сама третья, и азъ бы в своей орде племя развелъ“.— Тогда сталъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичъ царю Бахмету сыну Тавруевичу: „Отпущу я тебя в твою орду за то сама третья, что азъ былъ у тебя в поимани,—въ большей орде долю
30. давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду“.— Тогда царь Бахметъ сынъ Тавруевичъ поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ Михаила сынъ Даниловичъ убирался и вооружался и садился на свои доброй конь и поехалъ к столному граду Киеву, к великому князю
35. Владимиру Всеславьевичу. Тогда лихъ былъ на Михаилу сына Даниловича оговорщикъ в Киеве, оговорилъ великому

¹⁾ Въ рукоп. *прозиджъ*.

- князю Владимиру Всеславьевичю киевскому: „Государь велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевскоѣ! Младъ Михайло сынъ Даниловичъ ездилъ по деревнямъ да по вотчинамъ пилъ да елъ да бражничель, а не у твоего дела царскаго былъ“. Тогда велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевскои на Михайлу сына ¹⁾ Даниловича разкручинился и велель его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую сорока сажень, где сидель Ставерха сынъ Гоудиновичъ.
5. Посадили Михайлу сына Даниловича въ яму глубокую; и
10. велель ему на неделю места хлеба по снопу по овсяному давать: то ему Михайле сыну Даниловичу за выслугу. И накрыли цкою железною и зарыли землею накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. Потомъ велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевскоѣ призыва-
15. етъ слугу своего вернаго, по имени зовуть Илью Муромца, проведать о побоище Михайла сына Даниловича: „коли онъ побиль силу рать великую, то я ево ис тюрьмы вонъ выпущу“. Тогда Илья Муромецъ скоро метался и сядился на свой доброй конь и поехалъ в чистое поле на шеломъ и на бакановъ. И ездилъ Илья Муромецъ двенадцать дней и не могъ онъ объехать трупу татарскаго; и потомъ изъехалъ трупъ татарскои—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ ²⁾ по колени коню крови, а где прибрегъ тутъ по чрево коню крови. По-
25. томъ Илья Муромецъ возвратился к столному граду Киеву к великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ Илья Муромецъ среди двора государева и ставить своего коня бес привези, а самъ бѣжить скоро в бѣлокаменные полаты и молитца честнымъ образомъ и бьетъ
30. челомъ великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговорить Илья Муромецъ: „гой еси велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевскоѣ, живу я у тебя тритцать три года, а побоища такого не побивываль, что грозно побиль побоище младъ Михайло сынъ Да-
35. нилевичъ. А трупу татарскаго—где пригоръ, тутъ по щеку коню крови, а где привражие, тутъ по колени коню крови,

¹⁾ Въ рукоп. *сыну*.

²⁾ Слово *тутъ* въ рукоп. повторено.

- а где прибрегъ, тутъ по чрево коню крови“. Тогда велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской в тотъ часть велель изъ ямы вынуть Михаилу сына Даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели ево предъ
5. великого князя Владимира Всеславьевича киевского. Что взговорить велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской Михаиле сыну Даниловичю: „Буди ты отъ меня пожалованъ; злата казна про тебѣ не запечатана, драгоценное платье про тебѣ не изношено, добрыя кони стоять не об(ъ)езжаны“.—Тогда сталъ говорить младъ Михаила сынъ Даниловичъ: „Государь мой великій князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской! Много твоего государскаго жалованья; пожалуй, государь, отпусти ты меня къ батюшке моему Даниле Ивановичю в монастырь постритца; а у тебѣ, государя
 15. моего, в великомъ столномъ граде Киеве лихи оговорщики: не велятъ тебѣ, великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменою“. Потомъ велики князь Владимиръ Всеславьевичъ киевской отпустилъ млада Михаилу сына Даниловича двенатцати летъ
 20. к отцу его Даниле Ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чинъ. Тогда младъ Михаилу сынъ Даниловичъ великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому поклонился и чюднымъ образомъ помолился и поехалъ к отцу своему Даниле Ивановичю в монастырь. И приехавши
 25. в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великой славе и чести до смерти своеи. Темъ сия исторія конецъ восприяла.

Гисторія о киевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ занимаетъ небольшую тетраду въ 10 листовъ (въ 4-ку) письма начала XVIII в., пожертвованную Румянцовскому Музею покойнымъ преосвященнымъ Амеллохіемъ въ 1867 году. На обложкѣ въ рамкѣ заглавіе, которое затѣмъ повторено на верху 1-го листа. Въ первый разъ „Гисторія“ была напечатана по неполнѣй исправной копіи акад. А. Н. Веселовскимъ (Южно-русскія былинны I стр. 20—27).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Къ Повѣсти о силнемъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ (стр. 1—4).

Предлагаемая «Повѣсть» была впервые издана въ 1891 году академикомъ Л. Н. Майковымъ, въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по стариной русской литературѣ» II, стр. 29—32. Сборникъ, содержащій «Повѣсть», поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1890 году. Писанъ во второй половинѣ XVIII в. Приводимъ слѣдующее описаніе состава этого сборника, сдѣланное Л. Н. Майковымъ:

«Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1—3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ; 2) Лл. 4—7. Выписка изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іованна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ; 3) Лл. 7—10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи); 4) Л. 10 об. 14-я притча Езопа; 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ; на оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая записка: «Сія книга Краснохолмскаго уезда Устюжскаго заказу села дымцова діагонъ Ісидоръ Семеновъ 1783 году генваря дня 22-го запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѿведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ написана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно приурочить ранѣе 1783 г. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно, — въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять наверхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ, на примѣръ: гдѣ или гдарь (государь), взговѣ (взговорить) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными наверхъ буквами — быть можетъ, XVIII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ иногда бессмысленно, какъ, на примѣръ: *подылься* вмѣсто: под Ыльею, *скимъ* вмѣсто: с

Биева, *вокоше чнаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсти», который, какъ и всѣ прочія статьи Библиотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ вѣсколько подиравокъ чернилами болѣе темными» (стр. 2—3).

II.

Къ былинамъ изъ рукописей Ѳ. И. Буслаева, И. Е. Забѣлина и Н. С. Тихонравова.

Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка.

статья Н. С. Тихонравова ¹⁾.

Самыя раннія записи русскихъ народныхъ пѣсень относятся,—насколько до сихъ поръ извѣстно,—къ первой четверти XVIII вѣка. Въ 1619 году записано было въ Москвѣ для бакалавра Ричарда Джемса, прибывшаго сюда съ англійскимъ посольствомъ ²⁾, шесть пѣсень: пять изъ нихъ имѣютъ предметомъ историческія событія, одна «весновую службу» ³⁾. Тексты этихъ пѣсень записаны *со словъ* ⁴⁾ по заказу любознательнаго бакалавра, который желалъ познакомиться съ русскимъ народнымъ языкомъ. Въ этомъ небольшомъ сборникѣ, повидимому, двѣ пѣсни (первая и шестая) написаны были *въ сплошную строку*, остальные—съ раздѣленіемъ на стихи ⁵⁾. Въ томъ же столѣтіи народная былина появляется и въ сборникѣ, назначенномъ для *литературнаго чтенія*. Такъ, въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, помѣщено «Сказаніе о кievскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь» ⁶⁾. Это «Сказаніе» помѣщено въ сбор-

¹⁾ Покойный Н. С. Тихонравовъ выражалъ намъ желаніе перепечатать съ *нѣкоторыми измѣненіями* въ приложеніи къ нашему сборнику былинь свою статью „Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка“, помѣщенную имъ въ 1891 году въ VIII кн. „Этнографическаго Обзорія“. Исполняя желаніе покойнаго, воспроизводимъ здѣсь *безъ измѣненій* это изслѣдованіе, содержащее рядъ интересныхъ свѣдѣній о записяхъ былинь, дошедшихъ до насъ отъ XVII и XVIII столѣтій.

²⁾ Посольство, въ свитѣ котораго находился Ричардъ Джемсъ, пребыло въ Москвѣ съ 19-го января по 20-е августа 1619 года; въ этотъ періодъ времени и записаны пѣсни для Джемса въ особую книжку.

³⁾ Эти пѣсни напечатаны сначала въ „Прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Втораго отдѣленія Академіи Наукъ“ (т. I, стр. 5—10), потомъ перепечатаны въ „Памятникахъ великорусскаго нарѣчія“ (стр. 1—8).

⁴⁾ Пѣсня о вѣздѣ патріарха Филарета въ Москву *въ іюнь 1619 года* записана къ книжку Ричарда Джемса вскорѣ *послѣ самаго событія*. Она напечатана въ „Памятникахъ“ *безъ раздѣленія на стихи*.

⁵⁾ Къ этому заключенію приводятъ печатное изданіе записанныхъ для Ричарда Джемса пѣсень, въ которомъ первая и шестая пѣсня напечатаны безъ раздѣленія на стихи; къ сожалѣнію, издатели не сообщили никакихъ палеографическихъ свѣдѣній о самой рукописи Ричарда Джемса.

⁶⁾ *Сказаніе* напечатано въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ (томъ XXVIII, № 3), подъ заглавіемъ: „Богатырское слово“.

никъ г. Барсова между широко распространеннымъ въ допетровскомъ (а впоследствии въ народномъ) чтеніи «Хожденіемъ Трифона Коробейникова въ Святую Землю» и «Словомъ о Дмитрѣѣ купцѣ (Басаргѣ) и о мудрыхъ словесехъ сына его Борзомысла»¹⁾. Въ глазахъ составителя сборника или писца былина о кievскихъ богатыряхъ была уже не *пѣсню*, а *сказаніемъ*, т. е. повѣстью въ родѣ «Слова о Дмитріи Басаргѣ» и подобныхъ ему «словъ» и «сказаній» письменной литературы, обращавшихся въ допетровской Россіи. Текстъ «Сказанія о кievскихъ богатыряхъ» въ сборникѣ Барсова написанъ *въ сплошную строку*; стихъ большею частію разрушенъ; въ одномъ мѣстѣ случайно, по ошибкѣ, пропущено нѣсколько строкъ²⁾, но намѣренныхъ поправокъ и измѣненій со стороны писца, приуроченія текста къ литературному изложенію письменныхъ повѣстей XVII вѣка—не замѣтно. Несмотря на пострадавшую отъ времени виѣшнюю форму, «Сказаніе», внесенное въ рукопись Барсова, донесло къ намъ въ большей чистотѣ старое содержаніе былинны, чѣмъ пѣсни, записанныя *изъ устъ народа* въ позднѣйшее время³⁾.

Намъ неизвѣстно пока другихъ рукописей XVII вѣка, въ которыхъ находились бы записи народныхъ пѣсней⁴⁾. [*Эти слова были написаны раньше*

¹⁾ Сборникъ отдѣл. рус. языка и словесности, т. XXVIII, стр. 1—3.

²⁾ Ср. А. Н. Веселовскаго, *Южно-русскія былины* въ „Сборникѣ отдѣленій русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, XXXVI, 357.

³⁾ А. Н. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что „Сказаніе о семи богатыряхъ“ сохранило *болѣе древнюю форму пѣсни*, чѣмъ та, какая представляется позднѣ записанными ея пересказами“ (Ibid. 368). Вполнѣ соглашаясь съ этимъ выводомъ, мы противопоставляемъ его мнѣнію О. Э. Миллера (который зналъ „Сказаніе“ по другому, позднѣйшему списку), будто „въ этой повѣсти XVII столѣтія, при нѣкоторыхъ довольно вѣрныхъ чертахъ эпическихъ, не только замѣтно *коренное измѣненіе* въ подробностяхъ (например, — холопство богатырей), но и, такъ сказать, *вверхъ ногами поставлено* самое основное содержаніе былинъ про Идоллице въ Цареградѣ“. Редакцію былинны въ сборникѣ Барсова Миллеръ называетъ „нижнюю передѣлку XVII столѣтія“ (Илья Муромецъ и богатырство кievское, стр. 760). Вообще О. Миллеръ очень мало придаетъ значенія записямъ былинъ въ рук. XVIII в., отдавая предпочтеніе текстамъ, записаннымъ позднѣ и напечатаннымъ въ „Древнихъ русскіихъ стихотвореніяхъ“ и въ сборникахъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильердинга. (Ср. стр. VII, 32).

⁴⁾ Къ XVII вѣку относятъ П. А. Безсоновъ записъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ, найденную имъ въ бумагахъ Калайдовича и напечатанную въ седьмомъ выпускѣ „Пѣсень“ Кирѣевскаго (стр. 62—66). „Она написана (говоритъ Безсоновъ) на листѣ старой бумаги, безъ раздѣленія стиховъ, по черкомъ и правописаніямъ XVII вѣка; поправлена и дополнена другою позднѣйшею рукою и другими чернилами; но эта послѣдняя рука и этими позднѣйшими чернилами подписала: „въ 196 году въ 7-и тысяче“, то есть 1688 года. Слѣдовательно, первая, непоправленная рукопись старше 1688 года и, по всѣмъ признакамъ, современна, по крайности близка, періоду Самозванцевъ“. Нельзя допустить, чтобы записъ: „въ 196 году въ 7-и тысяче“ указывала на время пересмотра, т. е. исправленій и дополненій *ранне записанной пѣсни*: 196-й годъ седьмой тысячи означаетъ 6196=688-й годъ, а не 1688-й годъ. Такого грубаго промаха не могла допустить „послѣдняя рука, дополнявшая и исправлявшая текстъ пѣсни“. Этотъ годъ внесенъ послѣднею рукою, какъ *одна изъ вариантовъ* пѣсни. Такая формула для обозначенія времени встрѣчается не

изданія Л. Н. Майковымъ Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. В. М.] Можно, однако, думать, что уже въ XVII в. эти пѣсни записывались нерѣдко: на это указываютъ «Сказанія о богатыряхъ»; встрѣчающіяся въ рукописяхъ слѣдующаго столѣтія и посяція на собѣ явные слѣды копирования съ болѣе древнихъ рукописныхъ текстовъ.

Въ XVII вѣкѣ начали собирать и записывать и «пословицы всенароднѣйшія»¹⁾. Былина, подѣ перомъ писца, полагавашаго ихъ на бумагу, получала названіе «сказанія» и такимъ образомъ поставляема была наравнѣ съ оригинальными и переводными историческими и поэтическими «сказаніями», «словами» и «повѣстями». Пословицы, или «мірскія притчи», отождествлялись съ мудрыми изреченіями языческихъ и христіанскихъ писателей, — въ родѣ тѣхъ, которыя вошли въ составъ «Пчель», — и даже съ «словами божественныхъ писаній». Старинныя пословицы, притчи и поговорки, вписанныя въ одинъ сборникъ XVII вѣка, озаглавлены: «Словца избраны отъ Мудрости Исуса, сына Сирахова, и отъ Премудрости царя Соломона»²⁾.

Рукописная литература XVIII вѣка, продолжая старое литературное преданіе, сохраняетъ живой интересъ къ памятникамъ народной словесности и древне-русской литературы.

Къ первой четверти XVIII вѣка относится драгоценный сборникъ произведеній древне-русской литературы и народной словесности, принадлежащій Ѳ. И. Буслаеву³⁾. Сборникъ состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей; въ каждой помѣщено по одному произведенію⁴⁾. Эти тетрадки соединены были въ одинъ переплетъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже утрачены были отдѣльные листки (большую частію начальные или конечные). Такъ, въ первой тетрадѣ недостаетъ 26 начальныхъ листовъ. Кромѣ того, утрачены л. 85—88, л. 122-й, л. 259-й (въ срединѣ «Сказанія о Акирѣ премудромъ»), л. 325-й (начало былины о Ставрѣ), л. 371-й (конецъ пѣсни: «Чаша моря соловецкаго»). Тетрадки отданы были въ переплетъ *послѣ того*, какъ перебѣчены были по листамъ (по старинному — буквами, а не цифрами) рукою писавшаго и, кажется, перваго

только въ историческихъ пѣсняхъ, но и въ духовныхъ стихахъ. Ср. начало пѣсни о Скопинѣ: „Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году, Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи“ (Древнія русскія стихотворенія, стр. 275). Въ стихъ про Егорія: „Въ седьмомъ году въ осьмой тысячѣ, Назжалъ царице Кудрянице“. (Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 95).

¹⁾ „Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту“ внесены въ скорописный сборникъ конца XVII вѣка, принадлежащій Московскому Архиву Министрства Иностранныхъ Дѣлъ, № 950. Текстъ пословиць по этому списку издавъ въ извѣстной монографіи Ѳ. И. Буслаева: „Русскія пословицы и поговорки“ (въ „Архивѣ историко-юридическихъ свидѣній“, Калачова, тома II половина 2-я, стр. 1—168).

²⁾ Строевъ, рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. Н. Царскому, стр. 487.

³⁾ Костомаровъ невѣрно относилъ этотъ сборникъ къ XVII вѣку.

⁴⁾ На оборотѣ 368 листа читается: „Конецъ тетрвати сеі“, на листѣ 375-мъ „Конецъ сей тетрвати свершися, Аминь“.

владѣльца оныхъ. При переплетѣ порядокъ тетрадей былъ спутанъ, и потому листы 283—401 приплетены въ самомъ концѣ рукописи, послѣ листовъ, помѣченныхъ: 370 и т. д. Вообще послѣ л. 349-го порядокъ страницъ спутанъ переплетчикомъ. На нѣкоторыхъ страницахъ сохранились записи владѣльцевъ, къ которымъ рукопись, съ теченіемъ времени, переходила. На оборотѣ л. 113-го записано тѣмъ же почеркомъ, какимъ написанъ весь сборникъ: «Сид тетратъ Никиты Андрѣева сѣна (сына) Кора...». Это—запись составителя и перваго владѣльца сборника. Позднѣйшія записи читаются на об. л. 159, на л. 194, на об. л. 386, на об. л. 390. Приводимъ двѣ послѣднія, указывающія на сословіе читателей прошлаго вѣка, интересовавшихся статьями сборника. На оборотѣ 386 листа записано: «Сия книга дому г^дна¹⁾ лейбъ гварди прапорщика александръ ильича желябужскаго служителья ево ивана тимофеева сѣна быкова²⁾. На обор. 390 листа позднѣйшая записъ: «Сия книга г^дрѣвственной во^чино^а коллежні капелста петра иванова сѣна степенова». Въ объемистомъ сборникѣ Ѳ. П. Буслаева совмѣщены важнѣйшія произведенія литературы XVII вѣка, вошедшія въ «народныя книги», въ область народнаго чтенія XVIII вѣка. Изъ памятниковъ древне-русской литературы отмѣтимъ: 1) Слово о игонѣ пресвятыя Богородицы, како приде из верскаго (Иверскаго) царства во святую гору по воздуху»; 2) «Чудо пречистыя владычицы нашея Богородицы о женѣ бѣсноватѣи Соломоні»³⁾; 3) «Сказаніе о ризѣ господя нашего Іисуса Христа», 4) «Сказаніе о святѣмъ Іоанне Богословѣ, како научи человека писати іконы»⁴⁾; 5) «Изъ книги Пролога—мѣца генваря въ .д. день, Слово, еже не осудити никогоже, дондеже господь избавитъ и о долготерпѣннѣи божи»; 6) Притѣча о иѣвоемъ дворецкомъ і селяннѣ»⁵⁾; 7) «Повѣсть о Дмитріе купцѣ і о премудромъ словесына ево» (Басарга); 8) «Сказаніе о Аамре премудромъ і о премудрости ево», 9) «Како баба диявола обманула»⁶⁾; 10) «Повѣсть града Вавилона»⁷⁾ 10) Слово святаго мученика Егорія о зми і о девіцѣ⁸⁾; 11) «Слово о бражнике, како вииде въ рай». Не перечисляя другихъ статей сборника отмѣтимъ апокрифы: *Іерусалимскій свитокъ*, *Сказаніе о потопѣ и о Новомъ ковчегѣ*, *О царѣ Соломонѣ*. Рядомъ съ этими произведеніями помѣщены три былины и нѣсколько популярныхъ въ лубочной литературѣ текстовъ. Къ числу послѣднихъ

¹⁾ Маленькими буквами обозначаемъ надстрочныя, находящіяся въ рукописи подъ титлами или прямо надъ строкой.

²⁾ На об. л. 159 записъ, изъ которой видно, что сборникъ перешелъ потомъ въ собственность сына И. Т. Быкова—Алекси.

³⁾ Ср. Костомарова, Памятники старинной русской литературы, т. I, 161—164.

⁴⁾ Ср. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VII, стр. LVII—LX.

⁵⁾ Ср. А. Н. Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 195—196.

⁶⁾ Изъ польскихъ факетей.

⁷⁾ Сказаніе это оканчивается смертью царя Навуходоносора.

⁸⁾ Ср. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 51.

относятся: 1) «Слово о пьянствѣ»¹⁾; 2) Списокъ суднаго дѣла, какъ тягася лець съ ершемъ о ростовскомъ озере и о рекахъ; 3) «Повѣсть сказуемаго ерша ершова сына щетинникова і ябедника»; 4) Повѣсть о курѣ і о прекрасной лисицѣ²⁾; 5) «Роспись о приданомъ»³⁾; 6) «Повесть о Ереме с Ѡмою»⁴⁾; 7) «Колязинская челобитная» (безъ начала и конца)⁵⁾; 8) «Суть Шемякинъ, выписано іс книги із жартъ полскихъ»⁶⁾. Сравнивая тексты этихъ семи произведеній, вписанные въ сборникъ Ѡ. П. Буслаева, съ текстомъ ихъ лубочныхъ изданій, видимъ, что первые представляютъ древнѣйшую, болѣе пространную редакцію, вторые—сокращенную передѣлку позднѣйшаго книжника, смягчавшаго наивную грубость первоначальныхъ текстовъ и измѣнявшаго самую форму изложенія. Ровинскій указалъ, что «текстъ картинки» *Ерема Ѡома и Парамошка* «заимствованъ съ большими сокращеніями изъ повѣсти, находящейся въ въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка Императорской Публичной Библіотеки»⁷⁾. Текстъ *повѣсти о Еремѣ и Ѡомѣ*, въ сборникѣ Ѡ. П. Буслаева, по объему и изложенію гораздо ближе къ изданному Ровинскимъ тексту рукописи Публичной Библіотеки⁸⁾, нежели къ лубочному. «Списокъ суднаго дѣла, какъ тягася лець съ ершемъ о ростовскомъ озерѣ» и «Повѣсть сказуемаго ерша ершова», при обработкѣ для лубочнаго изданія, до такой степени были *сокращены*, что какъ бы слились въ одно цѣлое и помѣстились на одной лубочной картинкѣ⁹⁾.

Въ описываемомъ сборникѣ Буслаева помѣщены слѣдующія три былины: 1) «Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ» (л. 311—323 об.); 2) Сказаніе о Ставрѣ, безъ начала (л. 326—337¹⁰⁾ и 3) «Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (л. 291—296). Каждая былина записана въ особой тетрадь; «Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ», по ошибкѣ переплетчика, смутавшаго порядокъ перемѣченныхъ тетрадокъ, помѣщена *сзади* сказаній «о семи богатыряхъ» и о Ставрѣ. При перепискѣ въ отдѣльныя тетрадки сборника былины не подвергались поправкамъ или передѣлкамъ переписчика. Былина о Ставрѣ

¹⁾ Напечатано по этому списку Буслаевымъ въ «Очеркахъ русской народной словесности», I, 570. Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, I, 319—320.

²⁾ Ровинскій, I, 272.

³⁾ Тамъ же, I, 367—371.

⁴⁾ Тамъ же, I, 436.

⁵⁾ Тамъ же, I, 405.

⁶⁾ Тамъ же, I, 189.

⁷⁾ Ровинскій, Русскія народныя картинки, IV, 295.

⁸⁾ Тамъ же, 295—299.

⁹⁾ Тамъ же, I, 402. Отмѣтимъ мимоходомъ, что при такихъ совращеніяхъ верѣдко стирается жѣстный колоритъ и опускаются собственные имена. Напр. въ сборникѣ Буслаева «Списокъ суднаго дѣла» начинается такъ: «Господамъ моимъ новгородскимъ судьямъ: осетру да бѣлугѣ, да бѣлой рыбице бьетъ челомъ кормовой сыннишко боярской лецишко съ товарищи...» Въ позднѣйшихъ рукописныхъ текстахъ «Списка суднаго дѣла» и въ лубочныхъ изданіяхъ пѣтъ «новгородскихъ судей». Ср. Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 508.

¹⁰⁾ Въ рукописи 324-й листокъ пустой; на утраченномъ 325-омъ находилось начало былины о Ставрѣ; недостаетъ двухъ страницъ, т. е. около 32 строкъ средняго шрифта; сборникъ малаго формата, въ 16-ю долю листа.

описана, повидимому, съ готоваго оригинала, а не записана со словъ ¹⁾. Въ ней лучше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ, сохранился эпическій стиль. Напр., три раза, безъ всякихъ измѣненій, повторяются слѣдующіе стихи:

«Богъ надъ Ставромъ прогнѣвался;
Государь велики князь Владимиръ раскручинился:
Велѣлъ его посадить въ глубоку погребъ,
(Въ глубоку погребъ) ²⁾ сорока сажень,
И засыпать песками желтыми,
И закрыть доскою желѣзною».

Хотя стихъ кое-гдѣ разрушенъ, но сказаніе представляется въ болѣе древнемъ, простомъ видѣ, чѣмъ въ былинахъ, записанныхъ позднѣе: въ нихъ оно осложнено скоморошескими вариациями.

Значеніе текста былины «О семи русскихъ богатыряхъ» ³⁾, представляющей вариантъ къ «Богатырскому слову» рукописи Барсова, указано А. Н. Веселовскимъ ⁴⁾. Запись третьей былины сборника Ѳ. П. Буслаева: «Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ» указываетъ на болѣе старый *рукописный* оригиналъ; нѣкоторыхъ словъ писецъ, очевидно, не умѣлъ въ немъ понять. Такъ, онъ не разобралъ надстрочной буквы *ж* и написалъ: «себе», «себѣ» — вмѣсто: «Себежѣ» (городъ); неразбранное имя писецъ старался осмыслить по своему разумѣнію, и вмѣсто: «Себежскава» или «Сибержскава», писалъ: «Сибирскава».

Изъ описаннаго сборника Ѳ. П. Буслаева заимствованы напечатанные выше тексты трехъ былинъ: О Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ (№ 3, стр. 7—9), сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ (стр. 47—53) и о Ставрѣ Гаденовичѣ (стр. 54—58).

Въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго, № 663 (нынѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ) помѣщена «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ разбойникѣ». Этотъ сборникъ состоитъ изъ двухъ рукописей, писанныхъ различными почерками и въ разное время и впоследствии соединенныхъ въ одинъ переплетъ. Болѣе древняя рукопись занимаетъ вторую часть сборника и начинается съ 59-го листа вышнѣйшей нумераціи сборника; съ боку этого листа приписано: «¹⁷/₃₀ году». Эта помѣта опредѣ-

¹⁾ Такъ, Василиса ѣдетъ „ис тоя земли изъ Галацкїя отъ короля *посолюкова*“, вм. польскова. Въ былинахъ о Ставрѣ, напечатанныхъ въ сборникахъ Рыбникова (I, 247) и Гильфердинга (стр. 767, 768 и др.), Василиса прїѣзжаетъ „изъ земли Ляхонцкїя“. Слово „Галацкїя“ рукописи, вѣроятно, описа, вмѣсто: „Галицкїя“, а можетъ быть вм.: „Галавскїя“; ср. у Рыбникова: „Называлася (Василиса) посломъ со славной земли Глевскїя“ (I, 243).

²⁾ Заключеннаго въ скобки пять въ рукописи; стихъ въ ней кое-гдѣ разрушенъ, — новое указаніе на то, что былина списана съ рукописи, а не записана со словъ.

³⁾ Эта былина издана *очень неисправно* въ „Памятникахъ старинной русской литературы“, I, 311—318.

⁴⁾ Сборникъ Второго отдѣленія Императорской Академіи наукъ, т. XXXVI, стр. 357—369.

ляетъ время написанія той части сборника, въ которую вписана «*Повѣсть*» объ Ильѣ Муромцѣ. Въ сожалѣнію, отъ этой повѣсти сохранились только начало и конецъ. Приводимъ буквально сохранившіяся строки. Начало: «Въ славномъ граде Муроме слушалъ Илья Муромецъ воскресную заутреню; походъ держалъ к славному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому всеславевичю, а завѣтъ держалъ на свою востру саблю і на свои...» Конецъ: «...службу, да послужи ты мне вѣрою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тежь люди миновалися, а слава ихъ до скончания вѣка. Аминь». Уцѣлѣвшія строки «Повѣсти» позволяютъ думать, что текстъ ея записанъ былъ довольно вѣрно сравнительно съ народнымъ пересказомъ и не подвергся поправкамъ книжника. Своимъ составомъ послѣдняя часть сборника Ундольскаго напоминаетъ составъ Барсовскаго сборника, въ которомъ помѣщено «Сказаніе о кѣвскихъ богатыряхъ». На листахъ 59—61 об. новой нумераціи (по старой 117—119) помѣщена «*Повѣсть* о царѣ Агѣе, како пострада гордости ради за евангельское слово»; на л. 62—64 об. (по стар. нумераціи л. 120—122 об.) статья, озаглавленная: «О велицемъ граде Иерусалиме сказаніе, идеже гробъ господень предстоить и о пространстве соборныя церкви Святая Святыхъ»; на листахъ 65—74 (по ст. номер. 123—132)—«*Повѣсть* о крестномъ сыне, како Христосъ крестилъ младенца»¹⁾; наконецъ, на л. 75—81 об. (л. 133—139) написана «*Повѣсть* о Дмитріи купце (Басаргѣ) и о сынѣ его седми лѣтъ мудрыхъ отвѣтовъ» (sic!). Разсказъ о Дмитріи Басаргѣ, озаглавленный въ другихъ рукописяхъ «словомъ» или «сказаніемъ»²⁾, названъ здѣсь «Повѣстью»; такое на именованіе получила и былина объ Ильѣ Муромцѣ, и даже легенда о крестномъ сынѣ. Уцѣлѣвшій въ сборникѣ Ундольскаго отрывокъ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ относится къ той версіи былинъ о первой поѣздкѣ Ильи, которая находится въ описанномъ сборникѣ Ѳ. И. Буслаева и другихъ рукописяхъ XVIII в. Въ тетрадкѣ второй половины XVIII вѣка,³⁾ принадлежащей Н. Е. Забѣлину (№ 71), она уже носитъ не старое русское названіе: «слова», «сказанія», «повѣсти», а обречена иностраннымъ словомъ: «*Гисторія*», т. е. тѣмъ терминомъ, которымъ обыкновенно означались во второй половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти⁴⁾. По этому списку Н. Е. Забѣлина «*Гисторія* о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ - Разбойникѣ» напечатана Аванасьевымъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ (изд. 3-е, вып.

¹⁾ Эта легенда напечатана по довольно позднему списку въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ А в а н а с ѣ в а, стр. 99—104.

²⁾ Ср. „Памятники старинной русской литературы“, изд. Костомаровымъ, II, 347, 352! П ы п и а, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 99.

³⁾ Владѣлецъ рукописи относитъ ее ко второй половинѣ XVIII вѣка. Ср. П ы п и а, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 295. Здѣсь время написанія рукописи не опредѣлено съ точностью; сказано только, что она относится къ XVIII вѣку.

⁴⁾ Ср. П ы п и а, „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 284—289, и е г о ж е: „Для любителей книжной старины“, стр. III, V, 4, 5 и др.

I, стр. 77—80, затѣмъ переиздана акад. Л. Н. Майковымъ въ 1891 году въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русск. литературѣ» (II, стр. 32—34) и снова издается въ нашемъ сборникѣ (см. выше стр. 4—7). Въ срединѣ рукописи пропускъ. Текстъ начинается такъ: «Во славномъ градѣ Муромѣ слушалъ Илья Муромецъ заутреню воскресную, походъ держалъ ко граду Кіеву ко славному князю Владимиру Сеславьевичу, а *завѣтъ положилъ, чтобъ отнюдь во всю широкую дороу острой сабли изъ ножъ не вынимать, а на крѣпкой мукъ тетивы не накладывать*»¹⁾. Такое начало ближе всего подходитъ къ вышеприведенному отрывку, сохранившемуся въ сборникѣ Ундольскаго № 663; въ «повѣсти» Буслаевского сборника начальныя строки представляютъ старый текстъ въ *испорченномъ* видѣ; въ другомъ текстѣ XVIII вѣка о «завѣтѣ» Ильи Муромца совсѣмъ не упоминается. Въ описываемой тетради И. Е. Забѣлина «Гисторія объ Ильѣ Муромцѣ» оканчивается слѣдующими словами: «И князь Владимиръ сталъ веселъ и говорить ему: *послужи ты мнѣ, Илья Муромецъ, вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую*»²⁾. Послѣднія выраженія *буквально* повторяются въ отрывкѣ Ундольскаго; въ текстѣ сборника Буслаева ихъ нѣтъ; но вмѣсто нихъ стоитъ эпическая формула: «тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, і кони не заперты, і погребы не замкнуты». Позволительно заключить, что одна и та же версія былинны вносилась въ рукописи XVIII вѣка съ записей или пересказовъ, несогласныхъ между собою во всѣхъ подробностяхъ содержанія и различныхъ по изложенію, по степени сохранности эпического стиля.

Въ другой рукописи И. Е. Забѣлина, № 82, относимой владѣльцемъ ко второй половинѣ XVIII вѣка, находятся: 1) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, и 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (см. 1-е въ нашемъ изданіи стр. 11—24)³⁾. Въ первомъ сказаніи утрачены начальныя листы; въ настоящемъ своемъ видѣ рукопись начинается такъ: «взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговскій подъ лѣвую». Въ этомъ сказаніи о первой побѣдѣ Ильи Муромца, богатырь освобождаетъ отъ враговъ не Себежъ, а Черниговъ. Второе «сказаніе» (о трехъ богатыряхъ), повидимому, сходно съ напечатаннымъ выше по двумъ спискамъ (№ 2 и 3, стр. 32—46) «сказаніемъ о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о походеніи ихъ». Записываніе народныхъ пословицъ и составленіе изъ нихъ особыхъ сборниковъ продолжалось въ XVIII вѣкѣ. Въ *рукописяхъ* этого столѣтія пословицы сохраняютъ *свой исконный видъ*; только при печатаніи подвергаются онѣ болѣе или менѣе значительнымъ искаженіямъ. Къ 1749 году относится рукопись, озагла-

1) «Народныя русскія сказки» А. А. Васильева, вып. I, стр. 77—78.

2) А. А. Васильевъ, «Народныя русскія сказки», I, 80.

3) Д. А. Ровинскій относитъ этотъ «замѣчательный списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ» къ «началу прошедшаго столѣтія» и предлагаетъ сравненіе этого списка съ текстомъ (конечно подновленнымъ), который напечатанъ Сахаровымъ въ его «Русскія народныя сказки» (Спб. 1841), стр. 66. См. Русскія народныя картинки, IV, 2—3.

ленная: «Россійскія пословицы, собранныя по алфавиту въ Москвѣ 1749». Изъ позднѣйшей приписки видно, что этотъ сборникъ *писанъ рукою Александра Даниловича Янкова*. По словамъ Ѳ. И. Буслая, рукопись эта «содержитъ въ себѣ многія весьма древнія пословицы, не уступающія стариною» тѣмъ, которыя внесены въ сборникъ XVII в. Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ ¹⁾. Можетъ быть, Янковъ не самъ составилъ этотъ сборникъ пословицъ, а списалъ его съ болѣе древняго оригинала: многія пословицы въ этой рукописи «въ большей чистотѣ сохранили русскую рѣчь», тѣмъ напечатанныя впоследствии въ извѣстномъ изданіи Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи» ²⁾. Какъ бы то ни было, достойно вниманія то обстоятельство, что перепискою «русскихъ пословицъ» занимался *въ Москвѣ*, въ 1749 г., человекъ по тогдашнему времени образованный, знавшій французскій языкъ. Въ нашемъ собраніи рукописей находится рукопись (№ 325), принадлежавшая библиотекѣ того же Янкова и значившаяся въ ней подъ № 86. Рукопись заключаетъ въ себѣ «Авантюры Аристоноусовы», — нравоучительную повѣсть, переведенную съ французскаго. На оборотѣ заглавнаго листа тѣми же чернилами и почеркомъ, какими написана вся рукопись, приписано: «А: de Vancoff». На заглавномъ листѣ *позднѣйшая приписка*: «Авантюры Аристоносовы (sic!). *Писаны рукою Александра Даниловича Янкова*» ³⁾. Образованный русскій москвичъ, половины прошлаго вѣка, сохраняя, очевидно, живой интересъ къ рукописной литературѣ, хранившей старыя традиціи, и собственною рукою переписывалъ и народныя русскія пословицы, и переведенную съ французскаго исторію ⁴⁾.

Быть помѣщикомъ XVIII вѣка, особенно провинціальныхъ, поддерживалъ въ этомъ привилегированномъ сословіи сочувствіе народной старинѣ и поэзіи. Митрофанушка «Недоросля» «еще съизмала былъ къ исторіямъ охотникъ» и «заставлялъ себѣ рассказывать исторіи скотницѣ Хаврошкѣ»; «въ иной исторіи залеталъ за тридцать земель, за тридцато царство». Скотинникъ «безъ того глазъ не сводилъ, чтобъ выборный не рассказывалъ ему исторій». Самъ авторъ «Недоросля» слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ дмитріевской деревни Фонвизинныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владиміра и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ (о дворѣ Путятинѣ) помѣстилъ въ одномъ изъ примѣчаній къ Іоанновской лѣтописи ⁵⁾. Обширный сборникъ народныхъ пѣсенъ, составленный въ XVIII вѣкѣ, связанъ съ именемъ одного изъ Демидовыхъ, — того, который любилъ щеголять патріархальными приемами стараго русскаго быта. 22-го сентября 1768 года Прокофій Акинфиевичъ Демидовъ писалъ «россійскому историографу»

1) Ср. монографію Ѳ. И. Буслая: «Русскія пословицы и поговорки», въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ Калачева, II, 2, стр. 67.

2) Тамъ же.

3) Ср. также Пыпина, „Дополненіе къ библиографическому списку рукописныхъ романовъ, повѣстей и пр. первой половины XVIII вѣка“ въ „Сборникѣ Общества любит. рос. словесности“ на 1891 г., стр. 542—543.

4) Въ 1782 г. эта повѣсть была напечатана въ Петербургѣ, но въ другомъ переводѣ — съ англійскаго. („Роспись“ Смидина, № 9268).

5) Татищевъ, „Россійская исторія“, часть I, кн. 1, стр. 50.

Г. Ф. Миллеру: «Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я достала отъ *сибирскихъ людей*, которые прошедшую исторію поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высочордію посылаю». Печатавъ это письмо (по подлиннику, сохранившемуся въ портфеляхъ Миллера), профессоръ Шевыревъ справедливо замѣтилъ: «Письмо указываетъ на то, какъ весь сборникъ, у насъ обыкновенно приписываемый Киршѣ Давилову, былъ записанъ въ Сибири съ устъ сибирскихъ людей для Прокофія Акинѣевича Демидова» ¹⁾. Приведенное письмо опредѣляетъ приблизительно время и мѣсто записи народныхъ пѣсень, вошедшихъ въ составъ «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» ²⁾. Самая былина, посланная Демидовымъ Миллеру при этомъ письмѣ и напечатанная въ послѣдствіи въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ» (стр. 326—336) подъ заглавіемъ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское», написана была *безъ раздѣленія на стихи*, въ сплошную строку ³⁾. По словамъ К. Θ. Калайдовича, «оригиналъ «Древнихъ Русскихъ стихотвореній» писанъ *новымъ почеркомъ*, безъ орфографіи и *безъ раздѣленія стиховъ*» ⁴⁾. Время составленія сборника Калайдовичъ опредѣляетъ лишь приблизительно, говоря: «За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ русской словесности мы обязаны покойному г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Прокофію Акинѣевичу Демидову, для коего они предъ симъ лѣтъ за 70 были списаны» ⁵⁾. Высказывая предположеніе, что пѣсни для Демидова были *списаны* съ тоговаго оригинала (а не записаны со словъ), Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, «что собиратель «Древнихъ стихотвореній» долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка» ⁶⁾. Это предположеніе издатель основываетъ на пѣснѣ: «Свѣтель, радошень царь Алексѣй Михайловичъ» и еще болѣе на «повѣсти о Атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ», въ которой сей начальникъ Донскаго войска съ казаками, изъявляя прискорбіе о возбраненіи имъ плаванія на Дону, подаетъ въ Москвѣ государю Петру I просьбу на сіе притѣсеніе» ⁷⁾. Сборникъ древнихъ россійскихъ стихо-

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, отд. IV, стр. 9.

²⁾ Письмомъ Демидова опровергается предположеніе Сахарова, что „настоящій собиратель („Древнихъ россійскихъ стихотвореній“) былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тулѣ въ половинѣ XVIII столѣтія“ и собиравшій, какъ и другіе тульскіе бояре того времени, „пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки“. Отъ этихъ *тульскихъ пѣсельниковъ*, по мнѣнію Сахарова, и записаны пѣсни, вошедшія въ составъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“. Ср. „Сказанія русскаго народа“, изд. 3-е, I, 30.

³⁾ „Москвитянинъ“ 1854 г., № 1 и 2, стр. 10.

⁴⁾ „Древній россійскій стихотвореніи“, изд. 2-е, стр. XXXIV, стр. III.

⁵⁾ Тамъ же, стр. I.

⁶⁾ Тамъ же, стр. VIII—IX.

⁷⁾ Основываясь на указанныхъ Калайдовичемъ пѣсняхъ, П. А. Безсоновъ отодвигаетъ даже Киршу Давилова къ концу XVII вѣка. Вотъ его слова: „Слѣдующій за тѣмъ собиратель былинъ, записавшій намъ ихъ, Кирша Давиловъ, жилъ, конечно, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, суди по тому, что сборникъ его кончается былинами о свѣжихъ событіяхъ конца XVII вѣка, о Разинѣ, рожденіи Петра I, атаманѣ Флорѣ Минаевичѣ и т. п.“ (Приложеніе къ седьмому выпуску

творений, несомненно, составленъ былъ по заказу Демидова въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и пѣсни, вошедшія въ его составъ, были записаны съ голоса сибирскихъ людей, а не переписаны съ готоваго рукописнаго оригинала. Демидовъ положительно свидѣтельствуетъ о томъ въ письмѣ къ Миллеру.

Въ 1769 году Кургановъ вноситъ четыре народныя пѣсни въ учебное руководство по русскому языку, изданное имъ подъ заглавіемъ: «Россійская универсальная грамматика, или всеобщее письменное, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей». Двѣ историческія пѣсни напечатаны здѣсь въ сплошную строку; но начала отдѣльныхъ стиховъ отмѣчаются во второй пѣснѣ прописною буквою: повидимому Кургановъ напечаталъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ какой-нибудь рукописи ¹⁾. Въ «Универсальной грамматикѣ» народныя русскія пѣсни помѣщены въ отдѣлѣ *Разныхъ стиходобійствъ* — среди произведеній Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, школьныхъ «кантъ» и «іевокалѣбскихъ» стиховъ. Въ другихъ отдѣлахъ книги Курганова помѣщены: 1) «Краткія замысловатыя повѣсти» (въ родѣ польскихъ фацецій), 2) «Древнія апоѳегмы» (перепечатанныя съ стараго рукописнаго текста, изданнаго въ Москвѣ въ 1711 году), и наконецъ, 3) «Сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ». Последнія, какъ и пѣсни, напечатаны безъ подпорокъ и передѣлокъ, которымъ онѣ нерѣдко подвергались впоследствии со стороны писателей, принадлежавшихъ къ ложно-классической школѣ, или признававшихъ литературный авторитетъ Сумарокова (напр., въ изданіяхъ Богдановича и Михайлы Попова). «Универсальная грамматика» впоследствии была значительно расширена въ объемѣ и, подъ именемъ «Письмовника», заняла почетное мѣсто въ нашей «мѣщанской» литературѣ; этимъ книга Курганова обязана, конечно, и тому, что приняла въ свой составъ «апоѳегмы» и забавныя повѣсти, пользовавшіяся большимъ распространеніемъ въ литературѣ XVIII вѣка, а также народнымъ пѣснямъ и пословицамъ, въ нее внесеннымъ. Нѣкоторые отдѣльныя

„Пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ“⁴⁾, стр. 78). Осторожиѣе относится къ вопросу о личности Кирши Данилова и о времени составленія имъ сборника пѣсень Вольперъ, говоря „Im 18 Jahrhundert veranstaltete ein gewisser Kirscha Danilov, der in den Demidew'schen Eisenbergwerken im Gouvernement Perm beschäftigt gewesen zu sein scheint, eine Sammlung von 61 Bylinen (Wöllner, Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen“, p. 2). Вольперъ слѣдуетъ здѣсь О. Θ. Миллеру (Павъ Муромецъ, стр. V).

¹⁾ Первая пѣсня („Изъ славнаго города изъ Пскова подымался Царевъ большой бояринъ“, стр. 306) перепечатана была въ пѣсеникахъ Чулкова, Новикова и въ пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вып. 8-й, стр. 132—135.

Вторая пѣсня напечатана въ такомъ видѣ: „Вы молоды ребята послушайте; Что мы стары старики будемъ сказывать: 2. Про грозна Царя Івана про Васильевича. Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ: Подъ Казанку подъ рѣчку подкопы подводилъ: За Сулай за рѣчку бочки съ порохомъ каталъ: А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ: Ой! Татараве по городу полаживаютъ; И всяко грубиянство оказываютъ: Онъ грозному Царю насмѣхаются: А не быть нашей Казани за бѣлымъ за Царемъ: Ахъ! какъ тутъ нашъ Государь Царь разгнѣвался: Что подрывать такъ долго медлилъ: Приказалъ онъ за то Пушкарей строго казнить: Подкопчиковъ и зажигальщиковъ: Но (ипо?) всѣ тутъ Пушкеры при-

статьи «Универсальной грамматики» перенесли на лубочныя картинки, подобно многимъ рукописнымъ текстамъ XVII и XVIII вѣка ¹⁾).

Въ 1770-мъ г. напечатаны были Чулковымъ двѣ первыя части «Собранія разныхъ пѣсенъ»; изданіе этого сборника закончилось въ 1774 году выходомъ четвертой части. Рядомъ съ пѣснями разныхъ русскихъ стихотворцевъ Чулковъ помѣстилъ въ этомъ «Собраніи» много пѣсенъ народныхъ, преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ; пѣсенъ историческихъ и былинъ въ его сборникѣ не много.

Обрядовыя и бытовыя народныя пѣсни, напечатанныя въ «Собраніи» Чулкова, повидимому, извлечены собирателемъ изъ старыхъ рукописей, гдѣ онѣ находились вмѣстѣ съ пѣснями неизвѣстныхъ авторовъ. Въ «Предувѣдомленіи» Чулковъ говоритъ: «Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотныя писцы наши, кои пишутъ, а что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ искусство находилъ я почти во всякой пѣснѣ, такъ что видѣ ни стиха, ни рѣмы, ниже мысли узнать мнѣ было не можно; да я чаю, что они и сами растолковать бы мнѣ не умѣли; для того принужденъ былъ употреблять догадку... Сихъ пѣсенъ собрано у меня нѣсколько (продолжаетъ Чулковъ), а сіе нѣсколько составило бы ужасной величины книгу, если бы я напечаталъ ихъ всѣ вмѣстѣ: того ради разсудилось мнѣ выдавать ихъ по частямъ. Каждая часть состоятъ будетъ изъ *пѣсенъ разнаго сложенія*, какъ и сія первая, въ томъ же числѣ будутъ театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, и словомъ *всякаго званія*».

Въ прошломъ вѣкѣ, дѣйствительно, обращались въ средѣ читающаго класса рукописи, въ которыхъ собраны были пѣсни «разнаго званія». Одинъ изъ такихъ сборниковъ найденъ былъ Некарскимъ въ библиотекѣ г-жи А. П. Микულიной въ селѣ Божинѣ Московской губерніи. А. Н. Пыпинъ описываетъ этотъ сборникъ такъ: «Рукопись (на 40 лист., въ небольшую четвертку) писана стариннымъ почеркомъ половины XVIII-го столѣтія и названа *кантами*, хотя въ ней собственно такъ называемыхъ стихотвореній очень не много. Всего въ рукописи записаны пятьдесятъ четыре пьесы. Половина ихъ состоитъ изъ романсовъ, пѣсенъ и идиллій, принадлежащихъ срединѣ прошлаго вѣка; затѣмъ помѣщено нѣсколько духовныхъ стихотвореній; наконецъ, остальные пьесы состоятъ или изъ чисто-народныхъ или полународныхъ пѣсенъ, между которыми встрѣчаются интересныя въ томъ или другомъ отношеніи» ²⁾. Замѣтимъ, что въ такихъ сборникахъ чисто-народныя пѣсни составляютъ незначительное число

задумалися: А одинъ Пушкаръ поотважился: Прикажи Государь Царь слово выговорить: Не успѣлъ Пушкаръ слово вымолвить: Тогда лишь догорѣли зажигаемымъ свѣчи: И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ. Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку: Вся Татараве тутъ, братцы, устрашилися: Овъ бѣзому Царю покорился. Пѣсни того же содержанія („Боаривъ Шереметевъ“ и „Взятіе Казанскаго царства“) есть и въ „Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ“ (стр. 284, 314), но въ друцкихъ *версіяхъ*, чѣмъ у Курганова.

¹⁾ Ср. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, IV, 190, 241, 254, 353.

²⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Народные стихи и пѣсни, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., январь, стр. 300—301.

сравнительно съ романами, пѣснями театральными и подобными имъ стихотвореніями. Таковъ составъ сборниковъ XVIII вѣка, въ которыхъ помѣщались народныя пѣсни лирическія, бытовыя.

Съ 1780 года тотъ же Чулковъ началъ издавать «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ» и т. д. Въ составъ этого изданія вошли сказки, которыя Чулковъ сочинялъ, руководствуясь принадлежавшимъ ему сборникомъ русскихъ народныхъ былинъ. «Въ крайнему моему сожалѣнію (говоритъ онъ) въ пожарный случай погибло у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсней, между коими и о семь подвигѣ Добрыни Никитича... «Голосъ оныя и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь» ¹⁾. Сотрудникъ Чулкова по изданію «Русскихъ сказокъ», извѣстный писатель Михайла Поповъ ²⁾, составляя для печати сборникъ: «Россійская Эрата, или выборъ наилучшихъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсней» ³⁾, вноситъ въ него нѣсколько народныхъ лирическихъ пѣсней и, такъ же, какъ и Чулковъ, жалуется на «безграмотныхъ писцовъ», отъ которыхъ многія пѣсни «претерпѣли гнусное себѣ превращеніе» ⁴⁾. У него было подъ руками довольно много записей народныхъ лирическихъ (бытовыхъ) пѣсней,—т. е. сборниковъ такого же состава, какими пользовался и Чулковъ, когда онъ приготовлялъ къ печати свое «Собраніе разныхъ пѣсней». Въ предисловіи къ своему сборнику М. Поповъ говоритъ: «Со старинными ⁵⁾ пѣснями поступалъ я такимъ же образомъ (т. е. какъ и съ новѣйшими): по учиненіи онымъ изъ *прогрома* *стаи* очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо равногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оныя въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я совсѣмъ безъ поправки, по тому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо, какъ уже выше сказано, древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство старинныхъ нашихъ пѣсней» ⁶⁾. Поповъ, вѣроятно, пользовался и сборниками пѣсней «вса-

¹⁾ Русскія сказки, 1780 г., ч. I, стр. 138—139. Въ 1807 году Левшинъ издалъ первый четыре части «Русскихъ сказокъ» Чулкова *вторымъ изданіемъ*, т. е. перепечаталъ буквально съ перваго изданія; поэтому приѣчаніе Чулкова о сгорѣвшемъ сборникѣ старинныхъ богатырскихъ пѣсней приписано было Левшину Калайдовичемъ («Древнія россійскія стихотворенія», стр. XXI—XXII). Этимиъ объясняется недоумленіе А. Н. Веселовскаго, „какъ помирить цитату Левшина съ Чулковскою“ („Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. XXXVI, стр. 375).

²⁾ Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, II, 243.

³⁾ Этотъ сборникъ, въ трехъ частяхъ, напечатанъ былъ по смерти М. Попова, въ Петербургѣ, въ 1792 году.

⁴⁾ Россійская Эрата, I, стр. XXXI.

⁵⁾ Такъ называлъ Поповъ народныя пѣсни.

⁶⁾ „Россійская Эрата“, ч. I, стр. XXXVI—XXXVII.

паго званія», принадлежавшими Чулкову; онъ былъ участникомъ и въ Чулковскомъ «Собраніи разныхъ пѣсенъ»¹⁾...

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи, кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, составленныхъ исключительно изъ народныхъ пѣсенъ («Древнія россійскія стихотворенія» и сгорѣвшій сборникъ богатырскихъ пѣсенъ Чулкова), народныя пѣсни попадаютъ 1) лирическія — въ сборникахъ романсовъ и пѣсенъ Сумарокова, Ломоносова и второстепенныхъ писателей XVIII вѣка, 2) былины и историческія пѣсни — въ сборникахъ старинныхъ «сказаній», «повѣстей», «словъ». Сборники перваго рода обращались преимущественно среди привилегированнаго класса: ихъ надобно искать въ старинныхъ помѣщичьихъ библіотекахъ; сборники второго рода — среди грамотныхъ людей средняго и низшаго класса: купцовъ, мѣщанъ, посадскихъ, дворовыхъ людей, крестьянъ.

Къ категоріи послѣднихъ сборниковъ относятся тѣ рукописи нашей библіотеки, по которымъ напечатаны выше слѣдующія былины: 1) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» (№ 4, стр. 10—11); 2) «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ кіевскихъ и о походеніи ихъ» (№ 2, стр. 32—39), и 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ кіевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ» (№ 3, стр. 39—46).

«Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» заимствовано изъ рукописнаго сборника моей библіотеки, № 222. Рукопись въ четвертку, на 227 листахъ, переписанная тою же рукою, которою написанъ весь сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, на оборотѣ 63-го листа, сдѣлана приписка, опредѣляющая время составленія сборника: «Anno Domini 1734 году». Въ составъ этой рукописи входятъ: 1) «Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ тарскомъ», безъ начала, за утратою первыхъ двухъ листовъ (л. 3—28 об.); 2) «Исторія, выписана изъ книгъ zelo полезна французскаго (sic!) королевства о гравскомъ сынѣ Кейнге» и т. д.²⁾ (л. 29—44 об.); 3) «Суть Шемьянинъ, выписано изъ книгъ жартовъ» (л. 45—47 об.); 4) «Сказаніе о храмѣ и о слепце» (л. 47 об.—48 об.); 5) «Повесть Цесаревича Діоклітиана отцу своему и (sic!) некоему рыцарю и о сыне его Александрѣ, велики чудна» (л. 49—63 об.); 6) «Повесть zelo предивна и истинна, аже бысть во дни сии, како человеколюбивый Богъ являетъ человеколюбие свое надъ народомъ христіанскимъ» — о Саввѣ Грудцынѣ (л. 67—87), и 7) «Исторія о храбрѣмъ гиншанскомъ рыцарѣ Венецианѣ и прекрасной королеви Ренцвейнѣ» (л. 94—227). Составитель сборника оставилъ пустыми листы 64—66 (послѣдній листъ утраченъ) и л. 87 об.—93 об. На этихъ-то пустыхъ страницахъ другимъ почеркомъ малограмотнаго писца вписаны: 1) «Молитва великому святителю Николаю чудотворцу» (л. 64—64 об.); 2) «Молитва пресвятой Богородицѣ» (л. 87 об.—88); 3) «Молитва покаянная Господу Іисусу» (л. 88—89); 4) «Мѣсяцъ мартъ въ 12 день. Сей листъ выписанъ изъ древнихъ святыхъ отецъ харитеныхъ (sic!) о дванадцать временныхъ инаугетца пятница»

¹⁾ Евгений, «Словарь свѣтскихъ» писателей II, 243.

²⁾ Ср. Пыпина, «Для любителей книжной старины», стр. 34—35.

(л. 89 об.); 4) «Послание отъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с небесе»¹⁾ (л. 90—90 об.); 5) «Молитвы чрезъ седмицу великому христианину» (л. 91—91 об.). Непосредственно за «молитвою въ понедѣльникъ» тою же рукою вписано и «Сказаніе о Илие Муромце и о Соловие Разбонике» (л. 91 об.—92 об., л. 93 об.). Эти новыя записи не позднѣе 1740 года: на л. 64, въ «молитвѣ Николаю Чудотворцу», читается: «Молися Всемилостивому Владыцѣ спасти во здравіе... благочестивѣйшую и самодержавнѣйшую великую государыню царицу, императрицу Анну Іоанновну». Переписчикъ, несомнѣнно, имѣлъ оригиналомъ рукописный текстъ былины, старый, съ надстрочными буквами и титлами. Не умѣя разобрать надстрочныхъ скорописныхъ буквъ, писецъ былины пропускалъ ихъ, какъ видно изъ выше напечатанныхъ примѣчаній: 6-го и 7-го на стр. 10-й и 1-го на стр. 11-й, подѣ текстомъ «Сказанія».

Текстъ «Сказанія о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потогѣ Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ» (стр. 32—39) извлеченъ изъ рукописной тетради моей бібліотеки за № 399, состоящей въ настоящее время изъ двадцати двухъ четвертокъ; первая и послѣдняя четвертка утрачены. Листы перемѣнены писцомъ—не цифрами, а по старинному—буквами. Помѣтка идетъ сверху по всемъ листамъ рукописи; послѣ помѣты 19 (ѳі) слѣдуетъ, по оплошности писца, помѣта 21 (ѣа), вмѣсто 20. Съ лѣваго боку седьмага (по старой помѣткѣ) листа приписано сверху: «Семень». То же имя приписано съ правой стороны и на оборотѣ 18-го листа. Это—имя переписчика и вмѣстѣ владѣльца рукописи. Въ концѣ другой тетради того же почерка, сохранившей главу изъ «Житія Девгенія», читается: «Сия тетрадь *Семена* Малкова; а дописана сия тетрадь Мца хеврали, 28 дня 1744 года, а писалъ самъ своею рукою всю до конца». Тетрадь, изъ которой взято другое сказаніе о тѣхъ же богатыряхъ (см. выше стр. 39—46), начинается слѣдующими строками главы «О въсищеніи Стратиговиѣ и о свадьбѣ Девгенія»: «и прииче ко окну, а сама не показася Девгенію.. и вснять возвратися; и Девгеніи взирающе на дворъ, и тогда девая видевше и подивися». Эта глава оканчивается «аминемъ» на листѣ девятомъ старой нумераціи. Непосредственно за нею вписано: «Сказаніе, како победи Девгеній Васчлія царя», оканчивающееся на 12-мъ листѣ. За эту главою «Девгеніева дѣянія» слѣдуетъ напечатанное выше «Сказаніе о трехъ богатыряхъ: о Ильѣ Муромце, и о Михаилѣ Потоке Ивановичѣ и Олешѣ Поповичѣ киевскихъ и о походеиіи ихъ» (л. 12—19 об.). На оборотѣ 19-го листа начинается статья озаглавленная такъ: «Мѣсяца марта въ ѣзъ день память святаыя мученицы Матроны Ѳесалонітскія»; статья оканчивается на оборотѣ слѣдующаго листа, ошибочно помѣченнаго ѣа. За сказаніемъ о св. Матронѣ, выписаннымъ изъ Пролога, слѣдуетъ «Слово о умномъ и о премудромъ брзжикѣ» (л. 21 об.— до конца тетради). Конца этой статьи недостаетъ. Послѣдняя тетрадь Семена Малкова списана,

¹⁾ Это такъ наз. „Эпистолія о недѣль“¹⁾, иначе „Іерусалимскій свитокъ“²⁾, упомянутый выше въ сб. Ѳ. П. Буслаева. Издавался много разъ; срв. также „Этногр. Обзорніе“, IV, 95—100; Н. А. Иванничаго, Матеріалы по этногр. Вологод. г.,—въ „Сборн. свид. для изуч. быта крест. насел. Россіи“³⁾, в. II. Москва 1890 г., стр. 146—147.

вѣроятно, также около того же 1744 года, къ которому относится и первая. Наконецъ, третья тетрадь съ именемъ Семена Малкова, переписанная не его рукою, даетъ указаніе и на мѣстность, гдѣ эти тетради переписывались или обращались. Въ концѣ третьей тетради, содержащей въ себѣ «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты», послѣ словъ: «Семень Малковъ» написано: «Посацкой человекъ Ярославъ Андрей Федотовъ». Полагаемъ, что «Сказаніе о трехъ богатыряхъ» списано съ рукописнаго оригинала, а не записано со словъ: поэтому писецъ механически скопировалъ одно непонятное ему мѣсто, опустивъ надстрочныя буквы, и пропустилъ нѣсколько строкъ или не нашелъ ихъ въ рукописномъ оригиналѣ (см. прим. 1-е на стр. 33-й).

Второе (№ 3) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Ильѣ Муромцѣ, и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ», представляющее вариантъ къ первому, напечатано по рукописи моей бібліотеки, № 361. Этотъ объемистый сборникъ, въ четвертку, на 240 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, писанныхъ въ разное время разными почерками и лишь впоследствии переплетенныхъ вмѣстѣ и объединенныхъ общимъ оглавленіемъ, которое насчитываетъ въ сборникѣ 23 главы (статьи). Оглавленіе писано тою же рукою, какою списана самая объемистая тетрадь сборника, содержащая въ себѣ «Страсти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа» (л. 1—100). Въ текстѣ этой *первой главы* сборника, на оставленныхъ пустыми мѣстахъ, вклеены 16 картинокъ, вырѣзанныхъ изъ лубочной книжки: «Страданіе Господа нашего Іисуса Христа» (Ровинскій III, 331). По времени написанія тетрадь «Страстей» самая поздняя изъ всѣхъ, вошедшихъ въ описываемый сборникъ. Тѣмъ же почеркомъ, какимъ написано «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ», списаны слѣдующія статьи сборника: 1) «Мученіе святыхъ мученикъ Кирика и матери его Улиты» (л. 121—130); 2) «Слово святаго отца нашего Агапія» (л. 131—137); 3) «Убиеніе святаго благовернаго князя Андрея Георевича Боголюбовскаго» (137—140); 4) «Сказаніе о богатомъ купцѣ» (л. 141—145 об.). Нач.: «Во граде Вавилоне бысть купецъ, богатъ zelo, именемъ Бендеръ»; 5) «Житіе святаго отца нашего Григорія, папы римскаго (л. 145 об.—150). Такъ названа статья въ оглавленіи; въ текстѣ стоитъ другое заглавіе: «Сказаніе о царскомъ платьѣ». Это—совершенно особая редакція такъ называемой легенды о провосмѣстителѣ (Памятники старинной русской литературы, Костомарова, II, 415—424). Нач.: «Бысть в Цареградѣ царь Платонъ; живяше много лѣтъ и умре» и т. д.; 6) «Слово иже во святыхъ отецъ нашихъ: Василя Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, велии душеполезно, ко всѣмъ православнымъ христіаномъ, како матерно бранитися (л. 150 об.—152); 7) «Повѣсть о крестномъ смыѣ», безъ начала (л. 152 об.—155), указанная выше въ сборникѣ Ундольскаго; 8) «Слово о святѣмъ Иоаннѣ Богословѣ, како изучи человекъ писати иконы» (л. 159—161), указанное выше въ сборникѣ Ѳ. И. Вуслаева; 9) «Слово о черноризцѣ Мартири, како Христа носилъ» (л. 161 об.—162); 10) «Слово святаго Иоана Златоустаго о страхѣ божіи и о еже како во святѣй божіи церкви стояти со страхомъ и благочиномъ и лице свое крестити крестообразно» (л. 162 об.—163). Нач.: «Миози

убо невегласи, махающе по лицу своему рукою» и т. д.; 11) «Списание о иконе пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии огеитрии (sic!) троеручицы (л. 163—166 об.). Нач.: «Принесена сия святая икона пресвятыя Богородицы из аеонския горы архимандритомъ Θεованомъ лета 7172 году октоврия въ 16 день» и т. д.; 12) «Поучение иже во святыхъ отца нашего Василия кесарическаго (въ оглавленіи: Кесаринскаго) ко всемъ православнымъ христіаномъ о хмельномъ питіи; како ему гласъ бысть отъ образа пресвятыя Богородицы» (л. 166 об.—171 об.); 13) «Сказаніе учителя церковнаго Иеронима святаго о Иуде предателя (sic!) Господа нашего Иисуса Христа» (л. 172—176); 14) «Сказаніе о сильныхъ могучихъ богатырехъ киевскихъ о Илье Муромце и о Михаиле Потокѣ Ивановиче и Алеше Поповиче» (л. 176 об.—183 об.).

Перечисленныя четырнадцать статей писаны *однимъ и тѣмъ же* почеркомъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тетрадь, содержащая «Страсти». Нѣкоторыя изъ написанныхъ этимъ старымъ почеркомъ страницъ имѣютъ внизу особую помѣтку, сдѣланную тѣмъ же почеркомъ; помѣчены страницы не цифрами, а *буквами*. Такъ, начиная съ 131 листа сборника, идетъ помѣтка страницъ отъ *ѧ* до *кѢ*. Судя по почерку, эти старыя тетради написаны не позднѣе 1740 года. Списывавшій былины имѣлъ передъ собою рукописный оригиналъ: на это, кажется, указываетъ написаніе словъ: «чересебя», отмѣченное въ 2-мъ примѣчаніи къ страницѣ 46-й.

Подробный перечень произведеній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, которые содержатъ въ себѣ тексты отдѣльныхъ былинъ, представляетъ вѣскія доказательства научной важности рукописей XVIII вѣка: въ нихъ находятъся нерѣдко хорошіе списки такихъ драгоценныхъ литературныхъ памятниковъ, которые не найдены пока въ болѣе старыхъ спискахъ. Таковы отрывки изъ «Девгеніева Дѣянія». Характеризуя своимъ составомъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и низшаго класса общества, рукописные сборники XVIII вѣка нерѣдко хранятъ въ себѣ такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ (Сказаніе о борьбѣ киевскихъ богатырей съ цареградскими). Первые собиратели русскихъ рукописей мало обращали вниманія на подобные сборники,—позднѣе, съ простонароднымъ содержаніемъ,—направляя свои поиски на собираніе памятниковъ литературы церковной, исторической,—официальной, такъ сказать, литературы древней Россіи. Собиратели произведеній устной народной словесности (пѣсенъ, сказокъ и т. п.) и различныхъ этнографическихъ свѣдѣній могутъ оказать великую услугу изученію древне-русской литературы—собираніемъ рукописныхъ сборниковъ и тетрадокъ, обращающихся въ настоящее время среди грамотнаго простонародья.

III.

Къ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII в.

(стр. 25—32).

Академикъ Л. Н. Майковъ, въ первый разъ издавшій эту повѣсть въ 1891 г. въ «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ рукописнаго сборника, въ которомъ она находится:

«Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библіотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный дотолѣ памятникъ русской письменности—Бесѣду о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ», здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библіотеки—О. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это поистинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, неодновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья—«Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ»—заслуживаетъ особаго вниманія ¹⁾.

«Повѣсть» эта занимаетъ послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она написана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполне; утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣднія ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиною, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастью, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперѣ въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

¹⁾ Первая шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ—изъ Римскихъ дѣваній; 5) сказаніе о воинѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акырѣ.

Несмотря на свою отрывочность, текст «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» въ Библиотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Во первыхъ, этотъ текстъ замѣчательнъ, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказанія о кѣвскихъ богатыряхъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія¹⁾.

Вторыхъ, библиотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ подправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу, стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но, во всякомъ случаѣ, представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, тѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ» мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «словесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ изобиліи такія слова—союзы, мѣстоименія: *что, какъ, самъ*, которыя въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаютъ гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ, и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти о Михаилѣ Потокѣ», которые изданы Н. С. Тихонравовымъ [см. въ нашемъ изданіи на стр. 32—46].

Въ третьихъ, библиотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, каковой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные примѣры *аванья*, случаи перехода *е* въ *а* (*дѣвицаю, чаломъ, зжаню, до вечера*) или въ *я* (*гражаня, во чисто поля*), *ж* въ *х* (*это, нисто*), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в *залатой орды*), форма родительнаго падежа на *ова, ева* (*мешнова, синева*), сокращенная форма 2-го лица *хоишъ, захоишъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить, что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была известна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію библиотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ Н. С. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы,

¹⁾ Богатырское слово въ списокъ пачала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

записанные въ Олонецкой губерніи Рыбинновымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей—усвоено въ Онежскихъ былинахъ другому лицу, противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену“.

[Замѣтимъ въ заключеніе, что по просьбѣ покойнаго Н. С. Тихонравова Л. Н. Майковъ взялъ на себя трудъ еще разъ свѣрить съ рукописью высланные ему въ Петербургъ корректурные листы «Повѣсти» въ нашемъ изданіи. В. М.]

IV.

Къ „Отрывку изъ неизвѣстной былины“.

(Стр. 59).

А. П. Станкевичъ, доставившій для нашего изданія фотографическій снимокъ съ рукописи этой былины, сообщаетъ о самой рукописи слѣдующія свѣдѣнія:

«Осенью 1890 года я получилъ отъ г. члена Московской судебнаго палаты Ѳ. И. Маслова небольшой листокъ бумаги величиной, приблизительно, въ обыкновенную 4-ку ($4\frac{5}{8} \times 3\frac{5}{8}$ вершк.) и исписанный съ обѣихъ сторонъ крупнымъ довольно почеркомъ второй половины XVII ст. Листокъ этотъ, повидимому, составлялъ нѣкогда часть цѣлой тетради или сборника—по краямъ замѣтны слѣды прикрѣпленія его къ корешку—и заключаетъ въ себѣ, какъ оказалось по его прочтеніи, отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ, а именно то мѣсто, гдѣ разсказывается о ширѣ у князя Владимира въ Бѣвѣ и ссорѣ Алеши съ Тугариномъ Змѣвичемъ, причемъ разсказъ этотъ въ значительной степени разнится отъ всѣхъ донныѣ намъ извѣстныхъ редакцій названной былины. Листокъ былъ найденъ г. Масловымъ въ коллекціи принадлежащихъ ему старинныхъ бумагъ, носящихъ, по большей части, характеръ вотчинный и юридическій, и составляющей часть обширнаго нѣкогда семейнаго архива гг. Масловыхъ... Изъ сличенія нашего листка съ другими, датированными документами изъ собранія г. Маслова, вполне явствуетъ, что они всѣ писаны одной рукою и въ одно время, т. е. во второй половинѣ XVII вѣка. Водяныхъ знаковъ на бумагѣ, кои могли бы оказать существенную помощь при опредѣленіи времени записи, къ сожалѣнію, въ отрывкѣ не имѣется. Свойства же бумаги отрывка и прочихъ свитковъ—совершенно одинаковы, такъ что находка эта весьма цѣнна, какъ одна изъ немногочисленныхъ дошедшихъ до насъ первыхъ записей народной былины».

По мнѣнію г. Станкевича, былина была записана прямо со словъ какого-нибудь пѣвца и притомъ чрезвычайно точно: въ текстѣ отрывка не замѣтно какихъ-либо измѣненій или поправокъ, сдѣланныхъ писцомъ; не видно, чтобы писецъ желалъ приблизить языкъ былины къ книжному языку сказаній и повѣстей XVII вѣка—языкъ остался народнымъ, безыскусственнымъ. Хотя текстъ былины записанъ сплошь, безъ раздѣленія на стихи, но при чтеніи нельзя не замѣтить слѣдовъ разбѣренной стихотворной рѣчи. Однако А. П. Станкевичъ прибавляетъ, что покойный Н. С. Тихонравовъ, по разсмотрѣніи рукописи былины, пришелъ къ тому заключенію, что текстъ ея представляетъ не записъ со словъ пѣвца, но *списокъ съ болѣе древней записи*. Это мнѣніе свое Н. С. Тихонравовъ подтверждаетъ подстрочными замѣчаніями, которыми онъ снабдилъ текстъ былины (см. особенно примѣч. 10-е).

Полътыи ѿнизъ дари мбрети
шю побѣтаты рѣхъи вѣшии лѣ
ми дѣлѣ потаидъ вѣнати е дѣ
наше е салатой сѣ рѣи

Ксаиномъ врагѣи свѣдѣли
напа дѣ дѣ дари мбраши вѣ
на вѣ дѣи слави вѣдѣи дѣ
пи ропа сѣ дѣи сѣ Намко сѣ
низи дѣ дарыи дѣи дѣи дѣи
дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи
дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи
дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи
дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи
дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи дѣи

Фототип. Высоч. утв. Т-ва А. А. Левенсонъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

БЫЛИНЫ НОВОЙ ЗАПИСИ.

*1. Илья Муромецъ.

Первая повѣдка его въ Кіевъ ¹⁾.

- Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозеньки изъ новья,
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣделышко черкасское,
5. Кладъ обѣтъ на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Кіева,
До солнышка до Сеславьева.
10. И ставалъ въ стременышко гольяшное
И садился въ сѣделышко черкасское.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Тутъ ѣхалъ удалой добрый молодець,
15. Старый казакъ Илья Муромецъ.
Онъ и ѣдетъ ко городу ко Кидошу.
Надъ Кидошомъ градомъ по грѣхамъ учинилося:
Подступала сила поганая.
Билъ, топталъ онъ силу поганую,
20. Билъ, топталъ трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
И во томъ во городѣ во Кидошѣ
Выходили попы, отцы дьяконы,
25. Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:

¹⁾ Прежде всего Тупицынъ *разсказалъ* известное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую, какъ отецъ его купилъ ему жеребца у попа за 300 рублей и какъ въ первый разъ отправился Илья Муромецъ *поленить*.

- „То-ли городъ нашъ Богъ защитилъ,
То-ли ангель святой,
И выбилъ, вытопталъ силу поганую?“
30. И ѣдетъ старый казакъ ко городу Кидошу,
И ѣдетъ мимо той церкви соборныя,
И говорятъ попы, отцы дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Садись за столъ хлѣбъ-соль кушати,
35. Ты скажи намъ свою отчину“.
Проговорилъ удалой добрый молодець:
„Я по повѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шишмаретинъ,
По потѣхѣ Борисъ-Королевичъ младъ,
Не изволю я хлѣбъ-соль кушати,
40. А скажите мнѣ дорожку прямоѣзжую
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву“.
И проговорятъ попы, отцы дьяконы:
45. „Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Больша де дорожка прямоѣзжая
Прямо шла во стольный Кіевъ градъ,
Дакъ залегъ Соловей разбойникъ,
Не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго“.
50. Проговорилъ удалой добрый молодець:
„Мнѣ туда и дорога-путь“.
И подѣзжаетъ онъ къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Не случилось ни мостовъ, ни переѣздичковъ.
И зачалъ удалой добрый молодець дубье рвать,
55. Зачалъ онъ черезъ Днѣпръ рѣку мостъ мостить,
Переѣзжать черезъ Днѣпръ рѣку на ту сторону.
И слышалъ Соловей, воръ-разбойникъ,
И слышалъ за пятнадцать верстъ,
И летитъ на встрѣчу добру молодцу,
60. И садился онъ на сырой дубъ кряковистой,
И приклонялся сырой дубъ ко сырой землѣ.
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Зашипѣлъ Соловей по змѣиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
65. Подъ Ильею конь палъ на-корачъ.
И выдергивалъ онъ шелыгу подорожную,
Стягалъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Самъ, молодець, приговаривалъ:
„Ахъ ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ!“
70. Не слыхалъ ты свисту богатырскаго,

- Не слыхаль ты шицу змѣйнаго,
Не слыхаль ты реву звѣринаго?“
Туть конь подѣ Ильей разсержается:
Онѣ скакаль выше дѣсу стоячаго,
75. Ниже облака ходячаго.
И браль старой свой тугой лукъ,
И браль изъ колчана калену стрѣлу,
И клалъ онѣ на тетивку шелковую,
Стрѣляль Соловья, вора-разбойника,
80. Попадаль ему въ правый глазъ,
И падать Соловей на сыру землю,
И приковаль его ко стремену,
Ведеть его по чисту полю,
И ведеть его ко высоко терему.
85. У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива,
Отворяла она воротички широкия,
На ворота клала сабельку острую,
Хотѣла срѣзать старому буйну голову:
90. „Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
Заѣзжай ко мнѣ ты на широкой дворъ“.
А старый казакъ былъ сдогадливой,
Береть онѣ ее на кинжалище острое,
Бросаетъ ее на сыру землю.
95. И ѣдетъ добрый молодець чистымъ полемъ
И видитъ онѣ въ полѣ девять молодцовъ,
Девять молодцовъ въ кулачки бьются,
И сами говорятъ таковы слова:
„Вонъ батюшка ѣдетъ, мужика ведеть“.
100. На отворотъ того другі говорятъ:
„Нѣтъ, мужикъ-отъ ведеть нашего батюшка“.
И ѣдетъ старый мимо молодцовъ;
Они хочуть похитить добра молодца.
Проговорить старый казакъ Илья Муромецъ:
105. „Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не закланешь, — самого смерти предамъ“.
Проговорить Соловей, воръ-разбойникъ:
„Не троньте вы удала-добра молодца,
У меня силушки не съ вашу есть,
110. Да старый казакъ въ горсти зажалъ.
Насыпайте вы телѣжки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во стольный Кіевъ градъ,
И везите на царевъ кабакъ,

115. Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы онъ меня пустиль въ живности“.
Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ
И видитъ опять девять сыновъ
Соловья, вора-разбойника,
120. Въ кулачки бьются.
Опять напираютъ на Илью Муромца.
Соловей имъ тутъ опять отказаль:
„Вы не троньте стара казака,
Стара казака, Илью Муромца,
125. Вы не троньте, лучше кланяйтесь“.
Ѣдетъ онъ опять чистымъ полемъ,
И завидѣль опять девять сыновъ въ кулачки бьются,
И тѣ опять напираютъ на стара казака.
Проговориль Соловей, воръ-разбойникъ:
130. „Не троньте вы молодца прямоѣжаго,
У меня силы не съ ваше, да старый въ горсти зажалъ“
И немного у него сыновъ—только двадцать семь.
И ѣдетъ старой ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру;
135. И ѣдетъ на улицу на широкою,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакиваль,
Ни къ чему коня онъ не привязываль,
140. Ни кому коня онъ не приказываль.
Идетъ къ воротичкамъ рѣшетчатымъ,
И спросиль онъ у воротъ приворотниковъ,
И спросиль онъ у дверей придверниковъ.
Отворяль онъ двери по малешеньку,
145. И ступаль онъ въ палату по тихошеньку,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому,
Кланяется на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь
150. И со душечкой со княгиней!“
Князьямъ боярамъ—на особицу.
Говорить ласковой Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодець!
Ты скажи намъ, добрый молодець, свою отчину“.
155. „Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Изъ того я города изъ Мурома,
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Ѣхаль я мимо Днѣпра рѣки,

- Очистилъ вамъ дорожку прямоѣзжую“.
160. Злые бояре подмолчивые,
Говорятъ таковы слова:
„Мужикъ ты, мужикъ деревенщина,
Хвастаешь не быльей своей,
Чужимъ именемъ называешься:
165. Гдѣ тебѣ похитить Соловья, вора-разбойника!“
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Гой еси, ты, ласковый Владимиръ-князь!
170. Скрой ты оконенку стекляную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоить-ли мой добрый конь“.
Послушалъ его ласковый Владимиръ князь,
Скрылъ оконенку стекляную,
175. Посмотрѣлъ на улицу на широку,
И увидѣлъ, что стоитъ добрый конь
Съ Соловьемъ, воромъ-разбойникомъ.
Тутъ старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
180. Надѣвалъ онъ черцу шляпу, вонъ пошоль.
Тутъ ласковый Владимиръ князь
Наливаетъ чару зелена вина
И бѣжитъ скоро на красно крыльцо:
„Ой ты, гой еси, удалой добрый молодець!
185. Хоть вышей ты чару зелена вина“.
И проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ахъ ты, гой еси, батюшка Владимиръ князь!
На приходѣ ты гостя не употчиваль,
На походѣ ты гостя не учествуешь“.
190. И зашоль старый на царевъ кабакъ,
Циль гуляль трои суточки.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Охъ ты, гой еси, мой вѣрный клюшничекъ!
Ты поди, позови Илью Муромца
195. Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пиръ,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько“.
Тутъ клюшничекъ не ослушался,
200. Зоветъ стара казака Илью Муромца:
„Пожалуйте, старый казакъ Илья Муромецъ.
И пожалуйте, тебя князь зоветъ,

- Князь зоветъ да на почестный пирь“.
Тутъ старый не ослушался;
205. Надѣваетъ черну шляпу, вонъ идетъ,
Идетъ онъ на улицу на широкоу,
Ко тому ко терему высокому,
Отворятъ онъ двери по малешеньку,
Запиратъ онъ двери по тихошеньку,
210. Крестъ кладетъ старый по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Кланяется на всѣ стороны:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!
Со душечкою со княгинею
215. Князья, бояры, на особицу“.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удалой добрый молодець,
Ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
Ты садись-ко на лавочку булавую,
220. За одинъ столъ хлѣбъ-соль кушати“.
Наливаетъ князь чару зелена вина,
Не малу чару въ полтора ведра,
Подаетъ удалу добру молодцу.
Принимаетъ молодець единой рукой,
225. Выпиваетъ молодець единымъ духомъ.
Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
„Гой еси ты, старой казакъ,
Ты старой казакъ, Илья Муромецъ,
Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
230. Во мой во высокъ теремъ,
Въ мою палату бѣлокаменну,
Заставъ посвистать по соловьему,
Заставъ пошипѣть по змѣиному,
Заставъ поревѣть по звѣриному“.
235. Тутъ старый казакъ всталъ на ноги,
Идетъ на улицу на широкоую,
Ко своему коню доброму,
Отвязывать Соловья, вора-разбойника,
Отъ того стременышка гольяшнаго,
240. Ведетъ въ палату бѣлокаменну,
Заставляетъ свистать въ полсвиста,
Пошипѣть по малешеньку,
Поревѣть по тихошеньку.
Беретъ старый казакъ князя подъ пазуху,
245. Молоду княгиню подъ другу руку.
Зачалъ Соловей свистать по соловьему;

- Туть бояры оглушилися,
Падають они на кирпицать полъ.
Сталь унимать Соловья Илья Муромецъ.
250. Туть Соловей приразсердился,
Хотѣлъ оглушить Илью Муромца,
Всѣ окошечки повывлетѣли,
Новая палата вскрылася.
Туть старому за бѣду стало,
255. Сохвतालъ онъ саблю острую
И сѣкъ Соловью буйну голову.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнауль, Томской губ., отъ крестьянина Леонтія Ту-
пицына. Свѣдѣнія о Тупицынѣ см. въ Приложеніи.

2. То-же.

- Какъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Не сильная погода поднималася,
Не зелена дубрава разшумѣлася,
5. Не бумажные листочки разстилаются,
Не сыренькой дубочекъ къ землѣ клонится,—
Туть кланяется Ильюша отцу съ матерью,
Онъ не просить ни золота, ни серебра:
„Не надо мнѣ одежды драгоценныя,
10. Не прошу у васъ закону, молодой жены,—
Вы пожалуйте мнѣ велико благословеньице,
Мнѣ во Кіевъ ко заутрени,
Мнѣ во Царь-градъ ко обѣденкѣ,
Мнѣ послушать четья-пѣнья церковнаго,
15. Да еще послушать звону колокольнаго“.
- Охъ ты гой еси, чадо милое!
— Молодешенекъ Ильюша похваляется,
— Какъ во дальнюю дорогу собирается;
— Эта дороженька не малая:
20. — Скоры гонцы гоняютъ черезъ двѣнадцать дней,
— Воловымъ шагомъ—два мѣсяца.—
Поспѣваетъ Ильюша на своемъ добромъ конѣ,
Не держали Ильюшу ни горы, ни доли,
Ни быстрыя рѣки, ни темные лѣса;
25. Погоняетъ своего коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у добра коня тѣло до бѣлыхъ костей,
Поспѣшаетъ Ильюша къ обѣденкѣ.

Записана И. Ив. Акутинымъ въ Самарѣ и напечатана П. В. Шейцомъ въ „Чтеніяхъ
въ И. Обществѣ исторіи и древн. російскихъ“. 1877 г. кн. 3.

*3. Встрѣча съ разбойниками ¹⁾.

- Засѣдѣлась у старого-ли сѣдая борода,
Что сѣдая борода—его буйна голова.
На коня старой садится, отправляется,
Своей силой богатырской выхваляется:
5. „Не привелъ-же мнѣ Господь Богъ въ Цареградѣ быть;
Я бы всѣхъ турокъ, турчаночекъ повырубилъ,
А молоденькихъ, хорошенькихъ, въ полонъ бы взялъ.
Не успѣлъ же нашъ старой рѣчь окончить,
Нападали на старого злы разбойнички,
10. Что не много и не мало—сорокъ пять человѣкъ,
Что хотятъ они старого все ограбить.
„Ужъ вы, братцы-ли мои, вы товарищи,
Ужъ вамъ взять съ меня, снять ровно нечего:
Что одна на мнѣ сермяжка, и то сѣрая,
15. А цѣна моей сермяжкѣ пятьдесятъ рублей;
А въ колчанѣ за плечами до семисотъ стрѣлъ;
Вотъ какъ каждая стрѣла стоитъ пять рублей,
А коню-животу ему цѣны нѣтъ“.
Какъ натягивалъ *Добрыня* (sic) свой тугой-атъ лукъ,
20. Выпускаетъ стрѣлу прямо въ сырой дубъ.
Вотъ какъ сырой-то дубъ разлетается;
Всѣ разбойнички перепугались,
За кусты они, въ кусты всѣ попрятались.
Какъ одинъ-то изъ нихъ на колѣни палъ:
25. „Ты прости насъ, прости, *Добрынюшка*,—
Много ѣздили и хаживали,
А такого, какъ тебя, не нахаживали“.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ московскаго мѣщанина Сергѣя Вонюатъева.

4. То-же.

- Ѣхалъ я, старый, братцы, по чисту полю,
По тому полю по Куликову;
Наѣзжалъ я, старый, братцы, на диковину,
На диковину—на бѣль-горючъ камень;
5. На немъ написаны надписи и все разныя.
Попервой дороженькѣ мнѣ старому ѣхать—быть женатому,
А по другой мнѣ ѣхать—быть богатому,

¹⁾ Въ этой былинѣ встрѣча съ разбойниками приписывается Добрыню.

- А по третьей ѣхать—быть убитому.
Богатства мнѣ, старому, не надобно.
10. Жениться мнѣ, старому-то, не хочется:
Дай же поѣду я, старый, братцы,
Туда, гдѣ быть бы мнѣ убитому.
Поѣхаль старый по дороженькѣ,
Наѣхаль старый на охотниковъ,
15. На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
„Примите меня, братцы, въ товарищи
Или въ кашеварники,
Или хоть буду я на васъ чулки сушить“...
20. Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старый таковы слова:
„Убить вамъ, братцы, меня не за что
И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:
25. Одна на мнѣ сермяга—и та сѣрая,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
А другая во всю тысячу,
А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой своей лукъ,
30. Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю.
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

Напечатана въ соч. Г. И. Желъзнова — „Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ“.
Т. III, стр. 126, 2 изд. 1888 г.

5. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ.

- Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
5. До славнаго до города Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго;
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Не отковывать отъ стремени булатнаго
10. До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копые бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго

- До славнаго города до Кіева.
15. Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома,
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ осударь по чисту полю,
20. Завидѣлъ подѣ градомъ подѣ Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
25. „Прости меня, Господь, въ таковыхъ грѣхахъ,
„Что клалъ я заповѣдь великую
„На ту-же сабельку на вострую“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
Въ ту-же силу да невѣрную,
30. Сѣкетъ онъ стараго и малаго,
Не покидаетъ ни единаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпираютъ ворота стѣны городовыя,
35. Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
„Уже-ли намъ послалъ Господь Ангела,
„Неужь-то послалъ Архангела,
„Или русскаго могучаго богатыря?“
40. Говорятъ мужики города Чиженца:
„Земли русскоѣ сильной богатырь!
„Поди къ намъ, хотъ царемъ служи,
„Хотъ королемъ слыви,
„Бери злата сколько тебѣ надобно“.
45. Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Мнѣ не надо ваша золота казна,—
„Скажите про дорожку прямоѣзжую,
„Куда ѣздить во красенъ Кіевъ градъ?“
Говорятъ мужики города Чиженца:
50. „Прямоѣзжая дорожка нечиста крѣпко,
„Есть три заставушки великія:
„Первая застава—грязи черныя,
„Втора заставушка—дремучи лѣса,
„Третья заставушка есть рѣчинька,—
55. „Рѣчинька Смородинка.
„У той рѣчиньки Смородинки
„Нѣтъ перескоку лошадинаго,—

- „Есть-то у рѣчиныи каленый ¹⁾ мостъ;
„У того же мосту у каленаго
60. „Сидитъ Соловей на семи дубахъ,
„Ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ,
„Ни ясному соколу проѣзду ²⁾ нѣтъ.
„Окольной дорожкой ѣхать три года“.
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ
65. По той дорожкѣ прямоѣзжя.
Приѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой мостъ мостить,
Проѣхалъ заставу—грязи черныя.
70. Приѣхалъ къ заставѣ—дремучимъ лѣсамъ;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ.
Приѣхалъ къ третьей заставушкѣ—
Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ,
75. Ко тому мосту каленому:
Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ по соловьиному;
Подъ богатыремъ конь спотыкается,
80. Спотыкается конь, ужахается.
Ужъ какъ бьетъ осударь добра коня,
Бьетъ по тучнымъ бедрамъ:
„Не слыхалъ-ли ты крику богатырскаго,
„Не слыхалъ-ли ты свисту соловьиного?“
85. Кладетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленою,
Пала стрѣлочка Соловью во правый глазъ;
Паль Соловей со семи дубовъ,
Паль Соловей на сыру землю.
90. Беретъ осударь Илья Муромецъ,
Беретъ-то его на добра коня,
Поѣхалъ осударь Илья Муромецъ.
Случилось ѣхать мимо Соловьина гнѣздышка;
Увидѣли Соловьины дѣточки,
95. Большая дочь говорить:
„Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ“.
Средняя дочь говорила таковы рѣчи:
„Батюшко ѣдетъ, мужика везетъ

¹⁾ Калиновый.

²⁾ Пролету?

- „На сѣденѣ малымъ дѣточкамъ“.
100. Меньша дочь говорила таковы рѣчи:
„Мужикъ-то ѣдетъ, везетъ батюшка,
„Приковаль онъ ко стремени булатному“.
Больша дочьхватила подворотенку,
А середняхватила коромысельце,
105. Меньшахватила помелышко.
Говорить Соловеюшко Рахмановичъ:
„Не гнѣвите-тко сердца богатырскаго,
„Насыпайте телѣги красна золота,
„Возите ко городу ко Кіеву,
110. „Выкупайте родимаго батюшка“.
Поѣхаль осударь Илья Муромецъ
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
Разъѣхался осударь Илья Муромецъ
115. Ко тому ко князю ко Владимиру
На широкой дворъ.
Онъ мечетъ коня среди двора,
Оставляетъ Соловеюшка у стремени,
У стремени булатнаго.
120. Пошелъ Илья Муромецъ
Во гридню княженецкую.
Крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
125. Бьетъ челомъ князю Владимиру
И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ,
И всѣмъ боярамъ по обычаю.
Понесли перву яству лебедь бѣлую,
Садиле осударя во больши мѣста,
130. Наливали чару зелена вина,—
Не малу чару полтора ведра;
Принимаетъ осударь единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Хмелина въ головѣ появилась;
135. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Я ѣхаль дорожкой прямоѣзжею,
„Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
„Я привезъ Соловѣюшка Рахманова“.
Говорятъ-то ему князи-бояри:
140. „Наѣхаль мужикъ засельщина,
„Засельщина, деревеньщина;
„Пустымъ-то мужикъ похваляется“.

- Говорить-то осударь Илья Муромецъ:
„Пойдемте на широкій дворъ“.
145. Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидить Соловей у стремени булатнаго.
Говорить-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Засвисти, Соловей, по соловьиному“.
Говорить Соловеюшко Рахмановичъ:
150. „Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю“.
Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Соловеюшко Рахмановичъ!
„Засвисти, Соловеюшко, по соловьиному,
„Зареви, Соловей, по звѣриному!“
155. Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася;
Ужасается Владимиръ стольно-кіевскій,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
160. „Не могу я слышать свисту соловьиного“.
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи-бояра испопадали,
165. Отъ того свисту соловьиного,
Отъ того реву звѣринаго.
Говорить-то Владимиръ стольно-кіевскій:
„Ты гой еси, осударь, Илья Муромецъ!
„Закличъ Соловеюшка Рахманова“.
170. Закликалъ осударь Илья Муромецъ.
Натянули его дѣточки роженые,
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшка родимаго.
Береть осударь Илья Муромецъ злата серебра,
175. Первую ношу кладеть во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпускаеть Соловеюшка Рахманова,
Береть съ него роту великую:
180. „Не сидѣть-то тебѣ на семи дубахъ“.
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ во Кіевѣ.

собранныхъ П. С. Ефименкомъ, часть 2-я. Народная словесность. М. 1878. (См. Известія Императорскаго О-ва Любит. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, т. XXX, вып. 2, стр. 19).

*6. Три поѣздки Ильи Муромца.

- Какъ во городѣ, во славномъ во Кіевѣ,
Собирался весь почетной пиръ,
Собиралися всѣ князья-бояры,
Сильныи могучіи богатыри,
5. И поляници ¹⁾ удалыи,
И князя тѣмъ пиръ кончился,—
Сильни могучи богатыри по своимъ мѣстамъ.
Поѣзжае Илья Муромецъ
Въ тѣ-ли степи Саратовы,
10. Въ тѣ-ли луга зеленые.
Наѣзжае онъ на три розстанки широкіи,
Проселочки разбитныи.
Лежитъ тута камешекъ сѣрые,
На камешки подпись подписана,
15. На камешки сѣромъ подпечатано:
Кому ѣхати въ правую дороженьку—убиту быть,
А въ середню ѣхати—женату быть,
Въ третью ѣхати—богату быть.
Стоитъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
20. Старымъ умомъ да думаетъ:
„Бываль я въ путяхъ-дороженькахъ широкіихъ,
Не видалъ такого чуда чуднаго, да дива дивнаго;
Въ перву дороженьку ѣхати—убиту быть,—
На бою мнѣ смерть не написана;
25. А въ середню ѣхати женату быть,—
На что мнѣ старому жениться?
Мнѣ-ка стара взять, дакъ на печи кормить,
Молода взять—чужа корысть;
Въ третью ѣхати—богату быть,—
30. На што мнѣ старому богачесво?
У меня своей казны не счетано и счету нѣтъ.
Поѣду въ перву, гдѣ убиту быть.“
Ѣхаль онъ полями чистыма,
Ѣхаль лугами зеленыма,
35. Наѣзжае на сорокъ тысячъ разбойниковъ,

¹⁾ Т. е. въ полѣ ѣздили, какъ объяснилъ пѣвецъ, при чемъ онъ утверждалъ, что полевали лишь мужчины.

- Сорокъ латныхъ, кольчужныхъ подорожниковъ.
Становили стараго въ кружаночку,
Стали его выспрашивать:
„Ай же ты, дѣдушко старые,
40. Не знаешь-ли какой-либо роскази,
Или какой-либо бывальщины?“
— Ай же, ребятушка, пошто мнѣ про людей сказывать?
Надоть про самого себя рассказывать:
У меня на добромъ кони сѣделушко въ пятьсотъ рублей.—
45. „Отчего же, дѣдушка, сѣделко было дорого?“
Оттого, ребятушка, сѣделко было дорого:
Есть три строчки въ немъ прострочено;
Одна строчка была серебромъ,
А вторая была съ цервоннымъ золотомъ,
50. Третья была скатняго жемчугу;
У меня на добромъ кони оброцецька была во тысячу.—
„Отчего же, дѣдушка, обротка была дорога?“
— Оттого оброточка дорога,
Что вливаны камешки драгоцѣнные:
55. Придется ѣхать старому середь ночи,
И видна отъ камешковъ драгоцѣнныхъ путь за три поприща ¹⁾.
Я спущу коня да во ковыль-траву,
Во ковыль-траву шолковую,
Видно коня за семь поприць;
60. У меня шуба соболина была во тысячу.—
„Отчего же, дѣдушка, шуба дорога?“
— А оттого шуба была дорога,
Что славныхъ сибирскихъ была соболей;
На главы скуфья да во пятьсотъ рублей.—
65. „Отчего же она была дорога?“
— Оттого была дорога:
Спасала отъ меча на бояхъ великаго.—
Говорять тутъ латники,
Они разбойники кольчужники, вору подорожники:
70. „Ай же, ты, старой калика,
Говоришь ты съ нами не съ упадкой“.
Начали они его подергивать,
Начали они его поторкивать.
Разгорѣлось его сердце богатырское,
75. Снимае скуфью со буйной главы,
Началъ онъ скуфьею помахивать
И прибилъ всѣхъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,

¹⁾ Верста, по объясненію пѣвца.

- Всѣхъ воровъ-подорожниковъ.
Выѣзжае назадъ по той дорожки широкой,
80. По тому проселочку разбитому,
Къ тому-ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Процищена путь-дорожка широкая
85. Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ“.
И поѣду въ ту дорожку-путь широкою, гдѣ женату быть.
Вхаль полями чистыма,
Вхаль лугами зеленыма,
Наѣзжае на шатры бѣлополотняны,
90. На тѣ-ли палаты убранныя;
Тамъ гуляе царица со няньками,
Зазывае гостей, сильныхъ богатырей;
Она держала кровати подложныи,—
Говорила она таково слово:
95. „Старый казакъ, Илья Муромецъ,
Ложись-ко ко стѣнки дубовые,
Ко той ли ко печки муравленой“.
Говорить Илья Муромецъ:
„Я не привыкъ спать у стѣнки дубовые
100. У печки муравленой,
У стараго да моць ¹⁾ не держится,
Онъ привыкъ ходить ночью моцитися“.
Онъ беретъ царицу на бѣлы руки
И бросае ко стѣнки дубовые,
105. И провалилась она да въ погреба сорока сажень.
(И уловила сорокъ царей да царевичей,
Сорокъ королей да королевичевъ,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей).
И осерцялъ старый казакъ Илья Муромецъ
110. И началъ замочки подергивать,
И началъ онъ щиты разламывать,
И выпускаетъ старой царей царевичей,
Сорокъ королей королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей.
115. Доберался Илья Муромецъ до самой волшебницы,
Разорвалъ саму ее на двѣ половиночки.
Выѣзжае онъ по той дорожки широкой,
По тому ли проселочку разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,

¹⁾ Моча.

120. Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Процищена путь-дороженька широкая
Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Въ третью дорожку ѣхати—богату быть.
125. Ъхаль лугами зелеными,
Наѣзжель на камешекъ сѣрые,
Который камень сорокъ сажень;
Подъ камешкомъ много злата, много серебра,—
Кто этотъ камешекъ съ мѣста содвинетъ.
130. И припаль старый казакъ Илья Муромецъ,
Своей старой силой потряхиваль,
Камешекъ съ мѣста содвигиваль
И набралъ онъ злата, сколько надобно.
Отъѣзжае назадъ по той дорожки широкоюй,
135. По тому ли проселочку по разбитому,
Къ тому ли камешку ко сѣрому,
Старую подпись похириваль,
Новую подпись подписываль:
„Оцищена путь-дорожка широкая
140. Старымъ казакомъ Ильей Муромцомъ“.
Тѣмъ Ильи да судъ прикончился.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ июль 1886 года въ деревнѣ Трихинова горка, на Кенозерѣ въ Пудоожскомъ уездѣ Олонецкой губ., отъ крестьянина Якова Семенова Еремеева.

7. Илья Муромецъ.

(Сводная былина).

- Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И поѣхаль въ путь-дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскомъ,
5. И надѣль-взяль шубку соболиную.
Старой казакъ Илья Муромецъ,
И взяль-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взяль-то палицу булатную,
10. И вѣсомъ-то она до сорока пудовъ,
И поѣхаль старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкоюй;
И пришло да тутъ три розстани,
И написано на розстани:

15. Во праву руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣву руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
„Не надобно старому женатому быть,
20. И мнѣ не надо, старому богатому быть,—
Я поѣду гдѣ убитому быть“.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
На четыреста разбойниковъ;
И всѣ то разбойнички спать улеглись,
25. Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариваетъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Отдай-ко ты шубку соболиную:
Если честно отдашь,—мы честно возьмемъ,
30. Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ.
Отдай-ко ты плеточку да богатырскую;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если нѣтъ, такъ и нечестно возьмемъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ!
35. Отдай-ко ты палицу булатную;
Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
Если честно не отдашь,—такъ мы нечестно возьмемъ“.
— И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣваться,
40. Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатная—поигрывать.—
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
45. И привязалъ-то одного разбойничка къ оторокамъ конинымъ,
И поѣхалъ въ путь-дороженьку широкую отъ силы убитой,
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскомъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживать,
50. И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣки онъ перешахивать—(конь богатырскій)—
Нешироки озера да перескакивать,
И озера-болота перемахивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пущать.
55. И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И приѣхалъ онъ къ Одолищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи

- И говорилъ да онъ таково слово:
60. „И надо бы мнѣ, стару казаку, пообѣдяти“.
Проговорилъ Одолище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ,
Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолище поганое:
65. „Много ли хлѣба кушаешь“?
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
Похлебки хлебаю я кружку,
Пива пью я пол-яндовы“.
70. Проговорить татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
Хлѣба ѣшь ты по малу,
Похлебки хлебаешь ты по малу,
И пива пьешь ты по малу“!
75. Проговорить Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь:
Голова у меня, какъ пивный котель;
Глаза у меня, какъ пивны чаши;
И межъ глазами у меня—да цѣлая пядень;
80. И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
Хлѣба я кушаю—по печи
И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу
И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ отвѣтъ держалъ:
85. „У моего родителя у батюшки
Была на дворѣ корова эдака,—
Сама она была да обжорлива;
Ѣла да пила,—да ю розорвало.
Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко поле,
90. Отвѣдаемъ-ко силы богатырской“.
Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганого.
95. И поѣзжае старой казакъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Пріѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ королю на бѣлый дворъ.
Донесли королю, что пріѣхалъ старой казакъ
100. Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:

- „Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всеѣмъ ордамъ“.
105. Проговорилъ король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ, у меня во двори“.
Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
Одинъ-отъ разбойничекъ къ оторокамъ кониннымъ“.
110. „Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
Былъ бы граду моему да защитчикъ.
Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого короля да со бѣлаго двора,
115. И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать къ городу;
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
120. И мѣста да я разсматриваю;
И сидѣль-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣль-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Даль мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую неизвѣстную.
125. И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчанѣ
И всеѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Подвигается ко дорогѣ онъ, ко широкой,—
И написано на дорогѣ, на широкой:
130. Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву,
Во лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову.
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ;
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропускалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы летущей;
135. Свисталъ онъ по змѣиному,
Кричалъ онъ по звѣриному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ ко полю, ко чистому,
140. Увидалъ онъ богатыря, ѣзжучись по полю, по великому,
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
И коня-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
145. И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ
Коня сталъ понуживать

- И палицей булатной поигрывать,
Выкидываетъ палицу подь облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле,
150. И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
155. Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же ты конь да богатырской!
Не бойся ты свисту змѣинаго,
Не бойся ты крыку звѣринаго,
Служи ты вѣрой-правдой мнѣ“!
160. Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто,—
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ
165. Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этымъ къ оторокамъ кониннымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Привязаетъ къ дому Соловья Рахманаго.
170. Было-то у него да три дочери;
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ,
Русскаго могучаго богатыря везетъ
Въ оторокахъ конинныхъ“.
175. И средняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь
Къ оторокамъ кониннымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы, сестры мои да родимьи!
180. Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
Да нашего батюшку везетъ
У тихихъ ли у торокахъ конинныхъ“.
Привязаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
185. Ворота да отворены на пяту, на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковой,
Собрался на бѣлой дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
190. Проговорятъ богатырю да таково слово:

- „Умертвилъ ты нашего родителя“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Знаешь ли ты, большая дочь Соловья Рахманаго,
Есть ли храбрѣ меня, воина Илья Муромца, а красивѣ тебя“?
195. Проговорить дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
Стара казака Илья Муромца, сына Ивановича,
А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!“
У меньшей у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:
200. „Есть ли красивѣ тебя и храбрѣ меня“?
Проговорить меньшая дочь Соловья Рахманаго:
„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
Очи у ней—ясна сокола,
205. По косицамъ у ней звѣзды частыя“.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву,
210. Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-
Кіевскаго“.
- И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.
215. И входитъ въ покои княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется,
И Солнышку князю Владиміру
220. Дѣлаетъ поклонъ особенной.
Увидали все русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
225. Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ“!

Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова въ д. Боярщинѣ Кижской волости Олонец. губ.
Напечатана въ „Памятникахъ народ. творчества Олонец. губ. Е. В. Барсова. С.-Петер. 1873
стр. 22—29.

8. Илья Муромецъ и Мамай.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,

- Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныя,
5. Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соряжается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочеть крашенъ Кіевъ въ полонъ взять.
И бралъ онъ себѣ силы много множество:
10. Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей;
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василя прекраснаго,
15. И бралъ за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топицѣ краснаго солнца не видать было,
20. А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару коннаго померкнулъ весь, —
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамай славушка немалая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Ильи Муромца,
25. Будто всѣ сильные богатыри
Во чисто поле разѣхались.
И подходила сила Мамаева
Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
30. Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ верстахъ
Развернули шатры бѣлополотныя,
Разостлали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говоритъ тутъ Мамай таково слово:
35. „Ужъ ты гой еси любимый зять, Василій Прекрасный!
Ты садись-ко, Василій, на ременчатъ стуль,
И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,
Не на бумагѣ пиши, не перомъ, не чернилами,
А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
40. Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
А по самой середкѣ чистымъ серебромъ.
А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жемчугомъ,
А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
45. А пиши ты на бархатѣ неласково,
Со угрозами пиши со великими,

- Пиши, не давай сроку ни на время, ни на малое“.
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять,
И говорить тутъ любимый зять таково слово:
50. „Ужъ ты гой еси, батюшка Мамай, строгій царь!
Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ“?
Говорилъ Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, любимый зять!
Тебѣ-ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
55. А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
Со своимъ войскомъ съ любимымъ“.
Садился тутъ Василій на добра коня,
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ, не воротами,
60. Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подѣзжаетъ ко двору ко княжескому
И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
65. Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню.
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
70. Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколь да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню.
75. А Владимиръ стольно-кіевскій
Горючми слезами уливается;
Не поднимаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
80. „Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ко ихъ скоро на скоро,
И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
И что на бархатѣ напечатано“.
И началъ старый читать скоро на скоро,
85. Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покаталися,
И вслухъ читалъ, все слышали
А что же въ ярлыкахъ написано,
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
90. „Не спущу изъ Кіева ни стараго, ни малаго,

- А самага Владимира буду тянуть очи косицами,
А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия Прекраснаго*.
Тогда говорилъ старъ казакъ таково слово:
95. „Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
Ужъ ты дай-ко-ся мнѣ сроку на три года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на три года.—
„А дай-ко ты намъ хошь на два года“.
—А не дамъ я вамъ сроку на два года.—
100. „Дайте сроку хошь на полгода,
А безсрочныхъ и на землѣ нѣту“.
Даваеътъ Василій сроку на полгода,
И угощать стали Василия Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ,
105. [Пивомъ пьянымъ] медомъ сладкимъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошихъ,
110. Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василій подарки великіе
115. И везъ къ Мамаю въ бѣлополотняный шатеръ.
Во ту пору, во то времечко
Пошелъ старый по Киеву граду,
Нашелъ дружинушку хорошую ¹⁾,
Того ли Потанюшку Хроменькаго:
120. Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василию Касимерову,
125. Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ.
Во пятыхъ-то къ Потокѣ Ивановичу,
Во шестыхъ-то ко Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Въ восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
130. Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодець,

¹⁾ Хоробрую?

- Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солеталися,
135. Не славны добры молодцы соѣзжались,
Ко тому ли Владимиру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старій у ихъ спрашивати:
„Ужъ вы удалы добры молодцы!
140. Постоимъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
И за тѣ же за храмы за божіе,
И за тѣ же честные монастыри
И своею мы кровью горячею,
И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
145. На рать силу великую,
Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
А и ты, Владимиръ стольно-кіевскій!
Ты пошли-ко намъ да во чисто поле
Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
150. Да сорокъ сороковъ зелена вина
Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго.
Ужъ какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать-силы великія,
Тогда вздумаемъ позабавиться,
И тогда не дошедши моимъ ребятамъ низко кланяйся;
155. А не пріѣдемъ изъ того побоища Мамаева,—
Похороны наши тѣла мертвыя
И помани русскихъ богатырей,
И пройдетъ славушка про насъ немалая“.
Садилась добры молодцы на добрыхъ коней,
160. Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотныя,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвились
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывать,
165. И сталъ старій у ихъ спрашивати:
„Ужъ вы гой еси, сильные русскіе богатыри!
Кому же изъ васъ сѣздить въ рать-силу великую,
Ко тому же Мамаю богатому,
Посмотрѣть войско изрядное,—
170. Со которой стороны начинать намъ будетъ?“
—На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать-силу великую.—
И на то старому слово понравилось:
„Еще Самсона послать,—силой силенъ, да не поворотливый:
Потеряетъ онъ у Мамаю буйну голову;
175. А если Дуная послать, Дунай онъ задорливый,
Позадорится заѣхать во рать-силу великую;

- Есть во рати три переката глубокихъ,
А наставлены въ перекатахъ копья вострыя:
Во-первыхъ, онъ потеряетъ добра коня,
180. А во-вторыхъ, потеряетъ буйну голову;
Не приѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не высмотритъ,
И не узнать Добрыни силы Мамаевой;
Если Василія послать, не сосчитаетъ онъ силу
185. И не пересмотритъ ее со краю на край,
Потеряетъ Василій буйну голову долой;
Больше мнѣ послать и некого;
Будетъ мнѣ-ко старому самому идти.
Вы гуляйте-ко суточки теперь первые
190. И гуляйте вы други сутки,
На третьи сутки соряжайтесь
И къ ратному дѣлу поѣзжайте.
Какъ зазвенитъ палица боевая,
И зачивкаетъ моя сабля острая,
195. И затрублю я во турій рогъ,
И во середку въ силу не ѣздите,
А рубите силу со краю на край
И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
И никого не оставляйте Мамаю на сѣмя“.
200. И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому,
И поѣхалъ старъ во рать силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня
205. И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный;
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай въ шатрѣ человѣка страннаго,
Говорилъ же Мамай таково слово:
„Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
210. И зачѣмъ ты ходишь и что тебѣ надобно,
И откуда ты идешь и откуда путь держишь,
Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?“
—Иду же я изъ города изъ Кіева.—
„А и что же нонѣ во Кіевѣ то дѣется,
215. Незнаешь ли ты то, добрый молодець,
И не слыхалъ ли ты да про стараго?
Разскажи-ка ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
И сколь широкъ онъ плечьми?“
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
220. —Ужъ ты гой еси Мамай, богатый царь!

- Довольно видѣлъ я Илью Муромца.
Ты гляди на ево все равно, какъ на меня же;
Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
Лицо у ево постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,
225. А вино то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,
А закусываетъ да по калачику.
У стараго то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая.—
А и тутъ Мамай да прирасхонулся:
230. „Напрасно же шла славушка великая про стараго,
Отъ востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли Мамай грознаго.
Лучше меньше гонить бы силы войска.
235. Еще есть-ко при мнѣ Рославней Рославнеевичъ,
Приготовь-ка для него говядины быка заразь,
А зелена вина пивной котель,
А промежь глазъ у него колена стрѣла,
А промежь плечами двѣ сажени печатныхъ“.
240. Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
„Ты безумный богатый царь!
Какъ у насъ то во городѣ во Кіевѣ,
Собирался у князя Владимира почестенъ ширь,
А была у Владимира собака обжорлива,
245. По подотолью собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася;
Тутъ собакъ и смерть пришла.
Не уѣхать тебѣ, Мамай, отъ города отъ Кіева,
Срубить у тебя старъ казакъ буйну голову“.—
250. Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
И хватилъ то Мамай чинжалище, вострый ножъ
И шибъ въ стараго вострымъ ножомъ.
А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
255. И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки.
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамай и срубилъ ему буйну голову;
И разбилъ палачей много множество,
И добрался до своего добра коня.
260. Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И сомутились у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,

265. Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачивкала его сабелька острая.
270. И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленные,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
275. И рубили они сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на сѣмена.
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставались только во лагеряхъ у стараго,
280. Два брата,—два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей кому бытъ.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца,
Поѣхали во ту-ратъ силу великую.
А и пріѣхалъ тутъ старъ казакъ со другомъ,
285. А встрѣтитъ-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать-силы великія
Тѣ два брата, два Суздальца,
И сами они похваляются:
„Кабы была теперь сила небесная,
290. И всѣ бы мы побили ею по полю“.
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое.
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому,
295. И ко тѣмъ дружинишкамъ хоробрымъ,
И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро;
И сами имъ во всемъ повинилися.
300. Тутъ поѣхала дружинишка хоробрая
Во ту рать-силу великую,
И начали бить съ краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставать силы больше прежняго.
305. Узналъ старый предъ собою вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
„Ты прости насъ въ первой винѣ,
За тѣ же слова глупыя,

- За тѣхъ же братьевъ Суздальцей“.
310. И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тѣло да во сыру-землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней,
315. Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во кіевски.
Тамъ всѣ они представилися.
320. Тутъ старому славу поють.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русск. населенія Арханг. губ., собранныхъ П. С. Ефименкомъ. См. труды этногр. отдѣла И. О-ва Люб. Естествозн., Антропологіи и Этнографіи, кн. V, вып. 2-й, стр. 32—35.

* 9. Илья Муромецъ и царь Калинь.

- Поднимался собака злой Калинь царь,
И съ нимъ было силушки сорокъ царей со царевичемъ,
И сорокъ королей съ королевичемъ,
У каждаго царя силы по три тысячи,
5. И съ самимъ царемъ силы несказано.
И подступалъ онъ подъ стольный Кіевъ градъ,
И ѣхалъ черезъ батюшку Днѣпръ рѣку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставлявалъ бѣлы шатры полотняны,
10. И сталъ въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится собакѣ, вдвое грезится.
Выходилъ собака изъ бѣла шатра,
Говорилъ собака таковы слова:
„Гой еси, мои слуги вѣрные, сорокъ царей,
15. Несите мнѣ ременчать стуль,
Станемъ-те мы думушку думати:
Кого мы пошлемъ въ стольный Кіевъ градъ?
А есть у насъ татаринъ трехъ сажень,
Въ толщину татаринъ шести аршинъ,
20. У него голова, какъ сѣна кошна,
У него глаза, какъ пивны ковши,
Промежу глазами калена стрѣла,
Промежу ушами тугъ зеленый лукъ.
И тутъ татаринъ не ослушался,
25. Вѣжитъ татаринъ въ стольный Кіевъ градъ,

- Къ ласкову князю Володимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву,
Бѣжить на улицу на широку,
И входитъ въ палату бѣлокаменну,
30. Богу собака не молится,
И ласкову князю не кланяется,
И самъ говоритъ таковы слова:
„Сгой еси ты, ласковый Владимиръ князь!
Сдавай ты намъ стольный Кіевъ градъ
35. Безъ бою, безъ драки и безъ рубежа,
Безъ того кроволитья напраснова;
Дѣвокъ, бабъ мы плѣнницами выловимъ,
Самово князя въ полонъ возьмемъ“.
Туть-то Владимиръ князь испужается,
40. Его рѣзвья ноги подсекаются,
И бѣлыя руки опустилися,
И буйна голова зачѣмъ съ плечь не катится.
Есть у батюшки у Днѣпра рѣки,
Ужъ какъ ѣздили тамъ удалой добрый молодець,
45. Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютый звѣрь,
И самъ на конѣ какъ соколь сидить,
По имени старый казакъ Илья Муромецъ;
И самъ онъ говоритъ таковы слова:
„Что ты, батюшка нашъ, Днѣпръ рѣка,
50. Не по старому течешь ты, не по прежнему,
Посередь тебя струичка кровавая?“
Будто провѣщаетъ батюшка Днѣпръ рѣка
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
„Вхаль по мнѣ злой Калинъ царь,
55. Злой Калинъ царь, сынъ Смородьевичъ,
Подступалъ онъ подъ стольный Кіевъ градъ,
Становилъ онъ на луга на зеленые,
И просить онъ у князя поединщика.“
И туть старому за бѣду стало,
60. Поворачивалъ онъ своего добра коня,
Поворотилъ свое бѣло лицо,
И бѣжить онъ въ стольный Кіевъ градъ,
И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
65. И бѣжить онъ на улицу на широку,
И соскакивалъ старой со добра коня,
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивалъ у дверей придверниковъ,
Отворялъ онъ двери по малешеньку,

70. Запираль онъ дѣри по тихошеньку,
Воходилъ онъ во свѣтлую во свѣтлицу,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь.
75. И со душечкой со княгиней!“
Князь не можетъ ему отвѣту дать.
„Что у те, князь, за болванъ стоить,
Болванъ стоить да неотесанный?“
Взялъ, поднялъ свою черну шляпу
80. И ударилъ татарина поганова,
И прошибъ онъ стѣну бѣлокаменну,
И улетѣлъ татаринъ за три версты,
За три версты пятисотныя.
И тутъ то князь возрадуется.
85. Наливаетъ онъ чару зелена вина,
Немалую чару въ полтора ведра,
Даеть чару Ильѣ Муромцу.
Принимаетъ старый единой рукой,
Выпиваетъ старый единымъ духомъ,
90. Отошедши, старый поклоняется.
И говоритъ ласковый Володимиръ князь.
Говорить таковы слова:
„Сгой еси ты, старый казакъ,
Старый казакъ, Ильѣ Муромецъ!
95. Послужи ты мнѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Согони ты собаку, зла Калина царя,
Съ моего поля зеленена.“
Говорить князю Ильѣ Муромецъ:
100. „Послужу я тебѣ вѣрой правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною.
Только дай ты мнѣ благословеньицо“.
И садился старый на добра коня,
И ѣдетъ онъ въ церковь соборную,
105. И ставилъ онъ свѣчу воска ярова
Передъ Матерью Пресвятой Богородицей,
И самъ ставалъ на колѣночки,
И поднималъ свои руцѣ ко верху:
„Мати Божія, Пречистая Богородица!
110. Пособи ты мнѣ согнати зла Калина царя,
За твой я домъ стою—церковь соборную,
И за Тебя, Мать Пресвятая Богородица!“
И всталъ и пошолъ изъ церкви соборныя,

- И садился онъ на добра коня,
115. И ѣдетъ ко своей матери родимья;
И мать его выходитъ на красно крыльцо
И встрѣчаетъ она сына на радостяхъ.
„Здравствуешь, моя матушка родимая!
Здорово ты живешь, здоровешенько?“
120. —Я, милый сынъ, здорова и здоровешенька —
„Такъ у насъ, у ласкова князя Володимера,
Не такъ здорово, не такъ радочно:
Подступалъ собака злой Калинъ царь,
И просить онъ поединщика.
125. Дакъ благословляй ты, матушка родимая,
Мнѣ съѣздить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля“.
Ну и зачалъ онъ по силѣ поѣзживать,
И зачалъ татаръ поколачивать,
130. И куда ѣдетъ,—дѣлать улицу,
И куда повернетъ,—переулочки.
И злые татары здогадливые,
Копали они шанцы глубокіе,
И становили въ нихъ сабли вострыя.
135. Первый шанецъ конь перескочилъ,
Второй шанецъ Богъ перенесъ,
Въ третій шанецъ конь вскочилъ,
Сабли въ шанцѣ раздвоилися,
Туть татары задавили Илью Муромца,
140. И связали ему руки бѣлыя,
Сковали ему ножки рѣзвыя,
И ведутъ его къ царю Калину,
И бьетъ его Калинъ царь по бѣлу лицу.
И бѣгаетъ его маленькій Калинечекъ,
145. Калинечекъ маленькій цареночекъ:
„Недовлѣтъ тебѣ молодца бить по бѣлу лицу.
И тебѣ лучше бы молодца уговаривать“.
Туть то молодцу за бѣду стало,
Поднимать онъ кверху руки бѣлыя:
150. „Спасъ ли ты, Боже милостивый!
За твой я домъ стою, Пресвятая Богородица!“
Не попало старому казаку Ильѣ Муромцу,
Не попало палицы боевья,
Не попало ему сабли вострыя,
155. Не попало копыя мурзалецкаго;
Встряхнулся, ничего не стало на немъ,
Попалъ ему татаринъ трехъ сажень,

- И сохвतालъ онъ татарина за рѣзвы ноги,
И сталъ по силѣ похаживать,
160. И зачалъ татаръ поколачивать,
Поколачивать силу татаринѡмъ,
И куда идетъ—дѣлать улицу,
Во сторону вернетъ—переулочки;
И согналъ собаку со чиста поля.

Записана С. И. Гуляевымъ отъ крестьянина Леонтія Тупицына въ Барнаулѣ.

10. Илья Муромецъ и Каинъ ¹⁾).

- Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на боярѣ,
5. На русскихъ могучихъ богатырей.
Вси князья, вси бѡйра со двора да соѣзжали.
Среди-то ноченьки да темной,
Пріѣхаль-то татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владимиру,
10. Ко Владимиру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ѣрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,
На ту-ль доску да на позлаченую;
15. Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскіи!
Прибери-тко вси дворы да княженецкіи,
Очисти-тко палаты богатырскіи,
Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
20. Въѣхать Каину-собакѣ поганому
Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхаль Каинъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому каменю ко Латырю,
25. Ко тому-ли дубу-то ко шіроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,
Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей.
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ“.

¹⁾ Соответствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но съ значительными перемѣнами, находится въ сборникахъ Рыбникова, I, 118—119 и Гильеердинга № 121.

30. Приказаль солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собрались вси русскіи могучіи богатыри
Ко Солнышку князю ко Владимиру
На широкій дворъ и въ палаты княженецкіи.
35. Ужаснулось сердечко у Солнышко у князя у Владимира,
Говорить да онъ могучимъ богатырямъ:
„Быль-то татаринъ поганый среди ночи темныя
Во палатахъ княженецкіихъ;
Ёрлычекъ на столъ да онъ выкидываль,
40. На тотъ ли столъ да на дубовый,
На ту ли доску да золоченую,
И самъ на словахъ да выговариваль:
Ты Солнышко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!
Ты очисти-тко дворы да княженецкіи
45. И палаты богатырскіи
И омети улицы стрѣлецкіи.
И пріѣхаль Каинъ-собака поганой,
Ко той рѣки да ко Смородиной,
Ко тому-ль ко каменю ко Латырю,
50. И ко тому ли дубу да ко широку;
И привель онъ сорокъ королей и королевичей,
И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей и королевичей силы е по цѣлой по тысящи,
У царей и у царевичей по сту тысящъ“.
55. И вси сидять русскіе могучіе богатыри,
Утуплены очи ясны во калиновъ мостъ;
Только нѣтъ единого стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владимира.
Послать русскаго могучаго богатыря
60. Къ стару казаку Илью Муромцу,
Илью Муромцу, сыну Иваньчу.
Пришель русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
65. Крестъ кладеть онъ по писаному,
Поклонъ ведеть онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлать онъ поклонъ да особинный.
70. „Старый казакъ Ильи Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Пріѣхаль-то татаринъ поганый въ палаты княженецкіи,
И самъ ерлыкъ-то на столъ да выкладываль,
На тотъ-ли столъ да на дубовый,

- На ту доску да золоченую;
75. Самъ на словахъ да выговаривать:
Прибери-тко ты вси дворы да княженецкіи,
Очисти палаты богатырскіи,
Омети улицы стрѣлецкіи,
И вѣхать Каицу-собаки поганой
80. Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхаль татаринъ собака паганый
Ко той рѣки ко Смородиной,
Ко тому-ль то камени ко Латырю,
Ко тому-ль то дубу да ко шіроку,
85. И привель сорокъ королей и королевичей,
И привель сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы по цѣлой е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ“.
Проговорить старый казакъ Илья Муромецъ,
90. Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Дай-ко ты, Солнышко Владимиръ князь,
Дай намъ времени поотдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней“.
Поѣхали во палаты богатырскіи
95. Русскіи могучіи богатыри;
Насыпали пшены бѣлояровой
Конямъ да богатырскімъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходитъ тому времени двѣнадцать дней,
100. Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владимиру,
Дѣлаеть поклонъ да о калиновъ мостъ,
Самъ Владимиру слово выговаривать:
„Ты Солнышко, Владимиръ князь стольно-Кіевскій;
105. „Спусти-тко меня ко тѣмъ-ли татарамъ поганымъ“.
Проговорилъ Солнышко Владимиръ князь, стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ, Ермакъ Тимоѣевъ сынъ,
Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
Гдѣ же у тебя да родной батюшка?“
110. Воспроговорить младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
Ко Ерману ко Сергію.
Дай ты, Солнышко, мнѣ, Владимиръ князь,
Прощеньицо и благословеньицо:
115. Поѣду ко татарамъ ко поганымъ;
Дашь прощеньицо—поѣду,
И не дашь благословеньицо—поѣду,

- Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
За свое родное отечество,
120. „За свою-ль за ту вѣру христіанскую“.
Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Ко этимъ ко русскимъ богатырямъ
Во палатки богатырскіи.
Все кони стоятъ и все пшено ѣдятъ,
125. Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богатыри.
Проговоритъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
130. И не честь спать русскимъ могучимъ богатырямъ,
Надо ѣхать ко тымъ татарамъ ко поганымъ“
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты, младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ!
135. Есть ты юноша младый,
Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
И выстань-ко ты во широкъ дубъ,
И посмотри-тко на татаръ да на поганыхъ:
Много-ль нагнано татаръ поганыхъ?“
140. Опустился младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
Со этого со дуба со широка;
Проговоритъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нагнано татаръ поганыхъ—
145. Сѣрому волку въ день не скакать,
И черному ворону въ день не облетать.
И не честь русскимъ могучимъ богатырямъ,—
Надо ѣхать ко татарамъ ко поганымъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ
150. На этое на поле на чистое,
Ко этимъ татарамъ ко поганымъ.
Высталъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
155. И высталъ онъ да во широкъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,
И ко тому-ль ко камению ко Латырю,
Ко тому-ль дубу да ко широку;
Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
160. На поле на чистое.
И только нагнано татаръ поганыхъ—

- И сѣрому волку въ день не ѡскакать,
И черному ворону въ день не ѡблетать;
И младъ Ермакъ, Тимоѣевъ сынъ,
165. И ѣздитъ на томъ-ли конѣ богатырскомъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.
И во поли чистомъ младъ Ермакъ, Тимоѣевъ сынъ,
170. Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубить татаръ да поганныхъ.
У стараго казака Илья Муромца
Разгорѣлось сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
175. Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
Поѣду единъ во поле во чистое“.
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
180. Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко татарамъ ко поганнымъ на поле на чистое,
Стали рубить татаръ поганныхъ,
Со этимъ со младымъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ,
И прирубили татаръ да поганныхъ
185. На этомъ на полѣ на чистомъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владимиру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
190. Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняются,
И Солнышку князю Владимиру да въ особину.
„Солнышко Владимиръ, князь стольно-Кіевскій!
Прирубили мы всѣхъ татаръ поганныхъ,
195. Со младымъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ,
По родительскому прощеньицу,
По Божьему благословеньицу“.

Зап. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Щеголенова Кижской волости, Олонец. губ. Напечатана въ Памятникахъ народ. творчества Олонец. губ. Е. В. Барсова стр. 34—39.

***11. То-же.**

Ко стольному городу ко Кіеву,
При ласковомъ князѣ Владимирѣ,
Наѣзжалъ черной собака воръ Калинъ царь

- Съ сорока царями со царевичами,
5. Съ сорока королями королевичами.
У всѣхъ было силы набрано,
У всѣхъ было силы заправлено,
У всѣхъ силы было по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
10. Силы было и смѣты нѣтъ.
И тотъ черная собака, воръ Калинъ-царь,
Онъ ходитъ по силы поганьи,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Ай же вы мои татарины,
15. Ай же вы мои поганьи!
А кто знаетъ говорить по русскому
А толмачать по татарскому?
А кто бы снесъ письмо князю Владимиру,
Чтобы отдалъ Владимиръ Кіевъ градъ
20. Безъ бою, безъ драки великія,
Безъ самого большого кроволитія“?
И тутъ сыскался татаринъ поганьи,
Самъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, царское величество!
25. Я знаю говорить по русскому,
Толмачать по татарскому,
И отнесу письмо князю Владимиру,
Что у тебя будетъ въ письмѣ написано“.
И принималъ письмо татаринъ поганьи
30. Отъ собаки царя Калина
И садился татаринъ на добра коня
И поѣхалъ ко городу Кіеву
Ко ласковому князю Владимиру.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору княженецкому,
35. Становилъ коня среди двора,
Идетъ онъ татаринъ въ полаты бѣлокаменныя,
Не крестится татаринъ, не молится
И князю Владимиру не поклоняется,
И бросалъ письмо на дубовой столъ,
40. А самъ говоритъ таково слово:
„Разсматривай-ко сіе письмо
Отъ нашего да царя Калина“.
И принимаетъ Владимиръ князь
Стольно-Кіевской сіе письмо
45. И письмо разсматривалъ.
А написано у собаки царя Калина,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь

- Кіевъ градъ безъ бою драки великія,
Безъ самого большого кроволитія.
50. И назадъ то Владимиръ князь отписываль
Собагъ царю Калину:
„Ай же ты, Калинь-царь!
Дай же ты сроку намъ на три года,
И на три года сроку и на три мѣсяца,
55. И на три мѣсяца сроку и на три дня
На три дня и на три часа;
Накурить бы намъ зелена вина,
И наварить бы намъ пива пьяного
И поставитъ бы бочки по Кіеву,
60. Чтобы было чимъ стрѣтитъ тебя царя Калина“.
Отдаваетъ письмо князь татарину
И отпускаетъ татарина поганого.
И сядилса князь за дубовой столъ,
А самъ слезно князь расплакался:
65. „Раздразнилъ то я сильныхъ могучихъ богатырей,
Какъ всѣ богатыри у меня поразѣхались.
Какъ бы былъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Тотъ бы постарался ради дому пресвятой Богородицы,
Ради Кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
70. И ради церквей соборныхъ,
И ради матери святорусской земли.
Посадилъ я Илью Муромца
Въ погреба глубокіи,
Заморилъ я смертью голодною“.
75. Изъ тѣхъ ли покоевъ изъ свѣтлыхъ
Выходитъ дочь его красна дѣвица,
И поклоняется отцу она да всобину:
„Ужъ ты, отче Владимиръ князь, стольно-кіевскій!
Мы пойдемъ въ погреба во глубокіи
80. И попросимъ стара казака Илью Муромца
Ради церквей да соборныхъ,
Ради Кіевскихъ да угодниковъ
И ради матушки да Святорусь-земли“.
Тутъ проговоритъ Владимиръ князь своей дочери:
85. „Ахъ ты, дочь моя, одинакая!
Ты малешенька да глупешенька,
Ничего ты дочь моя да не вѣдаешь:
Какъ посаженъ Илья Муромецъ уже три года
И заморенъ смертью голодною“.
90. А тая ли дочь да княженецкая,
Она знала про стара казака Илью Муромца.

- Когда посадили Илью въ погреба глубоки,
Тогда она была лѣтъ въ четырнадцать,
И подобрала ключи она отъ погреба,
95. И сама она ходила, кормила
Стара казака Илью Муромца,
И однако говоритъ отцу таково слово:
„Ужъ ты, отче Владимиръ, князь стольно-кѣвскій,
Я видала во Божьемъ писаніи,—
100. Ильѣ Муромцу на бою смерть не писана,
И голодная смерть ему не писана“.
И брали ключи оны отъ погреба
И отмыкали замки крѣпкіе
И заходятъ въ погреба глубоки.
105. И сидитъ старой казакъ Илья Муромецъ
За столомъ за дубовымъ,
А на столѣ горитъ свѣча сальняя,
И читаетъ онъ книгу Евангеліе.
И подходит Владимиръ князь стольно-кѣвскій
110. И проговорилъ старцу казаку Ильѣ Муромцу:
„Ты старой казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся ради дому пресвятой Богородицы,
И ради кѣвскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
И ради церквей да соборныхъ,
115. И ради матери Святорусь-земли“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кѣвской!
Что во Кіевѣ содіялось“?
Тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кѣвской:
120. „Что наѣхалъ чорная собака воръ Калинъ-царь
Съ сорока царями царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
И у всѣхъ силы набрано,
И у всѣхъ силы заправлено,
125. И у всѣхъ силы по сороку тысячей,
А у самого собаки царя Калина
Силы и смѣты нѣтъ“.
И тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Что отъ собаки царя Калина было писано“?
130. —А то было писано,
Чтобы отдалъ Владимиръ князь Кіевъ градъ
Безъ бою безъ драки великія
И безъ самого большого кроволитія.—
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:

135. „Ты Владимиръ князь стольно-кїевскій,
И ты что назадъ да отписывалъ?“
—Я то назадъ отписывалъ,
Что ты дай намъ сроку на три году,
На три году на три мѣсяца,
140. На три мѣсяца и на три дня,
На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина
И наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кїеву,
145. Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина.—
И проговорилъ старій казакъ Илья Муромецъ:
„Ты Владимиръ князь стольно-кїевской!
Я самъ поѣду упрашивать царя Калина“.
И сѣдился Илья да на добра коня,
150. И поѣхалъ Илья ко собакѣ царю Калину.
И проѣхалъ Илья близъ собаки царя Калина,
И бьетъ челомъ да поклоняется
Ко собакѣ царю Калину:
„Миръ да здравіе же да Калинъ-царь!“
155. Обвернулся чорна собака воръ Калинъ-царь:
„Да здравствуешь, старой казакъ Илья Муромецъ,
А у насъ сказали тебя и живого нѣтъ,
Ажно живъ старикъ еще поѣзживаетъ“.
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
160. „Ай же ты Калинъ-царь!
А я прїѣхалъ васъ упрашивать:
Дай же намъ сроку на три году,—
На три году, на три мѣсяца,
На три мѣсяца и на три дня,
165. На три дня и на три часа,
Чтобы накурить намъ зелена вина,
Наварить намъ пива пьяного
И разставить бочки по Кїеву,
Чтобы было стрѣтить тебя, царя Калина“.
170. Тутъ проговорилъ чорна собака Калинъ-царь:
„Ты старой казакъ Илья Муромецъ!
Я вѣрю тебѣ и по старости:
Накурите вы зелена вина,
Наварите вы пива пьяного,
175. Проставьте вы бочки по Кїеву
И стрѣтте меня, царя Калина“.
И тутъ поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Прочь отъ царя Калина,

- И не могъ онъ силы и смѣты дать,
180. И стоячись то старой да пораздумался:
„Я не смѣю напущаться на рать силу великую
И пойду искать отца крестного,
Того Самсона Самойлова,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
185. Друзьѣвъ братьцовъ крестовныхъ“.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Повысталъ на гору на высокую
И смотреть на всѣ четыре стороны,—
Ничего онъ узрѣть не могъ.
190. Со первой горы онъ опускается
И на вторую высокую гору подымается
И смотреть на всѣ четыре стороны,—
И ничего казакъ узрѣть не могъ.
Со второй горы опускается
195. И на третью высокую гору подымается
И смотреть на всѣ на четыре стороны,—
И усмотрѣлъ вдали шатеръ бѣлополотняной,
И поѣхалъ на этотъ шатеръ бѣлополотняной.
Пріѣзжалъ къ шатру бѣлополотняну,
200. А тамъ стоятъ то кони богатырскіе,
Кони знакомые кіевскіе
Отца крестного Самсона Самойлова
И тѣхъ двѣнадцати богатырей.
И привязалъ Илья своего добра коня,
205. Заходитъ въ шатеръ бѣлополотняной.
И сидятъ всѣ двѣнадцать богатырей
Хлѣбъ соль кушаютъ,
Отецъ крестной Самсонъ Самойловичъ
Онъ во тринадцатыхъ.
210. Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣбъ-соль, отецъ крестной,
Самсонъ сынъ Самойловичъ,
И всѣхъ двѣнадцать богатырей,
Братья крестовые, друзья названные!“
215. И выставаетъ отецъ крестной
Самсонъ сынъ Самойловичъ:
„Здравствуешь, любезной мой крестничокъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!
Мы чаяли тебя и живого нѣтъ,
220. Что посаженъ былъ въ погребѣ глубокии.
Какъ оттуда Господь васъ вынесъ?
Садись съ нами хлѣба соли кушати

- И бѣлыя лебедушки рушати“,
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
225. „Не хлѣба-соли я прѣхалъ кушати,—
Я прѣхалъ васъ звать на помочь:
Поѣдьте вы ко мнѣ на помочь
Пособить прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева.
230. Наѣхалъ собака воръ Калинъ царь
Съ сорока царями со царевичами,
Съ сорока королями королевичами,
У всѣхъ силы понабрано,
У всѣхъ силы заправлено,
235. У всѣхъ силы по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
Силы то и смѣты нѣтъ.
Тутъ проговорилъ Самсонъ Сынъ Самойловичъ:
„Я не ѣду и тебя не благословлю:
240. У меня положенъ завѣтъ крѣпкій
Не стоять больше за Кіевъ градъ
И за князя Владимира,
А на княгиню Апраксу и не сматривать.
Онъ слушаетъ князей боярь,
245. А насъ то ничѣмъ не жалуешь“.
Тутъ проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Отецъ крестной, Самсонъ сынъ Самойловичъ!
Получилъ я отъ родителей
Прощеньице съ благословеньицемъ,
250. Что вѣчно стоять за Кіевъ градъ
Не ради князя Владимира,
А ради дому Пресвятой Богородицы,
Ради кіевскихъ чудотворцевъ угодниковъ,
Ради матери Святорусь-з-мли.
255. Положи ты половину завѣта на меня,
Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
Пособи прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева“.
Тутъ проговорить Самсонъ сынъ Самойловичъ:
260. „Хоть берешь половину завѣта на себя,
А я не ѣду къ тебѣ на помочь:
Великой у меня завѣтъ есть крѣпкой,
Чтобъ не стоять больше за Кіевъ градъ“.
Тутъ проговорить старой казакъ Илья Муромецъ:
265. Положи ты весь завѣтъ на меня,
А поѣдемъ ко мнѣ на помочь,

- А пособи ты прогнать собаку царя Калина
Прочь отъ города отъ Кіева“.
И сталъ онъ упрашивать и сталъ уговаривать
270. Всѣхъ двѣнадцать богатырей.
И сѣдѣлиса четырнадцать богатырей
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
И проѣхали близъ силы поганья,
Близъ города Кіева.
275. Раскинули шатеръ бѣлополотняной,
Сѣдѣлиса, хлѣба-соли покушали
И бѣлыя лебедушки рушали,
И легли оны спать и опочивъ держать.
А Ильѣ Муромцу не спится а мало еобится,
280. И сѣдѣлся Ильѣ на добра коня
И поѣхалъ онъ по силѣ поганоей
И зачалъ по силѣ онъ поѣзживатьъ,
Сталъ силу поганую поколачивать.
И у того ли собаки царя Калина,
285. У татарина у поганого,
Накопано три подкопа глубокіе.
Конь провѣщился человѣческимъ голосомъ:
„Есть у собаки, царя Калина,
Три подкопа то великіе:
290. Я въ подкопъ скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ другой скочу, повыскочу,
Я тебя Илью повынесу,
Я въ третій скочу, повыскочу,
295. А тебя Илью врядли повынесу“.
Ильѣ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
„Ай ты волчья сыть, травляной мѣшокъ!
По лѣсу ты или не лѣсываль,
По воинамъ ли ты не воюиваль,
300. Не ужель съ этой ямы ты не выскочишь,
Меня Илью да не вынесешь?“
Его добрый конь въ подкопъ скочилъ,
Самъ повыскочилъ, Илью повыносилъ,
И въ другой скочилъ, повыскочилъ,
305. Илью онъ повыносилъ;
И въ третій скочилъ, самъ повыскочилъ,
И не могъ Илью повынести.
Упадалъ Ильѣ въ подкопы глубокіе,
И обостали татарины поганые,
310. Связали Ильѣ ручки бѣлыя,

- Сковали Ильѣ да ножки рѣзвья,
Привели къ собакѣ царю Калину.
Тутъ проговорилъ собака воръ Калинъ-царь:
„Ай же ты старой казакъ, Илья Муромецъ!
315. Я повѣрилъ тебѣ вѣдь по старости.
На что ты теперечу извѣрился?
Послужи ты мнѣ нынче, царю Калину,
Я дамъ тебѣ мѣсто подли меня,
Или дамъ мѣсто супротивъ себя,
320. А третье мѣсто куды самъ захошь;
Положу я тебѣ пензію великую“.
Тутъ проговорилъ старъ казакъ Илья Муромецъ:
„Ай ты, черная собака, воръ Калинъ-царь!
Какъ бы одна была у меня ручка правая,
325. Отрубилъ бы тебѣ буйну голову,
Покатилась бы голова твоя, какъ пугвица“.
Тутъ вскричалъ черная собака, воръ Калинъ-царь:
„Ай же вы, татарины,
Ай же вы мои поганьи!
330. Ведите Илью во чисто поле,
Отрубите Ильѣ буйну голову“.
Тутъ хватили татарины поганьи,
Повели Илью во чисто поле,
Хочуть отрубить буйцу голову.
335. И ведутъ Илью мимо церковь соборную,
И возмолится старый казакъ Илья Муромецъ
Святымъ кievскимъ угодникамъ:
„Вы кievскіе чудотворцы угодники!
Не выдайте татаринамъ поганымъ:
340. Я вѣкъ буду стоять за домъ пресвятой Богородицы“.
И тогда послалъ Господь силу ангельскую,
Оборвали поводъ желѣзныи.
Тутъ сталъ Илья на своей волѣ,
И тутъ хватилъ Илья татарина поганого
345. И началъ татаринѣ помахивать.
Куда вернется, то улпца,
Перевернется, переулочокъ.
Онъ гнется татаринѣ, а не ломится,
А крѣпокъ на жильяхъ, а не сорвется.
350. Тутъ отошли всѣ татарины поганые.
И бѣжитъ Ильинѣ доброй конѣ
Со всеі сброей богатырскою.
И садился Илья на добра коня,—
Береть онъ саблю вострую и тугой лукъ

355. И натягивает тетивочку шелковую
И накладывает стрѣлу онъ каленую,
Ко стрѣлы Илья приговариваетъ;
„Ты не падай, стрѣла, ни на воду ни на землю,
Ты прямо во шатеръ бѣлополотняной,
360. Гдѣ спятъ русскіи богатыри,
И проломи крышу шатровую,
И проломи у Самсона латы кольчужныя,
И раздробил у него бѣлую грудь,
Разрушил сердце ретивое,
365. И убей Самсона Самойлова,
Что спитъ онъ да прокладается,
А невзгоды онъ надо мною не вѣдаетъ“.
Летѣла стрѣла каленая,
Не пала ни на воду, ни на землю,
370. Прямо въ шатеръ бѣлополотняной,
Проломил крышу шатровую,
И проломил латы кольчужныя,
И ударила Самсону въ мѣдный крестъ.
Тутъ Самсонъ Самойловичъ просыпается
375. И проговорилъ таково слово:
„Еслибъ не крестъ, такъ живу не бывать!
Ай же вы, двѣнадцать богатырей, вставайте-тка;
Видно Ильѣ въ чистомъ полѣ мало собитися“.
И выставали двѣнадцать богатырей,
380. И сѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали супротивъ силы поганья,
И прибили, прирубил всю силу поганую.
И уѣхалъ черная собака, воръ Калинъ-царь,
Со тою со клятвой великою.
385. На царской костыль опирается,
А самъ то онъ проклиняется:
„Ай не дай Богъ больше бывать подѣ Кіевомъ,
Ни мнѣ то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
390. Ни внучатамъ моимъ, ни правнучатамъ,
Что во городѣ во Кіевѣ
Есть сильныя могучіе богатыри“.
Какъ тутъ Владимиръ, князь стольно-кіевской,
Приказалъ постлатъ сукна красныя
395. До самого побоища смертнаго,
И встрѣчаетъ богатырей
Со златомъ, серебромъ, скатнымъ жемчугомъ,
И дарить ихъ златомъ, серебромъ

- И скатнымъ жемчугомъ,
400. И зазываетъ ихъ въ почестной пирь.
И тутъ богатыри отсердились,
И столовали, пировали ровно суточки.
И Владимиръ князь стольно-кїевской
Дарилъ ихъ куницами, лисицами
405. И черными соболями.
Тутъ вѣкъ про Илью старину скажутъ
Синему морю на тишину,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана крестьяниномъ Кижской волости Оловец. губ. Иваномъ Касьяновымъ (см. о немъ Онежскія быльны Гильфердинга ст. 795) и доставлена имъ И. Русс. Географ. Обществу, которое позволило намъ воспользоваться записью Касьянова.

12. То-же.

- Не пыль въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи маланья сверкать;—
5. Подымалась силушка зла-невѣрная
Калина царя, Тугарина.
Семьдесятъ было царевичей,
У Калины царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
10. Стоитъ собака неподалеку,
Отъ Кїева за семь верстъ,
Разбивалъ лагерь ровно за сто верстъ,
Самъ ставалъ среди силы,
Среди силы, среди лагерю.
15. Онъ разбилъ шатеръ бѣль полотняный,
Онъ собиралъ царей, всѣхъ царевичей,
Всѣхъ своихъ королевичей.
Онъ думаетъ думу крѣпкую,
Думу крѣпкую заединую.
20. Садился скоро на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыкъ скорописчатый,
Не перомъ писалъ, не чернилами,
А на бархатѣ краснымъ золотомъ.
Выбиралъ собака посла грознаго:
25. „Ты поди, посоль, въ стольный Кїевъ-градъ,
Ты не спрашивай приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,

- Ты скачи во градъ бездокладышно,
Станови коня среди дворца,
30. Входи въ полаты не моляся,
И Владимиру князю не кланяйся,
А ты кидай ерлыкъ на дубовый столъ,
Проси силы сорокъ тысячей,
А не то проси стольный Кіевъ-градъ,
35. А не то проси дочь любимую“.
Тутъ собака не ослушался,
Скакаль собака въ стольный Кіевъ-градъ,
Не спрашиваль приворотничковъ,
У его дверей придверничковъ,
40. Скакаль во Кіевъ бездокладышно,
Становиль коня среди дворца,
Входилъ въ полаты не моляся,
А Владимиру князю не кланялся,
Кидаль ерлыкъ на дубовый столъ,
45. Просиль силы сорокъ тысячей,
А не то просиль стольный Кіевъ-градъ
А не то просиль дочь любимую.
Тутъ-де Владимиръ закручинился,
Весьма-де Владимиръ опечалился,
50. Повѣсилъ буйную головушку,
Опустиль очи въ мать сыру землю:
„Нѣтъ-то теперича помощничковъ,
И за Кіевъ-градъ нѣтъ пристателей,
Нѣтъ сильныхъ могучихъ богатырей,
55. Ни Ильюшеньки, ни Алешеньки,
Нѣтъ Добрынюшки, нѣтъ Никитича“.
Не успѣль Владимиръ думу сдумати,
Не ясенъ соколъ перелетываль,
Не бѣлый кречеть перепорхиваль,
60. Пріѣзжалъ добрый молодець
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Пріѣзжалъ онъ скоро на широкъ дворець,
Соскакивалъ съ добра коня,
Привязаль коня къ дубовому столбу,
65. Ко тому-ли колечку злаченому,
И входитъ въ полаты потихошеньку,
Отпираетъ двери помалешеньку,
Чтить да крестить лицо бѣлое,
Чуднымъ образамъ Богу молится,
70. А Владимиру князю низко кланяется:
„Ой, еси ты, батюшка, Владимиръ князь,

- А свѣтлое солнце, нашъ кievскій,
Что-же ты весьма закручинился,
Что-же ты весьма запечалился
75. И повѣсилъ съ плечъ головушку“?
Ото сна-ли Владимиръ пробуждается:
„А, старой казакъ, Илья Муромецъ,
Правая моя вѣрна рученька!
Не знаешь невзгодушки надъ Киевомъ:
80. Нападаетъ собака тутъ Калинъ-царь,
Онъ просить силы сорокъ тысячей,
А не то отдать стольный Киевъ-градъ,
А не то отдать дочь любимую“.
—„А это что у те за гость сидить,
85. А это что у те за болванъ сидить,
А этотъ болванъ неотесанный,
Неотесанный, да и неоскобленный“?—
Нечего было собакъ дѣлать,
Выходила собака на красно крыльцо,
90. Скакалъ собака на добра коня,
Убѣжалъ собака къ Калину-царю.
И возговорилъ Илья Муромецъ:
—„Ахъ ты батюшка нашъ, Владимиръ-князь,
Ты бери свои золоты ключи,
95. Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы чиста серебра,
Нагребай мисы краснаго золота,
Нагребай мисы скатнаго жемчуга,
Я поѣду къ Калину царю со подарками,
100. Просить сроку намъ на три дня“.—
А не даетъ собака на три часа.
Тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За злую досаду показалось;
Забѣжалъ онъ въ силу невѣрную,
105. Гдѣ махнетъ, тутъ и площади.
Закричалъ собака Калинъ-царь:
„Всѣ мои царевичи,
Всѣ мои королевичи,
Копайте колодцы глубокіе,
110. Хватайте добра молодца,
Старога казака Илью Муромца!“
Первый колодецъ его Богъ пронесъ,
Второй колодецъ его конь пронесъ,
А въ третьемъ колодцѣ спотыкается.
115. Напала сила невѣрная,

- Связали рученьки бѣлыя,
Сковали ноженьки рѣзвыя,
Привели къ собакѣ Калину-царю.
Возговорилъ собака Калинъ-царь:
120. „Отведите на поле широкое,
Отрубите отъ плечъ буйну головушку!“
Сидитъ при Калинѣ любимый сынъ,
Говоритъ ему таковы слова:
— „Государь ты мой, батюшка!
125. Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси изъ чести, изъ милости:
Какъ служилъ царю бѣлому,
Царю бѣлому, князю Владимиру,
130. Такъ бы и намъ послужилъ“. —
Сталь его просить Калинъ-царь:
„Послужи намъ вѣрой, правдою,
Какъ служилъ князю Владимиру“.
— „А кабы была при мнѣ сабля острая,
135. Послужилъ бы я на твоей толстой шеѣ!“ —
Тутъ царю за бѣду стало,
За злую досаду показалось,
Соскакивалъ на ноги рѣзвыя,
Билъ Илью по бѣлу лицу,
140. Избивалъ лицо его до крови.
Тутъ Ильюшенька возговорилъ:
— „Ахъ, мать Божья, Богородица,
Что ты на меня прогнѣвалась!“
Разводилъ онъ рученьки бѣлыя,
145. Разорвалъ чумбуры шелковые,
Разорвалъ желѣзы нѣмецкія,
Поймалъ татарина трехъ сажень,
Ходилъ съ нимъ три суточки,
И вышелъ Илья на Алтай гору,
150. Натягивалъ свой тугой лукъ,
Стрѣлялъ стрѣлки каленя,
Ко стрѣлкамъ онъ приговаривалъ:
„Полетайте, стрѣлы, высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
155. Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алешѣ во бѣлый шатеръ,
Попадите Алешѣ на бѣлую грудь“.
Взялъ Алешенька стрѣлочку,
И такъ Алешенька возговорилъ:

160. „Кто то надъ нами шутку шутить,
Шутку шутить или насмѣхается!“
Сталь Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрынѣ Никитичу письмо писать:
165. „Нашъ-отъ братъ во поиманьи,
Старой казакъ Илья Муромецъ“.
Не успѣлъ онъ выпасться, они сбѣжались,
Били они силу невѣрною,
Только оставили одного мальчика,
170. Любимаго сына Калина-царя.
И пріѣхали къ князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимиръ князь ихъ потчиваль,
Три дня гуляли, веселилися.

Записана въ Бухтармѣ, на Иртышѣ, отъ казака Дьякова и напечатана Г. Н. Потанинымъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“ въ Этнографическомъ Сборникѣ И. Р. Геогр. Общества, вып. VI, стр. 97—102.

13. Илья у царя Василия Боголюблева.

- Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Оны съѣхались да поздоровкались,
Со первой со стороны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со стороны сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ;
5. Оны съѣхались да поздоровались.
„Здравствуй, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„Я оттоль иду да отъ Царя-града,
10. Отъ Царя-града иду да отъ Иеросолима“.
Говорить ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?
Въ Иеросолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
15. „Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Иеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обсилило проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межь Сурывливымъ Васильемъ Боголюблевымъ“.
20. Говорить ему старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Чтожь ты на проклятое не напуцалъ?“
Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

- „Не то я на проклятаго не напускалъ,
Не смѣлъ то я думушкой подумати,
25. Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
Какъ головище у проклятаго съ пивной котель,
А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
А туловье у проклятаго будто куча сѣнна, несмѣтная“.
30. Говорить тутъ старый казакъ да Ильѣ Муромецъ:
„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатъевъ сынъ!
Ты садись-ко на матушку сыру землю,
Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
Ты снимай-ко подсумки изъ литà ¹⁾ бурхата,
35. Вынимай-ко шляпу земли грецкіи,
Скидывай ты гуню сороцинскую,
Одѣвай-ко мое платье дорожное“.
Онъ отвѣчать ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу:
„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силѡмъ возьмешь,
40. Силѡмъ возьмешь, да мнѣ-ка горбъ надмешь“.
Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли грецкія,
Скидывалъ онъ гуню сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платье Ильюшино дорожное.
45. Скорымъ-наскоро Ильюша одѣвается,
Покрутѣшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапѡтики семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотикахъ заплачено
По камешку по яхонту,
50. По яхонту по самоцвѣтному,
Не для-ради красы-басы убожества ²⁾,
А ради укрѣпы богатырской, молодеческой,
Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
55. Справлялся Ильюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единаго;
Пошелъ Юлюша, пробирается,
60. Только мать земелька подгибается.
Скоро скажется, по уснѣху дѣло діется.
Это будетъ Ильѣ да у Царя-града,
У Царя-града у Иеросолима,

¹⁾ Рыга?

²⁾ Пригожества.

- У той стѣны у городовоѣй.
65. Закричалъ Юльющенька въ полголоса,
Во Цари-гради новы домѣ пошаталися,
А старыя то домы разсыпалися,
А бережія кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
70. На Божьихъ церквахъ чудны кресты покривились,
Проклятое чудовище у палаты грановитыя
Ужаснулся да чуть обмалтался¹⁾,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровлевичъ да Боголюблевичъ!”
75. Выходи-тко на крылецко на царское,
Закричи ты, царь, да зычнымъ голосомъ;
Како у тя во Цари-гради уродище уродуетъ,
Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
Чтобы шель онъ въ палату грановитую,
80. Во ту гридню во столовую,
Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
Крестъ клалъ онъ по писаному,
Кланялся на всѣ четыре стѣроны,
Царю со царицей понизешеньку,
85. А твоимъ гостямъ любимымъ въ особину²⁾.
Тутъ выходилъ царь на крилечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожая!
Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
90. Крестъ кладай по писаному,
Поклонъ веди да по ученому,
Клонись на всѣ четыре стѣроны,
Царю съ царицей понизешеньку,
Моимъ гостямъ любимымъ въ особину“.
95. Того-то шицъ-калика взрадовалася,
Скакалъ калика черезъ стѣну городѣвую,
Черезъ тотъ-то тынь черезъ булатный,
Шель калика скорымъ-наскоро
На ты сини на царскіи,
100. Во ту палату грановитую,
Во ту во гридню во столовую.
Ужъ онъ крестъ клалъ да по писаному,
Поклоны велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на стѣроны,
105. А царю съ царицею въ особину,

¹⁾ Т. е. едва опомнися, опаматовался, очнулся.

- А проклятому чудовищу челомъ не бьеть.
Это тутъ проклятому не слюбилося,
Онъ вѣдь сталъ калику выспрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:
110. „Ай-же ты, калика-пишъ переходящая!
Ты коей земли, да ты коей орды,
Коего отца да коей матушки?“
—Я со матушки да со Святой Руси,
Со Святой Руси да съ богатой орды.—
115. „Видалъ ли ты пишъ-калика переходящая,
Видалъ ли ты да Илью Муромца?
Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
Есть Илья у васъ Муромецъ,
Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“.
120. Отвѣчать пишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ,
Будто братецъ мой;
Ужъ я платица ношу его обдержечки,
А сапожки ношу его обтопточки,
125. А шляпу ношу его да рваную“.
Говорить ему проклятое Идолице:
„По много-ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
—А колачъ да булочка ему на два дня.—
Говорить тутъ сильное проклятое Идолице:
130. „Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ:
Ѣмъ семь печей калачей
Да сорокъ мякушечекъ;
По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
А по лебедю я сразу закусываю“.
135. Говорить тутъ пишъ-калика переходящая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное:
По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
140. Ему эти рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ, проклятой, булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ, проклятой, въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юльюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку ¹⁾,
145. Пролетѣлъ булатный ножъ на сини да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганныхъ татаровей.
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженку,

¹⁾ Косыкъ дверной.

- А другого схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юльющенька помахать,
150. Куды махнетъ, туды улица,
Отмахнетъ куды,—переулочекъ.
Прибилъ тутъ проклятыхъ татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
155. Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолице да между уши.
Покатилась головище, какъ пивной котель,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову.
160. Понесло его тушу сѣнную, несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

Записана А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгала, Филимоновской волости, Каргопольскаго уѣзда, отъ крестьянина Щербакова и напечатана въ „Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи“ Е. Барсова, стр. 29—34.

14. Илья Муромецъ и Кузьма Семерцянниковъ.

- Добрынюшкѣ въ шатерушкѣ не заспалось.
Выходить Добрынюшка на улицу,
Поглянулъ во всѣ четыре стороны.
Поглянулъ въ подвосточную сторону:
5. Что не туча идетъ передъ дождичкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,—
Идетъ удалый добрый молодець,
Подъ имъ былъ конь, какъ лютой зверь,
Самъ на конѣ сидитъ какъ упалъ въ добръ¹⁾,
11. Очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.
И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
Самъ говорить таково слово:
15. „Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединничекъ и супротивничекъ?“
Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,
За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
20. Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,

¹⁾ Стихъ испорченъ А. Н. Веселовскій предлагаетъ читать:

Самъ на конѣ сидитъ купалъ добръ. См. Журн. Мин. Народн. Просв. Часть ССХІІІ стр. 194.

- Поскорѣ того на коня скакаль;
Настигъ его у рѣки Смородины.
Загаркаль то ень по звѣриному,
Засвисталь то ень по соловьиному.
25. Подъ нимъ конь не шарашится,
А самъ на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодець,
Загаркаль то ень по звѣриному,
И засвисталь то ень по соловьиному:
30. Тутъ подъ Добрыней конь на колѣвка палъ,
Тутъ Добрыня и поворотъ держаль,
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Илья Муромецъ на улицу
И самъ говорить таково слово:
35. — Далечо-ли ты издиль, Добрыня, куды путь держаль?—
„Ужь ты, ахъ же ты дядюшка,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановиць!
Мнѣ ноцесь въ шатерушку не заспалось,
Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны,
40. Поглянулъ въ подвосточную сторону;
И не туча идетъ передъ дождицкомъ,
Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,
И идетъ удалый добрый молодець.
Подъ нимъ былъ конь какъ лютой зверь,
45. И самъ сидитъ на конѣ какъ упалъ въ добрѣ¹⁾,
И очи его какъ у яснаго сокола,
И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго.
У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,
Изо рта у него полымя машеть.
50. И идетъ мимо евтѣи бѣлы шатры.
И самъ говорить таково слово:
—Есть-ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
Со мной поединницекъ и супротивичекъ?—
„Тутъ (мнѣ) Добрынюшкѣ за преку пришло,
55. За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Я и скоро сѣдлалъ, уздалъ коня,
Поскорѣ того на коня скакаль,
И настигъ я его у рѣки у Смородины,
60. И загаркаль то я по звѣриному,
И засвисталь то я по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашится,

1) См. выше стихъ 9-й.

- И самъ ень на конѣ не оглянется.
Оглянулся удалый добрый молодець,
65. Загаркаль то ень по звѣриному,
И засвисталь то ень по соловьиному:
Подо мной конь на колѣнка палъ,
Я на конѣ цють живъ сидѣль“.
Илью Муромцу тутъ за преку пришло,
70. За тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
И скоро сѣддаль, уздаль добра коня,
И о двѣнадцати подпругинкахъ подпругиваль,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
75. А четвернадцатой клалъ наф(хв)остницекъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Береть онъ копыцо булатное,
Вострой ножъ беретъ съ чинжалищемъ,
И только видѣли молодца на конѣ сядючи,
80. И не видѣли его поѣдучи.
Конь озера и рѣки перескакиваль,
Темные лѣса между ногъ пустиль,
И настигъ его на полѣ Бойкановѣ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ ближе того;
85. И закаркаль-то ень по звѣриному,
И засвисталь-то ень по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шаращиться,
И самъ на конѣ не оглянетъсе.
Оглянулся удалый добрый молодець,
90. Загаркаль-то ень по звѣриному,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И бьетъ Илья Муромецъ своего добра коня по тучнымъ бедрамъ:
—Ужъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Видно чаешь надо мной невзгодушку.—
95. Конь и вскочилъ и близко подѣзжаетъ къ богатырю;
И ударилъ его палицей желѣзною по главѣ:
У его старики (?) колпаки не стряхнулисе,
И желты кудри на главѣ не сполстилисе.
И самъ говорить таково слово:
100. „Яже на святой Руси комарики,
Больне комарики кусаютсе“.
И завели ени битъсе палицми желѣзными,—
У ихъ палицы приломалисе;
И завели ени въ копыцы булатніи,—
105. У ихъ копыя приломалисе;
И завели ени битъсе въ рукопашный бой,

- И перебилъ Илью Муромца и на верхъ его.
Илью Муромцу смерть была не писана:
Свернулсе и наверхъ его.
110. И выдергиваетъ Илья Муромецъ ножъ съ чинжалищемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы:
—Скажись, молодець, не утай меня,
Не утай меня и не съѣшь себя,—
Которой земли и которой орды,
115. Котораго (?) ¹⁾ и которой матери?—
„Ужъ ты, старая собака, воръ сѣдатой волкъ!
Кабы былъ на твоихъ грудяхъ черныхъ,
Пороль бы твои груди черныи,
Ричистой языкъ бралъ бы съ теменемъ,
120. Отсѣкъ бы твою буйную голову.
Кабы на тебѣ сидѣлъ,—бросалъ бы о сыру землю ²⁾.
Не могъ я отъ тебя отперитисе,
Отперитисе и отказатися:
Есть я *Кузьма Семерцяниновъ* богатырь“.
125. Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловалъ въ уста сахарныя,
И назвалъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ енѣ съ племянникомъ погостилисe,
130. Тутъ енѣ и распростилисe;
Одинъ въ сторону поѣхалъ,
А другой въ другую.
Илья Муромецъ и разоставилъ шатеръ бѣло-полотняненъ,
И заснулъ енѣ богатырскимъ сномъ.
135. И разгорѣлось у племянника сердце богатырское,
Прѣвзжаетъ енѣ ко бѣлу шатру,
И тюкнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писана:
На груди у его угодилиа крестъ.
140. Онъ скоро скакалъ съ богатырскаго сна,
И бралъ племянника за руцки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сыру землю;
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня.
—Повози, добра лошадь, куды знаешь его!—

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Маклюновъ отъ крестьянина дер. Сойды (Вытегорскаго уѣзда Олопец. губ.) Дементія Тимоѣева. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1885 г. № 1. стр. 25—55.

¹⁾ Отца?

²⁾ Эти шесть стиховъ пѣвецъ провѣлъ трижды.

15. Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ.

- Жиль, былъ торговый гость Никитушка Романовичъ,
Живучись-то Никитушка приставилси.
Оставалась у Никиты любимâ семья,—
Любимâ семья, молодâ жена;
5. Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталь-то Добрынюшка на возрастъ,
Какъ ясной соколъ на возлетъ.
10. Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой, съ носка спущать.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ;
Дошла эта слава до славнаго города до Муромъ,—
15. До стара казака до Ильи до Муромца.
Собирался осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ осударь Илья Муромецъ
20. Ко славному городу ко Рязани,
Самъ своимъ умомъ размышляеть:
„Досель Рязань-городъ слободой слыла,
Нонче Рязань слыветъ городомъ“.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
25. Во славный городъ во Рязань.
Ѣдетъ осударь по Рязани,
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
„Скажите про Добрынинъ про широкій дворъ“.
Доводили тутъ малы ребяточки
30. До Добрынина широка двора.
Сидитъ осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
35. Отпирала Добрынюшкина матушка
Окошечка немножечко,
Говорила съ осударемъ потихошеньку:
„Ужъ ты здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ!“
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
40. „Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь?“
Говоритъ вдова благочестивая:

- „Я была у васъ въ Муромѣ,
Я видала тебя изъ молодчества.
Еще знать молодца по поступкѣ,
45. Еще знать сокола по полету.
Добро жаловать ко мнѣ хлѣба-соли ѣсть“.
Говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„У тея гдѣ чадо милое?“
Говоритъ вдова благочестивая:
50. „Уѣхаль у меня чадо милое
На тѣ-ли на тихи вешни заводи
Стрѣлять гусей и сѣрыхъ уточекъ,
И пернастыхъ малыхъ утятюкъ“.
Немного богатырь наговорилъ,
55. Поѣхаль изъ города, выѣхаль на шеломя окатисто.
Смотритъ осударь Илья Муромецъ,—
Смотритъ по чисту полю—
Завидѣль во чистомъ полѣ
Богатырь потѣшается:
60. Высоко онъ мечетъ палицу по поднебесью,
На бѣлинъки ручки подхватываетъ.
Поѣхаль осударь Илья Муромецъ,
Приѣхаль ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то, зычитъ крычнымъ голосомъ ¹⁾:
65. „Тебѣ полно, богатырь, потѣшатися,
Намъ пора съ тобой потягаться!“
Снимаетъ Добрынюшка со права плеча ясна сокола,
Посылаетъ ко матери ко родимья:
„Скажитко, ясный соколъ: „наѣхаль на меня богатырь“.
70. Разѣхались богатыри по чисту полю,
Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разѣхались братаны во второй наконѣ,
75. Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися,—
Другъ друга богатыри не ранили.
Разѣхались братаны во третей наконѣ,
Коньями они ударились:
80. Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втопталися.

¹⁾ Кричитъ-то, кричитъ зычнымъ голосомъ?

- По Добрынюшкину было по счастью
85. У осударя права ножка подвернулася,
Лѣва ручка оскользнулася.
Мастерь былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ осударю на бѣлы груди,
90. Вымаеть изъ цынгалица булатенъ ножъ¹⁾,
Самъ сидить-то Добрыня прираздумался,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ты коего города, коей земли?
Какъ ты, молодца, именемъ зовуть?“
95. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Кабы былъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
Не спросилъ я у ты ни про родину,
Споролъ бы у тебя бѣлы груди“.
Спрашиваетъ Добрыня во второй законъ,
100. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Кабы сидѣлъ я у ты на бѣлыхъ грудяхъ,
Споролъ бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя ретива сердца“.
Говорить Добрыня во третей законъ:
105. „Ты коего города, коей земли?
Тебя какъ, молодца, именемъ зовуть?“
Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Я изъ славнаго города изъ Мурома,
Старый казакъ, Илья Муромецъ“.
110. Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Береть его за ручку за правую,
Подымаеть осударя на рѣзвы ноги,
Падаютъ осударю во рѣзвы ноги:
„Прости меня въ таковой винѣ!“
115. Говорить осударь Илья Муромецъ:
„Тебя Богъ простить, Добрынюшка Никитичъ“.
Ужь тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
„Ты будь, Добрынюшка, малый братъ,
120. А я, осударь, старшій братъ“.
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной.
Вѣѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,

¹⁾ Цынгалище булатенъ-ножъ.

125. Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, собранныхъ П. С. Ефименкомъ, часть 2-я. М. 1878. (См. „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XXX Вып. 2, стр. 10 и 11).

16. Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ-кораблѣ.

- По морю, морю синему,
По синему, по Хвалунскому,
Ходилъ-гулялъ Соколѣ-корабль
Немного немало, двѣнадцать лѣтъ.
5. На якоряхъ Соколѣ-корабль не ставалъ,
Ко крутымъ берегамъ не приваливалъ,
Желтыхъ песковъ не хватывалъ.
Хорошо Соколѣ-корабль изукрашенъ былъ:
Носъ, корма—по звѣриному,
10. А бока зведены по змѣиному.
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
15. Еще вмѣсто бровей было повѣшено
Два соболя, два борзые;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей было повѣшено
Двѣ куницы мамурскія;
20. Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три церкви соборныя;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
25. Три торговица нѣмецкія;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколѣ на кораблѣ:
Три люди незнаемые,
30. Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не вѣдали.
Хозяинъ-отъ былъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановъ,
Его вѣрный слуга—Добрынюшка,

35. Добрынюшка, Никитинъ сынъ,
Пятьсотъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ.
Какъ издалече-далече, изъ чиста поля
Зазриль, засмотрѣль Турецкой панъ,
Турецкой панъ, большой Салтанъ,
40. Большой Салтанъ Салтановичъ.
Онъ самъ говоритъ таково слово:
„Ахъ, вы, гой еси, ребята, добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки!
Что у васъ на синемъ морѣ дѣется,
45. Что чернѣется, что бѣлѣется?
Чернѣется Соколь-корабль,
Бѣлѣются тонки парусы.
Вы бѣжите-ко, ребята, ко синю морю,
Вы садитесь, ребята, во легки струги,
50. Нагребайте поскорѣе на Соколь-корабль,
Илью Муромца въ полонъ бери;
Добрынюшку подъ мечъ клони!“
Таки слова слышалъ Илья Муромецъ,
Тако слово Добрынѣ выговаривалъ:
55. „Ты, Добрынюшка Никитинъ сынъ,
Скоро-борзо походи во Соколь корабль,
Скоро-борзо выноси мой тугой лукъ,
Мой тугой лукъ въ двѣнадцать пудъ,
Калену стрѣлу въ косу сажень!“
60. Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Ко стрѣлочкѣ приговариваетъ:
„Полети, моя каленая стрѣла,
65. Выше лѣсу, выше лѣсу по поднебесью,
Не пади, моя каленая стрѣла,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрѣла,
Въ турецкой градъ, въ зеленъ садъ,
70. Въ зеленой садъ, во бѣлъ шатеръ,
Во бѣлъ шатеръ, за золотъ столъ,
За золотъ столъ, на ременчатъ стуль,
Самому Салтану въ бѣлу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
75. Рациби ему ретиво сердце!“
Ахъ, тутъ Салтанъ покаялся:
„Не подай, Боже, водиться съ Ильей Муромцемъ,
Не дѣтямъ нашимъ, не внучатамъ,

Не внучатамъ, не правнучатамъ,
80. Не правнучатамъ, не пращурятамъ!^а

Мѣсто записи неизвѣстно. Былина помѣщена въ числѣ двухъ другихъ въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Императорскую Публичную бібліотеку изъ Вологодской губерніи. Напечатана Л. Н. Майковымъ въ „Живой Старинѣ“, Вып. I 1890 г.

17. То-же.

- Доселево про Кіань-море не слыхано,
А нонѣче на Кіань-море собираются
Суцкой, Пруцкой, Новоторженской.
Собирали они тридцать кораблей безъ единого,
5. Про себя они украшали „Соколь“ корабль:
Деревца ставятъ кипарисовы,
На немъ снасточки бичевочки шелковья.
Они на корму сажаютъ Илью Муромца,
А на носъ посажаютъ Добрыню Никитьевича.
10. Ильюшенька Добрынюшкѣ рѣчь возговорилъ:
„Ты отваливай отъ бережка отъ крутаго,
Ты отваливай отъ песочка отъ сысучаго“.
Вдругъ несчастьице надъ корабликомъ приключилося,
Что садился на деревцо сизой орелъ,
15. Потоплялъ онъ корабличекъ во синѣ море.
Какъ на то ли нашъ Ильюхонька разсержался,
Онъ тугой лукъ своей рученькой натягивалъ,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладывалъ,
Онъ убилъ орла въ бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
20. Онъ упалъ, нашъ сизой орелъ, во синѣ море.

Записана на Уралѣ и помѣщена І. И. Желѣзновымъ въ соч. „Уральцы“ — Очерки быта Уральскихъ казаковъ. Т. III изд. 2-е 1888, стр. 123.

18. Добрыня.

(Скимень-звѣрь, рожденье).

- Какъ издалеча, далеча, изъ чиста поля,
Изо того было раздольца изъ широкова,
Что не грозная бы туча накаталася,
Что не буйные бы вѣтры подымались,—
5. Выбѣгало бы тамъ стадечко змѣиное;
Не змѣиное бы стадечко—звѣриное.
Напередъ то выбѣгаетъ лютой Скимень-звѣрь.
Какъ на Скимень-то шерстечка буланая;

- Не буланая-то шерстечка—булатная;
10. Не булатна на немъ шерстечка—серебряна;
Не серебряная шерстечка—золотая,
Что на каждой на шерстинкѣ по жемчужинкѣ.
Напередъ-то его шерстечка sproкинулася,
У того у Скимна рыло, какъ остро коше,
15. У того у Скимна уши—калены стрѣлы,
А глаза у звѣря Скимна, какъ ясны звѣзды.
Прибѣгаетъ лютой Скимень ко Днѣпру рѣкѣ;
Становился онъ, собака, на задни лапы,
Зашипѣлъ онъ, воръ-собака, по змѣиному,
20. Засвисталъ онъ, воръ-собака, по соловьеву,
Заревѣлъ онъ, воръ-собака, по звѣриному.
Отъ того было отъ шишу отъ змѣинова
Зелена трава въ чистомъ полѣ повянула.
Отъ того было отъ свисту отъ соловьева
25. Темны лѣсы ко сырой землѣ клонилися,
Отъ того было отъ рева отъ звѣринова
Быстрой Днѣпръ-рѣка сколыбалася,
Съ крутымъ берегомъ рѣка Днѣпръ поровнялася,
Желты, мелкіе песочки осыпалися,
30. Со пескомъ вода въ Днѣпрѣ возмутилася;
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася;
Съ крутыхъ горъ камни повалилися;
Крупны каменя по дну катятся,
Мелки каменя по веру несеть.
35. Какъ слышалъ лютой Скимень да невзгодушку:
Ужъ какъ на небѣ родился свѣтель мѣсяць,—
На землѣ-то народился могучъ богатырь.

Былина эта была записана С. И. Гуляевымъ въ Доктевскомъ заводѣ и напечатана въ *неполномъ* видѣ въ Прибавл. къ Извѣст. Императорской Акад. Наукъ т. II, стр. 173—174, а затѣмъ перепечатана въ Сборникѣ Кирѣвскаго (II стр. 9—10). Впослѣдствіи она была вновь записана въ болѣе исправномъ видѣ С. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ и въ Чумышской волости.

19. То-же.

(Начало).

- Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося;
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжить:
5. Напередъ бѣжить собака, лютой Индрикъ-звѣрь.
У Индричка копыточки булатныя,

- Шерсточка на Индричкѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиночкѣ два блюдечка серебряны,
10. На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчукъ разсыпается.
Подобъгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
Къ той рѣченкѣ, къ быстру Днѣпру.
Засвисталь-то онъ, загаркаль по звѣриному,
15. Зашипѣль-то онъ, собака, по змѣиному.
Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

Записана въ 50-хъ годахъ І. И. Желѣзновымъ отъ 80-лѣтняго старика казака Ивана Никитича Чакрыгина. Напечатана въ соч. Желѣзнова: „Уральцы.“ Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. III, стр. 3. 1888 г.

20. Алеша (Добрыня) и Скимъ-звѣрь ¹⁾.

- Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Приклоняется *Алеша* къ своей матушкѣ,
Приклоняется *Алеша* ко родимой.
Онъ и просить у ее благословеньица,
5. Онъ и просить у ее, онъ великаго:
„Благослови-ка ты меня, матушка,
Благослови-ка меня ты, родимая,
Да со Скимомъ-звѣремъ поборотися,
Да со Скимомъ-звѣремъ порататися“.
10. А дала-же ему матушка благословеньице,
А дала-же ему родимая великое.
Онъ садился-же *Алеша* на добра коня,
На добра коня богатырскаго;
Онъ поѣхаль-же *Алеша* во чисто поле,
15. Онъ поѣхаль-же *Алеша* во раздольице.
Выѣзжалъ-то *Алеша* на долинушку,
Выѣзжалъ-то *Алеша* на широкую.
Увидаль-же *Алешу* самъ-отъ Скимъ-отъ звѣрь,
Онъ вставаль, воръ-собака, на задни ноги,
20. На задни ноги, на востры когти,
Напередъ на немъ шерстка перепрокинулася.
Закричалъ-же, воръ-собака, по звѣриному,
Засвисталь-же воръ-собака, по змѣиному.

¹⁾ Въ этомъ былинномъ отрывкѣ вмѣсто Добрыни бой со Скимомъ-звѣремъ приписывается Алешѣ.

- Да дрались они, рубились трои сутоки,
25. Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.
Изрубилъ его Алеша на мелки части,
Раскидалъ его Алеша по чисту полю,
По чисту полю, по раздольицу.
30. Выѣзжалъ-же Алеша на дороженьку,
Выѣзжалъ-же Алеша на широкую,
Онъ поѣхалъ-же Алеша къ своей матушкѣ...

Записана Н. Пальчиковымъ и напечатана въ его сборникъ: „Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Меззелинскаго уѣзда, Уфимской губ.“ Сиб. 1888 (№ 37).

* 21. Добрыня Никитичъ и отецъ его Никита Романовичъ

(Бой со змѣемъ).

- Доселева Рязань селомъ слыла,
А нынѣче Рязань слыветь городомъ.
И жилъ въ Рязани богатый гость
Что по имени Никита, сынъ Романовичъ;
5. Десяносто лѣтъ жилъ Никита, не старился.
Выводилъ изъ стойла добра коня,
Накладывалъ потнички бумажные,
На потнички ковры сорочинскіе,
На коврики сѣделочки черкасскія;
10. Подтягивалъ подпруги шелковыя,
Двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Садился старой на добра коня.
Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталъ,
Не бѣлый кречеть перепархивалъ,
15. Тутъ ѣхалъ удалой, добрый молодець.
Подъ нимъ добрый конь, какъ бы лютой звѣрь,
На конѣ-то сбруя подъ оправою,
Подъ оправою однозолотною;
Самъ на конѣ, какъ соколъ сидить.
20. Ѣдетъ онъ ко городу Кіеву,
Ѣдетъ онъ ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву;
Ѣдетъ онъ ко высокому ко терему,
Выѣзжаетъ на улицу на широку.
25. Со добра коня Никитушка соскакивалъ,
Ни къ чему онъ коня не привязывалъ,
Никому онъ коня не приказывалъ.

- Спрашивалъ онъ у воротъ привратниковъ,
Спрашивалъ у дверей придверниковъ,
30. Отворялъ двери по тихошеньку,
Запиралъ онъ двери по малехоньку,
Крестъ кладеть по писаному,
Поклонъ ведеть по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь,
35. Со душечкой со княгинею!“
— Добро пожаловать, удалый, добрый молодець,
Ты Никита, сынъ Романовичъ,
За одинъ ты столъ хлѣба кушати.—
Онъ кладеть крѣпокъ¹⁾ и со панцыремъ,
40. Кладеть на дубовый столъ.
Отошедши Никита поклоняется:
„Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Ты давай мнѣ попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
45. Давай монаха и учителя;
При старости мнѣ лѣтъ душу спасти“.
И проговорить ласковой Владимиръ князь:
„Гой еси ты, удалой доброй молодець,
Гой еси Никита, сынъ Романовичъ!
50. На кого ты оставляшь стольный Кіевъ-градъ?
На кого оставляшь меня, князя Владимира?“
Проговорить Никита, сынъ Романовичъ:
„Я надѣюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича“.
55. Проговорить ласковый Владимиръ князь:
— Гой еси, Никита, сынъ Романовичъ!
Онъ малешенекъ иишо и глупешенекъ,
Глупешенекъ,—только трехъ годовъ.—
Онъ даеть ему попа, отца духовнова,
60. Даеть игумна и пострижника,
Даеть монаха и учителя.
Не много Никита пожилъ—переставилъся;
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатство,
65. Остается у Никиты молодая жена
Молода Амелѣфа Тимошеевна;
Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитѣвичъ,
Молодой Добрыня семи годовъ.

¹⁾ Нагрудникъ по объясненію С. И. Гуляева.

70. Сталь Добрынюшка на возрастѣ,
Сталь на возрастѣ, пятнадцать лѣтъ,
Сталь по улицѣ похаживать,
Сталь онѣ палицей помахивать,
Зачаль сабелькой пофыркивать,
75. Сталь онѣ копыцомѣ подпиратися.
У Добрыни сердце възъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не можетъ уничтожить свое ретиво сердце.
Идетъ онѣ во свѣтлую во свѣтлицу,
80. Самъ говоритъ таковы слова:
„Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимоеевна!
Сдавай ты мнѣ коня богатырскаго“.
И проговорить ему родима матушка:
85. —Ахъ ты, мое дитяtko сердечное,
Ты малешенекъ еще и глупешенекъ.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебѣ будетъ буйна голова.—
90. „Ахъ, ты, матушка моя родимая!
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мнѣ охота съѣздить далече,
Съѣздить далече, во чисто поле,
Пострѣлять мнѣ гусей-лебедей,
95. И пушистыхъ, перелетныхъ, сѣрыхъ уточекъ“.—
Не могла мать переставить таковы слова,
И выводить она ему добра коня,
Изъ тоя изъ конюшни изъ новыя,
И выносить всю сбрую богатырскую.
100. И накладывалъ Добрыня потнички бумажныя,
И на потнички ковры сорочинскіе,
И на коврички клалъ сѣделочки черкасскія.
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Надѣвалъ на себя платье соотцовое;
105. Соотцово платье ему узехонько и коротохонько.
И ставалъ онѣ въ стременышко гольяшное,
И садился въ сѣделышко черкасское.
И стоитъ его матушка у стремена,
Молода Амельфа Тимоеевна,
110. И плачетъ она, какъ рѣка течеть,
И сама говоритъ таковы слова:
—Ахъ, ты мое дитяtko сердечное!
Поѣдешь ты далече во чисто поле,

- Пострѣляшь ты сколько гусей, лебедей
115. И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ,
И прїѣдешь ты къ батюшку Днѣпру рѣкѣ,
Захотись тебѣ будетъ покупатися,
Захотись тебѣ будетъ, Добрынюшка, потѣшишься,
И станешь ты, сѣрый селезень, поплавати,
120. И сѣрый гоголь поныривать.
Черезъ первую ты струичку переплывешь,
Черезъ втору струичку переплывешь,
Черезъ третью струичку не плавай ты:
И тутъ струи вмѣстѣ соходятся,
125. И унесетъ тебя къ горамъ высокимъ,
Ко тому тебя ко люту змѣю;
Пожретъ тебя злой Змѣишо-Горынишо. —
Благословился онъ у своей родимой матушки
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
130. И стрѣлялъ онъ сколько гусей, лебедей
И пушистыхъ, перистыхъ малыхъ уточекъ.
И прїѣхалъ онъ ко батюшку Днѣпру рѣкѣ,
И вадумалъ онъ покупатися,
И вадумалъ онъ, удалый добрый молодець, потѣшиться.
135. И сталъ онъ, сѣрый селезень, поплавати,
И сталъ онъ, ярой гоголь, поныривать.
Черезъ первую струичку онъ переплылъ,
И черезъ втору струичку онъ переплылъ.
У Добрыни сердце возъярилося,
140. И могучи плечи расхотилися;
Переставилъ онъ матушкино благословеньицо.
И тутъ струи вмѣстѣ сохотилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пещерамъ.
Услышалъ змѣишо за пятнадцать версть
145. Поплавку его богатырскую,
Вылетать изъ пещеры глубокія
И летить на Добрыню Никитича,
И зычить, кричить зычнымъ голосомъ:
„И святы отцы писали, прописалися,
150. Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ;
Я теперъ Добрынюшку живьемъ сглону,
Живьемъ сглону и хоботомъ убью,
И Добрыню искрой засыплю.“
И тутъ Добрыня прїужахнулся:
155. „Ахъ, ты, змѣишо, злой Горынишо!
Не честь твоя, хвала молодецкая,
Наступаешь ты на тѣло нагое,

- Тѣло нагое—тоже мертвое.
Дай ты мнѣ, змѣй, сроку на три дни,
160. На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки“.
И даетъ онъ ему сроку на три дни,
И даетъ онъ ему сроку на три часа,
И даетъ онъ ему сроку на три минуты,
165. Улетать опять змѣй въ пещеры глубокия.
И выходятъ Добрыни три дня, три часа,
И выходятъ Добрыни три минуты;
Все онъ плавать на синемъ морѣ.
И летить опять змѣишшо, злой Горынишшо,
170. Изъ той пещеры глубокия.
И доплывать Добрыня до желта песка,
И доплывать Добрыня до крута бережка,
И выскакиваль Добрыня на желты пески;
По желтымъ пескамъ Добрыня сталь поскакивать,
175. Зажималъ Добрыня комъ желта песка,
Бросаль въ змѣишша, зла Горынишша,
Отшибъ змѣишшу тридцать хоботовъ;
И падалъ змѣишшо на сыру землю,
И билъ его Добрыня о сыру землю.
180. И тутъ Змѣишшо Добрынѣ взмолился:
„Я тебѣ, Добрыня, даваль сроку на три дня,
Я даваль тебѣ сроку и на три часа,
Я даваль тебѣ сроку на три минуты“.
Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
185. —Ты не будешь-ли летать по городу,
И не будешь-ли ты летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
Не будешь-ли уносить княгиню Апраксию?—
190. Проговорить змѣишшо Горынишшо
„Я не буду летать по городу,
И не буду летать по Кіеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксию“.
195. Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
—Ты врешь, собака, неустойчивой!—
Говорить тутъ змѣй Горынишшо:
„Ты будь-ко мнѣ, Добрыня, бѣльшій братъ,
А я тебѣ буду, змѣишшо, меньшій братъ.“
200. Я дамъ тебѣ добра коня богатырскаго,
Я дамъ тебѣ потнички не почены ¹⁾,

¹⁾ Пропитанные потомъ.

- Я дамъ тебѣ коврички не держаны,
Я дамъ тебѣ сѣдельшко черкасское
И со всею сбруей богатырскою“.
205. Туто молодцы побраталися:
Добрыня сталъ бѣльшій братъ,
Змѣишко сталъ меньшій братъ.
Отпустилъ змѣя Добрыня въ живности,
И улѣтъль змѣишко въ пещеры глубокиа,
210. И поддѣлалъ себѣ крылья бумажныа,
Полетѣлъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю ко Владимиру.
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
215. Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣишко обвивается,
Садить ея на могучи плеча
И унесъ ея въ пещеры свои глубокиа...
А тамъ Добрыня приуправился,
220. И идетъ онъ въ стольный Кіевъ-градъ,
Ко своей онъ матушкѣ родимыа.
И выходитъ его матушка на красно крыльцо,
И встрѣчатъ она свое чадо милое,
Молодова Добрыню Никитича,
225. На великихъ своихъ радостяхъ.
И проговоритъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Здорово, ты, матушка родимая,
Молодая Амелѣфа Тимоѣевна,
И здорово ты живешь, здоровешенько?“
230. И проговоритъ родима матушка:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Я здорово живу здоровешенько,
А у ласкова князя Владимира
Случилося несчастьице великое:
235. Вечоръ было позднѣмъ поздешенько
И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя;
И обвивался змѣишко Горынишко,
240. Обвивался вкругъ рѣзвухъ ногъ;
И садилъ ея змѣишко на могучи плечи
И унесъ ея въ пещеры глубокиа.—
И тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося:
245. „Ахъ ты, моя матушка родимая!

- Мнѣ змѣишио меньшей братъ,
А я змѣю большой де братъ;
А поѣду ему скорую смерть предамъ“.
Поворачивать Добрыня добра коня
250. И свое поворачиваѣтъ бѣло лицо;
Мать его стоитъ у стремена,
Сама говоритъ таковы слова:
—Ахъ ты, мое дитятко сердечное!
Онъ поддѣлалъ крылья бумажныя,
255. На крыльяхъ змѣишио славной воинъ.
И ты поѣдешъ къ змѣишшу Горынишшу,
И станешъ подѣзжать ко горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ ко пещерамъ ко глубокимъ,
И услышитъ змѣишио за пятнадцать верстъ,
260. И станеть надлетать на тебя, удала добра молодца,
И станеть кричать зычнымъ голосомъ;
И тутъ ты, Добрыня, приужахнешься;
И зними ты свои руки кверху на небеса,
И проси ты: „Спасъ, ты Спасъ, Боже милостивъ,
265. И мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
За Вашъ я домъ стою, за церковь соборную,
И создай Ты, Господи, дождичка!“
И не откуль грозна туча накатится,
И скорымъ-скоро крупень дождь пойдетъ,
270. Подмочить его крылья бумажныя,
И падеть змѣишио на сыру землю.
Станете вы палицами битися,
По насадкамъ ¹⁾ палицы будутъ разгоратися;
Вы тотъ бой бросайте о сыру землю.
275. Станете вы саблями рубитися,
Сабельки у васъ изщербятся;
И тотъ бой бросайте о сыру землю.
Станете вы копьями колотися,
По насадкамъ у васъ копья изломаются;
280. И тотъ бой бросайте о сыру землю.
И вы другъ друга чумбурами сподергайте,
Сохватаетесь вы, молодцы, ручнымъ боемъ,
Распахивай ты свою полу правую,
И выдергивай ты шельгу подорожную,
285. И стегай ты змѣишша по могучимъ плечамъ,
И стегай ты, приговаривай:
Что отъ конскаго поту змѣя пухлѣ.

¹⁾ Насадка—накопечникъ. Гул.

- Застегашь ты его до смерти,
Своей плетью шелковою.—
290. Благословился онъ у своей матери родимья
И поѣхалъ въ далече въ чисто поле.
И ѣдетъ онъ къ горамъ, горамъ ко высокимъ,
И ко тѣмъ пещерамъ ко глубокимъ.
Услышалъ змѣишко Горынишко,
295. Услышалъ за пятнадцать верстъ:
Ѣдетъ де Добрыня Никитичъ младъ.
И летить къ нему настрѣчу,
И зычить, кричить зычнымъ голосомъ:
„Что святы отцы писали, прописалися,
300. Сказали: мнѣ отъ Добрыни смерть будетъ,
Смерть будетъ, живу не быть, живу не слыть.
Я теперь Добрыню живьемъ сгложу,
Живьемъ сгложу, хоботомъ убью,
Хоботомъ убью, дымомъ задушу,
305. Дымомъ задушу, искрой засыплю“.
Туть Добрыня приужахнулся,
Знималъ свои руки на небо,
Самъ говорить таковы слова:
—Спасъ ли, Спасъ, Боже милостивой!
310. Мати Пречистая, Пресвятая Богородица!
Создай, Господи, дождичка!—
Не откуль гроза-туча накатилася,
И скорымъ-скоро крупень дождь пошелъ;
Подмочило у змѣя крылья бумажныя;
315. Падалъ змѣишко на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкамъ у нихъ налицы разгоралися;
Они тотъ бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
320. Сабельки ихъ разщербилися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у нихъ изломалися;
И тотъ бой бросали о сыру землю.
325. Они другъ дружку чунбурами сподергали,
Сохватались молодцы ручнымъ боемъ.
Распахивалъ Добрыня полу правую,
Вытягалъ шельгу подорожную
И стегалъ онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
330. И стегалъ, самъ приговаривалъ:
„Отъ конскаго поту змѣя пухлѣ“.

- И застегаль Добрыня змѣишша до смерти,
Изрубиль змѣишша въ куски во мелкіе.
И садился Добрыня на добра коня,
335. И поѣхаль въ пещеры глубокия,
И нашель онъ княгиню Апраксию.
Лежить княгиня на перинѣ на перовыя,
На подушечкахъ на пуховыхъ;
На правой рукѣ у ней лежить змѣинчишко,
340. И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.
Такъ она ему Добрынѣ израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
„Ахъ, ты гой еси, удалой доброй молодець!
Прилетить змѣишшо, злой Горынишшо,
345. И пожретъ обоихъ насъ, добрый молодець“.
И проговорить удалой доброй молодець:
—Великая ты княгиня Апраксія!
Побѣдилъ я змѣишша Горынишша,
Изрубиль его на мелки куски,
350. Своей сабелькой вострою.—
Тутъ княгиня возрадовалась,
И стаеть она на рѣзвы ноги.
Одного змѣинчишка онъ взяль разорвалъ
И другого змѣинчишка взяль растопталъ;
355. И садился Добрыня на добра коня,
И садиль княгиню Апраксию,
И повезъ ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говоритъ таковы слова:
360. „Гой, еси ты, молода княгиня Апраксія!
Покрестоваемъ мы крестами однозолотными,
И ты будь мнѣ сестра крестовая,
А я тебѣ буду крестовой братъ“.
Тутъ они крестами покрестовались.
365. И пріѣхаль Добрыня со княгинею
Во Кіевъ-градъ, на улицу на широку,
И идетъ онъ на улицу на широку.
И увидѣль ласковый Взадимиръ князь
Во то окошечко косящато,
370. Во ту околенку стекольчату.
И бѣжитъ онъ скоро на красно крыльцо,
И радуется онъ удалу добру молодцу
И своей княгинѣ Апракси,
И самъ говоритъ таковы слова:
375. „Гой, еси ты, Добрыня Никитичъ младъ!

- Гдѣ ты взялъ княгиню Апраксию?^а
Отвѣчатъ Добрыня Никитичъ младъ:
„А взялъ я ее у змѣя у Горынишша,
Во тѣхъ во пещерахъ во глубокихъ;
380. И похитилъ я змѣишша Горынишша,
Застегалъ его до смерти,
Изрубилъ змѣишша на мелки куски“.
И тутъ ласковый Владимиръ князь возрадовался,
И собиралъ онъ бесѣду-столованье,
385. Столованье-почестный пиръ;
И собиралъ онъ князьевъ, бояровъ,
И веселился онъ, радовался.
Какъ говорить Владимиръ князь:
„Гой еси, ты, Добрыня Никитичъ младъ!
390. Доступилъ ты княгиню Апраксию
Отъ того отъ змѣя Горынишша,
Дакъ благословляю тебѣ ее взять въ замужество“.
Проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
—Гой еси, ласковой Владимиръ князь!
395. Мнѣ нельзя ее взять за себя замужъ:
Она будетъ мнѣ, княгиня, сестра крестовая.—

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тулицына въ Барнауль.

22. Добрыня въ отъѣздѣ.

- Не громъ гремитъ у насъ въ Кіевѣ,
Не громъ гремитъ передъ дождичкомъ,
Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
5. Передъ старой вдовой Афимьей Александровной:
„Ужъ ты гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай-ка мнѣ свое де благословеньице—
Отнынѣ мнѣ и во вѣки—
10. Во чисто поле, Добрынѣ, ѣхати.
Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле, разгуляюся,
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показывать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
15. Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испровѣдати“.
Тутъ возговорить его матушка родимая,

- Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
20. Добрынюшка, сынъ Никитивичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,
25. На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову“.
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Афимья Александровна!
30. Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ,
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру къ Бѣлозерову,
Ко дядюшкѣ своему ко родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
35. Тутъ возговорить его матушка родимая,
Стара вдова Афимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Будуть-ли отъ сухова дерева отрасли,—
40. Тогда будь надъ тобой мое благословеньице.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь“?
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
45. Стара вдова Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога,—
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хотъ вдовой сиди,
Хошь за князя поди, хошь за боярина,
50. Иль за сильнаго могучаго богатыря,
Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ,
Мы въ полѣ съ нимъ сѣзжались,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
55. Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшеньку
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
60. „Ужь вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходные!

- Сослужите мнѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозерову“...
65. Тутъ всѣ кони испугались,
Повѣсили свои буйны головы,
Потушили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
„Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
70. Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Сослужу я тебѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Былина не кончена).

Записана I. И. Желъзновымъ въ 1858 г. отъ казака Ивана Михайловича Бакирова въ
станциѣ Красноярскомъ-форпостѣ и напечатана въ его книгѣ „Уральцы“ 2-е изд. 1888 г. стр. 222—223.

* 23. Добрыня и Марина.

- Что не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не шелкова трава въ полѣ разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ-отъ своей матери:
„Государыня, родная моя матушка!
5. Ты пожалуй-ка свое мнѣ благословеньице,
Я поѣду въ чисто поле гулять.
Поищу ли я своего брата названнаго,
Что стараго казака Илью то Муромца“.
—На кого-жъ ты оставляешь молодую жену?—
10. „Ей давнымъ давно, Настасьѣ, было сказано,
За недѣлюшку, Микулишичъ, приказано,
Что сидѣть бы ей вдовою ровно девять лѣтъ,
На десятомъ годочкѣ хотъ бы замужъ шла,
Хотъ за князя, хотъ за боярина,
15. Не ходите бы ей за Алешу за Поповича“...
Ужъ какъ три года Добрынюшка бражничалъ,
На четвертый годъ Добрыня погулять захотѣлъ,
По стольному по городу по Кіеву,
По тѣмъ ли по частымъ переулочкамъ,
20. Переулочкамъ, закоулочкамъ.
На встрѣчу Добрыни старъ матеръ челоувѣкъ,
Старъ матеръ челоувѣкъ Илья Муромецъ.
Они вмѣстѣ сошлись поздоровались,
Они ручку объ ручку ударились
25. И во сахарны уста цѣловались.

- Стара вдова Аѳимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
20. Добрынюшка, сынъ Никитивичъ!
Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владать.
Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,
25. На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ,
По большому полю по Куликову“.
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
Стара вдова Аѳимья Александровна!
30. Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ,
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру къ Бѣлозерову,
Ко дядюшкѣ своему ко родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
35. Тутъ возговорить его матушка родимая,
Стара вдова Аѳимья Александровна:
„Ужь ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Будуть-ли отъ сухова дерева отрасли,—
40. Тогда будь надъ тобой мое благословеньце.
На кого ты меня, Добрынюшка, покинешь?
Молоду свою жену кому прикажешь“?
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитивичъ:
„Ужь ты, гой еси, родима, мила матушка,
45. Стара вдова Аѳимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога,—
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хотъ вдовой сиди,
Хошь за князя поди, хошь за боярина,
50. Иль за сильнаго могучаго богатыря,
Только не ходи, моя жена, за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ,
Мы въ полѣ съ нимъ сѣзжались,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
55. Благослови, матушка, взойти на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшеньку
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
60. „Ужь вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходые!

- Сослужите мнѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, къ Бѣлозерову“...
65. Тутъ всѣ кони испугалися,
Повѣсили свои буйны головы,
Потушили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ изъ нихъ держалъ одинъ буланый конь:
„Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
70. Добрыня, сынъ Никитивичъ!
Сослужу я тебѣ службу не дальнюю и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Былина не кончена).

Записана I. И. Желъзновымъ въ 1858 г. отъ казака Ивана Михайловича Бакирова въ станциѣ Красноярскомъ-форпостѣ и напечатана въ его книгѣ „Уральцы“ 2-е изд. 1888 г. стр. 222—223-

* 23. Добрыня и Марина.

- Что не бѣла береза къ землѣ клонится,
Не шелкова трава въ полѣ разстилается,—
Ужъ какъ кланяется сынъ-отъ своей матери:
„Государыня, родная моя матушка!
5. Ты пожалуй-ка свое мнѣ благословеньице,
Я поѣду въ чисто поле гулять.
Поищу ли я своего брата названнаго,
Что стараго казака Илью то Муромца“.
—На кого-жъ ты оставляешь молодую жену?—
10. „Ей давнымъ давно, Настасьѣ, было сказано,
За недѣлюшку, Микулишнѣ, приказано,
Что сидѣть бы ей вдовою ровно девять лѣтъ,
На десятомъ годочкѣ хотъ бы замужъ шла,
Хотъ за князя, хотъ за боярина,
15. Не ходитъ бы ей за Алешу за Поповича“...
Ужъ какъ три года Добрынюшка бражничалъ,
На четвертый годъ Добрыня погулять захотѣлъ,
По стольному по городу по Кіеву,
По тѣмъ ли по частымъ переулочкамъ,
20. Переулочкамъ, закоулочкамъ,
На встрѣчу Добрынѣ старъ матеръ человекъ,
Старъ матеръ человекъ Илья Муромецъ.
Они вмѣстѣ сошлись поздоровались,
Они ручку объ ручку ударились
25. И во сахарны уста цѣловались.

25. То-же (начало).

- Жилъ Микитушка, не старился,—
При старости померъ.
Осталось у Микитушки
Спорожонное дитя Добрыня.
5. Ень, Добрынюшка, матушки спрашивалъ:
„Отпусти меня, матушка,
Въ Новы города гулять!“
Походить Добрыня со двора здолой,
Береть Добрыня калену стрѣлу,
10. Натягиваетъ Добрыня калену стрѣлу,—
Походить Добрыня со двора вѣдь здолой.
Есть въ томъ городѣ Маринушка,
Прекрасная Маринка безбожница,
Злая еретица халтурная.
15. Кругъ ея двора стѣна каменная,
На каменной стѣнѣ два голубя сидятъ,
Два сизые сидятъ, златымъ крыльемъ оплетаются.
Захотѣлося Добрынѣ два голубя устрѣлить,
Два сизыхъ устрѣлить;
20. Права ножка покатилаь,
Лѣва ручка подрожала,
Устрѣлилъ Добрыня во Маринино окно,
Устрѣлилъ прекраснаго Змѣевича.
Кинулась Маринушка во косечато окно:
25. „Кто здѣсь въ городѣ невѣжа есть?
Устрѣлилъ мила дружка“
У Добрыни сердечко неумчивое:
Походить ко Маринину двору,
Береть за булатную скобу,
30. Отвореть дубовныя двери,
Садится возлѣ Маринушки,
День съ утра сидили, не говаривали.
У Добрыни сердечко неумчивое:
Обувать сапожки зеленъ сафьянъ,
Походить Добрыня со двора здолой.
35. Кинулась Марина за Добрынюшкой,
Поколола дровечъ мелкошечко,
Затопляла палаты жарчешенько,
Слѣды сбирала, въ палату бросала...

Изъ рукописнаго сборника (начала XIX столѣтїя), поступившаго въ Императорскую Публичную библіотеку изъ Вологодской губерніи; издава Л. Н. Майковымъ въ „Живой старинѣ“, Вып. I, Отдѣлъ II, стр. 2.

26. То-же.

- Ходиль-гуляль Добрынюшка по городу,
Ходиль-гуляль Микитиць по Кіеву.
Добрынюшкѣ-то матушка наказывала:
„Не ходи-ко ты во улоцку возвратную,
5. Во тѣ-ли переулоцки Маринкины,
Тамъ живетъ курва Маринушка Игнатъевна,
Она зеленщица да и отравщица;
Она много отравила добрыхъ молодецвъ,
Она сильныхъ, могучихъ богатыревъ“.
10. Ходиль Добрынюшка по Кіеву
И зашелъ во улоцку возвратную,
Во тѣ-ли переулоцки Маринкины.
Тамъ увидѣла Маринушка Игнатъевна,
Выпущала голубка да со голубкою.
15. Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Микитиць младъ,
Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
Каленую-то стрѣлоцку накладываетъ,
Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
„Ты убей да голубка да со голубкою“.
20. Да не убиль голубка да со голубкою,
Убило у Маринушки околенику,
Да убило у Маринки дружка милаго,
Дружка милаго—Идолица поганого,
Поганого да некрещенаго.
25. Еще тутъ молодець да пораздумался:
„Не честь-слава да молодецкая,
Да не выслуга да богатырская;
Да не пропасть то моей каленой стрѣлы,
Да у той-ли у Маринки Игнатъевны“.
30. Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
Крестъ онъ кладеть да по писаному,
Да поклонъ-то ведеть да по ученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется.
Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
35. Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
А Добрынюшка Маринушки челомъ не бьетъ.
Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ то Добрынюшка вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Марины за бѣду пришло,
40. За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на ноги,
Брала она два ножичка булатные,

130. И рассказываетъ Добрынюшка тутъ матушки,
Что далъ заповѣдъ великую взять Маринушку Игнатьевну.
Туть-то они да обручались,
Туть-то они да обвѣнчались.
Приходить-то Добрыня съ молодой женой.
135. „Слуги мои да слуги вѣрные,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ чару оправшую,
Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой съ Игнатьевной“.
И слуги у него были догадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
140. Срубилъ то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрѣва дубовыя,
И пепель разсіалъ по чисту полю.
Туть встаетъ то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
145. И снаряжается Добрыня хорошихонько,
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутреньки.
Туть-то его встрѣчаютъ, туть-то поздравляютъ:
„Здравствуй ты, Добрынюшка Микитиць младъ!
Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
150. Со своей да со княгиней со обручною,
Да со той-ли со Мариной со Игнатьевной“.
Говорилъ вѣдъ туть Добрынюшка Микитиць младъ:
„Ужъ вы други мои да вы пріятели!
Всякой-то на семъ да свѣтѣ женится,
155. Да не всякому женитьба удавается,
Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
Сегодня-то я ужъ вдовой хожу“.

Записалъ учитель Мошинскаго сельскаго училища Александръ Громовъ съ голоса дѣвицы Феклы Степановны Савиной. Былина эта та же, что записана въ Мошѣ отъ Мамыгина А. Ф. Гильфердингомъ (Онежскія былины № 316); но въ предлагаемомъ спискѣ она полнѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и украшеніяхъ. Савина переняла ее точнѣе, чѣмъ Мамыгинъ. Напечатана въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1885 г. № 1, стр. 46—49.

27. Добрыня Никитиць.

(Сводная былина).

- Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не кудрявая ко сырой да приклоняется;
Ужъ какъ кланяется сынъ да своей матушкѣ,
Добрый молодецъ Никитушка Добрыничъ-сынъ ¹⁾.
- ѵ. Что честной вдовѣ, Афимьѣ Александровнѣ:
„Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,

¹⁾ Такъ въ большей части былины переставлены имя и отчество богатыря.

- Что честна вдова Афимья Александровна!
Ужъ ты дай мнѣ-ка свое благословеньице,
Мнѣ-ка ѣхати да во чисто поле,
10. Что искать себѣ названнаго брателки,
Что стараго казака да Илью Муромца!“
Какъ возговорить ему да родна матушка:
— Ужъ ты гой еси, родимо мое дитятко!
На кого ты оставляешь свою матушку,
15. На кого ты покидаешь молоду жену?—
Какъ отвѣтъ держаль добрый молодець:
„Оставляю я васъ, матушка, на Бога.“
Что даетъ ему мать свое благословенье:
— Благословить тя Богъ, мое дитя родимое,
20. Что на добрыя дѣла и всѣ подвиги!
Ужъ ты ѣзди-ко, дитя, во чистомъ полѣ,—
Чистѣхонько, хорошѣхонько!—
Тутъ началъ сряжаться добрый молодець;
Онъ въ сѣдельце черкасское коня сѣдлалъ,
25. Во уздицу во тесменную зауздывалъ,
Что бралъ нитку шелку шамаханскаго,
Да тугой лукъ и калены стрѣлы.
Осѣдлавши, онъ сѣдился на добра коня,
Самъ возговорилъ таковы рѣчи:
30. „Ужъ ты гой еси, родима матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Ты жди-ко-ся меня ровно три года;
Ты не дожدهшься меня ровно въ три года,
Ты бери мои золоты ключи,
35. Отпирай-ка тогда золоты ларцы,
Вынимай мою золоту казну,
подавай ее по попамъ, по монашенкамъ,
По честнымъ по родителямъ,
Поминайте меня добра молодца.
40. А ты гой еси, моя молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна!
Ужъ ты жди меня ровно девять лѣтъ;
Если въ девять лѣтъ меня не дожدهшься,
Хоть замужъ пойдѣ, хоть вдовой сидѣ!“
45. Ужъ какъ видѣли добра молодца, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли, какъ со двора сѣзжалъ.
Что не пылъ столбомъ поднималася,—
Одна откопотъ оставалася,
Какъ уѣхалъ Никитушка во чисто поле,
50. Добрыничъ свѣтъ во раздольице.

- Онъ годъ ѣздилъ по чистому полю,
И не можетъ наѣхать Ильи Муромца.
Съ той печали со кручинушки
Натягиваетъ онъ свой тугой лукъ
55. И спускаетъ свою калену стрѣлу.
Улетала та его стрѣлочка
Во село ко Маринѣ красной дѣвушкѣ,
Къ красной дѣвушкѣ, да во высокъ теремъ,
Во окопечко во косящатое,
60. Во стеклышко во заморское.
Увидалъ тутъ добрый молодецъ
Во чистомъ полѣ бабушку задворенку.
„Ужъ ты гой еси, бабушка задворенка!
Ты сходи ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
65. За моей ли то каленой стрѣлой!“
Тутъ пошла бабушка задворушка скорѣшенько.
Пришедши ко Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Поклонилась ей низѣшенько,
Говорила ей частѣшенько:
70. „Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
Что послалъ меня къ тебѣ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Добрыня Никитичъ сынъ,
Велѣлъ онъ тебѣ поклониться,
И просить у тебя его калену стрѣлу!“
75. Какъ отвѣтила Марина, красна дѣвица,
Той ли бабушкѣ задворенкѣ:
„Кто эту стрѣлочку застрѣливалъ,
Пусть тотъ за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Съ тѣмъ отвѣтомъ бабушка задворенка
80. Воротилась во чисто поле
Ко удалу добру молодцу,
Ко Никитѣ Добрыничу.
А Маринка, красна дѣвица,
Полетѣла вслѣдъ сорокою,
85. Чтобы выслушать его рѣчи.
Говорить ему тутъ бабушка задворенка:
„Ужъ ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
Отвѣтила мнѣ Марина, красна дѣвица,
Что кто ту стрѣлочку застрѣливалъ,
90. Тотъ пусть за стрѣлочкой самъ придетъ.“
Какъ отвѣтилъ добрый молодецъ
Той бабушкѣ задворенкѣ:
„Я не иду къ ней сукъ гончія,
Ко совѣ заморской, ко змѣѣ семиглавья!“

95. Что услышала таковы слова,
Та Марина, красна дѣвица,
Отъ тѣхъ словъ она осердилась.
Обернула за то Никитушку,
Обернула туромъ—золоты-рога.
-
100. Черезъ дальнее перечайльце, (?)
Шли калики перехожіи,
Перехожіи, переброжіи
До села его родной тетупки,
Старой дѣвицы, Татьяны Александровны.
105. Пришедши къ ней, просятъ милостыню.
Какъ спросить ихъ Татьянушка:
„Вы отколь идете, калики перехожіи,
Изъ какой страны изъ дальнія?“
Отвѣчали ей калики перехожіи:
110. „Мы идемъ теперь изъ чиста поля.“
— Ужъ вы что тамъ въ полѣ видѣли?—
„Ужъ мы видѣли въ томъ чистомъ полѣ
Три тура да три великіи,
Что единъ-отъ туръ да золоты-рога.“
115. Говорила тутъ стара дѣвица
Тѣмъ каликамъ перехожимъ:
„Вы послушайте меня, калики перехожіи,
Воротитесь вы въ обратный путь
Ко Маринѣ, красной дѣвицѣ.
120. Вы снесите ей мою грамотку
И скажите ей съ угрозою,
Чтобы того она тура—золоты-рога
Отвернула бы въ прежній видъ;
Буде она меня не послушаетъ.
125. То я сама подымуся къ ней,
Оберну ее сорокой бѣлохвостою
И пуцу летать весь вѣкъ безъ отдыху.“
Тутъ калики послушались,
Низѣшенько ей поклонилися,
130. Поклонившись, шли въ обратный путь
Къ той Маринѣ, красной дѣвицѣ,
Принесли ей строгу грамотку,
Говорили таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
135. Получи отъ насъ къ тебѣ грамотку
Отъ родимой твоей тетупки,

- Отъ Татьяны Александровны.“
Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася
140. И читала ту грамоту скорѣшенько.
Прочитавши, пошла во чисто поле
И кричала тура—золоты-рога.
Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
145. „Ужъ ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
Что удалый добрый молодецъ Никитушка!
Ты возьми меня за себя замужъ.“
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодецъ:
„Ужъ ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
150. Еще есть у меня молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна.“
Тутъ Марина повинялася,
Говорила ему таковы слова:
„Ужъ я думала, что ты холость есть.“
-
155. Во пути то во дороженькѣ
Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
Его мать родна и молода жена
Дожидалися, дожидалися,
Не могли его дождаться.
160. А жена то его была умная,
На ней стали сваты свататься.
Тутъ позволила ей мать родна,
Позволила ей замужъ идти,
За Алешеньку за Поповича.
165. Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
И поѣхали они ко Божьей церкви,
Ко святому храму вѣнчаться.
Провожала ихъ его матушка,
У высокаго терема съ дубова крыльца
170. Горючими слезами заливалася.
Во слезахъ она рѣчь промолвила:
Что не знаетъ—то и не вѣдаетъ
Мое милое чадо, Никитушка,
Что идетъ замужъ его молода жена
175. За Алешу за Поповича....
На ту пору, на то времячко,
Не ясець соколь пролетываль,
Не ясной то онъ пропархиваль,
Какъ пріѣхаль Никита изъ чиста поля,

180. А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольца.
Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
„Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
Честна вдова, Афимья Александровна?
Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ,—
185. Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.“
Какъ услышала она таковы слова,
Говорила она добру молодцу:
— Ужъ ты гой еси, пролетной младъ ясенъ соколь
И проѣзжій добрый молодець!
190. Ужъ ты гдѣ видалъ Никитушку?—
Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,
Онъ вязалъ коня къ золотому кольцу,
Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
195. Говорилъ ей таковы слова:
„Ужъ ты здравствуй, моя мать родна,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Что здорова-ли моя молода жена?“
Родна матушка тутъ заплакала,
200. Во слезахъ ему слово молвила:
„Ужъ ты гой еси, любезный сынъ,
Ты Никитушка Добрыничъ свѣтъ!
Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
Говорилъ ты намъ таково слово—
205. Девять лѣтъ тебя дожидатися;
Девять лѣтъ уже миновалося,
Не могли мы тебя дождатися.
Твоя жена была умная, разумная,
На ней стали сваты свататься;
210. Я дала ей благословенье замужъ иди,
За Алешеньку да за Поповича,
И теперь у нихъ почестень пиръ,
Какъ приѣхали они изъ Божьей церкви.“
Тутъ возговорить Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
215. „Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна,
Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице.
Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестень пиръ
И надѣтъ мнѣ платье скоморохово,
220. Взять съ собой гудки скомороховы.“
Какъ дала ему мать благословеньице,
Тогда бралъ Никита золоты ключи,
Отпиралъ свои ларцы кованые,

- Отъ Татьяны Александровны.“
Тутъ Марина испугалася,
За ту грамоту робко принималася
140. И читала ту грамоту скорѣшенько.
Прочитавши, пошла во чисто поле
И кричала тура—золоты-рога.
Прибѣжалъ къ ней туръ, какъ рысь добра.
Тутъ стала она тура уговаривать:
145. „Ужь ты гой еси, могучій, сильный богатырь,
Что удалый добрый молодець Никитушка!
Ты возьми меня за себя замужь.“
Какъ отвѣтъ держалъ добрый молодець:
„Ужь ты гой еси, Марина, красна дѣвица!
150. Еще есть у меня молода жена,
Хороша Настасья, дочь Никулишна.“
Тутъ Марина повинялася,
Говорила ему таковы слова:
„Ужь я думала, что ты холостъ есть.“
-
155. Во пути то во дороженькѣ
Девять лѣтъ Никитѣ миновалося.
Его мать родна и молода жена
Дожидалися, дожидалися,
Не могли его дождатися.
160. А жена то его была умная,
На ней стали сваты свататься.
Тутъ позволила ей мать родна,
Позволила ей замужъ идти,
За Алешеньку за Поповича.
165. Повелись тутъ пиры, столы свадебны;
И поѣхали они ко Божьей церкви,
Ко святому храму вѣнчатися.
Провожала ихъ его матушка,
У высокаго терема съ дубова крыльца
170. Горючими слезами заливалася.
Во слезахъ она рѣчь промолвила:
Что не знаетъ—то и не вѣдаетъ
Мое милое чадо, Никитушка,
Что идетъ замужъ его молода жена
175. За Алешу за Поповича....
На ту пору, на то времячко,
Не ясенъ соколъ пролетываль,
Не ясной то онъ пропархиваль,
Какъ пріѣхаль Никита изъ чиста поля,

180. А Добрыничъ свѣтъ изъ раздольца.
Онъ скрычалъ, сзычалъ громкимъ голосомъ:
„Еще здравствуетъ ли тутъ честна вдова,
Честна вдова, Афимья Александровна?
Шлетъ тебѣ челобитье любезный сынъ,—
185. Что Никитушка Добрыничъ свѣтъ.“
Какъ услышала она таковы слова,
Говорила она добру молодцу:
— Ужъ ты гой еси, пролетной младъ ясенъ сокольъ
И профзкій добрый молодець!
190. Ужъ ты гдѣ видалъ Никитушку?—
Не отвѣтилъ онъ ни одно слово,
Приворачивалъ коня къ дубову крыльцу,
Онъ вязалъ коня къ золотому кольцу,
Самъ упалъ ей во рѣзвы ноги,
195. Говорилъ ей таковы слова:
„Ужъ ты здравствуй, моя мать родна,
Что честна вдова Афимья Александровна!
Что здорова-ли моя молода жена?“
Родна матушка тутъ заплакала,
200. Во слезахъ ему слово молвила:
„Ужъ ты гой еси, любезный сынъ,
Ты Никитушка Добрыничъ свѣтъ!
Какъ поѣхалъ ты во чисто поле,
Говорилъ ты намъ таково слово—
205. Девять лѣтъ тебя дожидатися;
Девять лѣтъ уже миновалося,
Не могли мы тебя дождатися.
Твоя жена была умная, разумная,
На ней стали сваты свататься;
210. Я дала ей благословенье замужъ ийти,
За Алешеньку да за Поповича,
И теперь у нихъ почестенъ пиръ,
Какъ приѣхали они изъ Божьей церкви.“
Тутъ возговорить Никитушка Добрыничъ свѣтъ:
215. „Ужъ ты гой еси, родимая моя матушка,
Что честна вдова Афимья Александровна,
Ты дай-ка мнѣ свое благословеньице.
Мнѣ-ка ѣхати къ Алешѣ на почестенъ пиръ
И надѣтъ мнѣ платье скоморохово,
220. Взять съ собой гудки скомороховы.“
Какъ дала ему мать благословеньице,
Тогда бралъ Никита золоты ключи,
Отпиралъ свои ларцы кованые,

- Бралъ казны золотой сколько надобно,
225. И поѣхалъ Никита на почестень пирь.
Приѣхалъ ко двору да ко Алешину
И давалъ слугамъ злата-серебра;
Никто Никиту не задерживалъ.
И входилъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
230. Гдѣ Алешенька сидѣлъ съ молодой женой,
За широкими столами за дубовыми.
Не дойдя Никита низко кланяется:
„Еще здравствуй, ты первобрачный князь,
Со своей со княгиней—другобрачною!“
235. Ты изволь-ка, князь, да слова молвити,—
Мнѣ възграть въ гудки да скомороховы.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Ты играй скоморохъ сколько надобно!“
Заигралъ онъ въ гудки скомороховы.
240. Тутъ Настасьюшка да догадалася:
Ужъ какъ быть тѣмъ гудкамъ да Никитушки,
Какъ возговорилъ Добрыня Никитичъ свѣтъ:
„Ты позволь-ка мнѣ, первобрачный князь,
Со своей княгиней другобрачною,
245. Мнѣ налить тебѣ чарку зелена вина,
А другую чару меда сладкаго.“
Какъ сказалъ ему Алеша Поповичъ свѣтъ:
„Наливай, скоморохъ, сколько надобно,
Подноси-ко кому тебѣ хочется.“
250. Наливалъ онъ чару зелена вина,
Подносилъ ее князю первобрачному,
А другую чару меду сладкаго,
И спускалъ туда свой злачень перстень,
Подносилъ княгинѣ другобрачныя,
255. Подавалъ ей чару приговаривалъ:
„Выпивать до дна, увидеть добра,
А не выпивать до дна, не видать добра.“
Она выпила чару всю до дна,
Увидала она злачень перстень,
260. Обручальный перстень со Никитою,
Надѣвала перстень на праву руку,
Выходила вонъ изъ-за дубова стола,
Со слезами къ Никитѣ падала:
„Я твоя жена мужа перваго!“
265. Тогда стоя Алеша призаплакался,
Онъ всплеснулъ свои руки бѣлыя,
Во слезахъ Алеша слово молвилъ:

- „Ужь вы гой еси, бояре и князья,
И всѣ гости мои любезные!
270. Я теперь Алеша посмѣшенъ сталь.
Ужь какъ всякой женится, снаряжается,
Да не всякому женитьба удавается,
Какъ мнѣ-то Алешенькѣ Поповичу,
Что не усано-то, не улежано,
275. За бѣлы груди не подержано.
Туть всѣ гости съ пиру собиралися,
Собиравшися домой разѣзжались,
А Никитушка Добрыничъ свѣтъ
Уводилъ домой молоду жену,
280. Что Настасью дочь Никулишну.

Эта сильно подправленная былина была записана кн. Н. А. Костровымъ въ с. Верхне-Кужебарскомъ, Мавуелнскаго округа Енисейской губернии, и сообщена Л. Н. Майковымъ П. В. Шейну, напечатавшему ее въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1877, кн. III-я, отд. 2-й, стр. 9—16.

*** 28. Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ.**

- Алеша Поповичъ младъ
Со Екимомъ, сыномъ Ивановичемъ,
Выѣзжали на разстани на широкія;
На разстаняхъ лежитъ бѣлъ горячъ камень,
5. На камешкѣ подписи подписаны,
Всѣ пути-дороженьки рассказаны.
Туть-то Алеша, тучень человекъ,
Соскакиваль съ добра коня,
На камешкѣ надписи разсматриваль,
10. Всѣ пути Екиму рассказываль.
„Слушай-ка, Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Первая дорожка въ Черниговъ градъ,
Вторая дорожка въ Путерему (?),
Третья дорожка въ славенъ Кіевъ градъ.
15. Во Черниговѣ городѣ не бывано,
И пива, вина много не пивано,
Калачъ бѣлъ-крупницатъ не рушиванъ,
И бѣлая лебедушка не кушана;
Дома, кабаки были вольные,
20. Молодушки были привѣтливы,
Дѣвушки красныя прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, ушнячивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять то намъ будетъ слава добрая,

25. Вся де выслуга богатырская.
Тоже въ Путеремѣ не бывано,
И пива и вина много не пивано,
Калачъ бѣль-крупичатъ не рушивагъ,
И бѣлая лебедка не кушана,
30. Дома, кабаки были вольные,
Молодушки были привѣтливы,
Красныя дѣвушки прелестливы;
А мы съ тобой, Екимушка, у пьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
35. Потерять-то намъ будетъ слава добрая,
Вся де выслуга богатырская.
Во Кіевѣ городѣ было бывано,
Много пива, вина было пивано,
Калачъ бѣль-крупичатъ много рушивагъ,
40. Бѣлая лебедка много кушана.
Завладѣлъ у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змѣй Тугаретинъ.
Туда побѣжимъ на встрѣчу“.
45. Садилась они на добрыхъ коней,
Они били коней по тучнымъ бедрамъ,
Тутъ де ихъ кони приразсердились,
Съ горы на гору кони перескакивають,
Темны лѣса промежъ ногъ пуцають,
50. Рѣки, озера хвостомъ устилають.
Подбѣжали ко городу ко Кіеву,
Скакали черезъ стѣну бѣлокаменную.
Ко тому ко столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому
55. Коней они не привязываютъ,
Никому держать не приказываютъ,
Оттирають гридню на пятю,
Запирають гридню наплотно,
Приходятъ среди пола кирпичатаго,
60. Молитву творять сами Сусову (Иисусову),
Крестъ кладутъ по-писаному,
Поклонъ ведутъ по-ученому,
Кланяются, покланяются,
На всѣ на четыре стороны,
65. Князю и княгинѣ на особицу,
На особицу и особъ ставтъ.
„Милости просимъ, люди добрые,
Люди добрые, храбрые воины,

- Садитесь вы въ куть по лавицѣ“.
70. — То, де, мѣсто не по рядинѣ.—
„Второе мѣсто—въ дубову скамью“.
— То, де, намъ мѣсто не по вотчинѣ.—
„Третье мѣсто куда хотите.“
— Неси-ко ты, Алешенька Поповичъ младъ,
75. То ковришко волокитное.—
Ковришку Владимиръ князь удѣвился:
„Хорошо де ваше ковришко волокитное.“
Краснымъ золотомъ оно было вышивано,
Въ углахъ то было вшивано
80. По дороге камню самоцвѣтному;
Отъ его то отъ пацыря (?) какъ лучъ стоитъ,
Какъ лучъ стоитъ отъ красна солнышка.
„Стели-ко его за пешной за столъ“.
И садятся они съ Екимомъ за пешной за столъ.
85. Не отъ вѣтричку палаты зашаталися,
Не отъ вихря палаты всколыхалися:
Прилетѣлъ змѣишко Тугаретинъ,
Отпиратъ онъ гридну на пятау,
Запиратъ онъ гридню не наплотно,
90. Господу Богу не молится,
Чуднымъ образамъ не кланяется.
Садятъ его за столы за дубовые,
За скатерти садятъ за бранья,
За ѣствы за сахарныя.
95. Калачъ бѣлъ-крупницатъ за праву шпоку бросаетъ,
Бѣлую лебедь за лѣвую шпоку.
Говоритъ Екимъ таковы слова:
„У попа было у Ростовскаго
Былъ кобелище цингалище (?),
100. Охоче по подполью ходить,—
Костью подавился,
Оттого и переставился;
А тебѣ, змѣю, не миновать того“.
— Что у тѣ, князь, за пешнымъ столбомъ?
105. Что за сверчекъ пищитъ?—
Отвѣчатъ Владимиръ князь:
„А маленьки ребятишки промежъ себя говорятъ,
Сами бабки дѣлать.“
Подаютъ змѣю чару зелена вина,
110. Зелена вина въ полтора ведра,
А вѣсомъ чара въ полтора пуда.
Принимаетъ онъ чару единой рукой,

- Выпиваетъ онъ чару на единый духъ.
Говоритъ Екимъ, сынъ Ивановичъ,
115. Говоритъ онъ таковы слова:
„У попа у Ростовскаго
Корова была бурая,
По поварнямъ ходила,
Барды по чану выпивала,—треснула;
120. А тебѣ, змѣю, не миновать того.“
Схватилъ змѣишко Тугаретинъ
Ножишко чинжалишко,
Бросилъ за печной за столбъ.
Туть-то Алешенька подхватливъ былъ,
125. Подхватывалъ ножишко чинжалишко
Правою полою кафтанною.
Туть-то они возопіяли:
„Самъ-ли ты, Екимъ, бросишь,
Или, Екимъ, мнѣ велишь?“
130. — Самъ я не брошу и тебѣ не велю:
Нечего кровенить палату бѣлокаменну,
Надо со змѣемъ перевѣдаться
На полѣ на Куликовомъ,
На томъ елбанѣ раскатистомъ.—
135. Покатился змѣй Тугаретинъ
Изъ палаты бѣлокаменной,
Надѣлъ онъ крылья бумажныя
И полетѣлъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты.
140. Выходили Екимъ со Алешою
На улицу на широкую.
Екимъ Алешѣ наказывать:
„Ежели два часа не буду, бѣги на выручку“.
И самъ садится на добра коня,
145. Бѣжалъ на поле на Куликово,
На тѣ елбаны раскатисты;
Втыкалъ копье мурзоецкое
И вбѣгалъ на тупой конецъ
И смотрѣлъ во чисто поле.
150. Завидѣлъ змѣя Тугарина
Выше лѣсу ходячаго ¹⁾,
Ниже облака поплывучаго.
Говоритъ змѣй Тугаретинъ:
„Что тебя, Екимъ, огнемъ сожечь,

¹⁾ Стоячаго.

155. Или живьемъ сглотить,
Или тебя дымомъ заглушить?“
Взмолился Богу Господу
Екимъ, сынъ Ивановичъ,
Наипаче пресвятой Богородицѣ:
160. „Сошли, Господи, крупчата дождя,
Помочи у змѣя крылья бумажныя!“
И повалился змѣй на сыру землю.
Туть подхватываль его Екимъ
На копьѣ мурзомецкое
165. И притыкаль ко сырой землѣ
И отсѣкъ буйну голову.
Туть то миновалось два часа,
Побѣжалъ Алеша на выручку;
Не видитъ онъ свѣта бѣлаго,
170. Не видитъ онъ солнца краснаго.
Сбѣгался онъ со Екимомъ на встрѣчу
И билъ его палицей боевой
И сшибъ со добра коня,
Притыкаль его въ грудь бѣлую
175. Копьемъ мурзомецкимъ.
И угодилъ въ крестъ чувственный.
Соскакивалъ Алеша со добра коня,
Бралъ его на руки бѣлыя,
Садилъ въ сѣдло черкатское.
180. Поѣхалъ путемъ-дорожкой
Ко князю Владимиру.
И бросали голову змѣя Тугарина
За стѣну бѣлокаменную.
Выходилъ князь Владимиръ
185. Сеславичъ красно солнышко
На улицу на широкую:
„Милости просимъ, храбрые войны,
За единый столъ хлѣба кушати“.
Отвѣчали они князю Владимиру:
190. „На прѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отѣздѣ не учествовати!“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Сузунскомъ заводѣ со словъ старика ницаго.

29. Алеша Поповичъ и Тугаринъ.

Два коня, два коня да коня добрые,
Два копыя, два копыя да бурауменскія,
Еще двѣ да сабли вострыя.

- Пріѣзжаютъ они да ко могилочкѣ.
5. На могилочкѣ лежитъ камушѣкъ,
Тутъ на камушкѣ-то написано,
Три дороженьки да написаны:
Еще перва-то дорога Тугарину.
Приклоняются они да ко камушку:
10. „Мы поѣдемъ мы, слуга, да мы Тугарину“.
— Намъ Тугарину яхать не выехать:
У Тугарина дѣвки заманчивыя;
Намъ за дѣвками гузнѣми залежатися.—
„Мы поѣдемъ мы, слуга, на Вуяндицу“.
15. — На Вуяндицу яхать не выехать:
На Вуяндиной дѣвки заманчитья,
Намъ за дѣвками гузнѣми залежатися.
Мы поѣдемъ, Олѣшенька, блатъ,
Мы поѣдемъ мы Солнышку Владимиру!—
20. Поѣхали да они Солнышку Владимиру,
Пріѣзжаютъ они солнышку Владимиру.
Олѣша вежетъ своево-то коня за золочено кольцо,
Это тотъ-ли ево слуга за мѣдное кольцо.
Приходили они да Солнышку Владимиру.
25. Испоговорить Солнышко Владимиръ-отъ:
„Еще первое мѣсто Олѣшенькѣ,
Еще первое мѣсто на переднюю кровать;
А другое тебѣ мѣсто подлѣ вобраза;
Еще третьѣ-то мѣсто подлѣ меня!“
30. Да садился этотъ Олѣшенька.
Пріѣзжаетъ Тугаринъ-отъ Солнышку Владимиру,
А несутъ его Тугарина во домъ;
Подъ однимъ-те концомъ тридцать богатырей,
Подъ другимъ-те концомъ да другихъ тридцѣть.
35. Приносили Тугарина Солнышку Владимиру,
Посадили Тугарина на кровать Владимировой женѣ;
Еще ноги-то положилъ на колѣнки ей,
Еще голову-то ей на грудь положилъ.
Подносили Тугарину полведра вина,
40. Подносили Олѣшенькѣ полведра вина:
Олѣшенька-та да потихоньку пьетъ,
А Тугарина-отъ да на одинъ душокъ;
А Тугаринъ-отъ на одинъ духъ выпивать.
Подносили-то Тугарину бѣлу лебедь-то,
45. Подносили Олѣшенькѣ другу бѣлу лебедь:
А Тугаринъ-отъ онъ сѣлкомъ ее глотать,
Только косточки-суставчики выплѣивать,

- А Олёшенька да потихоньку (помаленьку) вѣсть,
Да половину-то да слугѣ даетъ,
50. Половину-то онъ да слугѣ своему даетъ.
Какъ Олёша спроговорить слугѣ своему:
„Ты слуга, ты мой слуга, да слуга паревокъ!
Ты не будь, не будь слуга Тугарина Змѣевича,
Еще будь ты, будь Олёшеньки Поповича.
55. Еще спомнишь-ли, Екимша,
Еще спомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли,
Какъ у нашего у свѣта у батишка,
У Левонтя попа да у Ростовскова,
Была у него собачица жадная,
60. Еще жадная собака обжѣрчитая;
По подлавицамъ собака каталася (валялася),
Лебедино костѣ грызла, подавилася;
Оттого этой собакѣ смерть случилася,
Еще завтра-те по утру Тугарину то-же будётъ!
65. Еще вспомнишь-ли, Екимша, вспомятуешь-ли?
Какъ у нашего у свѣта у батишка,
У Левонтя попа да у Ростовскова,
Была у него корова-то жадная;
Какъ помои-те хлебала, охлебалася,
70. Лебедино костѣ грызла, подавилася;
Оттого этой коровѣ смерть случилася.
Еще завтра то по вутру Тугарину то-же будётъ!“
А Тугарину то показалася за досадочку;
Онъ стрѣлялъ ево да онъ булатнымъ ножемъ.
75. Этотъ тотъ ево Екимша подхватливъ былъ,
Этотъ тотъ ево булатный ножикъ на полетехъ подхваталь,
На полетехъ те хваталь.
Еще тотъ-то Олёша спроговорить:
„Не хочу я ево бѣлу душечку губить,
80. Не хочу я ево да кровь горячую пролить,
Не хочу я да бѣлы столики марать.
Выѣзжай ты, Тугаринъ, на войну завтрѣ,
Выѣзжай ты, Тугаринъ, въ чисто поле,
То твоя-то головушка на плаху пойдётъ!“
85. А не хто за Волѣшу не ручаётся:
Одинъ Солнышко-тъ Владимиръ-отъ ручаётся,
А за Тугарина да весь городъ ручаётся.
Выѣзжаетъ Тугаринъ на чисто поле:
„Посмотри-ка, слуга, выѣхаль-ли Тугаринъ на чисто поле?“
80. Еще выскочилъ слуга да посмотрѣть ево;
Еще выехалъ да Тугаринъ на чисто поле;

- Кругъ Тугарина змѣи огненные,
Змѣи огненные да оплетаются.
Онъ шель-то Олѣша во Божью церковь,
95. Богу молится:
„Еще Богъ ты Богъ, да Богъ Спаситель мой!
Принеси ты тучу грозную,
Еще вымочи да у Тугарина,
Еще вымочи у Тугарина гумажны крылья!“
100. А пришла-то туча, туча грозная,
Еще вымочила у Тугарина гумажны крылья;
Еще паль-то Тугаринъ на сыру землю.
Поѣхаль-то Олѣша Тугарину,
Приѣхаль-да Олѣша Тугарину-те:
105. „Еще хочешь ты, Олѣша, тебя дымомъ задушу?
Еще хочешь ты, Олѣша, такъ искрами засыплю?
Еще хочешь ты, Олѣша, огнѣмъ пламенемъ спалю?
Еще хочешь ты, Олѣша, живымъ тебя сгложу?
Еще хочешь ты, Олѣша, головнями застрѣлю?“
110. Изъ дыры-те головни выскакиваютъ.
— На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведешь?
Я одинъ да одинъ, какъ да пѣрстичѣкъ,
Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведешь!—
Онъ поворачиваль коня да коня накруто.
115. Этотъ тотъ-то Олѣша подвѣртливъ былъ,
Подвѣртывался да подъ конину гриву,
Отсѣкаль онъ своей да саблей вострой,
Отсѣкаль онъ своей да саблей востренькой
(Голову Тугарину Змѣевичу ¹⁾).
Какъ Тугаринъ-отъ упаль, да земля на трое раскололася,
120. Какъ Тугарину голову на вострѣ копьѣ соткнуль,
Своево-то коня да поводѹ повель,
На Тугариновомъ-те конѣ онъ поѣхаль-да,
На Тугариновомъ-те конѣ поѣхаль онъ,
Своево-то коня да поводѹ ведетъ.
125. Этотова Солнышка Владимира жена-то его да спроговорить:
„Еще знать-то добра молодца по поѣздочкѣ,
Еще знать-то Тугарина по поѣздочкѣ да по походочкѣ:
А Тугаринъ-отъ ѣдетъ, Олѣшину-то голову
На вострѣмъ копьѣ везѣтъ“.
130. (Слуга):—Ты не ври, ты не ври да не вобманывай!
Какъ Олѣша-то ѣдетъ на Тугариновомъ конѣ,
Своево-то коня да поводѹ ведѣтъ,

¹⁾ Въ записи былинны этого стиха нѣтъ.

- Какъ Тугаринову-то голову на востромъ копѣѣ (везеть).
Пріѣзжаетъ Олѣша Солнышку Владимиру,
135. Онъ бросаетъ эту голову стекольчато окно:
„Ты возьми ты, Солнышко Владимирова жена,
Ты возьми, возьми Олѣшину голову,
Тугаринъ-отъ привезъ тебѣ!“
Еще тотъ-то Солнышко Владимиръ споговорить:
140. — Еще первое мѣсто—переднѣ мѣсто,
А друго-то тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Еще третье-то мѣсто куда самъ хочешь!¹⁾—
(Алеша): „Какъ былъ-бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвалъ тебя я бы прямо сводничкомъ,
145. Какъ-бы не тетужка была-бы, назвалъ курвой б...ю!“

Записана И. А. Худяковымъ въ Верхоянскомъ округѣ Якутской области, въ сел. Русское устье, близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый Океанъ. Напечатана въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“, составляющемъ т. I. вып. 3-й Записокъ Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. Иркутскъ 1890 г. стр., 303—307.

* 30. Алеша Поповичъ.

(Начало).

- Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Состроена была палатушка бѣлокаменна,
Крыта палатушка жестью бѣлою,
Изукрашена палатушка мѣдью красною.
5. Во той палатушкѣ столы дубовые,
На столикахъ скатерточки шелковыя;
На скатерточкахъ тарелочки золотыя.
Во тарелочкахъ жвочки сахарныя.
Собирались тамъ князья—бояры.
10. Всѣ-то князья-бояры кушаютъ,
Бѣлую лебедь они рушаютъ.
Всѣ то князья-бояры принакушались,
Принакушались, порасхвастались.
Кто-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
15. Кто-то хвастаетъ удачей молодецкою,
Кто-то хвастаетъ услугой княженецкою.
Расхвастался Алеша Поповичъ младъ,
Расхвастался удачей богатырскою:
Не боялся де онъ въ чистомъ полѣ недруга.
20. Недруга, ни своего брата...

Былинный отрывокъ записанъ А. И. Лазебниковымъ со словъ крестьянина Чумышской волости въ Барнаульскомъ округѣ. Взятъ нами изъ рукописнаго сборника С. И. Гуляева.

¹⁾ „Эго своей бабѣ говорить, чтобы она легла съ нимъ“. Объясненіе сказителя.

31. Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ.

- Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
5. По имени Алешинька младъ.
И сталъ Алешинька конемъ владѣть,
И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
Приходитъ Алешинька ко своему родителю
Къ тому попу Ростовскому
10. И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И просить у него благословеньца
Въхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко Синю морю,
На тѣ-же тихи заводи,
15. Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перистыхъ, пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли вострее ножевое.
И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки,
20. У того ли попа Ростовскаго,
Себѣ дружинишку хорошую,
Хорошую да хоробрую;
И далъ ему Ростовскій попъ
Своему чаду милому
25. Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ;
И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыхъ,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
30. И затыгивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатныя
Во ту ли кость лошадиную,
И сами коню приговариваютъ:
„Ужъ ты конь, ты конь, лошадь добрая!
35. Не оставь ты, конь, во чистомъ полѣ
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на возграенье,
А сильнымъ паляницамъ на восхваленье“.
40. И сами коню приговариваютъ:
„То не для-ради басы,—ради крѣпости,

- А не для ради поѣздки богатырскія,
Для ради выслуги молодецкія“.
- Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
45. Застегивалъ пуговики жемчужныя
И нагрудничекъ булатный,
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во первыхъ копье долгомѣрное,
Во вторыхъ саблю острую,
50. Во третьихъ палицу боевую,
Въ налушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленныхъ;
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ,
55. А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валить.—
У рѣкъ молодцы не ставали,
Перевоза молодцы не крикивали.
60. Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстанюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіевъ градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
65. Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко кругому,
На тѣ же тихи вешни заводи.
И говорилъ тутъ Алеша Поповичъ младъ;
70. „Ужъ ты гой еси, дружина добрая,
Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ,
Аль къ тому морю Синему?“
И говоритъ дружина хоробрая:
75. „Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
Есть во Черниговѣ вина заморскія,
Вина заморскія да заборчивыя,
По стаканчику выпьемъ, по другому хочется,
80. А по третьему выпьешь, душа горитъ;
Есть тамъ калашницы хорошія,
По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
Есть тамъ дѣвушки хорошія,
85. Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,

- И пройдетъ про насъ славушка немалая,
Ото востока слава до запада
До того города до Ростовскаго,
До того ли попа до Ростовскаго,
90. До твоего батюшки родителя.
Поѣдемъ ко мы, Алешинька, въ Кіевъ градъ
Божьимъ церквамъ помолитися,
Честнымъ монастырямъ поклонитися“.
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.
95. Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Солучилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
100. И страшно, грозно подымается
Нехорошими словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святыя церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
105. А князя Владимира повѣситъ,
Евпраксию Иикитишну въ замужъ взять.
И гововиль то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Ужь ты гой еси, дружинушка хоробрая!
Не поѣдемъ-ко мы теперича во Кіевъ градъ,
110. А напустимся на рать силу великую
На того ли Василя Прекраснаго,
И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
Выслуга наша не забудется,
А пройдетъ про насъ слава великая
115. Про выслугу нашу богатырскую,
И узнать про насъ старій казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Не дошедши старикъ намъ поклонится“.
И попускалъ онъ съ дружинушкой хороброу
120. На ту силу рать великую,
На того Василя Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую,
Кое сами, кое кони топчуть,
И разбѣжалась рать сила великая
125. По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракизовымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.

130. И спросилъ то ихъ Владимиръ князь:
„И откуль таки вы добры молодцы,
И коими дорогами, какимъ путемъ?“
— Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею.—
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ,
135. И сѣдѣлисъ тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому ли городу Ростовскому,
Ко тому ли попу Ростовскому.
Прошла славушка немалая
140. Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,
До тое ли до горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявья,
145. До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилася дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
150. И самъ же старый да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Сѣдѣтся старъ да на добра коня,
155. Приѣзжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжескому,
Ко тому крылечку прекрасному.
160. Не ясенъ соколь да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
165. И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старый Богу молится,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
„Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій,
170. Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
Залетались сюды добры молодцы,
По имени Алешинька Поповичъ младъ

- Со своей дружинишкой хороброю?“
175. Отвѣчаетъ ему князь стольно-кїевскїй:
„Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ пастырямъ,
Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
И уѣхали они во далече чисто поле“.
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
180. — Собериткося, князь Владимїръ, почестенъ пиръ,
Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
И уподчуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ да медомъ сладкїимъ,
185. И подариткося Алешу подарочкомъ великїимъ.
И прошла уже славушка не малая
Про того Алешиньку Поповича
До той орды до великїя,
До той Литвы до поганя—
190. До того Батея Батеевича.—
„Да кого же намъ послать за Алешинькой,
Да попросить его на почестенъ пиръ?
И послать намъ Добрынюшку Никитича“.
И поѣхаль Добрынюшка Никитичъ младъ,
195. Не дошедши, Добрынюшка низко кланялся:
„Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кїевъ градъ
Ко ласкову князю ко Владимїру
Хлѣба-соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
200. И хочеть тебя князь пожаловать“.
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
„На прїѣздѣ гостя не употчиваль,
На отъѣздѣ гостя не употчивать.“
Говорить тутъ Добрынюшка во второй наконъ:
205. „Поѣдемъ, Алешинька, во крашенъ Кїевъ градъ
Хлѣба-соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
И подарить тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
Да еще зваль тебя старой казакъ
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
210. Да зваль тебя Дунаюшко Ивановичъ,
Да зваль тебя Василїй Касимеровъ,
Да зваль тебя Потанюшко хроменькїй,
Да зваль тебя Михайлушко Игнатъевичъ“.
Тогда сядилса Алеша на добра коня
215. Съ той дружинишкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кїеву,

- И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовья,
220. Мимо тое башенки наугольня
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколь съ воздуха спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ;
225. У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго,
А оставили коней неприказанныхъ, непривязанныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый козакъ
Со княземъ со Владимиромъ, со княгинюшкой Апраксією;
230. По колѣно-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ,
На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши, Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
235. „Ужъ многолѣтно здравствуй, ясенъ соколь,
А по имени Алешинька Поповичъ младъ!
Побѣдилъ ты не мало силы нонь,
И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
Отъ того ли Василя Прекраснаго;
240. Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать?
Пожаловать намъ села съ приселками,
А города съ пригородками.
И тебѣ будетъ казна не затворена,
И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестенъ столъ“.
245. И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовья,
Садилъ за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
250. За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владимиръ стольно кіевскій:
„Слуги вѣрные, наливайте-тко-сь зелена вина,
А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
255. Наливайте-тко-сь еще меду сладкова,
Наливайте-тко-сь еще пива пьянаго,
А всего четыре ведра съ половиною“.
И принимаетъ Алешинька одною рукой,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
260. И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.

- И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшимъ,
А середнимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
265. А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна то была ему не закрыта.
И ставаль тутъ Алеша на рѣзвы ноги
270. И говорилъ Алеша токово слово:
„Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
Не надоть мнѣ города съ пригородками,
Не надоть мнѣ золотой казны,
А дай-ко мнѣ волю по городу Киеву,
275. И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
А въ трактирахъ чтобы гулять дозволялося“.
И бралъ онъ тутъ свою дружинушку хорошую да хоробрую,
И своихъ братьицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ—
280. Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпалися,
И садилися удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
285. Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявья,
Ко тому ли шатру бѣлопалотняному,
290. И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздернули шатры, столы убраные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козакъ изъ бѣла шатра
295. И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подзорныя на всѣ четыре
стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу немалую,
300. А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую;
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречеть,

305. Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукой она ее выкидывала выше лѣсу стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой подхватываетъ,
А до земли палицу не допускиваетъ.
310. И тутъ старому занятно палоса,
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
315. „Ужъ ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!
На тебя будетъ служебка накинута,
Сади-тко-сь, Алешинька, на добра коня,
Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
Ко той же паляницѣ преудалыя,
320. Ты спрости-тко-сь у ей: какой земли,
Какого городу, какого роду, отца, матери,
И какъ зовутъ тебя по имени, величаютъ по изотчеству,
И спрости-тко ты, Алешинька Поповичъ младъ:
Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь,
325. Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
Али ты посмотришь хочешь стара козака“?
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра коня,
А полетѣль-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхаль онъ до паленицы преудалыя.
330. Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду не спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копье
И хочеть принять на его ту паляницу преудалую,
Да была паляница на то ухватчива—
335. Ухватила у его востро копье,
Да убростила его во чисто поле,
Ахватила Алешиньку за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:
340. „Ужъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Ужъ ты силой не силенъ, да напускомъ смѣль,
Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
Напускаешься на паляницу преудалую,
А хочешь я тебя смерти предамъ?
345. Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
Мнѣ ка хочется съ нимъ повазваниться“.
Садился Алешинька на добра коня и ѣхаль ко бѣлу шатру,

- А что было то Алеша не сказывалъ.
350. Посылалъ тутъ старый Добрынюшку во второй наконъ:
„Узнай-ко-ся, Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ полѣ“?
Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и ѣхалъ во чисто поле;
- Не доѣхавши, Добрынюшка шапку складывалъ
И сходилъ съ добра коня низко кланялся:
355. „Ужъ ты здравствуй-ко-сь, паляница преудалая,
Какого же ты города, какой земли,
Какого же ты отца, матери,
Какъ же тебя звать по имени,
Звеличать тебя по изотчеству,
360. Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
Или ѣдешь отъ синя моря,
И хочешь увидать стара казака?“
Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
365. Пошлиг-кось-ты ко мнѣ стараго:
Прошла про его славушка немалая,
Ото востока прошла слава до запада,
Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамаю сильнаго,
Сторожить де старъ казакъ три дорожечки широкиихъ“.
370. Поѣхалъ ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И не доѣдучи старому рассказывалъ;
И на то-ли старому за бѣду стало,
За великую досаду показалось,
375. Садился старый на добра коня,
Ѣхалъ да во чисто поле ко той паляницѣ преудалыя.
Разъѣхались тутъ удалы въ первой разъ,
Кололися копыцами вострыми,
А по посадочки копыца ихъ свернулись,
380. И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.
Рубилися потомъ сабельками вострыми,
И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Потомъ билися палицами боевыми;
Отъ рукъ палицы загорѣлися,
385. По спаямъ палицы распаялися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соскочили они съ добрыхъ коней,
И хватилися они боемъ рукопашнымъ,
Не много они времени поводилися,
390. А по колѣно въ землю утопталися,
По участи было по старого,

- По злосчастьицу было паленицыну,
Правая рука у ей опустилася,
Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,
395. Падала тутъ паленица на сыру землю.
Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,
Отстегивалъ пуговики вальянскія,
Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
400. Хочетъ пороть ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце,
На то старый былъ жалостливъ:
Увидалъ у паленицы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
405. И почаль онъ тутъ ее спрашивать:
„Откуль ты и какой земли?
И какого ты отца, матери,
Какъ тебя именовъ зовутъ“?
Говорила же тутъ паленица преудалая:
410. „Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивала бы имени отчества,
Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво сердце“.
Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
415. И цѣловалъ ей въ уста сахарныя,
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣлополотняному,
И садилъ ей за столы убранные,
420. И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока,
425. И далъ ей съ правой руки злачень перстень,
Со вставкою со драгоцѣнною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
„Принесешь если ты дочь заѣвену,
430. Отдай ей перстень въ приданое;
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,
Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
А пошли его, наказывай:
435. Если увидить онъ во чистомъ полѣ стараго,

- Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
440. Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время засѣяно.
И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
445. И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодець не по годамъ растеть, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодець шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу похаживать,
450. Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотеческимъ,
Называли его сколотышемъ ¹⁾.
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
455. На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
„Ужъ ты гой еси матушка родимая!
Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?“
460. Подарила она ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя-изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольничекъ перстень на руку,
А все носить этотъ перстень нелюбя,
И все зло несетъ на батюшка;
465. Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ;
Не ясея соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ на возрастѣ,
Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
470. Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
„Ты поѣдешь да во чисто поле,
Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
475. Не дошедши старому да кланяйся,
А челомъ бей о сыру землю“.
И поѣхаль тутъ Подсокольничекъ во чисто поле,

¹⁾ Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него *сколотный*.

- И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольничекъ громкимъ голосомъ:
480. „Ужь ты гои еси, русскій богатырь,
Удалый добрый молодець, а по прозванью Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
Тебѣ не пора ужъ спать, а пора вставать,
Пора вставать да время ѣхати;
485. Приѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный,
И хочеть онъ съ тобой поборотися“.
Ото сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Сѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
490. И ударилъ Подсокольничекъ старого по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой пахъ,
И вывихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный снопь,
495. И вышибъ онъ старого изъ ума изъ памяти;
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди
И отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище, острый ножъ,
500. И хочеть пороть бѣлы груди,
И хочеть смотрѣть ретиво сердце,
А тѣло хочеть разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ имянной перстень,
И взмолился онъ Спасу Пречистому и вздохнулъ крѣпко:
505. „Стоялъ я за церкви Божіи, за тѣ же честны монастыри,
И хранилъ я стольный Кіевъ градъ,
Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую“.
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ грудей,
510. И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный снопь.
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговики жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устраивалъ добра молодца, самъ его спрашивалъ:
515. „Ты какой земли, какого рода племени,
Какъ тебя молодца именемъ зовуть?“
Тутъ молодець отвѣтъ держитъ:
„Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
Не спрашивалъ бы роду племени,
520. Не спрашивалъ бы я отца матери,
Пороль бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво сердце.

- Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,
Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
Чернымъ воронамъ на вознаграенье,
525. На славу всему міру, всѣмъ людямъ“.
Говорить тутъ старый во второй законъ:
„Ты какой земли, какого города?
Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?“
Отвѣтъ держитъ добрый молодець:
530. „Я отъ моря- моря синяго,
Отъ камешка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
Отъ той паляницы преудалыя,
Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя,
535. А батюшка себѣ не знаю я.
И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
„Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
Не допедши ему ему низко кланяйся.““
540. И велѣла она сойти съ добра коня,
И велѣла бить челомъ сыру землю“.
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
545. Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарныя,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньцемъ великимъ:
„Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
550. Не проливай крови безвинныя,
Не губи силу напрасную,
Поѣзжай-ко ся да ко синю морю
Ко своей матушкѣ родимой,
И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
555. Низкій поклонъ отъ меня отъ старого
Отъ своего родна батюшка“.
И поѣхалъ добрый молодець ко синю морю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
560. Подѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, зла лиха паляница преудалая!
Встрѣчай-ко меня добра молодца!“
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
565. Встрѣчала его, низко кланялась:

- „Ужь ты здравствуй, дитятко родимое,
Ты удалый добрый молодець, по имени Подсокольничекъ“.
А встрѣтилъ-то ее добрый молодець вострымъ копьемъ,
И падала тутъ она на красно крыльцо.
570. Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подѣхалъ онъ, добрый молодець, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ старого да спящаго,
И оборотилъ онъ на старого востро копье,
И ткнулъ старого въ ретиво сердце
575. Своимъ копьемъ вострымъ.
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
580. Тутъ ли старый отъ сна просыпается,
Не отъ лютой ли хмелинки пробуждается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
585. И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисту полю.
590. И тутъ Подсокольнику славу поють.

Записана въ г. Мезени, Арханг. губ., А. М. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Ефименкомъ“, ч. 2-я (см. Извѣстія И. Общества Любит. Естествознанія т. XXX, вып. 2, стр. 25—32).

32. Дунай Ивановичъ.

- Заводился у Владимира почестень пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы,
Всѣ на пиру напивалися,
Ужь какъ всѣ на пиру наѣдалися,
5. Ужь какъ всѣ на пиру приразхвасталися:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
10. А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходитъ Владимиръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,

- Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Всѣ у меня въ городѣ поженены,
15. Всѣ красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ-то я Владимиръ холостъ хожу,
Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы,—
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
20. Чтобы возрастомъ не мала, умою сверстна,
Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
А ясны очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя,
25. Чтобы было кому поклониться“?
Спрашиваетъ Владимиръ во второй наконь:
„Не знаете-ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы
Чтобы возрастомъ не мала, умою сверстна“?
30. Изъ за того стола изъ за окольнаго,
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дородній добрый молодецъ
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
35. „Благослови-тко се, Владимиръ, слово молвити,
Не могли-тко се меня за слово скоро сказнити;
Ужъ я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю сопротивницу.
Она возрастомъ не мала,—умою сверстна;
40. Бѣло лицо, будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
А ясны-то очи, какъ у сокола,
Черны-то брови, какъ у соболя.
Ужъ я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ;
45. Ужъ я слышалъ отъ брата названаго,—
Отъ названаго —отъ крестоваго—
Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ,
Сидить-то Дунай ровно три года“.
50. Бери-тко, Добрынюшка, золоты ключи,
Отмыкай-ко темны погребы,
Выпуцай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ.
У меня право Дунай въ забытыи пришелъ“.
Ужъ беретъ-то Добрыня золоты ключи,
55. Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидить-то Дунай въ темномъ погребѣ,

- Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ;
Самъ сидючись, прирасплакался:
„На что я Владимиру понадобился,
60. Или хочеть сказнить меня, вѣсити“?
Говорить-то Добрынюшка Никитичъ:
„Добро жаловать ко Владимиру на почестень пиръ,
На почестень хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить“.
65. Выходить Дунаюшко Ивановичъ,
Выходитъ изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,
Идутъ на почестень пиръ съ Добрынюшкой Никитичемъ,
Идутъ во гридню княженецкую.
70. Зашель-то Дунай во гридню княженецкую;
Онъ крестъ-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому,
Бьетъ-то челомъ князю Владимиру,
Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
75. „Садись-ко, Дунаюшко, за дубовой столъ—
За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть“.
Садили Дуная во больше мѣсто,
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,
80. Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
85. Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ,
Хмелина у Дуная въ головѣ появилась.
Говорить-то Володимиръ стольно-киевскій:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Не слыхаль-ли ты мнѣ-ка обручницы,
90. Обручницы мнѣ сопротивницы,
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы-то, будто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи, какъ у сокола,
95. Черны-то брови, какъ у соболя,
Чтобы было кому поклонитися“?
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ужъ я знаю тебѣ обручницу,—
Знаю тебѣ сопротивницу:
100. Есть, у короля Задонскаго

- Есть у короля двѣ дочери.
Перва дочь Настасья королевшна:
Настасья королевшна не тебѣ верста.
Бздить во чисто поле, полякуеть,
105. Слыветъ паляницей преудалою.
А есть Опраксея королевшна:
Сидить Опраксея въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили.
110. Говорить-то Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Ты гой еси, Дунаюшко Ивановичь!
Ты бери силы, сколько надобно,
Ты бери казны, сколько надобно“.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичь:
115. „Мнѣ не надо твоя сила великая,
Мнѣ не надо твоя золота казна;
Ужъ я съ силой-то пойду не воевать стану,
Казной твоей не торговать стану;
Ужъ я силой возьму богатырскою
120. А грозою возьму княженецкою.
Только дай мнѣ-ка два брателки названья,
Два названья крестовья:
Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
Во-вторыхъ Алешеньку Поповича“.
125. Говорить-то Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Бери-тко, Дунай, что тѣ надобно“.
Сбирается Дунай со братьями крестовыми.
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ,
Беруть-то коней своихъ добрыхъ,
130. Удають во уздицы во тесмянныя,
Сѣдлають во сѣделечка черкасскія,
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владимиръ стольно-кѣвскій,
Провожаетъ со чести со радости.
135. Поѣхали братаны во чисто поле;
Во чистомъ полѣ курева стоитъ.
Бдутъ ко царству Задонскому,
Къ тому королю ко Задонскому,
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
140. Въѣзжаютъ къ королю на широкій дворъ.
Онц мечуть коней на широкомъ дворѣ,
Непривязанныхъ мечуть, неприказанныхъ,
Не разнузданныхъ, не разсѣдланыхъ.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичь:

145. „Ужь ты брателко, Олешенька Поповичъ,
Останся-ко, Олешенька, на широкомъ дворѣ,
Сѣки-ко ты татаръ стараго и малаго,
Не покидай ни одинаго на сѣмена“.
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
150. Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи,
Съ боку на бокъ палата сколебається:
„Сѣки-тко стараго и малаго,
155. Не оставляй ни одинаго на сѣмена“.
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
Зашель въ палату королевскую,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Онъ крестъ-отъ кладеть по писанному,
160. Поклонъ-отъ ведеть по ученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
„Здравствуй, король земли Задонскія!“
— Здравствуй, Дунаюшко Ивановичъ!
Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхаль,
165. Жить-служить по старому?—
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Я пріѣхаль жить къ тебѣ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Я пріѣхаль къ тебѣ сватомъ свататься,
170. Что на той Опраксеѣ королевишиѣ,
Да на той же на Настасѣѣ Королевишиѣ“.
Говорить-то король земли Задонскія:
„Кабы была Настасья Королевишна,
На долонь бы посадила, другой сжала,
175. Межь долонями мокро стало“.
Лишѣ тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горяча кровь раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ пермѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
180. Сталъ татаринѣмъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей,
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежать.
185. Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ,
Свернулъ Дунай двѣнадцать замочиковъ висячихъ,
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевѣ.
Зашель-то въ горницу высокую

- Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
190. Сидить Опраксея Королезишна,
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги,
Береть-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
195. Повель-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна,
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксея прирасплакалась:
„Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить вскормить,
200. Не умѣлъ меня, батюшко, замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости,—
Не съ чести, не съ радости,—съ кровопролитъица“.
Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветь онъ Дунаюшка Иванова:
205. „Добро жаловать, Дунаюшко Ивановичъ,
Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить“.
Говорить Дунаюшко Ивановичъ:
„На прїѣздѣ гостя не учествовать,
На отъѣздѣ гостя не употчивать“.
210. Подходить Дунай ко добрымъ конямъ,
Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
215. Вдуть Дунай по чисту полю,
Наѣхали Дунай ископыть глубокую.
Говорить-то Дунаюшко Ивановичъ:
„Ты братецъ, Добрынюшка Никитичъ,
Бери-тко Опраксею Королевишну,
220. Бери-тось на добра коня;
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Отдавать Добрынюшкѣ Никитичу,
Говорить: „поѣзжай-ко, Добрынюшка Никитичъ,
Поѣзжай во красенъ Кіевъ градъ
225. Со той со Опраксеей Королевишной.
Я поѣду по ископыти глубокія“.
Еще тутъ братаны разѣхались.
Наѣхалъ Дунаюшко паляницу преудалую;
Разѣхались съ паляницеѣй преудалою.
230. Какъ ударилъ копьемъ бусорменскимъ,
Вышибъ паляницу преудалую,
Пала паляница на сыру землю;

- Приступилъ-то копытомъ его добрый конь,
Береть паляницу за бѣлы руки,
235. Садитъ паляницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ,
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Вдуть ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаютъ въ Кіевъ скорошенько.
240. Встрѣчаютъ ихъ во Кіевѣ,
Встрѣчаютъ со чести, со радости;
Встрѣчаетъ Владимиръ стольно-кіевскій.
Повелось пированьице-почестенъ пиръ.
Пировали,-столовали по первой день,
245. И законъ Божій приняли.
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

Записана священникомъ Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Арханг. губ., собран. П. С. Ефименкомъ“, ч. 2-я, стр. 11—14.

* 33. Дунай Ивановичъ.

- Какъ во стольнѣмъ во городи во Кіевѣ,
Да ѣ у ласкового князя у Владимира,
Заводился поцестенъ пиръ да столованьице.
Тутъ вси да на пиру напивалиси,
5. Още вси да на пиру наѣдалиси,
Вси-то на пиру да пьяны, вѣселы,
Още вси-то на пиру поросхвастались:
Йнной-тотъ видъ хвастать крестьянамы,
Още йнной-тотъ хвастать видъ боярамы,
10. Ай Добрынюшка Микитицъ-тотъ добрымъ конемъ,
Ай Олешенька Поповицъ—своей смѣлосью,
Ай Дунаюшко Иваныцъ да своѣй силой богатырскою.
Ай зъ за того стола, да зъ за окольного,
Още зъ за того стола, да зъ за мѣста зъ за бѣльшого
15. Ай выходитъ-то Владимиръ князь да стольнѣкіевской:
„Ай же вы вси князи, да вси бѣяра,
Вси руськіи могуціи богатыри,
Вси вы у меня были пожѣнены,
Да повыбраны кнегини супротивныи;
20. Вы не знаете-ли мнѣ кнегини супротивъ меня?
Супротивъ меня кнегини супротивницы“?
Зъ за тогѣ-то стола зъ за стола дубового,
Още зъ за того стола, зъ за бѣльшого
Повѣскоцилъ Дунай сударь Ивановичъ:

25. „Ай же ты Владимиръ князь да стольнёкіевской,
Благослови-тко мнѣ словецюшко повымолвить;
Я теби вѣдаю кнегиню супротивную:
Какъ во той-то во земли да во татарськойей,
У тогѣ-то королевського велицесьтва
30. Есь видь бѣльшая Настасья королевичьна,
Още мѣньшая Опракса королевичьна:
Станникомъ она да есь ровнешенька,
Още ростомъ есь она высокошенька,
Тѣломъ-то она да снѣгу бѣлого,
35. Оци-ты у ёй да ясна сокола,
Брови-ты у ёй да цѣрна соболя“.
Туть Владимиръ князь да стольнёкіевской:
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Ты бери-тко съ мѣня силы хоть и нѣскольکو,
40. Поѣзжай-то ты во зѣмлю во татарськую,
Ко тому-ли королевскому Велицесьтву,
Ты постватайсе добромъ, да онъ добромъ не дастъ,
Ай добромъ не дастъ, да ты силѣй возьми“.
— Мнѣ не надо съ теби силы хоть и нѣскольکو,
45. Только дай мнѣ-ка Олешеньку Поповиця,
Да проси-тко у Добрынюшки добра коня.—
Ужь онъ далъ ему Олешеньку Поповиця,
Оны взяли у Добрынюшки добра коня.
Още видли добрыхъ мѣлодцевъ тутъ сѣдущисъ,
50. А не видли добрыхъ мѣлодцевъ поѣдущисъ;
Да ѣ поѣхали оны да изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да къ королю въ Литву,
А во тую-ту во землю во татарськую,
Ко тому ли королевському Велицесьтву.
55. А прѣѣхали оны на ёго бѣлой дворъ,
Становилиси оны да на бѣломъ двори:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Становисъ-ко на двори да у добрѣхъ коней,
Я пойду-то во полаты королевськіи“.
60. Онъ зашелъ-то во полаты королевськіи,
А и крестъ-отъ онъ кладетъ по писаному,
А поклонъ-то онъ ведетъ да по уценому,
На двѣ, на три, на четѣре на сторонущи,
Королевському Велицесьтву въ особину.
65. „Ай же ты, Дунай сударь Ивановиць,
Ты цего же сѣда ѣдешъ, зачимъ путь держишь?“
— Още ѣду я сюда, да сѣды путь держу,
Ай за добрымъ за дѣломъ тымъ за свѣтовсьтвомъ

- На твоёй ли на Опраксы королевичьной.—
70. Тутъ спроговоришь король да таковыя словы:
„На моёй ли на Опраксы королевичьной?
Още меньшую ты дочерь нонче сватаешь,
А большую мою дочерь засадишь.
На моёй ли на Опраксы королевичьной
75. Ай было-то видь на ней да тридцать сватуховъ;
Ужь я всимъ-то видь я сватамъ голову срубилъ;
Ай тебѣ-то видь, Дунай, да живу не бывать“!
- Тутъ выходитъ-то король да на крутыя крыльця,
Още крикнулъ-то король да громкимъ голосомъ,
80. Още крикнулъ онъ да по звѣриному,
Още свиснулъ-то видь онъ да по змѣиному:
„Ай же вы нонче тутъ слуги королевскія,
Ай же вы тутъ палаты да немилосливы“!
- Ай нахлынуло татаровей да плонъ дворъ.
85. Тутъ-то видь Дунаюшко Ивановиць,
Разгорѣлось его сердце богатырское;
Пошелъ онъ изъ полаты изъ бѣлокаменныхъ,
Подынулъ онъ свою руку выше головы,
Опустилъ онъ свою руку о дубовой столъ.
90. Его новыя полаты пороскрятались,
Его старыя полаты пороссыпались;
Ай бѣжить-то видь Дунай да на широкой дворъ:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Пособи-тко мни, Олешенька, поправитесь“!
95. У Олешеньки видь тростоцька въ рукахъ да сорока пудовъ;
Още сталъ онъ по двору похаживать,
А молодыхъ коней поваживать,
Ужь онъ сталъ-то этой тростоцькой помахивать:
Куды махнетъ, тутъ падѣ улицей,
100. Перемахнетъ, тутъ падѣ видь переулицкомъ.
Ай у Дунаюшка въ рукахъ-то ницего не пригодилосе;
Ай хватилъ-то онъ татарина видь за ноги,
Сталъ-то онъ видь по двору похаживать,
Сталъ татаринкомъ видь онъ помахивать:
105. Куды махнѣ, падѣ видь улицей.
Още видитъ тутъ король да таковыя бѣды,
Таковыя-то бѣды, да неминующыя.
„Ай же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Украти-тко свое сердце богатырское,
110. Ты оставь-ко хоть татаръ мнѣ-ка на сѣмена;
Ты бери мою Опраксу королевичьну;
Поѣзжай ко стольному ко городу ко Киеву,

- Ко ласковому князю ко Владимиру“!
Туть брали все Опраксу королевичьну,
115. Садѣлисе оны видь на добрыхъ коней,
Да поѣхали ко стольнѣму ко городу ко Кіеву,
Ко славному ко князю ко Владимиру;
Выѣзжали-то оны да во цистѣ поле,
Раздѣрнули оны да тонкой бѣль шатеръ.
120. Туть-то все Дунаюшко Ивановиць
Онъ и спѣтъ, да ѣ пробуждается,
Ай выходитъ-то Дунай на улоцьку на шіроку,
А и видѣль-то татарина въ цистомъ поли проѣдущь:
За пять поприщевъ даетъ-то онъ поскаки,
125. Да по пѣдику онъ каменье съ земли вывѣртывать.
Ай туть-то все Дунаюшко Ивановиць
Ай пришелъ же онъ во бѣль шатеръ:
„Ай же ты, Олешенька Поповиць, другъ,
Ты ставай-ко нунь, Олешенька, ранешенько,
130. Умывайсе-тко, Олешенька, бѣлешенько,
Ты бери-тко нунь Опраксу королевичьну,
Поѣзжайте нунь ко городу ко Кіеву;
Я поѣду за татаринѣмъ въ цистѣ поле“.
Какъ ставаль-то туть Олешенька ранешенько,
135. Онъ и браль-то туть Опраксу королевичьну,
Да ѣ поѣхали ко стольнѣму ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимиру.
Поѣхаль туть Дунаюшко Ивановиць,
Ай поѣхаль-то подалеце въ цистѣ поле,
140. Онъ догналь-то туть татарина въ цистѣмъ поли;
Да ѣ разѣхались оны да во цистѣмъ поли,
Ай ударились туть палицьмы военныма,
Ай татаринъ-отъ упаль да туть видь подъисподъ,
Ай Дунаюшка Ивановиць туть на верѣхъ;
145. Онъ туть сталъ видь у татарина выпрашивать:
„Ты цѣго же, скажи, роду, цѣго племени,
Ты цѣго, скажи, отца, да цѣй же матери?
А по пельгамъ тебя вижу, што ты женщина“!
Ай спрѣговорить татаринъ таковѣ словѣ:
150. —Кабы бѣла-то видь я да на твоихъ грудяхъ,
Я не спрашивала-тѣ-бы роду племени,
Не спросила бы отца твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
155. Да ѣ спрѣговорить Дунаюшко Ивановиць:
„Ты скажись мни, цѣго роду, цѣго племени,

- Ты цѣго, скажи, отца, да цѣй же матери?⁴
А ѿ спроговорить татаринъ таковó слово:
Кабы была-то видь я да на твоихъ грудяхъ,
160. Я не спрашивала-то-бы роду племени,
Не спросила бы отца твоего, матери,
Я рубила бы твою да буйну голову,
Я пластала бы твои да груди бѣлыя!—
Да ѿ спроговорить Дунаюшко Ивановиць:
165. „Ты скажись мни, цѣго роду, цѣго племени?
Ты' цѣго, скажи, отца, цѣй же матери“?
— Ай же ты, Дунаюшко Ивановиць,
Годъ-то ты видь жилъ у насъ во конюхахъ,
А другой-то ты видь жилъ у насъ во стольникахъ,
270. А третей-то жилъ у насъ во ключникахъ,
А нунь, Дунай, да мѣня не узналъ!—
Ужь онъ взялъ-то тутъ Настасью королевичну,
А за тѣ-то видь за руценьки за бѣлыя,
А за тѣ-то видь за перси за злациныя,
175. Цѣловаль ю во уста да во сахарныи;
А ѿ сажилиси оны да на добрыхъ коней,
А ѿ поѣхали оны ко стольнѣму ко Киеву,
Да ѿ ко ласковому князю ко Владимиру.
Още прѣзжали-то ко стольнѣму ко Киеву,
180. Ко ласковому князю ко Владимиру.
Още ѿ мѣншая сестра да отъ вѣнца идѣтъ,
Още бѣлшая сестра да ко вѣнцу пошла.
Национали оны пиръ да столованьицѣ;
Вси-то на пиру да наѣдались,
185. Вси-то на пиру да напивались,
А вси-то на пиру да пьяны, веселы,
Оны вси-то навесѣли порохвастались.
Порохвасталась Настасья королевична:
„Я повиѣду теперь да во цистó поле,
190. Я видь стрѣлю-то видь стрѣлоцьку каленую
За пять поприщевъ, да въ золоцѣнъ перстѣнъ,
Въ золоцѣнъ перстѣнъ, да во булатный ножъ“!
Тутъ-то все Дунаюшко Ивановиць,
Разгорѣлось ѣго серцѣ богатырское;
195. Выѣзжали съ ей оны да во цистó поле,
Оны стрѣлили тутъ стрѣлоцьку каленую
За пять поприщевъ да въ золоцѣнъ перстѣнъ,
Въ золоцѣнъ перстѣнъ, да во булатный ножъ.
Ай Дунаюшко Ивановиць
200. Въ первой разъ-то онъ видь стрѣлить да не дострѣлить,

- Въ другой разъ-то онъ видъ стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
Ужь онъ третій разъ намѣтилъ-то Настасьи во бѣлы груди.
Тутъ взмолиласе Настасья королевицна:
„Ужь ты ай же все, Дунай, сударь, Ивановичь,
205. Ужь ты дай же строцью времяцко повѣходить,
Во цѣреви младенчика повиносить:
Какъ во цѣреви у Настеньки младеньчикъ есь:
По колѣнкамъ ёго ноженки во злоти,
По локѣтки ёго руценьки во сѣребри,
210. Въ темѣни у ёго да видъ свѣтѣль мѣсець,
По косицкамъ у ёго да цѣсты звѣздоцьки“.
Ницего-то тутъ Дунаюшко Ивановичь;
Разгорѣлось ёго серце богатырское,
Ни на што-то онъ видъ тутъ да ни позарилси;
215. Стрѣлилъ онъ Настасьи въ бѣлы груди,
Распласталь-то онъ у ей да груди бѣлыя.
Да й во цѣреви у Настеньки младеньчикъ есь:
По колѣнкамъ его ноженки во злоти,
По локѣтки его руценьки во сѣребри,
220. Во темѣни у егѣ да цѣсты звѣздоцьки.
Още тутъ-то видъ Дунаюшко Ивановичь,
Още взялъ-то онъ да видъ булатный ножь,
Тупымъ концѣмъ поставилъ во сырѣ землѣ,
А вострымъ концѣмъ поставилъ во бѣлѣю грудь.
225. Тутъ видъ ѡны оба переставились.
Отъ Настасьи протекла да тутъ Настасья рѣка
Да й въ тую-ту во землю во татарскую;
А отъ Дуная протекла да тутъ Дунай рѣка
Ко стольнему ко городу ко Кіеву,
230. Ко ласковому князю ко Владимѣру.

Записана въ 1886 году Ѡ. М. Истоминымъ отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой, въ деревнѣ Оятевиной, Петрозаводскаго у., Олонецкой губ.

34. То-же.

(Н а ч а л о).

- Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго у князя у Владимира,
У солнушки у краснаго, сына Всеславича,
Собирался пирь-бесѣдушка
б. Честнохвальная да почетная.
Ужь какъ пьютъ они да гуляютъ,
Князья-бояре прохлаждаются,
Межь собѣю они похваляются:
Сильный хвалится своей силою,

10. Богатый хвалится богачествомъ,
А убогий хвалится Божьей милостью.
Лишь Владимиръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко князь улыбается;
Держить рѣчь онъ свою ко бесѣдушкѣ:
15. „Всѣ друзья мои братья поженилися,
Вся голыдьба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостой хожу,
Холостой хожу—не засватанный...

Напечатана въ книгѣ *И. Понко*—Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Вып. I. Гребенское войско. Сиб. 1880. Приложение VIII, стр. 500. Записана со словъ станичныхъ пѣвцовъ; но сильно подправлена.

* 35. То-же.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Было пиروваньице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ,
5. На всѣхъ могучихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвасталися,
Умный-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный-то хвастаетъ отцемъ-матерью,
А безумный-то похваляется молодой женой да неудачливой.
10. Спроговорить Владимиръ князь таково слово:
„Все вы, князи и бояры,
Все вы пьяны и веселы,
И все на пиру были поженены;
Одинъ я князь да неженатый есть.
15. Знаете-ли вы, вѣдаете-ли
Про мою княгиню сопротивную?
Ростомъ великую, станомъ становитую,
Походочку часту да у ней рѣчь баску,
Было бы князю съ кѣмъ жить да быть,
20. Да съ кѣмъ думу думати,
Долгіе вѣки коротати,
И всему бы городу Кіеву
Было бы кому поклоняться?
Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ!
25. Бери-ко-съ ты казны да сорокъ тысячей
И силы десять тысячей,
Поѣзжай-ка ты во хоробру Литву
Къ этому ко князю ко Литовскому,
Бери-тко-съ ты Настасью дочь Микуличну
30. И добрымъ словомъ посватайся.

- А буде такъ не дають, ты силой возьми“.
Какъ спроговорить Дунай, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты, Солнышко Владимиръ князь,
Позволь-ка мнѣ словечко повымолвити:
35. Не надо мнѣ казны да сорокъ тысячей,
Не надо мнѣ силы да десять тысячей,
Пожалуй-ка мнѣ добраго товарища Добрыню Никитича.“
Спроговорить Солнышко Владимиръ князь:
„Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичь,
40. Беритко-сь ты добраго товарища
Того-ли Добрынюшку Никитича“.
Какъ видѣли добрыхъ молодецвъ сядучись,
А не видѣли поѣдучись.
И желтые песочки вслѣдъ покурились,
45. Лошадочки до щетки въ землю угрязывали,
И за три стрѣлица камешки выметывали.
Хоть скоро скажется да тихо дѣется,
Только будутъ они въ матушкѣ хороброй Литвѣ.
Въ этой пути да въ дороженькѣ
50. Приходить палата бѣлокаменная.
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь,
Ты у коней стой, да коней паси,
Въ каково бы намъ время приѣхати“.
Какъ приходитъ Дунай во палаты бѣлокаменныя,
55. А знаетъ онъ да порядки татарскіе:
Не надо ни креститися, ни молитися.
И бьетъ челомъ, поклоняется
На двѣ, на три, на четыре сторонушки:
„Здрастуй-ко, батюшка, король хороброй Литвы!“
60. Какъ спроговорить король хороброй Литвы:
„За твои услуги молодецкія
Посажу-ка тебя, Дунаюшко,
За большой столъ и во большо мѣсто,
И то у тебя у молодца повыспрошу:
65. Куда же ты, Дунаюшко, поѣхаль?
Куда ты, Дунаюшко, путь держишь?“
А спроговорить Дунай таково слово:
„Ай же ты, батюшка, король хороброй Литвы!
Позволь-ко мнѣ словечко повымолвити:
70. Я приѣхаль-то посвататься
На твоей Настасѣ, дочь Микуличнѣ,
За этого князя за Владимира“—
И эти рѣчи королю не слюбилися,
Какъ спроговорить король таково слово:

75. „Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичь,
Что же ты меньшую дочь посватываешь,
А большую чѣмъ засадилъ?
Ай же вы, слуги королевскіе,
Палачи вы немилосливы,
80. Возьмите Дуная на свои руки,
Ведите Дуная во чисто поле,
Засовте заложками желѣзными.
Пусть-ка Дунай во Литвѣ поживеть
Да въ погребу посидить“.
85. Тутъ-то Дунай сдогадается,
Въ Дунаѣ сердце разгорѣлося,
И взымалъ онъ ручки бѣлыя
Выше буйныя головушки
И спускалъ ихъ о дубовой столѣ.
90. Всѣ столы пораскрыталися,
На нихъ питья проливалися,
Всѣ татаровья поганые
По покоямъ разбѣжались.
Приходятъ со двора да королевскаго
95. Вѣдома да нехорошія:
„Ай же, батюшка, король хороброй Литвы!
Бшь ты, пьешь да утѣшаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
На дворѣ стоитъ дѣтинушка незнай собой,
100. Во лѣвой рукѣ держитъ два повода,
Два повода добрыхъ коней,
А во правой рукѣ дубину сорочинскую;
Какъ ясный соколъ покурхиваетъ,
Такъ этотъ дѣтинушка поскакиваетъ,
105. Убилъ татаръ и бояръ до одинаго,
Не оставилъ ихъ и на сѣмена“.
Какъ спроговоритъ король хороброй Литвы:
„Ай же ты, Дунай, да свѣтъ Ивановичь,
Вериткосъ ты Настасью дочь Микуличну“.
110. Видли добрыхъ молодцевъ да сядучись,
А не видѣли поѣдучи.
Хоть скоро скажется, да тихо дѣтеса.
Какъ проѣхали до вечера во чистомъ полѣ,
На ночь шатры пораздернули,
115. Конюшекъ клали во ноженъки,
Сабли выше буйныхъ головушекъ,
Сами молодцы спать легли.
Бхалъ татаринъ погоню велѣдъ,

- Лошадка по щетку въ землю угрызивала,
120. За три стрѣлица камешки выметывала.
Какъ спроговорить Дунай да свѣтъ Ивановичь:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
Бериткось ты Настасью дочь Микуличну,
Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
125. Принимайкось ты чудны вѣнцы, златы кресты
Отъ этого князя Владимира.
А я за этимъ татаринѣмъ погоню въ слѣдѣ,
Гдѣ бы татарина конемъ доѣзжать,
Гдѣ вы татарина мечемъ убивать“.
130. Сшибъ-то онъ татарина съ добра коня,
Видитъ онъ татарина женской полъ:
„Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
Чьего ты, татаринъ, роду племени?
Чьего ты, татаринъ, отца матери?“.
135. Какъ спроговорить татаринъ таково слово:
„Ай же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
Была бы я на твоей груди,
Не спрашала бы ни родины, ни дядины,
Пластала бы у тѣ бѣлы груди,
140. Вынимала бы сердце ретивое“.
- Какъ спроговорить Дунаюшка Ивановичь:
„Не будемъ мы ни биться, ни кровавиться,
Поѣдемъ ко городу ко Кіеву,
Примемъ чудны вѣнцы, золоты кресты“.
145. Маленькая дочь отъ вѣнца пошла,
А большая ко вѣнцу пришла.
И тутъ Дунаюшка расхвастался:
„Самъ себя женилъ да дружка подарилъ!“
Какъ спроговорить Апракса дочь Микулична:
150. „Не много я во Кіевѣ пожила, много признала:
На силу нѣту старого казака Ильи Муромца,
А на смѣлость нѣтъ Алешеньки Поповича,
На щапленьце нѣтъ Добрыни Никитича,
А на выстрѣлъ нѣтъ Апраксы дочь Микуличной“.
155. Разгорѣлось у Дуная ретиво сердце,
Наставлялъ онъ стрѣлочку каленую
На Апраксыны бѣлы груди.
Тутъ она ему взмолилася:
„Ай же ты, Дунай свѣтъ Ивановичь!
160. У меня во чревѣ младенецъ есть:
По локоточки ручки въ золотѣ,
А по колѣнца ножки въ серебрѣ,

Въ теми свѣтелъ мѣсяць, во лбу красно солнышко,
По косицамъ частыя звѣздочки“....

Эта сильно скомканная былина была записана лѣтомъ 1892 года воспитанниками П. Александровскаго Лицея, Михаиломъ Веселкинымъ и Сергѣемъ Новиковымъ, со словъ крестьянина Одопецкой губ., Петровзаводскаго уѣзда, Великогубской волости, Сяногубскаго общества, деревни Лонгасы, Петра Сѣверикова. Окончаніе разсказчикъ передалъ въ короткихъ словахъ.

36 то-же.

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира
Заводился пированьице—почестень пирь
На многихъ на князей, на бояръ,
5. На русскихъ могучихъ богатырей.
Проговорить Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскіи могучіи богатыри,
Княжну во супружество взять,
Было бы съ кимъ вѣкъ коротать
10. И съ кимъ княжество держать“?
И проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ты Солнышко Владимиръ князь!
Есть у короля храбра три дочери:
Первая дочь Опракса королевична,
15. Вторая дочь—Настастья королевична,
Третья дочь—нѣвдорость“.
Скажетъ князь Владимиръ стольно-Кіевскій:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
Посватай-ко Опраксу королевичну
20. За Солнышка князя за Владимира.
Испроговорилъ Добрыня таково слово:
„Не честь молодцу ѣхать русскому богатырю единому,
Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“
—Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму.—
25. „Поѣдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичь“!
И сѣли на коней да богатырскіихъ;
Куды ископытъ летить,
Туды дымъ столбомъ стаетъ.
Видѣли богатыревъ посадучись.
30. И скакали кони съ горы на гору,
Перемахивали съ холмы на холмы,
И ѣхали оны изъ земли въ землю,
Изъ орды въ орду.
И пріѣхали оны къ королю въ Литву,
35. Пріѣхали оны на королевскій дворъ;

- Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,
Лошадей да богатырскихъ
Отъ этихъ татаръ да отъ поганныхъ“.
40. Зашель Добрыня въ покои королевскіи
И дѣлалъ поклоны королю въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мостъ.
И проговорить король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
45. Пріѣхалъ къ королю въ Литву во служеніе?“
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Пріѣхалъ я, король земли Литовской,
Посватать у тебя Опраксы королевичны,
За Солнышка князя за Владимира“.
50. Проговорить король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшко,
Съ дороженьки на широкъ стулъ и поотдохни“.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
55. Недосугъ послу сидѣть да разсиживать;
За то посла скоро жалуютъ!“
Приходитъ татаринъ въ покои королевскіи
И проговорить королю да таково слово:
„У тебя на дворѣ татаръ да мало ставится, проѣдается“.
60. И проговорилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичъ!
Не одинъ же ты пріѣхалъ къ королю храбрѣ Литовскому!
Уйми-тко ты русскаго могучаго богатыря,
Чтобы нѣ рубилъ моихъ татаръ поганныхъ“.
65. Проговорить король земли Литовской таково слово:
„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву, Добрынюшко!
Отдамъ я Опракеу королевичну
За Солнышка князя за Владимира“.
Прощались русскіи могучіи богатыри—
70. Добрынюшка Никитичъ и Дунай сынъ Ивановичь,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Кіеву
И къ тому князю ко Владимиру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичь,
75. У короля храбра у Литовскаго.
Были оны во почестномъ во гостебищѣ
У Настасьи королевичны.
Проговорить Дунай, сынъ Ивановичь, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?“

80. Говорила Настасья королевична:
„Иду да во супружество.
Выдемъ-ко, Дунай, сынъ Ивановичь,
На это ли поле, да на шіроко;
Стрѣлай стрѣлочекъ да каленныхъ,
85. Изъ этого изъ луку да изъ тугаго“.
Наладили размѣръ да на стò сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ широкоемъ;
Поставили ножичекъ булатный
90. Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
95. Одна половина—другой не больше
И вѣсомъ не тяжельче.
И стрѣлила Настасья королевична
Изъ этого изъ лука да изъ тугаго,
И попала во кольцо да во серебряное,
100. И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку калѣную;
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжельче.
И проговорить Настасья королевична:
105. „И не стрѣлай-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлочки да каленой
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго;
И не попасть тебѣ въ кольцо да во серебряно,
И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
110. И не разрубить тебѣ стрѣлочки калѣной“.
И наладился Дунай, сынъ Ивановичь,
И стрѣлять-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не дōстрѣлилъ;
115. Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ.
И проговорить Настасья королевна:
„Не стрѣлай-ко ты, Дунай, сынъ Ивановичь,
Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
И я тебѣ спорожу сына единого,
120. И по колѣна-то ножки въ сѣребрѣ,
И по локѣточки да ручки въ золотѣ;
Брови спорожу—ясна сокола
И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,

- И на головы да мѣсяць свѣтлый“.
125. Онъ стрѣлилъ да Дунай, сынъ Ивановичь,
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настасья королевичнѣ
И во эти да во бѣлы груди;
И пала Настасья королевична о сыру землю.
130. И прослезился Дунай сынъ Ивановичь.
Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣянъ младенець, какъ выговаривала.
И проговорилъ Дунай да сынъ Ивановичь:
„И куды легла Настасья королевична,
135. И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичь“.
- И отъ Настасьи королевичной
И отъ Дуная сына Ивановича
И прошла тутъ Дунай рѣка.

Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василя Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонекской губерніи“ стр. 57—60. Срав. ту же бѣлгу въ записи Гильфердинга (№ 125).

*37. Василій Казимерской.

- У ласкова князя Владимира
У Солнышка у Сеславьича
Было столованье почетный пирь,
На многихъ князей, бояровъ
5. И на всю поленицу на удалую,
И на всю дружину на храбую.
Онъ всѣхъ поить и всѣхъ чествуеть,
Онъ всѣмъ князь поклоняется.
И въ полупиру бояре напивались,
10. И въ полукушаньяхъ наѣдались.
Князь по гридницѣ похаживать,
Бѣлыми руками помахивать,
И могучими плечами поворачивать,
И самъ говоритъ таковы слова:
15. „Ой вы гои еси, мои князья и бояры,
Ой ты вся поленица удалая
И вся моя дружина храбая!
Кто бы послужилъ мнѣ князю вѣрой, правдою,
Вѣрой, правдою неизмѣнною?
20. Кто бы съѣздить въ землю дальнюю,
Въ землю дальнюю Поленецкую,
Къ царю Батуру ко Батвѣсову?
Кто бы сvezъ ему даши пошщины,

- За тѣ за годы за прошлые,
25. И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ чиста серебра?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга?
Кто бы свезъ сорокъ телѣгъ красна золота?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ?
30. Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей?
Кто бы свезъ сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ?
Кто бы свелъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ?“
Тутъ большой за меньшаго хоронится,
Ни отъ большаго, ни отъ меньшаго отвѣта нѣтъ;
35. Изъ того только изъ мѣста изъ средняго
И со той скамеечки бѣлодубовой
Выступалъ удалой добрый молодець
На свои на ноженьки на рѣзвыя,
На тѣ-ли на сапожки зеленъ сафьянъ,
40. На тѣ-ли каблучки на серебряны,
На тѣ-ли гвоздички золочены,
По имени Василій сынъ Казимерской.
Отошедши Василій поклоняется,
Говорить онъ таковы слова:
45. „Ой ты гой еси, нашъ батюшко Владимиръ князь!
Послужу я тебѣ вѣрой, правдою,
Позаочи—въ очи не измѣною;
Я де съѣзжу въ землю дальную,
Въ дальную землю Поденецкую,
50. Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову;
Я свезу твои дани пошрины
За тѣ за годы, годы прошлые,
За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ.
Я свезу твое золото и серебро,
55. Я свезу твой скатный жемчугъ,
Свезу сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезу сорокъ сороковъ черныхъ выжлыковъ,
Я сведу сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
60. Тутъ Василій закручинился,
И повѣсилъ свою буйну голову,
И потупилъ Василій очи ясныя,
Во батюшко во кирпичать полѣ.
Надѣвалъ онъ черну шляпу, вонъ пошолъ
65. Изъ того изъ терема высокаго.
Выходить онъ на улицу на широкую,
Идетъ по улицѣ по широкой;

- Навстрѣчу ему удалой добрый молодець,
По имени Добрыня Никитичъ младъ.
70. Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодець,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселый?
Не дошло тебѣ отъ князя мѣсто доброе?
75. Не дошла-ли тебѣ чара зелена вина?
Или кто тебя, Василій, обезчестовалъ?
Или ты захвастался куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгать Добрынюшка во второй разъ,
80. Пухову шляпу снималъ, низко кланялся:
„Здравствуешь, удалой добрый молодець,
Ты по имени Василій, сынъ Казимерской!
Что идешь ты съ пиру невеселой?
И не весель идешь ты, не радошень.
85. Не дошло-ль тѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль отъ князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василій, куда ѣхати?“
И тутъ Василій ровно быкъ прошолъ.
Забѣгать Добрынюшка въ третій де разъ,
90. Пухову шляпу сниматьъ, низко кланяется:
„Здравствуешь, удалый, добрый молодець,
По имени Василій, сынъ Казимерской!
Что ты идешь съ пиру невеселой,
Не весель ты идешь съ пиру, не радошень?
95. Не дошло-ль тебѣ, Василій, мѣсто доброе?
Не дошла-ль тебѣ чара зелена вина?
Али кто тебя, Василій, обезчестовалъ?
Али ты захвастался куда ѣхати?
Я не выдамъ тебя у дѣла ратнаго
100. И у того часу скоро смертнаго!“
И тутъ Василій возрадуется;
Сохваталъ Добрыню онъ въ беремячко,
Прижимать Добрынюшку къ сердечушку
И самъ говоритъ таковы слова:
105. „Гой еси, удалой, добрый молодець,
По имени Добрыня Никитичъ младъ!
Ты, Добрыня, будь большой мнѣ братъ,
А я Василій буду мѣньшой братъ:
Я у ласкова князя Владимира
110. На бесѣдѣ на почестныя,
На почестныя, на большомъ пиру.

- Я захвастался отъ князя съѣздити
Во ту во землю во дальнюю,
Ко царю Батуру ко Батвѣсову
115. Свезти ему дани выходы
За тѣ годы за двѣнадцать лѣтъ:
Свезти туда злато, серебро,
Свезти туда скатный жемчугъ,
Свезти сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
120. Свезти сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Свезти сорокъ сороковъ черныхъ выжльковъ,
Свезти сорокъ сивыхъ жеребцовъ“.
И проговорить Добрыня Никитичъ младъ:
„Не возьмемъ везти отъ князя отъ Владимира,
125. Не возьмемъ отъ него дани пошщины:
Мы попросимъ отъ собаки Батура Батвѣсова,
Мы попросимъ отъ него дани пошщины“.
И тутъ молодцы побратались,
Воротились назадъ ко князю Владимиру.
130. Идутъ они въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому;
Поклоняются на всѣ стороны:
„Здравствуешь, Владимиръ князь,
135. И со душечкой со княгиней“!
Князьямъ боярамъ на особицу.
И проговорить ласковый Владимиръ князь:
„Добро жаловать, удамы добры молодцы,
Ты, Василій, сынъ Казимерской,
140. Со Добрынюшкой со Никитичемъ!
За одинъ бы столъ хлѣбъ-соль кушати“!
Наливаетъ князь чары зелена вина,
Не малы чары—въ полтора ведра;
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
145. Принимаютъ молодцы единой рукой,
Выпиваютъ чары единымъ духомъ;
И садятся на скамеечки дубовыя,
Сами говорятъ таковы слова:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
150. Не желаемъ мы везти отъ тебя дани пошщины;
Мы желаемъ взять отъ Батура отъ Батвѣсова,
Привезти отъ него дани пошщины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимиръ князь,
155. Садись ты за дубовый столъ,

- И пиши ты ярлыки скорописчаты:
Дай ты мнѣ, собака, дани пошлины,
За тѣ за годы за прошлые,
И за тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ,
160. И дай ты намъ злата серебра,
И дай ты намъ скатна жемчуга,
И дай ты намъ ясныхъ соколовъ,
И дай ты намъ черныхъ соболей,
И дай ты намъ черныхъ выжлыковъ,
165. И дай ты намъ сивыхъ жеребцовъ“.
Подаетъ ласковый Владимиръ князь
Удалымъ молодцамъ ярлыки скорописчаты,
И беретъ Василій Казимерской
И кладетъ ярлычки во карманчики;
170. И встають молодцы на рѣзвы ноги,
Сами говорятъ таковы слова:
„Благослови насъ, ласковый Владимиръ князь,
Намъ съѣздить въ землю Поленецкую“.
И выходили молодцы на красно крыльцо,
175. Засвистали молодцы по соловьиному,
Заревѣли молодцы по звѣриному.
Какъ изъ далеча, далеча, изъ чиста поля
Два коня бѣгутъ, да два могучіе
Со всею сбруею богатырскою.
180. Брали молодцы коней за шелковъ повѣдъ
И вставали въ стременишки гольяшныя
И садились въ сѣдельшки черкасскія.
Только отъ князя и видѣли,
Какъ удалы молодцы садились,
185. Не видали куда уѣхали;
Первый скокъ нашли за три версты,
Другой скокъ нашли за двѣнадцать верстъ,
Третій скокъ не могли найти.
Подбѣгають они въ землю дальнюю,
190. Въ землю дальнюю, Поленецкую,
Ко тому царю Батуру ко Батвѣсову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрыхъ коней;
195. Ни къ чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у воротъ приворотниковъ,
Не спрашивали они у дверей придверниковъ,
Отворяли они двери на пята,

200. Заходили въ палату бѣлокаменну.
Богу молодцы не молятся,
Собака Батуру не кланяются,
Сами говорятъ таковы слова:
„Здравствуешь, собака, царь Батуръ!“
205. Привезли мы тебѣ дани пошрины
Отъ ласкова князя Владимира“.
И вынимать Василій Казимерской
Вынимать ярлыки скорописчаты
Изъ того карману шелковаго
210. И кладеть на дубовый столъ.
„Получай, собака, дани пошрины,
Отъ ласкова князя Владимира“.
Распечатываль собака Батуръ Батвѣсовъ,
Распечатываль ярлыки скорописчаты,
215. А самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси Василій, сынъ Казимерской,
Отсель тебѣ не уѣхати!“
Отвѣчать Василій, сынъ Казимерской:
„Я надѣюсь на Мати, Чудную, Пресвятую Богодицу,
220. Надѣюсь на родимаго на брателка,
На того-ли братца на названаго
На Добрыню-ли на Никитича“.
Говоритъ собака Батуръ таковы слова:
„Поиграемъ-те-ко, добры молодцы, костью, картами!“
225. Проговорить Василій, сынъ Казимерской:
„Таковой игры я у тѣ не зналъ здѣсь,
И таковыхъ людей изъ Кіева не бралъ я“.
И сталъ Батуръ играть костью, картами
Со младымъ Добрынею Никитичемъ.
230. Первый разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ Добрыня Никитичъ младъ.
И второй разъ собака не могъ обыграть,
Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
И въ третій разъ собака не могъ обыграть,
235. Обыгралъ его Добрыня Никитичъ младъ.
Тутъ собака за бѣду стало,
Говоритъ Батуръ собака таковы слова:
„Что отсель тебѣ, Василій, не уѣхати!“
Проговорить Василій, сынъ Казимерской:
240. „Я надѣюсь на мати Пресвятую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
На того на братца названаго,
На того Добрыню Никитича!“

- Говорить собака таковы слова:
245. „Ой ты гой еси, Василій, сынъ Казимерской,
Станемъ мы стрѣлять за три версты,
За три версты пятисотныя,
Въ тотъ сырой дубъ кряковистый,
Попадать въ колечко золоченое“.
250. И проговорить Василій, сынъ Казимерской:
„Я такой стрѣльбы у тебя не зналъ,
И таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева“.
Выходилъ собака на красно крыльцо
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
255. „Гой еси, вы, слуги мои вѣрныя!
Несите мнѣ-ка тугой лукъ
И несите калену стрѣлу“.
Его тугой лукъ несутъ девять татариновъ,
Калену стрѣлу несутъ шесть татариновъ.
260. Беретъ собака свой тугой лукъ,
И беретъ калену стрѣлу;
Натягаетъ собака свой тугой лукъ,
И кладетъ стрѣлу на тетивочку;
И стрѣляетъ онъ за три версты
265. За три версты пятисотныя.
Первый разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—не могъ попасть.
И подаетъ свой тугой лукъ Добрынюшкѣ,
270. Добрынюшкѣ Никитичу,
И подаетъ калену стрѣлу.
Сталь натягивать Добрыня тугой лукъ,
И заревѣлъ тугой лукъ, какъ лютые звѣри,
И переламывалъ Добрыня тугой лукъ надвое,
275. И бросилъ онъ тугой лукъ о сыру землю,
Направлялъ онъ калену стрѣлу впередъ жаломъ,
И бросалъ онъ стрѣлу за три версты,
За три версты пятисотныя,
И попадалъ въ сырой дубъ кряковистый
280. Въ то колечко золочено.
Разлетался сырой дубъ на драночки.
И тутъ собакъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося;
Говорить собака таковы слова:
285. „Ой ты гой еси, Василій, сынъ Казимерской,
Что отсель тебѣ не уѣхати!“
Проговорить Василій, сынъ Казимерской:

- „Я надѣюсь на Пречистую Богородицу,
Да надѣюсь на родимаго на брателка,
290. Да на того братца названова,
На того Добрыню Никитича!“
Проговорить собака царь Батурь:
„Да нельзя-ли съ вами молодцы побороться?“
Проговорить Василиѣ, сынъ Казимерской:
295. „Я такой борьбы, собака, не знаывалъ,
Таковыхъ людей не бралъ изъ Кіева.“
И тутъ собакѣ за бѣду стало;
Онъ кричалъ, зычалъ, собака, зычнымъ голосомъ,
Набѣжало татаръ и силы смѣтъ нѣтъ.
300. И выходилъ Добрыня на улицу на широку,
И сталъ онъ по улочкѣ похаживати.
Сохватились за Добрыню три татарина:
Онъ перваго татарина взялъ разорвалъ,
Другого татарина взялъ растопталъ,
305. А третьяго татарина взялъ за ноги;
Сталъ онъ по силѣ похаживать,
Зачалъ бѣлыми руками помахивать,
Зачалъ татаръ поколачивать;
Въ одну сторону идетъ—дѣлать улицу,
310. Въ бокъ вернуть—переулочекъ.
Стоялъ Василиѣ на красномъ крыльцѣ,
Не попало Василью палицы боевыя,
Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копья мурзамецкаго,
315. Попала ему ось бѣлодубова,
Ось бѣлодубова семи сажень.
Сохваталъ онъ ось бѣлодубовую,
Зачалъ онъ по силѣ похаживать
И зачалъ татаръ поколачивать.
320. Тутъ собака испужается,
По подлавкѣ навалается;
Выбѣгалъ собака на красно крыльцо,
Зычалъ, кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, удалы, добры молодцы!
325. Вы оставьте мнѣ хоть на приплодъ татаръ,
Вы оставьте мнѣ татаръ хоть на племена“.
Тутъ его голосу молодцы не слушаютъ.
Зычитъ, кричитъ собака зычнымъ голосомъ:
„Я отдамъ ласкову князю Владимиру,
330. Отдамъ ему дани и пошлины
За тѣ за годы за прошлые,

- За тѣ времена за двѣнадцать лѣтъ;
Отдамъ сорокъ телѣгъ красна золота,
Отдамъ сорокъ телѣгъ скатна жемчуга,
335. Отдамъ сорокъ телѣгъ чиста серебра,
Отдамъ сорокъ сороковъ ясныхъ соколовъ,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Отдамъ сорокъ сороковъ черныхъ выжылковъ,
Отдамъ сорокъ сивыхъ жеребцовъ.
340. Тутъ его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю;
Идутъ они ко высоко нову терему.
Выдаетъ имъ собака дани пошщины;
Насыпаетъ телѣжки златокованныя,
345. Отправляетъ въ стольной Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тутъ сажались добры молодцы на добрыхъ коней,
Ставали въ въ стременышки гольяшныя,
350. И сажались въ сѣдельщики черкасскія,
И поѣхали молодцы въ свою сторону,
Ко ласкову князю Владимиру.
Ѣдутъ ко высоко нову терему,
Становятся на улицу на широку;
355. Воходятъ во палату бѣлокаменну,
Крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь!“
— Добро жаловать удалы добры молодцы!—
360. Онъ садитъ ихъ на скамейки на дубовыя,
Наливаетъ чары зелена вина,
Не малыя чары—въ полтора ведра,
Подаетъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
Принимаютъ добры молодцы единой рукой,
365. Выпиваютъ добры молодцы единымъ духомъ.
На рѣзвы ноги стаютъ, низко кланяются:
„Ой ты гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Привезли мы тебѣ дани пошщины,
Отъ сабаки Батура Батвѣсова“.
370. Кланяется имъ ласковый Владимиръ князь,
Кланяется до сырой земли:
„Спасибо вамъ, удалы добры молодцы,
Послужили вы мнѣ вѣрой, правдою,
Вѣрой правдою неизмѣнною!“

* 38. Василій Игнатьевичъ и Батыга.

- Изъ-подъ той было было березки кудряватої,
Изъ-подъ чуднаго креста Евандіева,
И шли выбѣгали четыре тура,
Иглѣнные ¹⁾ туры златорогіе.
5. Шли оны бѣжали мимо Кіевъ славенъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую,
Мимо тыя башни науголнія,
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
10. По той по стѣны городовые
Ходитъ душа красна-дѣвица
И носитъ во бѣлыхъ рукахъ божью книгу,
Божію книгу Евангельску;
Она столько не читаетъ, а вдвое плачетъ.
15. Говоритъ-то турамъ родна матушка:
„Ай вы, глупые туры златорогіе,
А ничего вы, туры, да не знаете:
Не душа то красна дѣвица ходила по стѣны,
Это плакала стѣна мать городовая
20. По той ли по вѣрѣ христіанскія.
Это будетъ надъ Кіевъ градъ погибелье“.
Подымается Батыга, сынъ Сергѣевичъ,
И со сыномъ Батыгой Батыговичемъ,
И со зятемъ Тороканникомъ Каранниковымъ,
25. И со думнымъ дьякомъ, воромъ выдумщикомъ.
У Батыги есть то силы набрано,
Понабрано то силы сорокъ тысячей,
И у сына у Батыга у Батыговича
Набрано силы сорокъ тысячей,
30. И у зятя Тороканника Коранникова
Набрано силы сорокъ тысячей,
И у думнаго дьяка, вора выдумщика,
Набрано силы сорокъ тысячей.
Что-ль не вешняя вода обмельзла,
35. Обступала кругомъ сила поганая;
И соколу кругомъ не облетѣть
На меженный долгой день.
И пишетъ Батыга съ угрозой князю:

¹⁾ Такъ въ рукописи. Можетъ быть: игрѣніе—по Далю: игрѣній—конская масть: рыжія съ гривой и хвостомъ блѣсоватыми, свѣтлѣ стана.

- „Ай ты старый песъ, ты Владимиръ князь,
40. Подай ты мнѣ поединщика;
А нѣтъ—пожгу, попалю славенъ Кіевъ градъ“.
Закручинился князь, запечалился
Чтоль той печалью, тоской великою,
Что молодцовъ то во градъ не случилось,
45. Никакого богатыря не пригодилось:
Илья Муромецъ уѣхалъ на желтые пески,
А Самсонъ богатырь въ дальнихъ городахъ,
Алеша Поповичъ за синимъ моремъ гулялъ.
Просказали то князю голи кобацкіе:
50. „Солнышко нашъ, Владимиръ князь,
А есть у насъ Василій, сынъ Игнатьевичъ,
А можетъ со Батыгою онъ поправиться.
Только пропишь Васильюшко житье свое,
Житье свое бытъе, все богатство,
55. А теперь нечѣмъ Василью опохмелиться,
И лежитъ нынъ Василей въ кабакъ на печи“.
И солнышко нашъ Владимиръ князь
Пошелъ по кружаламъ государевымъ,
По тѣмъ по царевымъ по кабакамъ,
60. И по темнымъ домамъ,
И нашелъ онъ Василья въ кабакъ на печи.
И соходитъ Васильюшко съ печки долой,
И съ лица онъ зашелъ и поклонился князю:
„Ой ты, Солнышко, нашъ Владимиръ князь,
65. А не знаешь тоски моей великой.
У тебя есть кручина великая,
У меня горе-печаль еще больше твоей:
А трещить-то, болить буйная голова,
А дрожать у меня жилы подколѣбныя,
70. Не могу теперь я владать добрымъ конемъ,
Не могу теперь владать саблей вострою,
Не могу теперь ступать ножками рѣзвыми;
Избавь меня горя великаго,
А я тебя избавлю кручины великія;
75. Опохмельь меня чарою похмельною“.
А тутъ много князь не выспрашиваетъ,
А наливаютъ ему чару вина въ полтора ведра,
И вторую наливаютъ пива пьяного,
И третью рыну ²⁾ меду сладкаго,
80. И всѣ составили питья въ одно мѣсто,

²⁾ рыну—чару.

- И становилося питія полпята ровно ведра.
И принимается Василей единой рукой,
И выпиваетъ-то Василей на единый вздохъ.
И тутъ зачалъ-то Василей похаживати
85. И правой ручкой Васильюшко размахивати:
„И могу теперь Васильюшко владать добрымъ конемъ,
И могу теперь владать саблей вострою“.
Заскочилъ-то онъ на стѣну городовую
И стрѣляетъ Василей ко Батыгѣ во шатеръ.
90. Онъ убилъ три головки кои лучшенькія:
Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканника Коранникова
И убилъ думнаго дьяка, вора выдумщика.
И тутъ пишетъ Батыга князю съ угрозою:
95. „И ты старый песь, ты Владимиръ князь,
Ты пода-ко сюда да виноватого,
А ще кто у меня убилъ ровно три головы,
Которыя головки мои лучшенькія:
Моего сына Батыгу Батыговича,
100. А ще зятя Тороканника Коранникова,
А ще думнаго дьяка было выдумщика“.
И тотъ-ли Василей, сынъ Игнатъевичъ,
Пошелъ по конюшнямъ кленовымъ,
Выбералъ себѣ жеребчика неѣзжаного,
105. Онъ садился на жеребчика неѣзжаного,
И приѣзжаетъ Василей ко Батыгѣ на лицо,
И прощается Василей во первой большой вигѣ:
„Прости меня, Батыга, въ первой большой вигѣ:
Я убилъ три головки кои лучшенькія, —
110. Твоего сына Батыгу Батыговича,
У тебя зятя Тороканника Коранникова,
У тя думнаго дьяка, вора выдумщика.
Опохмель-ко меня чарою похмельною,
Пособлю я тебѣ взять славенъ Кіевъ-градъ“.
115. Какъ на эти рѣчи Батыга обнадѣялся;
Наливалъ онъ чару вина въ полтора ведра,
Другую наливалъ пива пьяного,
А третью наливалъ рыну меду сладкого,
А все составили питье въ одно мѣсто,
120. Становилосьъ питья полпята ровно ведра.
Принимается Василей единой рукой,
Выпиваетъ Василей на единой вздохъ,
И говоритъ тутъ Василей, сынъ Игнатъевичъ:
„Аи же ты, Батыга, сынъ Сергѣевичъ!

125. Дай-ко ты мнѣ силы сорокъ тысячей,
Я пойду подступлю подъ славенъ Кіевъ градъ“.
И на ты рѣчи Батыга обнадѣялся,
И давалъ ему силы сорокъ тысячей.
Уѣзжаетъ Василей во чистое поле,
130. Во тѣ-ли во степи во Саратовскія,
Всѣхъ прибилъ, пригубилъ сорокъ тысячей.
И размахалась у Василья ручка правая,
И разгорѣлось у Василья ретивое сердце,
И вѣхаль онъ въ силу во поганую,
135. Всѣхъ прибилъ, пригубилъ до единого,
Не оставилъ тутъ Батыгъ онъ на симена.
И уѣзжаетъ тутъ Батыга отъ Кіева
Со тою со клятвой со великою:
„А не дай Богъ бывать подъ Кіевомъ,
140. А ни дѣтямъ моимъ и ни внучатамъ,
И ни внучатамъ моимъ да и правнучатамъ!“

Записана прѣстѣянною-сказителемъ Касьяновымъ. Напечатана нами съ записи, хранящейся въ Архивѣ И. Русс. Географ. Общества.

*39. Василій-пьяница.

- Плавятся, переплавляются чрезъ сине море
Два тура однорогіе, златорогіе,
Златорогіе, одношерстные.
Встрѣчаетъ ихъ родная матушка
5. Родная матушка-турица,
Однорогая, златорогая, одношерстная:
„Вздравствуйте, дѣтушки родимья!
Гдѣ вы, туры, жили и гдѣ пожили?“
Были мы въ Ахтѣ городѣ и въ Араховѣ,
10. Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У той было у церкви у соборныя.
Выходила тамъ душа красна-дѣвица,
Выносила на рукахъ мала вьюныша,
Клала его на горючъ камень,
15. Сама жалѣла, горько плакала“.
— Глуные вы, туры, неразумные,
По лѣсу вы ходите, звѣрей не знаете,
По людямъ ходите, людей не знаете.
Не душа къ вамъ красна-дѣвица выходила,
20. Выходила къ вамъ Мать Пресвятая Богородица,
Выносила на рукахъ книгу Евангелъе,

- Клала его на престоль Христовъ,
Сама бы жалѣла, слезно плакала:
О вы, дѣтушки родимыя,
25. Пойдите за стольной Кіевъ градъ,
За домъ Пресвятыя Богородицы
За ту ли церковь соборную“.
Какъ на батюшка стольный Кіевъ градъ
Наступаетъ собака Подольской царь
30. Со своей силой невѣрною,
Со невѣрною силой, бусурманскою.
У него силы много множество:
Въ меженный день черну ворону не облетати,
Въ осеннюю ночь сѣрому волку не обрыскати.
35. Никого въ Кіевѣ въ ту пору не годилось,
Ни князей, ни бояръ, ни богатырей.
Володимиръ князь закручинился,
Повѣсилъ буйну голову въ кирпичать полъ,
Кручиной ему не откручиниться,
40. Печалью ему не отпечалиться.
Посылалъ онъ слугъ вѣрныхъ по Васиеньку,
По Васиеньку—голь кабацкую.
Слуги вѣрные не ослушались,
Не ослушались, тотчасъ пошли:
45. „Ступай-ко, Васиенька, тебя князь зоветъ“.
На то Васиенька не ослушался,
Приходитъ онъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ онъ таковы слова:
„Ты на что, князь, звалъ, на что требовалъ?“
50. Сослужи-ко, Васиенька, голь кабацкая,
Сослужи, Васиенька, службу великую:
Наступаетъ собака Подольскій царь,
Со своей силой со невѣрною,
Силы у него множество“.
55. Беретъ Васиенька узду тесьмяную,
Выходитъ Васиенька, голь кабацкая,
Выходитъ ко князю на конюшиньку,
Выбирать коня богатырскаго.
На котораго коня руку накинеть,
60. Конь накорачъ падеть;
И выбралъ онъ по себѣ добра коня,
Надѣвалъ узду тесьмяную,
Накладывалъ ковры сорочинскіе,
Сѣдлалъ сѣдельшкомъ черкацкіимъ,
65. Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,

- Не для красы, ради крѣпости.
Береть палицу боевую въ пятьдесятъ пудовъ,
Стаеть во стремянышко булатное,
Садился во сѣделышко черкацкое,
70. Выѣзжалъ онъ въ чисто поле,
Забѣгалъ онъ въ силу невѣрную.
Впередъ бѣжить—дѣлать улицу,
Повернется—дѣлать переулочекъ,
Выбиваетъ онъ силу бусурманскую.
75. Бусурманскій царь въ побѣгъ пошолъ,
Въ догонъ погнался за нимъ Васинька.
Провѣщился тутъ добрый конь
Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
«Не бѣгай ты, Васинька—голь кабацкая,
80. Не бѣгай ты въ землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
Не быть намъ обоимъ живымъ».
Обратился Васинька во Кіевъ-градъ,
Встрѣчаетъ Васиньку Владимиръ князь
85. Со великою честью, съ радостію,
Самъ говорить таковы слова:
«Чѣмъ я тебя, Васинька, буду жаловать?
Возьми ты города съ пригородками,
Возьми ты терема съ притеремками».
90. Отвѣчатъ Васинька—голь кабацкая:
„Не надо мнѣ города съ пригородками,
Не надо терема съ притеремками.
Отдай ты мнѣ три погреба:
Первой погребъ зелена вина,
95. Второй погребъ пива пьянова,
Третій погребъ сыты медвяныя“.
—Затѣмъ тебѣ, Васинька, слова нѣтъ!—

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульскаго округа Томской губерніи.

40. То-же.

- Изъ подъ бѣлыя березки кудреваستنкія,
Изъ подъ чуднаго креста да Леванидова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ молодыми турама, малыма дѣтушкама.
5. Лучилось идти турамъ да мимо славной Кіевъ-градъ;
И находить тутъ дѣвица,
Держитъ книгу то Евангелія,

- Не столько читаетъ, все она плачетъ:
Она видѣла подь Кіевымъ чуднымъ-чудно,
10. Она видѣла надь городомъ дивнымъ-дивно.
Туть наѣхаль, вѣдь, Богатушко-Богатовичъ
Со зятемъ Тараканьскимъ Корабликовымъ
И со дьяцкомъ да выдумщицькомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысяцей,
15. У зятя то силы сорокъ тысяцей,
У дьяцка-то, вѣдь, силы сорокъ тысяцей.
Туть князь то закручинился,
Владимиръ запечалился...
По голямъ голи шатаются,
20. По царевымъ кабакамъ да столыпаются,
А Василій въ кабаки лежитъ на пеци.
Говоритъ то Василій таково слово:
„Наливайте-ко Василью чару зелена вина,
Да другую пива пьянова,
25. Да третью сладкого меду“.
Становилося того питья полтора ведра.
Выпиваетъ-то Василій на единый духъ,
Говоритъ-то, вѣдь, Василій таково слово:
«Я могу теперь добрымъ конемъ владѣть,
30. Я могу теперь вострой саблей махать!»
Садился туть Василій на добра коня,
Видали туть добра молодца сядуци,
А не видѣли поѣдуци.
Поѣхаль туть Василій воротами,
35. Черезъ тую-то стѣну городовую.
Вѣдь убилъ то Василій Батьгушку-Батыговича,
Убилъ зятя Тараканьска Корабликова,
Да убилъ-то, вѣдь, дьяцка да выдумчицка.
Да и туть-то Василью славу поемъ!..

Сильно скомканная былина напечатана въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ 1856 № 13 изъ бумагъ А. П. Б.

* 41. Михаилъ Казарятинъ.

- Изъ того было Волынца крѣпка города
Изъ той Корелы изъ богатя
Выѣзжалъ удача-добрый молодець
Молодой Михайло, сынъ Казарятинъ,
5. Казары попа церкви соборныя.
Подъ нимъ добрый конь—какъ бы лютый звѣрь:
На конѣ то сбруя подь оправою,

- Подъ оправою однозолотною.
Самъ на немъ какъ соколъ сидить.
10. Вывозилъ онъ съ собой триста стрѣлъ,
И каждая стрѣла стоитъ по три тѣмы,
Что по три тѣмы, по три тысячи.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги,
Потому стрѣлки были дороги,
15. Кабы строганы стрѣлки изъ кипарисъ-древа;
Кипарисъ-дерево здѣсь не водится,
Здѣсь не водится оно, не плодится;
Оно плодится за Ефратъ рѣкой.
Да не тѣмъ стрѣлки были дороги:
20. Да перо было тагулиное;
Тагула птица здѣсь не водится ¹⁾,
Здѣсь не водится, здѣсь не плодится,
Она плодится на Ефратъ рѣкѣ.
Клеены тѣ стрѣлочки китомъ рыбой;
25. А китъ рыба здѣсь не водится,
Она плодится во Ефратъ рѣкѣ.
Да не тѣмъ тѣ стрѣлки были дороги:
Онъ днемъ стрѣлять, по ночамъ собирать;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горить,
30. Свѣча горить да воску ярова.
Бѣжитъ Михайло чистымъ полемъ,
Во чистомъ полѣ стоитъ часть раки товъ кустъ,
На кусту сидитъ пташка вѣшшая,
Пташка вѣшшая, знать перелетная,
35. Перелетна пташка—младъ черной воронѣ.
И беретъ Михайло свой тугой лукъ,
Изъ колчана беретъ калену стрѣлу,
Хочетъ онъ застрѣлить пташку вѣшшую.
Провѣщаетъ пташка руськимъ языкомъ:
40. «Ой ты гой-еси, удалый добрый молодець!
Не стрѣлай ты меня, пташку вѣшшую,
Пташку вѣшшую, знать перелетную.
Я скажу тебѣ вѣтку радостну:
Какъ у батюшка, да у синя моря,
45. У синя моря, да у сыра дуба,
Стоитъ бѣль шатеръ, да бѣль полотняный;
Во шатрѣ сидятъ три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Межь имя сидитъ дѣвка руськая,

¹⁾ Что за птица тагула—сказитель не могъ объяснить: говорилъ только, что *заморская*. С. Г.

50. Дѣвка руськая, полоняпенка». Туть Михайло черна вороѣна послушался.
Ѣдетъ онъ ко сѣню морю
Ко сѣню морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко бѣлу шатру.
55. Подѣзжаетъ онъ къ шатру да помалесеньку.
Да первый татаринъ проговорить:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Дѣвка руськая да полоняночка;
Увезу я тебя да во свою землю,
60. Отдамъ тебя замужь за мила сына». Второй татаринъ проговорить:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдамъ я тебя за племянника
65. И будешь ты мнѣ племяненка». Третій татаринъ проговорилъ:
«Ты не плачь, не плачь, дѣвка руськая,
Дѣвка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
70. Возму тебя за себя замужь, Будешь ты мнѣ да мила жена». Туть Михайлу за бѣду стало,
Сдергивать съ нихъ онъ бѣлъ шатерь,
И бѣлъ шатерь да полотняной.
75. Сохватались три татарина, Сохватались за Михайла Казарятина.
Онъ первого татарина взялъ розорваль,
Другого татарина взялъ рѣстопталь,
Третьяго татарина взялъ за ноги,
80. Бросилъ его въ батюшко въ сине море.
И собираль онъ бѣлъ шатерь полотняный
И завязываль въ тороки во шелковья,
И садился добрый молодець на добра коня,
Вставаль онъ въ стременышко вальяжное,
85. И садился въ сѣдельшко черкасское,
И садилъ за себя душу красну дѣвицу,
И везеть ее отъ сѣня моря,
Отъ сѣня моря, отъ сыра дуба.
Сколько ѣхаль удалой, добрый молодець,
90. Сколько ѣхаль по чисту полю,
Одержаль своего добра коня ступисчата ¹⁾,

¹⁾ *Ступисчатъ* конь — шагистый, который идетъ скорымъ, плавнымъ шагомъ, *стуткою*, легкою иноходью. С. Г.

- Слѣзалъ онъ, добрый молодецъ, со добра коня,
И сниматъ онъ красну дѣвицу,
И ставитъ свой бѣлъ шатеръ полотняный.
95. И сталъ онъ съ дѣвицей опочивъ держать;
По бѣлымъ грудямъ красну дѣвицу утрепыватъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
Сама говоритъ таковы слова:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ!
100. Скажи ты мнѣ напередъ свою отчину:
Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али ты роду крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
Тутъ де молодецъ не слушаетъ,
105. По бѣлымъ грудямъ дѣвицу утрепыватъ.
И плачетъ красна дѣвица, какъ рѣка течетъ,
И възрыдаючи слово молвила:
«Ой ты гой еси, удалый, добрый молодецъ,
Скажи ты напередъ свою отчину:
110. Царь-ли ты царевичъ, король-ли ты королевичъ,
Али роду ты крестьянскаго,
Али ты роду мѣщанскаго?»
И тутъ молодецъ ее не слушаетъ,
По бѣлымъ грудямъ ее утрепыватъ.
115. Тутъ дѣвица плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Ты скажи мнѣ напередъ свою отчину».
И проговоритъ удалой добрый молодецъ:
Я не царь да не царевичъ, не король я, не королевичъ,
120. И я роду не крестьянскаго,
И я роду не мѣщанскаго:
Я изъ того Волынца крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатя,
Молодой Михаило Казарятинъ,
125. Казары (сынъ?) попа церкви соборныя.
И проговоритъ красна дѣвица,
Сама плачетъ, какъ рѣка течетъ:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодецъ,
Я сама оттуль красна дѣвица,
130. Изъ того Волынца—крѣпка города,
Изъ той Корелы изъ богатя
Казары дочь попа церкви соборныя».
И тутъ-то добрый молодецъ возрадовался.
И скакалъ онъ скоро на рѣзвы ноги,
135. Беретъ ее за бѣлы руки,

- И цѣлуеъ ее во уста сахарныя:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая,
Молода Настасья дочь Казаришна!»
Собиралъ онъ бѣль шатеръ полотняный
140. И завязывалъ въ тороки во шелковыя,
И садился добрый молодецъ на добра коня,
И ставалъ въ стремянышко гольяшное,
И садился во сѣдельшко черкасское,
Садилъ онъ за себя родну сестру.
145. И везетъ онъ ее въ свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей родимой матушкѣ,
Къ тому Волянцу крѣнку городу,
Ко той Корелы богатя,
150. И къ Казары попу церкви соборныя.
Ѣдутъ они на улицу на широку
Ко тому ко терему высокому.
И увидѣла ихъ родимая матушка
Скрозь тое окошечко косящито,
155. Скрозь тое околенку стеклянью.
И бѣжитъ она скоро на красно крыльцо,
Сама плачетъ, какъ рѣка течеть:
«Ой вы гой еси, мои дѣти милыя!
Изъ которой вы сторонюшки приѣхали?»
160. Толь съ востоку, то-ли съ западу?»
Соскакивалъ удалой добрый молодецъ со добра коня,
Подхватывалъ онъ матушку подъ праву руку
И ведутъ они ее въ свѣтлую свѣтлицу.

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тулицына въ Барнауль.

*** 42. Иванъ Годеновичъ.**

- «Хочешь ли, Иванушка, жениться?»
Я бы радъ жениться, да мнѣ негдѣ взять:
Гдѣ я сватаюсь, такъ тутъ мнѣ не даютъ,
Гдѣ не сватаюсь, такъ двѣ даютъ,
5. И двѣ даютъ, да мнѣ не надобно.
А мнѣ-ка охота съѣздить въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею куцу, Митреевичу,
Мнѣ посвататься Настасьи Митреевишны.
И собиралась свадьба богатырская,
10. Собиралось на свадьбу тридцать богатырей:
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ легкой друженька,

- И ласковый Владимиръ князь былъ тысяцкимъ,
Алеша Поповичъ былъ подружемъ,
Добрыня Никитичъ былъ бояриномъ,
15. Василиій Казімерскій поѣзжаниномъ,
Молода княгиня была свашенька.
Сѣдлали своихъ добрыхъ коней,
Накладывали они потнички бумажныя,
И на потнички ковры сорочинскіе,
20. На коврички сѣделочки черкацкія;
Подтягали подпруги шелковыя,
Садилась молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали молодцы въ Черниговъ-градъ.
И подѣзжаютъ молодцы ко синю морю,
25. И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ;
И скачутъ кони черезъ быстрой Днѣпръ.
И не далеко отъ моря отѣхали,
Становились на луга на зелены;
Разставливали шатры полотняны,
30. И стали въ шатрахъ опочивъ держать.
Не спится Ивану, не дремлется;
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходилъ Иванъ изъ бѣла шатра
Говорилъ Иванъ таковы слова:
35. «Ой вы, гой еси мои князья-бояры,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
40. Со Васильемъ, сыномъ Казімерскимъ!
Съѣздите вы во Черниговъ-градъ,
Съѣздите на широкой дворъ,
Ко тому купцу ко Митрею Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну».
45. Тутъ молодцы не ослушались;
Поѣхали они скоро въ Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на улицу на широку,
И бѣгутъ они ко двору широкому.
50. Со добрыхъ коней молодцы соскакиваютъ,
Ни къ чему коней не привязываютъ,
Никому они коней не приказываютъ.
Воходили во свѣтлую во свѣтлицу,
Во тое палату бѣлокаменну;
55. И крестъ кладутъ по писаному,

- Поклонъ ведутъ по ученому;
И сами говорятъ таковы слова:
«Здравствуешь, Митрей гость-купецъ!»
— Добро жаловать, удалы добры молодцы,
60. Ты старой казакъ Илья Муромецъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ,
Со Алешенькой со Поповичемъ,
Со Добрынюшкой со Никитичемъ,
Со Васильемъ сыномъ Казимерскимъ.
65. За одинъ бы столъ со мной хлѣба кушати.—
«Мы пришли къ тебѣ не столы столить,
Не столы столить, не пиры пирить,
А со добрымъ словомъ, со сватаньемъ,
Молоду Настасью Митреевишну
70. За того Ивана за Годенова». —
Проговорить Митрей гость-купецъ:
— И ладно бы ладнешенько,
Да вечеръ было позднымъ позднешенько,
Прилеталъ Кошшеишню Безсмертный;
75. Запросваталась Настасья за Кошшеишна,
Обручалась перстнями однозолотными.—
И тутъ молодцамъ за бѣду стало,
Надѣвали шляпы черны, сами вонъ пошли.
Идутъ на улицу на широку,
80. Садилась молодцы на добрыхъ коней
И бѣгутъ во дальнѣ во чисто поле
И ко тѣмъ шатрамъ бѣлымъ полотнянымъ.
И встрѣчаетъ ихъ Иванушко на радостяхъ,
И спрашиваѣтъ: «высватали-ль вы
85. Мнѣ Настасью Митреевишну?»
— И наше несчастье великое:
И вечеръ было позднымъ поздно,
Прилеталъ Кошшеишню Безсмертный,
И запросваталась Настасья за Кошшеишна;
90. Обручилась перстнями однозолотными.—
Тутъ Ивану за бѣду стало:
«Стой-еси, мои удалы добры молодцы,
Возьмемте мы Настасью пѣчестно.
Увеземте мы Настасью во свою землю».
95. Туто молодцы не ослушались,
Поѣхали они во Черниговъ-градъ,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И ѣдутъ они на широкой дворъ,
И пили они туто, гуляли, забавлялися,

100. Забавлялись трои суточки.
И брали они Настасью за бѣлы руки,
И за тѣ перстни за злаченые,
И садили они за Ивана Годенова
И повезли во свою землю.
105. И ѣдутъ они ко синю морю,
И стегаютъ коней по тучнымъ бедрамъ,
И скачутъ кони черезъ быстрый Днѣпръ.
И тутъ Настасья испугалася,
Ее бѣлыя ручки отрывалися,
110. И падала она во быстрый Днѣпръ.
На лету старой казакъ Настасью подхватываль
И садилъ за Ивана Годенова.
Не подалеку отъ моря отѣхали,
Попалъ имъ звѣринный слѣдъ,
115. И прошолъ вебришшо-кабанишшо;
И отсылали туда десять богатырей.
Не подалеку они опять отѣхали,
Попалъ имъ опять звѣринный слѣдъ,
Прошла де лань златорогая;
120. Отсылали они опять десять богатырей.
Опять завѣчали ¹⁾ на участь на Иванову.
Опять не подалеку отѣхали,
Попалъ имъ опять звѣринный слѣдъ,
Прошла кобыла сѣропѣгая.
125. Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завѣчали на участь на Иванову;
Остался Иванушко съ Настасьюшкой.
Не подалеку онъ отѣхавши,
Подѣзжать Иванъ ко сыру дубу,
130. Слѣзатъ Иванъ со добра коня,
И сниматъ Настасью Митреевишну;
И разоставилъ Иванъ бѣлъ шатеръ
И сталь съ Настасьей опочивъ держать.
И не много поры время миновалося,
135. Опочиваль онъ съ Настасьей три часа,
И прилеталь Кошпеншшо Безсмертный,
И садился онъ на сырой дубъ крековистый,
И зычаль-кричаль зычнымъ голосомъ:
„Ахъ, не честь твоя, хвала молодецкая,
140. Иванъ, сынъ Годеновичъ!
Отъ жива ты мужа жену берешь.

¹⁾ Завѣчать—загадывать.

- Не пора тебѣ лежать въ бѣломъ шатрѣ,
Пора тебѣ выходить со мной перевѣдаться“.
Выскакивалъ Иванъ изъ бѣла шатра,
145. Въ одной тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Во однихъ тоненькихъ порточкахъ безъ чоботовъ.
Сохватались добры молодцы ручнымъ боемъ:
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая—роженная:
150. Сохваталъ Кошшеишна Безсмертнаго,
Онъ ударилъ его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Стой еси, Настасья Митреевишна,
155. Неси ты мнѣ ножище-чинжалище,
Распорю я у Кошсея груди черныя,
Посмотрю я сердце богатырское“.
И тутъ Настасья не ослушалась,
Идетъ она изъ бѣла шатра,
160. Несетъ ножишно-чинжалишно.
И проговорить Кошшеишно Безсмертныи:
„За него ты выйдешь, будешь слыть поляницею;
За меня ты выйдешь,—будешь слыть царицею,
И будутъ тебѣ поклоняться тридцать идолишшовъ“.
165. Тутъ Настасья за бѣду стало,
За великую досаду показалось;
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала съ Кошсея Безсмертна
И привязали Ивана ко сыру дубу,
170. И стали съ Кошшеемъ опочивъ держать, —
Опочивъ держать въ бѣломъ шатрѣ.
Не много поры-время миновалось,
Прилетѣли два голубя,
Прилетѣли два сизые
175. И садилися на сырой дубъ крековистыи.
Увидалъ ихъ Кошшей изъ бѣла шатра,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Настасья Митреевишна,
Прилетѣли два голубя,
180. Прилетѣли два сизые“.
И говоритъ Настасья Митреевишна:
„И не два голубя, не два сизые,
Это наша съ тобой смертонька“.
Выскакивалъ Кошшей изъ бѣла шатра,
185. Бралъ Кошшей свой тугой лукъ,

- Накладывалъ калену стрѣлу
И стрѣлялъ онъ въ двухъ голубей.
На лету Алешенька стрѣлу подхватывалъ
И подаетъ старому казаку Ильѣ Муромцу.
190. Поворачивалъ старый казакъ калену стрѣлу
Востреемъ на Кошшея Безсмертнаго
И бросилъ, ушибъ Кошшея до смерти,
И расшибъ ему груди черныя.
И улетѣли два голубя,
195. И выходила Настасья изъ бѣла шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
„Что ты, Иванушко Годеновичъ,
Не будешь-ли меня бить, бранить?“
„Я тебя, Настасья, не буду бить, бранить,
200. А только буду, Настасья, на умъ учить“.
Тутъ Настасья за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
И беретъ она саблю вострую
И беретъ она чуденъ крестъ.
205. „Вотъ тебѣ, Иванъ Годеновичъ, чуденъ крестъ
И вотъ тебѣ сабля вострая!“
И поднимать она саблю выше буйной главы
И хочетъ ему ссѣчь буйну голову.
По кудрямъ его сабля покатила,ся,
210. И обрѣзала всѣ ченбуры богатырскіе.
Иванушко всталъ тутъ на радостяхъ,
Собиралъ свой бѣлъ шатеръ полотнятый
И садился Иванъ на добра коня
И садилъ онъ Настасью Митреевишну;
215. Везетъ ко колодцу глубокому.
„Слѣзай, Настасья Митреевишна,
Слѣзай со добра копя;
Обмывай свое тѣло грѣшное“.
Взялъ онъ у ней уши обрѣзаль:
220. „Эти мнѣ уши не надобны,
Слушали рѣчи Кошшеишна.
Взялъ онъ у ней глаза выкопаль:
„Прилепились они гляючи на Кошшеишна“.
Ноги ей взялъ обсѣкъ:
225. „Оплетали онъ Кошшея Безсмертнаго“.
Руки обрѣзаль ей:
„Эти руки мнѣ не надобны,
Обнимали Кошшея Безсмертнаго.

Схоронилъ ее тѣло бѣлое,
230. Поѣхалъ въ свое отечество.

Записана С. И. Гуляевымъ со словъ крестьянина Леонтія Тупицына, въ Барнауль. Начало бычины сказитель не могъ припомнить.

43 То же.

- Во стольнѣмъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
У Владимира князія у Солнышка,
Заводился у Владимира почестень пиръ,
5. Какъ на многихъ князей да на бѣяровъ,
На сильнѣихъ могучѣихъ богатырей,
На всѣхъ поляницъ на удалыхъ,
На всѣхъ гостей да приходящихъ.
Какъ всѣ-то на пиру ¹⁾ да напивалисе,
10. И всѣ-то на пиру наѣдалисе,
И всѣ-то на пиру пьяны веселы сидятъ.
Какъ сидитъ тутъ Иванушко Гѣрдинычъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ Иванъ да видъ не кушаетъ,
Бѣлой лебедушки Иванъ да вѣдь не рушаетъ,
15. Бѣлымъ сахаромъ Иванъ да не закусываетъ.
Тутъ подходитъ къ нему Солнышко Владимиръ князь стольнѣ-
кѣвской,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же ты, Иванушко Гѣрдинычъ,
Ты почто не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаешь,
20. Бѣлой лебедушки, Иванушко, да ты не рушаешь,
Бѣлымъ сахаромъ, Иванъ, да не закусываешь“?
Какъ отвѣтъ держалъ Иванъ да сынъ Гординовичъ:
«Ай же солнышко Владимиръ стольнѣкѣвской,
Какъ у насъ-то видъ во городѣ во Кіевѣ
25. Всѣ мѣлодцы у насъ да испоженены,
Красныя дѣвушки замужъ повиданы,
И я-то Иванъ да не жѣнать хожу“.
Тутъ прогѣворилъ Владимиръ стольнѣкѣвской:
„Ай же ты, Иванъ Гординовичъ,
30. Ты знаешь-ли себѣ богосужену,
Ты знаешь-ли себѣ супротивную“?
Тутъ прогѣворить Иванушко Гординовичъ:
„Я знаю себѣ богосужену,

¹⁾ Слово пиру въ произношеніи слышится пѣру.

- Я знаю себѣ супротивную:
35. Какъ во томъ-ли то во городѣ Черниговѣ,
У того-ли Дмитрія, гостя торгового,
У его есь дочь Настасья Дмитревна;
Она станомъ статна и умомъ умна,
Личько у еѣ быдто бѣлый снѣгъ,
40. Щечки у нее какъ маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней павинная,
А рѣчь-поговоря лебединная“.
Тутъ прогбворилъ Владимиръ стольнекіевской:
„Ай же ты Иванушко Гординовичъ,
45. Ты бери-ко себѣ золотой казны,
Золотой казны бери, сколько надобно,
И бери-тко себѣ сила—армія“.
Тутъ прогбворилъ Иванушко Гбрдиничъ:
„Ай же солнышко, Владимиръ стольнекіевской,
50. Мнѣ не надо-то золотой казны,
И не надо мнѣ сила—армія,
А только дай-ко мнѣ Ефимка, слугу поробка“.
Какъ изъ-за того-ли изъ-за стола дубового
Вставааетъ Ефимъ на рѣзвы ноги,
55. Самъ онъ говоритъ таковб словб:
„Тебѣ спасибо, Иванушко Гбрдиничъ,
Што ты мной, Иванъ, да не побрезгиваль“!
Тутъ сажилесе да на добрыхъ коней,
Поѣхали ко городу Чернигову,
60. Ко тому-ли Дмитрію гостю торговому.
Говоритъ имъ Дмитрій гость торговый:
„Вы гбсти есь незваные,
И вы гбсти есь нежданые,
Вы зачѣмъ, гости, сюда пріѣхали“?
65. Говоритъ Иванушко Гбрдиничъ:
„Мы пріѣхали къ тебѣ на вашей дочери посвататсе“!
Какъ отвѣтъ держаль Дмитрій гость торговый:
„У меня прежде васъ дочь просватанная
За того-ли царя Кощея Трапетовича“.
70. Какъ тутъ-ли Иванушко Гбрдиничъ
Хватилъ гостя торгового за бѣду грудь
И бросилъ его о сыру землю,
И взяли силкой силою Настасью Дмитревну,
И поѣхали ко городу ко Киеву
75. Ко ласковому князю ко Владимиру.
Не доѣзжаючи до города до Киева,
Раскинули шатеръ бѣлъ полбтнянной;

- Говорить тутъ Иванушко Гординычъ:
„Ай же ты, Ефимко, слуга поробокъ,
80. Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву,
И скажи-тко ты князю Владимиру,
Што ѣдетъ Иванъ съ богосуженой,
И ѣдетъ Иванъ съ супротивной“.
- Тутъ наѣхалъ вслѣдъ Кощей да царь Трапетовичъ,
85. Самъ онъ говоритъ таковѣ словѣ:
„Ай же ты Иванушко Гординычъ,
Ты почто у мня увезъ да богосужену,
Ты почто у мня увезъ да супротивную?
У меня прежде тебя было сосватано“!
90. Тутъ схватилися оны за жолты кудры,
И тутъ-ли Иванушко Гординовичъ
Бросилъ Кощей царя Трапетовича о сырѣ землѣ.
Тутъ проговорилъ Кощей да царь Трапетовичъ:
„Ай же ты, Настасья Дмитревна,
95. За мной тебѣ жить,—царицей слыть,
А за Иванушкомъ быть, портомойницей слыть“!
- Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Ухватила Ивана за жолты кудры,
Да бросила она да о сырѣ землѣ.
100. Тутъ связали Ивану ручки бѣлыя,
И сковали Ивану ножки рѣзвыя,
Привязали его ко кусту да ко ракитову,
И зашли онѣ въ шатеръ бѣлополотняный,
И стали онѣ спать да опочивъ держать.
105. Говорить тутъ Настасья Дмитревна:
„Ай же ты, Кощей да даръ Трапетовичъ,
Ты предай Ивана смерти лѣтвей.
Какъ наѣдутъ кіевскіе богатыри,
И не уѣхать намъ во свою землѣ“.
110. Тутъ прилетѣла птичка изъ города изъ Кіева,
Запѣла она таковѣ словѣ:
„Добрѣ стоятъ Иванушку Гординычу
У того-ли у куста да у рактова,
Смотрѣть на забавушку великую“.
115. Какъ тутъ-ли Кощей да царь Трапетовичъ
Натягивалъ онъ да тѣгой лукъ,
И накладывалъ стрѣлу да онъ каленую,
И спущалъ онъ въ Иванушка Гординыча.
Какъ эта стрѣла да каленая
120. Отлетала да взаднять къ самбу во грудь
Ко царю-ли Кощею Трапетовичу.

- Какъ тутъ-ли Настасья Дмитревна
Береть себѣ въ руки саблю вострую
И сама говоритъ таковó слово:
125. „А я глупая дѣвушка перазумная,
А отъ бережка я да откачнулась,
А къ другому я да не прикачнулась.
Ай же ты, Иванушко Гординовичъ,
Прости-тко ты меня во той вины,
130. Што яхватила тебя за жолты кудри,
А ежели ты меня не простишь,
Дакъ отрублю я тебѣ буйну голову“.
Тутъ задрожали у ней да ручки бѣлыя
И выпала изъ рукъ сабля вострая
135. По тымъ-ли по путамъ да по желѣзнымъ.
Какъ тутъ сталь Иванъ да на своей волѣ,
И взялъ въ руки Иванъ да саблю вострую,
Самъ онъ говоритъ таковó слово:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
140. Я не буду тебя не бить, не бранить,
Но дамъ тебѣ угрозы великія:
Эты мнѣ ручки не надобно,
Штохватили меня за жолты кудры,
Бросили меня о сыру землю“.
145. Взялъ отсѣкъ ей руки бѣлыя.
„Эты мнѣ ножки не надобно,
Што зашли въ шатеръ бѣлополотняннóй
Съ этымъ-ли Кощеемъ Трапетовичемъ“.
И отрубилъ онъ ноги рѣзвыя.
150. „Эты мнѣ губки не надобно,
Што цѣловали Кощея Трапетовича“.
И отрубилъ ей губы бѣлыя.
„Этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
Зачѣмъ велѣлъ губить Ивана Гбрдиньча“.
155. И самъ онъ говоритъ таковó слово:
Ай же ты, Настасья Дмитревна,
„Теперь отъ меня тебѣ воля вольныя“.
И самъ поѣхалъ ко гóроду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
160. Тутъ встрѣчаетъ Владимиръ столнѣкíевской,
Думалъ, ѣдетъ Иванъ съ молодой женой,
Ажно ѣдетъ Иванъ да ѣдинѣшенѣкъ.
Тутъ проговорить Владимиръ столнѣкíевской:
„Ай же ты, Иванушка Гординовичъ,
165. Гдѣ-жь у тебя богосужена,

Гдѣ-жь у тебя супротивная?⁴
Тутъ проговоришь Иванушко Гординовичъ:
„Всякъ-то, братцы, жéнитсе,
А не всякому жанитьба удадается;

170. А намъ-то съ Олѣшей Поповичемъ жанитьба то не издалась⁴.

Записана Ѳ. М. Истоминымъ отъ сказителя И. А. Касьянова въ погостъ Косозеро, Петро-
заводскаго уѣзда, Олонекской губ.

***45. Чурило Пленковичъ.**

- Со вечера пороха, со полуночи бѣлой снѣгъ;
По этой по порохѣ, по бѣлу снѣжку,
Не зайко пробѣжалъ, не горностаико проскакалъ, —
Пробѣжалъ-то Чурилко сынъ Пленковичъ.
5. Онъ тропилъ тропинку къ Берметеву двору,
Къ задней избушечкѣ въ поваренную,
Въ поваренную, въ челядинную,
Ко этой Василисѣ Никулишнѣ,
Ко той ко честной королевишнѣ.
10. Онъ гость гостить во двѣнадцать лѣтъ;
Никто про то не знаетъ, не вѣдаетъ.
Пошла дѣвушка Чернавушка по широку двору,
Увидала Чурила сына Пленковича.
„Здравствуй, Чурила сынъ Пленковичъ!“
15. — Благодарствую, дѣвушка Чернавушка!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Я у васъ въ гостяхъ гощу, дары подарю,
Подарю золотой перстень въ пятьдесятъ рублей,
Еще я тебѣ подарю золотой крестъ,
20. Еще я тебѣ подарю свѣтлы денежки,
Не сказывай Берметѣ Васильевичу. —
Пошла дѣвушка Чернавушка;
Встрѣчу ей Берметя сынъ Васильевичъ.
„Здравствуй, дѣвушка Чернавушка!“
25. — Благодарствую Берметя сынъ Васильевичъ,
На многія на лѣтчики.
Не знаешь про то, не вѣдаешь:
У насъ гость гостить по двѣнадцать лѣтъ
Во задней избушкѣ во поваренной,
30. Во поваренной, во челядинной,
У той Василисы Никулишны,
У той честной королевишны. —
„Что, дѣвушка, врешь или правду говоришь?“

- Отпущу я тебя на свою волю“.
35. — А поди-ко ты въ задню избушечку,
Въ задню поваренную челядинную;
На лѣвочко сермяжка лежитъ,
Сермяжечка хитра-мудра:
Покрою она нѣмецкова,
40. Намету турецкова,
Шитья ярославскова.
Шапочка, рукавички на лавкѣ лежать:
Шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
45. Чулочки бумажные.
Подъ лавочкой сапожки лежать,
Сапожки—зелень-сафьянъ:
Подъ носокъ—яйцо прокатить,
Подъ каблукъ—воробей пролетить. —
50. Идетъ Берметя въ задню избушечку
Во поваренную, челядинную,
Кладетъ руку на скобу,
Отворяетъ дворъ на пятау,
Стаетъ среди пола,
55. Среди пола кирпичата.
„Здравствуй, Василиса Никулишна!“
— Благодарствую, Берметя, сынъ Васильевичъ. —
„Чья у те на лавкѣ сермяжка лежитъ, —
Сермяжка хитра-мудрая:
60. Покрою-то нѣмецкова,
Намету турецкова,
Шитья-то ярославскова?
Чья-то шапочка пуховенькая,
Рукавички шелковенькія,
65. Чулочки бумажные?
Подъ лавочкой сапожки лежать
Сапожки—зелень сафьянъ?“
— Это я у батюшка была,
Меня погода изняла;
70. Я сермяжку надѣла на себя;
Со младеномъ я была,
На младена я сапожки надѣла. —
Не глядитъ онъ на ея отговорочки,
Беретъ ее за бѣлыя ручки
75. За перстни злаченые,
Выводитъ на красное крыльцо,
Отсѣкаетъ ей буйну голову.

Увидѣлъ онъ Чурилу Пленковича:

„Пойди-ко, братецъ, возьми свое добро,

80. Ты былъ, Чурило, званый гость“.

Записана С. И. Гуляевымъ въ Чумышской волости, Барнаульского округа.

***46. То-же.**

На славномъ-то капуни Благовѣщенья

Выпадала пороша снѣгу бѣлаго;

Не бѣлой заюшко проскакиваетъ,

Не бѣлой горносталько слѣдъ прокладываетъ,

5. По этой пороши ходилъ тутъ, гулялъ

Да поповъ молодець,

По имени Чурило сынъ Пленковичъ.

Пріѣзжае Чурило къ Обемялому двору,

Не случилось Обемяла во дому,

10. И выходити Катерина дочь Микулична:

„Гости-ко къ намъ пожалуй на широкій дворъ,

Тутъ ко мнѣ родимой братъ ¹⁾“.

Соходить Чурило со добра коня,

Привязывать коня къ столбу точеному.

15. Къ тому-ли да колечьку золоченому.

Говорила тута дѣвушка Черनावушка:

„Не порядки, Катеринушка, задумываешь,

Накучу и намучу Обемялу твоему“.

Говорила тута дѣвочка служаночка:

20. „Ай же Обемялъ да сынъ Васильевичъ,

Ты стоишь да стоишь да Богу молиссе,

А у тебя есть въ гостяхъ да посылной гость“.

Говорить тутъ Обемялъ сынъ Васильевичъ:

„Ай же, ты, дѣвочка служаночка,

25. Если правду говоришь, тебя жаловать буду,

Если неправду говоришь, тебѣ головушку срублю“.

— Ай же, Обемялъ сынъ Васильевичъ,

Если мнѣ не вѣришь, дакъ изволь самъ посмотри.—

Приходитъ Обемялъ ко широкому двору,

30. Видить у столба будто Чуриловъ конь;

Стучѣлъ онъ, гремѣлъ во серебрянно кольцо,

Спитъ Катеринушка съ Чуриломъ, не пробудитце;

И въ другой-отъ разъ стучалъ, Катерина не пробудитце;

¹⁾ Пѣвецъ самъ замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ выходитъ пеловко.

- Въ третій разъ стучаль,—терема всѣ пошаталисе,
35. Катеринушка съ Чуриломъ перепаласе ¹⁾,
Вышла въ тоненькой рубашкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.
Говорить тутъ Обемяль таково слово:
„Что ты, Катерине, несурядная живешь“?
40. — Ай же, Обемяль сынъ Васильевичъ,
Нельзя мнѣ Катеринушкѣ сурядной теперъ быть:
Какъ болить-ли, болить буйная голова,
Щемить-ли, щемить ретиво сердце.—
„У тебя, Катерина, есть постылой гость“.
45. Ай же, Обемяль сынъ Васильевичъ,
У меня въ гостяхъ есть родимой братъ.
Да беретъ тутъ Обемяль да саблю вострую,
Да отрубилъ онъ Чурилову головушку.
„Упаль да доброй молодець,—
50. Пади-тко, пади да лебедь бѣлая“!
Не вострая да сабелька просвиснула,
Не черная-то кровка пробрызнула,
Отлетѣла Катюшина головушка.
Беретъ замужъ дѣвушку Черनावушку.

Записана Г. И Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года въ деревнѣ Трихнова горна, на Кенозерѣ,
отъ крестьянина Якова Семенова Еремѣева.

*47. То-же.

- Бдетъ-то Цюрилушко Щипленковиць:
Пбдѣ пятау, пятау воробей пролетить,
Около носа—яйцько кати;
Дѣвки глядятъ,—золоты пялы ломають,
5. Стары бабы глядятъ,—ящицья ломають.
Кто-то за ворбтамы колотитсе?
Колотитсе Цюрилушко Щипленковиць.
Выбѣгала Катерина Микулицьна,
Въ одной тоненькой сороцецьцѣ, безъ пояса,
10. Ай стрѣцяла тутъ Цюрилушку Щипленковиця:
„Што-же, ты, Цюрилушко, вецерь не бываль?
Още сладкин напитокцьки непитыи стоять,
Круписцяты колацики неѣденны“.
Ай коня-то брала, она въ конюшенку вела,
15. Она санки брала, да на дворъ ставилá,

¹⁾ Перепугалась.

- Она шапоцьку брала его, на гвоздицѣкъ клала,
Цюрилушку взяла, да въ нову горенку свела.
Ай прислуга была дѣвка Тиляицьна:
Прогѣворить дѣвушка Тиляицьна:
20. „Я скажу теперъ Ярмы сударь Васильевицю“!
Прогѣворить Цюрилушко Щипленковиць:
— Не скажи-тко ты, дѣвушка Тиляицьна;
Още я тебѣ, дѣвка, сарафанъ куплю!—
Говорить Катерина Микулицьна:
25. „А я сарафанъ-то сама сдержу“.
Ай прогѣворить Цюрилушко Щипленковиць:
— Не ходи-тко, ты, дѣвушка Тиляицьна,—
Още я тебѣ, дѣвка, башмацьки куплю!—
Говорить Катерина Микулицьна:
30. „Още я башмацьки-то сама стоццю“.
Побѣжала тутъ дѣвка Теляицьна;
Приходить во церькву во божью,
Она крестъ-отъ кладеть по писаному,
Ай поклонъ она ведеть по уценому
35. На двѣ, на три, на цетыре на сторонушки,
Да Ярмы-то Васильеву въ особину:
„Ай же ты, Ярма, сударь, Васильевиць!
Богу молисье, да проклаждаеьсе,
Ай въ своемъ доми невзгодушки не вѣдаешь:
40. У тебя въ дому да нелюбимой гость,
Нелюбимой гость—Цюрилушко Щипленковиць“.
— Ай же ты, дѣвка Тиляицьна,
Буде правду говоришь, дакъ я замужъ возьму,
А неправду говоришь, дакъ голову срублю!—
45. Приходили оны да ко своимъ дворамъ.
Кто-то за воротамы колотитсе?
Ай колотитсе Ярма сударь Васильевиць.
Выходила Катерина Микулицьна
Во одной тонкой сороцецькѣ, бѣзъ пояса,
50. У ней женскіи волосы не убраны;
Пускала Ярму она Васильевиця;
Ай заходитъ Ярма на широкой дворъ,
Заходитъ во конюшенку во конную:
„Ай же, Катерина Мукулицьна,
55. Што же во конюшенкѣ Цюрилинъ конь стоить“?
— Вздиль мой братецъ во цистѣ поле гулять,—
Съ Цюрилушкой конямы смѣнялися.—
„Што это санки Цюрилины стоить“?
Говорить Катерина Микулицьна:

60. — Ъздиль мой братецъ во цистó поле гулять,—
Да съ Цюрилушкой санками смѣнялися.—
Онъ заходитъ во полату бѣлокаменну,—
Тутъ шапка Цюрилина на гвоздикѣ висить.
„Што это шапка Цюрилина висить“?
65. — Ъздиль мой братецъ въ цистó поле гулять,
Да съ Цюрилушкой шапкамы смѣнялися.—
Въ нову горницьку зашелъ, ды Цюрилу увидаль.
Онъ схватилъ съ гвоздя да саблю вострую,
Отрубилъ Цюрилы буйну гóлову.
70. Спрогворить Катерина Микулицьна:
„Гдѣ палá головушка Цюрилушкина,
Още й тутъ падé головка Катеринина“.
Онъ схватилъ съ гвоздя саблю вострую,
Отрубилъ Катерины буйну гóлову.
75. — Ай же, ты, дѣвушка Тиляницьна.
Сдѣлала двѣ головки безпробинныхъ.—

Записана Ѳ. М. Истоминымъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянки Параскевы Гавриловой Юховой изъ деревни Олтевшиной, Петрозаводскаго у. Олонецкой губ.

48. То-же.

- Чурилушко Пленковичъ, добрый молодець,
Вставай по-утрушко ранешенько,
Снаряжайся, Чурило, хорошоохонько,
Обувай сапожки на ножки—зелень-сафьянь,
5. Зеленаго сафьяну турецкаго,
Баскаго покрою нѣмецкаго,
Щегольскаго шитья новгородскаго—
Подъ пята-пята воробей пролетаетъ.
Наливаетъ онъ тазъ ключевой воды,
10. Умываетъ Чурило лицо бѣлое,
Утираетъ Чурило въ тонко полотно,
Надѣваетъ Чурило цвѣтно платьице,
На головушку шапочку въ пятьсотъ рублей,
Чтобы спереду не видно лица бѣлаго,
15. Сзади бы не видно кудерь желтыхъ.
Ходить Чурилушко Пленковичъ
Во стойло во кониное,
Онъ беретъ себѣ коня да мелатарманка (?),
Сѣдлаетъ сѣделышко черкасское,
20. Онъ подтягиваетъ двѣнадцать крѣпкихъ подпруговъ;
Подпруги были шелковыя,

- Шелку были шемахинскаго,
Не ради красы, а ради крѣпости.
Только видѣли Чурилушку,
25. Сидючи на добра коня,—
Не видѣли Чурилушку поѣдуци,
Видѣли во чистомъ полѣ куревку.
Увидѣла Катерина Микулична,
Поскорешенько въ окошечко бросалася:
30. „Слава Богу да славу Господу,
Что приѣхаль Чурилушко Пленковичъ“.
Она скоро тутъ шла по новымъ сѣнямъ,
Отпирала тутъ двери дубовыя,
Встрѣчала Чурилушку Пленковича,
35. Брала его за бѣлы руки,
Чѣловала его да въ сахарны уста;
Она провела во свѣтлую свѣтлицу,
Садила на стульица кленовыя,
За эти за столы за дубовыя;
40. Нанесла фѣтва сахарни,
Налила питья медьяныя,
Подходящи ко столу да покланялася:
„Что кушай-ко, гостыюшко родимой“.
Садилася она вмѣстѣ кушати съ нимъ.
45. Схватила Катерина Микулична
За этого коня да вѣдь за добраго,
Она скоро тутъ шла широкимъ дворомъ,
Отворяла воротечка широкія;
Она брала Чуриловина конюшка,
50. Она вела на стойло на кониное,
Она сыпала пшонушки сытнѣи.
Приходила тутъ во свѣтлую свѣтлицу,
Она брала дощечку да шашечку:
„Станемъ-ко, Чурилушка, во шашки играть“?
55. Они часъ тотъ играли.
Тутъ и спроговоритъ Чурилушка:
„Ай же ты, Катерина Микулична,
Лучше сядемъ на кроваточку забавимся“.—
Изъ заднихъ воротъ да изъ челядинныхъ
60. Тутъ увидѣла дѣвчоночка черная,
Она черна злодѣйка челяденная,
И спроговоритъ Катеринѣ Микуличнѣ:
„Это што у ты, Катерина, за гость гостить,
(Гость гостить) будто братъ родной?“
65. Донесу Бермасу сыну Васильевичу“.

- Испроговорить Чурилушка Пленковичъ:
„Ай же ты, дѣвченочка черная,
Не доноси на Катерину Микуличну,
Вотъ тебѣ полтина на бѣлилушка,
70. И другую тебѣ дамъ да на румянушка,
Вотъ же третья полтина на костычь-сарафанъ.
Ай же ты, дѣвченочка черная,
Вотъ тѣ шапочка въ пятьсотъ рублей,
Пушиста, ушиста, зависиста,
75. Чтобы спереди невидно лица чернаго,
Чтобы сзади не видно пучка вшиваго“.—
Тутъ испроговорить Катерина Микулична:
„Лучше эти полтинушки мнѣ отдай,
А эту шапочку самъ сноси“.—
80. Поворотъ держить дѣвчинушка черная,
Она скоро-то шла по чисту полю,
Поскорѣе того да во Божью черкву;
Не крестя она идетъ да лица чернаго.
Увидалъ да Бермасъ сынъ Васильевичъ
85. Онъ вѣрную свою да служаночку,
Подходя-жъ онъ къ ней поближененько,
И разговариваетъ ричь да умильнешенько:
„Ай же моя вѣрная служаночка,
Со какимъ идешь со радостнымъ извѣстьицемъ“?
90. И спроговорить дѣвчоночка черная:
— Какъ у твоей Катерины Микуличны
Да гость гоститъ будто братъ родной.—
Тутъ ужъ онъ запирае книги да Божьи,
Замыкаетъ церкви онъ священныя,
95. Садится тутъ онъ да на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ да къ своему дому.
Увидала тутъ Катерина Микулична,
Что приѣхалъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ:
Куды класть Чурилушку Пленковича?
100. И спроговорить Чурилушко Пленковичъ:
„Ай же, Катерина Микулична,
У васъ есть-то въ домѣ да кованы ларцы,
Вы замкните меня во кованный ларець“.
Какъ пошла она по новымъ сѣнямъ,
105. Тутъ встрѣчала она да своего мужа.
„Что же ты, Катерина Микулична,
Въ одной рубашечкѣ безъ костычка ¹⁾),

¹⁾ Сарфана.

- Въ однихъ чулочикахъ, безъ башмаковъ“?
Отвѣчать тутъ Катерина Микулична:
110. — Послѣ васъ-то вѣдь я да понеразмоглась.—
Поворотъ тутъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
Ко той дѣвченочкѣ черной;
„Стала говорить, такъ договаривай,
Стала доказывать, доказывай“.
115. — Ай же ты, любимой нашъ хозяйнушко,
Сходите вы на стойку на кониную,
Тамъ увидите конюшка Чурилина.—
Сходилъ-то Бермасъ да сынъ Васильевичъ
На стойло на кониное,
120. Увидалъ тамъ конюшка Чурилина.
Тутъ приходитъ онъ ко своей Катеринѣ Микуличнѣ:
„Что же есть Чурилино конишечко“?
Отвѣтъ держитъ Катерина Микулична:
— Во чистомъ полѣ оны да разъѣзжаются
125. Со моимъ оны братцемъ родимымъ,
Оны другъ другу встрѣчу стрѣчались,
Оны златыми крестами побратались,
И добрыма конями помѣнялися.—
И поворотъ держитъ Бермасъ да сынъ Васильевичъ
130. Онъ ко своей ко вѣрной служаночкѣ:
„Что знаешь, такъ теперъ-же ты доказывай“.
И спроговоритъ вѣрная служаночка:
— Ай же ты, любимый нашъ хозяинъ,
Извини, прости ты насъ да во всей глупости:
135. У васъ есть-то въ домѣ кованы ларцы.
Ты возьми-ко ларець да во бѣлы руки,
Подними-ко ларець да выше головы,
Ты пусти-ко ларець да на дубовый полъ—
На три части ларець да поразлетится,
140. Оттуль выскочитъ Чурилушко Пленковичъ.—
Поскорешенько онъ тутъ поворачается
Во свои во свѣтлыя свѣтлицы;
Тутъ бралъ онъ свои да кованы ларцы,
Онъ кидаетъ ларець да о дубовый полъ,—
145. Оттуль повискочилъ Чурилушка Пленковичъ.
Молодецкое сердечко разгорѣлося...
Онъ беретъ да свою саблю острую,
Срубилъ тутъ у Чурилы буйну голову.
Онъ сдымаетъ саблю да выше головы,
150. Срубить хочеть у Катерины буйну голову.
Съ горючьми слезми она да помолилася,

Своему да мужу покорилася,
Чтобы не срубиль-бы онъ да буйной головы.
Молодецкое сердечко уходилося.

Записана Е. В. Барсовымъ въ Обонежи; напечатана П. В. Шейномъ въ Чтеніяхъ въ
И. О въ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1877 г., кн. 3.

49. Дюкъ Степановичъ.

- Нѣту на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
5. На ярость Олешеньки Поповича,
На имѣнье Садка — купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова.
Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ,
Крытъ былъ мѣдью зеленою,
10. Зеленою мѣдью козарскою,
Котора дороже красна золота.
Кругъ Дюкова широка двора
Оградушка ведена была булатная;
По той по оградѣ булатныя
15. Сажены были вѣнчики красна золота;
Во той во оградѣ булатныя
Надѣланы были бойни-кузницы,
Теплы конюшни стоялыя;
Въ нихъ стоятъ жеребцы неѣзжалые,
20. Пьютъ-то, ѣдятъ траву шелковую,
Запиваютъ водой свѣжей, ключевою;
Во той-то оградѣ булатныя,
Было триста столбовъ серебряныхъ,
Четыреста было золоченыхъ,
25. Мѣдныхъ и желѣзныхъ числа-смѣты нѣтъ.
Хорошо-то было у Дюка устроено:
Крылечко у Дюка хрустальное,
Тетивка(?) у Дюка позолочена,
Дворцы у Дюка хрустальные,
30. Колечко у Дюка красна золота,
Подворотенка у Дюка рыбіи зубъ,
Мостики у Дюка всѣ казѣнные(?),
Печки у Дюка муравлены,
А топятъ дровами калеными ¹⁾,

¹⁾ Кленовыми?

35. Помёлышкомъ пашутъ самошелковымъ,
Пекутъ-то колачики крупичаты,
Въ сыту воду купаютъ медвяную.
Колачикъ съѣшь, другого хочется,
А третьяго колачика душа бѣжитъ(?).
40. Не бѣлинька березка къ землѣ клонится,
Ужъ какъ Дюкъ-отъ передъ матушкой челомъ бьетъ:
„Благослови меня, матушка родимая,
Мнѣ-ка съѣздити во городъ-отъ во Кіевъ-отъ,
Посмотрѣть мнѣ на князя со княгиню,
45. Посмотрѣть мнѣ всѣхъ русскихъ богатырей“.
Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты напьешься, Дюкъ, зелена вина,
Во хмелю мое чадо неустройное,
На рѣчахъ мое чадышко зашибисто,
50. Похвасташь, Дюкъ, широкимъ дворомъ,
Похвасташь, Дюкъ, золотой казной“.
Говоритъ-то Дюкъ, сынъ Степановичъ,
Говоритъ во второй законъ:
„Благослови-тко се, матушка родимая,—
55. Съѣздити ко городу ко Кіеву“.
Говоритъ ему матушка родимая:
„Ты похвасташь широкимъ дворомъ,
Ты похвасташь золотой казной,
Ты похвасташь родной матушкой.“—
60. Говоритъ-то Дюкъ во третей законъ:
„Благослови-тко, матушка родимая,
Съѣздити ко городу ко Кіеву,
Посмотрѣть князя со княгиню,
Русскихъ могучихъ богатырей“.—
65. —Тебя Богъ благословить, дитятко,
Вхатъ ко городу ко Кіеву.—
Сбирается Дюкъ сынъ Степановичъ;
Ведетъ-то лошадочку малешеньку;
Малешенька лошадочка, удалешенька.
70. Поѣхалъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву
На той на лошадоchkѣ малешенькой,
На малешенькой лошадоchkѣ, удалешенькой;
Она горы и доли промежъ ногъ беретъ,
75. Быстры рѣчки перескакиваетъ.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Вдетъ Дюкъ къ Божьей церквѣ,
Сходитъ со добра коня,

- Привязываетъ ко злату кольцу.
80. Пошелъ-то Дюкъ сынъ Степановичъ
Во ту церковъ воскресенскую.
Служать тамъ, читають
Службу воскресенскую.
Зашель-то Дюкъ сынъ Степановичъ
85. Во ту церковъ во Божію.
Крестъ-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то ведеть по ученому.
Кланяется чуднымъ образамъ,
Еще кланяется на всѣ четыре стороны,
90. Ставился во мѣсто во удаленое;
Никто Дюка не можетъ признати.
Служать, поють попы церковные.
Отслужили обѣдню воскресенскую,
Пошли-то отъ обѣдни воскресенскія;
95. Пошелъ Владимиръ стольно-кіевскій
Со своими русскими богатырями.
Пошелъ осударь Илья Муромецъ,
Идетъ осударь Илья Муромецъ,
Призналъ онъ Дюка Степановича,
100. Что быть-то Дюку Степановичу.
Зоветь Дюка на почестенъ пиръ,
Зоветь Дюка Степановича.
Пошли-то изъ Божьей церкви,
Садилсь они на добрыхъ коней,
105. Поѣхали они по городу,
Поѣхали они по городу по Кіеву.
У нихъ кони скакомъ скачуть,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: „У меня такія лошабочки водовозня“.
110. А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
„Ты не хвастай, Дюкъ Степановичъ“.
Пріѣхали ко Владимиру на широкій дворъ,
Заходили ко Владимиру во палаты бѣлокаменны,—
Во гридню княжескую.
115. Повелся у Владимира почестенъ пиръ;
Садилсь-то Дюка во больше мѣсто,
Во больше мѣсто,—во большой уголъ,
Обносятъ по чарѣ зелена вина;
Хмелина во Дюкъ появилась.
120. Сидитъ-то Дюкъ прирасхвастался;
Вотъ-то колачки крупичаты,—
Обѣдаетъ корочки верхнія,

- Нижнія корочки подь столъ спущаетъ:
„У васъ пахнутъ колачики на сосенку;
125. У нашей у матушки
Колачикъ съѣшь, другого хочется,
О третьемъ колачикѣ душа бѣжитъ“.
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
„Есть-то у меня добрыхъ коней,—
130. Добрыхъ коней наступчивыхъ,
Есть-то у меня золотой казны“.
Говорять-то бояра Владимиру:
„Что наѣхалъ мужикъ—засельщина“.
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
135. „Еще нѣтъ у васъ имѣнья столько въ Кіевѣ:
Я ношу каждый день платье перемѣнное“.
Говорять бояра Владимиру:
„Посадить надо его въ крѣпость высокую!“
Говорить-то Дюкъ сынъ Степановичъ:
140. „Поѣзжайте ко матушкѣ родимыя,
Берите бумаги со чернилами,
Опишите мой широкій дворъ;
Наклоняетесь вы служаночкамъ“.
Тутъ поѣхалъ Михайлушко Петровичъ
145. Со Олешей съ Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается,
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
150. Идутъ-то Дюковы служаночки:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
„Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы служаночки“.
155. Идутъ Дюковы портомойницы:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
Мы не Дюкова матушка, —
Мы Дюковы портомойницы“.
Идетъ-то Дюкова матушка:
160. „Здравствуйте, русскіе богатыри!
Гдѣ мое чадышко Дюкъ Степановичъ?“
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
„Остался во городѣ во Кіевѣ.
165. Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,

- Хвастаетъ Дюкъ добрыми конями“.
Говорить-то имъ матушка родимая:
„Опишите вы широкій дворъ“.
170. Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говорить-то матушка родимая:
„Ужь ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!“
175. Свези осударю Ильѣ Муромцу
Сапожки обродочки.
Подъ пяты пяты, хотъ яйцо кати,
Подъ носки носки, воробей полети:
То Дюковы обродочки“.
180. Поѣхали Михайлушко
Съ Олешенькой ко Кіеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владимиру;
Отвѣчаютъ они Владимиру:
„Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,
185. Не могли описать широка двора;
Не пустымъ дѣтина похваляется“.
Отдаютъ сапожки осударю Ильѣ Муромцу.
Туть Дюкъ съ осударемъ поназванились,
Поназванились, покрестовались.

Записана свящ. Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ.
Напечатана въ V книгѣ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О-ва Любителей Естествознанія“ въ
„Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, ч. II-я, Народная сло-
весность.

* 50. То-же.

- Во славномъ во городѣ во Галичи,
У славнаго у Дюка у Степаныча,
Поѣзжаетъ Дюкушко во Кіевъ градъ.
Садился Дюкушко на добра коня
5. На бурушка косматаго.
Говорила ему матушка
Вдова чесна Мамельфа Тимофеевна:
„Ай же, ты, Дюкушко Степановичъ,
Молодой ты Дюкушко, да молодешенекъ,
10. Поѣдешь, Дюкушко, во Кіевъ градъ,
Есть на пути — дорожки широкіи,
Три заставушки великіи:
Первая заставушка черныхъ грачевъ, —
По-русски сказать да черныхъ вороновъ,

15. Вторая заставушка сѣрыхъ волковъ,
Третья заставушка и минутъ нельзя“.
Видали молодьца саждаючи,
Не видали поѣзжаючи,
Пріѣзжае Дюкушко ко первой ко заставушкѣ, къ черныхъ грачевъ;
20. Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Бурушко поскакивае,
Отъ черныхъ грачевъ бурушко унашивае.
Ко другой заставушкѣ сѣрыхъ волковъ;
Бьетъ онъ бурушко косматаго по крутымъ бедрамъ,
25. Бьетъ да онъ наказываетъ;
Бурушко поскакивае,
Отъ сѣрыхъ волковъ бурушко унашивае.
Пріѣзжае Дюкушко къ той заставушки великіи
И которые минутъ нельзя,
30. Къ тому-ли шатру бѣлополотнянну;
Рычитъ Дюкушко зычнымъ голосомъ:
„Въ семь шатри есть-ли живъ человѣкъ?“
Отвѣчае старый козакъ Илья Муромецъ:
„Есть въ шатри въ семь живъ человѣкъ.
35. Ай, да, Дюкушко Степановичъ,
Молодымъ ты, Дюкъ, да молодешенекъ!“
Такъ этотъ Дюкушко испуганъ былъ,
Говорилъ тутъ Дюкушко слово ласково:
„Одно солнышко на семь свѣти,
40. Одинъ богатырь на святой Руси“.
Беретъ Илья Дюкушка за бѣлы руки
И кидаетъ Дюкушка подъ обѣлоко,
Подфатитъ Дюка на бѣлы руки
И говорилъ Дюкушку таково слово:
45. „Ай же Дюкушко Степановичъ!
Не дамъ теби смерти напрасны
За твои рици умильны.
И поѣзжай, Дюкушко, во Кіевъ градъ,
Смотри, Дюкушко, горазно не похваствай!“
50. Пріѣзжае Дюкушко во Кіевъ градъ
Къ тому ли ко князю ко Владимиру.
Говоритъ тутъ князь да слово ласково:
„Ай, же ты, молодець удалые,
Сильный ты могучій богатырь,
55. Поляница ты удалая!
Какимъ ты путемъ проѣзживалъ,
Сухимъ али мокрымъ?“
— Ъхалъ путемъ-дорожкой широкою.—

- „Тамъ у меня стоитъ старой козакъ Илья Муромецъ,
60. Обережатель граду Кіеву,
Никто его мимо не проѣзживаль
И никто и не прохаживаль“.
Заводили они пиръ великіе,
Сидитъ Дюкушко да угощаетце,
65. Сидитъ да выговариваетъ:
„У моей то у матушки у родные,
У вдовы честной Мамельфы Тимофеевны,
Калачикъ то съѣси, дакъ по другомъ душа горитъ;
Квасу то у насъ погреба стоятъ широкіе,
70. Трубы шатались мѣдные, квасы не затыхалисе.
У моей то у матушки помелька-ты шековыи,
У васъ во городъ во Кіеви
Помелька ты сосновыи“.
Они спорилисе со Дюкомъ со Степановичемъ,
75. Да и со княземъ со Владимиромъ,
Да и со Чуриломъ сыномъ Пленковичемъ
Щапить щеголять по три года,
Въ каждой день держать да платье смѣнное.
Посылае Дюкушко Степановиць
80. Ко своей матушкѣ ко родные
Обцѣньщиковъ и переписчиковъ
Оцѣнить животы Дюка Степановича.
Выбирае князь людей хорошихъ,
Молодыхъ ребятъ ученыхъ.
85. Пріѣзжаютъ во городъ во Галицинь,
Смотрѣли на животы Дюка Степановича:
Идутъ работники отъ службы великіе,
На ихъ да платье цвѣтное,
Работници убранныи,
90. Оны думали идеть да родна матушка
Того ли Дюка да Степановиця,
Они да имъ да поклоняютце,
Говорили они: „да что за люди вельможи великіи?
Ай же государыня, матушка Дюка Степановича,
95. Пріѣзжаемъ мы цѣнить животы Дюка Степановича“.
Не могли оны толку дать да своимъ размыслить разумомъ,
Воротились во градъ да стольнокіевскій
Къ тому ли ко князю ко Владимиру.
Посылае Дюкушко Степановиць
100. Своего бурушка косматаго
Ко своей матушкѣ къ Омельфы Тимофеевнѣ
За платьями убранныи,

- Которы держать на три годы,
Каженъ день платя смѣнныи.
105. Говорить Владимиръ таково слово:
„Ай же ты, Дюкушко Степановиць,
Дороги-ли у васъ бурушки
Во городъ во Галичини?“
— Есте бурушки по одному рублю,
110. Есть и по два рубли,
Моему то бурушку и цѣны нѣтъ. —
Обряжали Чурила всѣмъ градомъ Кіевомъ;
На остатьню обѣдню Христовскую,
Надѣвае Чурило шубу соболиную:
115. Во петелькахъ да красны дѣвушки,
А во пуговкахъ добры молодци,
А Дюкушко Степановиць одѣвае шубу соболиную:
Во пуговкахъ да львы - звѣрье,
А во петелькахъ да люты змѣи.
120. Выходили отъ службы да отъ Христовскія,
Да у Дюка у Степановича,
Львы - звѣрье да запокракивали,
Люты змѣи да запосвистывали,
Народъ да люди добрыи
125. Пошли всѣ за Дюкомъ за Степановицемъ,
Говорить тутъ Дюкушко да таково ласково слово:
„Ай же ты, Чурило сухоногіе,
Тебѣ щеголять съ дѣвками да съ бабами,
А не съ нами тебѣ щеголять да съ молодцами“.
130. Эта суть съ Чуриломъ да прикончилась;
Уѣзжае Дюкушко во городъ свой во Галичь
Ко своей матушкѣ да родныи
Ко честной вдовы Мамельфы Тимофеевны.

Записана Г. И. Куликовскимъ лѣтомъ 1886 года отъ крестьянина Якова Семенова Ереж-
ева въ деревнѣ Трихнова Горка, на Кенозерѣ, въ Олонецк. губ.

51. То-же.

- Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподѣлано:
Домъ у его на семи верстахъ,
А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
5. Еще котора была дороже красна золота;
Огородочка была да на семидесяти верстахъ,

- Еще триста столбовъ да серебряныхъ,
Еще четыреста столбовъ да позолоченныхъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ.
10. Въ дому его было три церкви, три Божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
15. „Пусти-ка меня, мати, ко князю ко Владимиру,
Еще на людей посмотрѣть да себя показать“.
— Ужъ ты гой еси, мое чадушко, родимое да любимое,
Ты еще годами молодешенекъ, а умомъ глупешенекъ;
Поѣдешь ко Владимиру, еще прирасхвастаешься
20. Своимъ житьемъ-бытьемъ да богатствомъ.—
А и поѣхалъ тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ-ли Дюкъ да не воротами;
Горы да доли промежъ ногъ онъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ.
25. Пріѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни науголныя,
Доѣзжалъ до князя до Владимира;
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана;
30. Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо;
Заходилъ онъ да во новы сѣни;
Новыя сѣни выгибалися;
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
„Ужъ ты гой еси, княгинюшка Апраксія!
35. Ужъ и гдѣ у насъ Владимиръ да стольно-кіевскій“?
Владимира да дома не случилось,
Владимиръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился.
Поѣхалъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
40. Ко той-ли да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владимира служба стала,
45. Посылалъ да Владимиръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
„Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрныя!
Вы спросите-тко да добра молодца,
Какого онъ отечества, какого молодчества“.
Говорилъ онъ имъ: „зовутъ меня Дюкъ Степановичъ“.
50. Подходилъ тутъ Владимиръ стольно-кіевскій

- Ко тому-ли да добру молодцу:
„Ужь ты здравствуй-ка, Дюкъ Степановичъ!
Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
Хлѣба соли ѣсть да пиво съ медомъ пить“.
55. Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ,
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владимиръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную.
Доѣхали до палатъ княжевскихъ,
60. Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню.
Садилась они за столы за дубовые,
Садилась они за кушанья за сахарныя,
65. Садилась они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня перву ѣству калачики,—
Верхню - то корочку Дюкъ ѣсть,
А исподню-то подъ столъ спущаеть.
Говорилъ тутъ Владимиръ да стольно-кѣвскій:
70. „Что ты, Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спущаешь“?
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
„Пахнуть у васъ калачики да на сосенку:
Пашутъ у васъ печи да помелышками сосновыми,
75. Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
У меня-то матушка да испечетъ калачики
Первый съѣшь да пуще хочется,
И второй-то съѣшь да пуще хочется,
На третьей-отъ калачикъ душа бѣжить.
80. А и пашетъ она помелышками шелковыми,
А купать-то она помелышки да въ медову воду“.
И распорилъ тутъ Дюкъ да со Владимиромъ:
„Проношу, говоритъ, три года платье на обновочку“.
И выискалось тутъ три боярина у Владимира:
85. „Проносимъ, говорятъ, и мы три года платье на обновочку“.
Носили тѣ бояра платье на обновочку,
А носили онѣ годъ да полгода.
А Дюкъ-то Степановичъ носилъ три года,
А и каженный день носилъ онѣ сапожки шиты краснымъ золотомъ,
90. Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владимиръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
„Поѣзжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ,
Отнимите вы все его имѣнье богатство“.

95. Ужъ и говоритъ имъ Дюкъ Степановичъ:
„Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илеюшка Муромецъ!
Ужъ наклоняетеесь вы моимъ да портомойницамъ,
Вмѣсто моей родимой матушки“.
- Приѣхали они да ко Дюкову дому,
100. Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ,
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорять имъ портомойницы:
„Мы не Дюкова родна матушка,
105. Мы-ли да портомойницы;
Дюковой матушки дома не случилось,
Дюкова матушка да во Божьей церкви“.
- Пошли тутъ оци да во Божью церковь,
А на встрѣчу имъ идутъ да портомойницы,
110. Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ:
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяць,
115. А на лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говорить-то имъ да Дюкова матушка:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
120. — Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
Мы пришли къ тебѣ имѣніе-богачество описывать.
Заводила она ихъ да во перву комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной комнатѣ.
Тутъ приносила она имъ перву яству колачика:
125. Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь, да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжить.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владимиру
И рассказали ему все, что съ ними прилучилося.
130. И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
Ты продай, говоритъ, крашенъ Кіевъ градъ,
Ты купи-ко бумаги со чернилами,
Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
„Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынишка да Алешинька,
135. Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
На тѣхъ же коняхъ добрыхъ“.
- Приразѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,

- Добрый конь его горы промежь ногъ бралъ,
140. Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю (рѣку).
Тутъ-де они и уходилися.

Записана А. М. Никольскимъ въ г. Мезени, Арханг. губ. Напечатана въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Архангел. губ.“, собранныхъ П. С. Ефименкомъ. Ч. 2-я, стр. 35—37.

52. То-же.

- Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатя,
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ:
5. „Свѣтъ государыня матушка,
Дай-ко ты прощенье и благословеньице
Вхать ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру;
Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоить,
10. А Владимиръ князь ласковъ есть,
На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
А на поизди дарить несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
15. Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязывать своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
И приходитъ во Божью церковь,
20. Онъ крѣсть-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владимиру въ собину:
25. „Здравствуй, Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!“
— Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодець,
Тебя какъ именёмъ зовутъ,
И какъ величаютъ по отечеству?—
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
30. Изъ тоя Корелы изъ богатя
Молодой бояринъ, боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ“.
— Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
Боярской сынъ, Дюкъ Степановичъ,

- Ко мнѣ хлѣба-соли покушати.—
35. Приходить во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крѣсть-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому.
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
40. „Здравствуй, княгина Апраксія!“
— Ты поди-ко, удалъ, дородній добрый молодець,
Ты коей земли, коей орды?
Какъ тебя именёмъ зовуть,
Какъ величаютъ по отечеству?—
45. „Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатя
Молодой бояринъ, боярской сынъ, Дюкъ Степановичъ“.
— Садись-ко ты, Дюкъ Степановичъ,
Хлѣба-соли кушати.—
50. Всѣ силы князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,
И взялъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ
Колачикъ крупивчатой,
И увидалъ молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ
55. Подъ колачикомъ сосновую иголочку.
„Здѣсь-то“, говоритъ, „видно помелча сосновы,
А какъ у моёй-то родители-матушки
Помялча-то шелковыи“.
И говоритъ тутъ Олеша Поповичъ:
60. „Этой, дядюшка, дѣтенице-обманице,
У боярина уѣхаль, коня угналъ“.
И говоритъ тутъ Чурила Шапоплѣнковичъ:
„Что ты пріѣхаль, дѣтенице-обманице,
Своимъ животомъ хвастаешь,
65. Да своей родитель-матушкой?—
Ударимъ со мной о великъ закладъ на три года:
Чтобы въ каждый день носить платя перемѣнны“.
И ударили они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платя перемѣнны,
70. Щеголять во Кіевѣ во городѣ;
И по Чурилы Шапоплѣнковѣ
Ручается весь Кіевъ градъ,
А по Дюкъ Степановичѣ
Нехтò не ручается,
75. Только ручается старой казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинецъ.
И посылаетъ молодой князь

- Владимиръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
80. И посылатъ Добрыню Микитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитинець,
И опиши имѣніе Дюково,
И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
Платья перемѣнны на три годѣ,
85. Каждой день перемѣнять“.
- И поѣзжать Добрыня (Микитинець)
Ко Вольнцу городу Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И приѣзжать Добрыня Никитинець
90. Ко Дюку ко Степанову на широкъ дворъ,
И привязывать своево коня доброва
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
95. Встрѣтилась ему Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня Никитинець:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Да нѣтъ,—говорить,—я не Дюкова матушка,
А Дюкова портомойница.—
100. Опять встрѣчается ему Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинець:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова постельница.—
105. Еще подходитъ Добрыня Микитинець,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
— Я не Дюкова матушка,
А Дюкова стольница.—
110. И приходитъ Добрыня Микитинець
Во гридни столовыи,
Онъ крѣсть-то кладѣ по писаному,
Поклонъ-то ведѣ по ученому,
Кланяется-поклоняется
115. На всѣ на четыре стороны:
„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“
— Ты поди-ко, удалъ да дородній добрый молодець,
Ты откуль ѣдешь,
Откуль путь держишь?—
120. „Я отъ города отъ Кіева,
Отъ ласкова князя отъ Владимира;

- Твой-то молодой Дюкъ Степановичъ
Ударилъ о великъ закладъ
Съ Чурилой Шапоплѣнковымъ —
125. На три года въ каждой день
Носить платя перемѣнныи,
И захвастался онъ своимъ богатствомъ несчетнымъ;
И приказалъ мнѣ князь
Владимиръ стольно-Кіевской
130. Описать ваше имѣніе“.
И говорить тутъ Дюкова матушка:
„Ай вы, вѣрныи мои служаночьки,
Возмите-тко коромыселко желѣзное
И положите-тко на коромыселко золоты ключи,
135. И ведите-тко Добрыню Микитинца
Во погребы глубокіи,
Покажите Дюково имѣніе“.
И прошелъ Добрыня Микитинецъ
По погребамъ глубокимъ,
140. И написалъ онъ три строчьки злаченныхъ:
„Три года жить — имѣнія описывать,
Да не описать Дюкова имѣнія“.
И приказалъ Дюковой матушки
Везти Дюку платя перемѣнныи
145. Ко Кіеву ко городу,
И привезли платя перемѣнныи
Во Кіевъ градъ, и стали щеголять
Съ Чурилой Шапоплѣнковымъ,
И въ каждый день все платя лучше
150. У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платя Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія.
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
155. И глядитъ князь Владимиръ стольно-Кіевской
На платя на Чурилыни,
И говорить Владимиръ князь:
„Ну, Чурила Шапоплѣнковичъ,
Платя были у Дюка Степановича лучше твоихъ,
160. А топерь ты перещеголялъ Дюка Степанова, —
Платя твои лучше Дюки Степанова“.
И поглядитъ на платя на Дюковы,
И говорить Владимиръ стольно-Кіевской..
И повель Дюкъ Степановичъ
165. По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,

- На пуговкахъ были написаны змѣи люты,
И засвистали змѣи люты
На тѣхъ пуговкахъ злаченныхъ.
И говоритъ князь Владимиръ стольно-Кіевской:
170. „Нечево бы тебѣ, Чурила Шапоплѣнковичъ,
Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
Въ каждой день тебя
Дюкъ Степановичъ перешеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
175. И говоритъ Чурила Шапоплѣнковичъ:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
Перескочить на коняхъ на добрыхъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
180. Которой перескочить,
Тотъ удалъ дородней доброй молодець,
А кто не перескочить,
Отсѣчь тому буйная голова;
Будетъ ходить по бѣлу свѣту, шататися
185. И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своёмъ на кони доброемъ,
И перескочилъ его конь доброй
190. Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурила Шапоплѣнковичъ,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкія,
Съ Чурилой Шапоплѣнковымъ.
195. И видитъ Дюкъ Степановичъ,
Что потонетъ Чурила Шапоплѣнковичъ
Осередь Днѣпры широкія,
И скочилъ Дюкъ Степановичъ
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
200. И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсичь тебѣ буйна голова“.
И стали Дюка опрашивать всѣмъ Кіевомъ:
„Ну пусть ты, Чурила Шапоплѣнковичъ,
205. Упрошенъ всѣмъ Кіевомъ,
Я тебѣ по бѣлу свѣту второй батюшко“.

Записана со словъ Пудожскаго уезда, Кугонаволоцкой волости, прихода Водлозерско-Пречистенскаго, деревни Большой-Поги, 75-лѣтняго крест. Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Иоанномъ Первенцевымъ. Напечатана Е. Барсовымъ въ „Памятникахъ Народ. Творчества въ Олонекъ. губерніи“, стр. 71—77.

53. То-же.

- Изъ-за лѣсику было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ добрый молодець Дюкъ Степановичъ
На своемъ-то на добромъ конѣ *въ* буромъ бахматѣ.
5. Подъ нимъ добрый конь, что лютой звѣрь разыграется,
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясень соколъ,
За плечами-то у него крѣпкій лукъ-колчанъ,
Въ колчанѣ-то у него не мало стрѣлъ,
Что кажинная *быстра* стрѣлочка во пятьсотъ рублей,
10. А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ;
Во ухахъ у нихъ перышки орлиныя,
Не тѣхъ орловъ, орловъ турецкихъ, все заморскихъ,
Что *вилися* на синемъ морѣ, на Кіань-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кіань-море.
15. Собирали-то эти перышки корабельщики,
Привозили они эти перышки въ каменну Москву,
Добрымъ молодцамъ эти перышки въ калены стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ, да молодушкамъ на диковинку.
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
20. Онъ натягивалъ тугой лукъ *крѣпкой* ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку калену стрѣлу;
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ собиралъ *свои* стрѣлочки;
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго...

Сильно подправленное начало былинны записано у Уральскихъ казаковъ, напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1861 г. № 3 и затѣмъ помѣщено Н. Г. Милушинымъ въ его „Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсней“, стр. 7-я. Курсивомъ отмѣчены выраженія очевидно подправленные. Въ ст. 4-омъ—собственное названіе коня *Бахматъ* принято повидимому за *бешметъ*.

* 54. Суханьша Замантьевъ.

- Выѣзжалъ Суханьша Замантьевъ сынъ
За зайцами, за лисицами,
За тѣми волками рысучами.
Случилось ему доѣхать до *быстра* Днѣпра.
5. Течеть быстрой Днѣпръ не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Пожиратъ въ себя круты бережки,
Вырывать въ себя желты, скатны пески,
По подбережку несетъ ветловой лѣсъ,
10. По струѣ несетъ крековой лѣсъ,

- Посередь Днѣпра несеть добрыхъ коней
Со всей приправой молодецкою,
Со всей доспѣхой богатырскою.
— Что ты, батюшка, быстрый Днѣпръ,
15. Не по старому течешь, ты не по прежнему? —
„Надо мной стоитъ сила невѣрная
Того Мамаю безбожнаго:
Идетъ онъ на домъ Пресвятыя Богородицы,
На славенъ батюшко на Кіевъ-градъ.
20. Половина силы переправилась,
Другая половина на другой сторонѣ;
Черному ворону въ ночь силы не скарати,
Сѣрому волку въ ночь не обрыскати,
Доброму молодцу въ день не обѣхати“.
25. Тутъ Суханьши ретиво сердце возгорѣлося,
Могучи плечи расходилися;
Бѣжалъ въ силу Мамаеву,
Во днѣ бѣжалъ, во второмъ часу,
И бился, дрался трои суточки,
30. Не пиваючи, не ѣдаючи.
Куда бѣжитъ — тутъ улица,
Заворотится — переулочекъ.
Навалить труповъ коню до стремени,
Горячей крови до подчереза.
35. Въ трупахъ конь не можетъ поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.
Тутъ Суханьшу приобранили,
Дали Суханьшѣ тридцать ранъ;
Тѣ раны были сносныя,
40. А три раны сердечныя,
Сердечныя раны, кровавыя.
Побѣжитъ онъ изъ силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочкѣ болотинной.
45. Клалъ сѣдельшко черкасское
На ту кочку болотную,
Подъ облако поплавучее,
И клалъ свою буйну голову
На сѣдельшко на черкасское.
50. Выѣзжаетъ Владимиръ князь
Во чисто поле погулять
И на Суханьшу наѣхалъ Замантьева.
„Ты, гой, еси, добрый молодець,
Какой ты есть и откудава?

55. Если вѣрной силы — побратаемся,
А не вѣрной силы — перевѣдаемся“.
Говорить тутъ Суханьша Замантьевъ сынъ:
— Ты, гои, еси, батюшка Володимиръ-князь,
Сеславичъ, солнышко красное!
60. Неужели ты не узналъ Суханьшу Замантьева? —
Тутъ скоро князь соскакивалъ съ добра коня
И вель его во Кіевъ градъ,
Во ту ли церковь соборную.
Тутъ Суханьша покаялся,
65. И тутъ Суханьша переставился.

Записана отъ старика крестьянина Половникова на Сузунскомъ заводѣ Д. П. Соколовымъ
и доставлена имъ С. И. Гуляеву, изъ рукописи котораго мы взяли былинку.

***55. Иванъ Гостинный сынъ.**

- Доброму, братцы, вездѣ добро,
Хорошему, братцы, вездѣ хорошо,
Удалому, доброму молодцу погибели нѣтъ!
Какъ во славномъ во стольномъ городѣ Кіевѣ
5. Что у ласковаго князя Володимира
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье великое.
Собирались всѣ князья и бояры,
Могучіе, сильные богатыри,
10. Вся поленица удалая.
День-то стоитъ со полудня,
Столь-то стоитъ въ полустольѣ,
Сладкія кушанья въ полукушаньѣ,
Бѣлая лебедь въ полурушаньѣ.
15. Напиваются бояры во полупитьѣ,
Наѣдаются бояры во полу выти.
Ласковый Владимиръ князь
По полу похаживать по кирпичату,
По свѣтленькой гриденькѣ.
20. Говорить то князьямъ боярамъ,
Русскимъ могучимъ богатырямъ,
Всей поленицѣ удалыя:
„Кто изъ васъ, бояры, охочъ пиво пить?
Кто изъ васъ охочъ пить зелено вино?
25. Кто изъ васъ охочъ пить сладкой медъ?
Кто охочъ скакать на добромъ конѣ,
Отъ Кіева скакать до Чернигова?

- Тридевяносто мѣрныхъ версть,
Съ моимъ-то со первымъ синегривымъ жеребцомъ,
30. Съ моимъ-то со вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то со третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
У татарина Тугарина Измѣевича?
Полонилъ воронка Илья Муромецъ,
35. Воронкомъ онъ князя жаловалъ.
Положимте, братцы, великъ закладъ,
Что великъ закладъ во пятьсотъ рублей“.
Большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
40. Не то было изъ мѣста большаго,
Не то было изъ середняго,
Не то было изъ меньшаго,—
Вставалъ тутъ съ дубовой скамьи
Иванушко Гостиной сынъ,
45. Говорилъ Ванюшка таковы слова:
„Я былъ охочъ пиво пьяно пить,
Былъ охочъ пить зелено вино,
Былъ охочъ сладки меда пить,
Былъ охочъ на конѣ скакать
50. Отъ Кіева и до Чернигова.
Тридевятъ мѣрныхъ версть,
На своемъ бы то буромъ жеребцѣ,
На бурочкѣ на косматочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ.
55. Положимте, братцы, великъ закладъ.
Дай мнѣ, Владимиръ князь, сроку на три дня“
Недосугъ Ванюшкѣ во пиру сидѣть:
Сходилъ съ подворьяца дворянскаго,
Приходилъ ко своему подворьяцу,
60. Заходилъ къ коню на конюшеньку,
На ту-ли на конюшню бѣлодубову,
Падалъ коню въ праву ноженку.
„Гой еси, мой бурочко косматочко,
Косматочко, троелѣточко!
65. Былъ я у князя Владимира,
На томъ почестномъ пиру,
Пронилъ, заложилъ буйну голову:
Держалъ я великъ закладъ
Скакать изъ Кіева до Чернигова,
70. Скакать тридевятъ мѣрныхъ версть,
Съ его-то первымъ синегривымъ жеребцомъ,

- Съ его вторымъ половогривымъ жеребцомъ,
Съ его третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
75. У татарина Тугарина Змѣевича.
Полонилъ воронка старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ;
Онъ воронкомъ князя жаловаль“.
Провѣщился конь мудрымъ языкомъ,
80. Мудрымъ языкомъ человѣческимъ:
„Гой еси, Ванюшка Гостиной сынъ!
Корми-ко меня пшеномъ бѣлояровымъ,
Пой-ко медовой сладкой сытицей,
Выводи-ко на луга на зеленые,
85. Напой меня росой медвяною.
Синегривъ-отъ жеребецъ мнѣ меньшій братъ,
Половогривъ-отъ жеребецъ середній братъ,
Полоненъ-отъ воронко—въ полѣ ровного бою,
За исто поѣду, отъ него уѣду“.
90. Поиль-то, кормилъ коня Ванюшка
Три дня, трое суточки.
Накидывалъ коврички на добра коня,
Сѣдлалъ онъ сѣдельшкомъ черкацкимъ;
Сѣдельшко черкацкое о двѣнадцать подпругъ,
95. О двѣнадцати подпругъ шолковыхъ,
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Стаеть онъ въ стремяшко булатное,
Прѣзжаетъ онъ ко князю ко Владимиру,
Заѣзжаетъ въ княженецкій дворъ не воротами,
100. А скакаетъ черезъ стѣны бѣлокаменны,
Кричитъ зычнымъ голосомъ:
„Выходи-ко, ласковый Владимиръ князь,
На широкую на улицу“.
Выходитъ ласковый Владимиръ князь
105. На красное свое крылечушко,
Кладеть свои ручки на перилочки,
Глядитъ онъ на бурочка на косматочка:
Отдаетъ онъ денегъ пятьсотъ рублей.
Видѣлъ, какъ этотъ молодець стоялъ,
110. Невидалъ, куды молодець убѣжалъ.

Записана въ Чумышской волости Барнаульскаго округа С. И. Гулевымъ.

***56. Ставеръ Годеновичъ.**

- У ласкова князя Владимира
Было столованье почестной пирь,
На многихъ князевъ и бояровъ,
На всю поленицу удалую,
5. На всю на дружину храбрую.
Онъ всѣхъ поить, всѣхъ чествуетъ,
Самъ по гриднѣ похаживать,
Могучими плечами поворачивать;
Самъ говоритъ таковы слова:
10. „И кто меня, князя, есть славнѣе,
И кто меня, князя, есть вышее,
И кто меня, князя, есть богачее?“
Большій за меньшаго хоронится,
Отъ большаго, отъ меньшаго отвѣту нѣтъ.
15. Изъ того изъ мѣста изъ середняго
Выступалъ удалый, добрый молодець
На тѣ на ноженьки на рѣзвья,
На тѣ сапожки зеленъ-сафьянъ,
На тѣ каблучки на серебряны,
20. На тѣ гвоздочки золочены,
По имени Ставеръ сынъ Годеновичъ:
— Я тебя, князя, не славнѣе,
Я тебя, князя, не вышее,
Только я тебя, князя, побогачее:
25. У меня то было въ Столѣ-городѣ
Стоялъ домишко не корыстненькой,
Не корыстный домишко на верстѣ стоитъ,
На той верстѣ пятисотныя;
Кругъ того дома желѣзный тынъ,
30. На каждой тыникѣ по маковкѣ,
По маковкѣ да позолоченной;
По свѣчкѣ горить да воску яровой.
Во тѣмъ во тыну стоять три терема,
Три терема златоверховаты:
35. Поль-середа одного серебра,
Лавицы, булавицы золотыя,
Стѣны лисицами убиваны,
И не здѣшними лисицами, заморскими.
Во первомъ терему золотая казна,
40. Во второмъ терему платье цвѣтное,
Во третьемъ терему молодая жена,

- Молодая Василиса, дочь Никулишна.
У ней бѣлое лицо ровно бѣлый снѣгъ,
Ягодицы ровно маковицы,
45. Черныя брови черна соболя
Ясныя очи—ясна сокола,
Ретивымъ она сердцемъ хитра-мудра.—
Злые бояры подмолчивые
Говорятъ таковы слова:
50. „Гой еси, батюшко Владимиръ князь!
Хвастаетъ Ставеръ да небылей своей,
Небылей своей да молодой женой;
Нѣтъ ничего у него!“
За то его посадили въ шанцы глубокиѣ,
55. Заслонили заслонами желѣзными,
И заклали дерномъ чернымъ мумренымъ,
Уростили травами зелеными.
И тутъ посылать ласковый Владимиръ князь
Алешу Поповича, Добрыню Никитича
60. Взять Василису дочь Микулишну
И везти ее во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
Дорогой надъ ней насмѣяться.
Узнавала Василиса, дочь Микулишна,
65. Сбирала она пятьдесятъ молодцовъ,
Сбирала она пятьдесятъ лошадей.
Подстригала она себѣ русы волосы,
Назвала себя Василій сынъ Васильевичъ.
Садилась она на добрыхъ коней,
70. И поѣхали они во стольный Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру;
И дорогой ей попадаются
Два удалые добра молодца —
Добрыня Никитичъ да Алеша Поповичъ младъ.
75. И спрашиваетъ Василій сынъ Васильевичъ:
„Вы куда, ребяташки, поѣхали?“
— Мы поѣхали отъ ласкова князя Владимира
Во Черниговъ-градъ взять Василису, дочь Микулишну,
Взять ее нечестно,
80. Да дорогой надъ ней наругатися. —
„Нѣтъ, вы, ребяташки, не ѣздите!
Ѣдетъ отъ нее посоль грозень
И ѣдетъ Василій, сынъ Васильевичъ.
Поѣзжайте вы, ребяташки, во Кіевъ-градъ
85. И скажите князю Владимиру,

- Чтобы ладилъ онъ пятьдесятъ фатеръ,
Я самъ стану ко ласкову князю Владимиру
Въ хоромы княженецкія“.
- Тутъ то молодцы воротилися,
90. Приѣзжаютъ ко ласкову князю Владимиру;
Говорятъ они Солнышку Сеславичу,
Говорятъ таковы слова:
— Гой еси, батюшко Владимиръ князь,
Вдетъ отъ Василисы, дочь Микулишна,
95. Вдетъ грозенъ посоль. —
И велѣлъ онъ очистить пятьдесятъ фатеръ,
А самъ посоль ко ласкову князю Владимиру
Въ княженецкій дворець.
Приѣзжаетъ Василій, сынъ Васильевичъ,
100. Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому:
„Здравствуешь, ласковый Владимиръ князь,
Со душечкой со княгиней!
105. — Добро жаловать, удалый, добрый молодець,
И ты Василій сынъ Васильевичъ!
Поиграемъ-ко со мной костью, картами.—
И пили, играли, проклажались,
Костью, картами забавлялися.
110. И узнала его молодая княгиня Апраксія:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Это не Василій сынъ Васильевичъ,
Это Василиса, ровно, дочь Микулишна;
Потому она идетъ тихошенько,
115. На лавку садится — колѣнцы жметъ“.
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Гой еси, мои слуги вѣрные!
Истопите-ка банюшку-парушу,
Этого я посла извѣдаю. —
120. Истопили банюшку-парушу.
— Пожалуйте, Василій сынъ Васильевичъ,
Со ласковымъ княземъ Владимиромъ
Во банюшку - парушу. —
У нее ужъ были вѣнички измылены,
125. Мыльца были припасены;
Докуль ласковый Владимиръ князь
Ладился въ банюшку - парушу,
Василій Васильевичъ вымылся, выпарился,
Идетъ навстрѣчу князю Владимиру:

130. „Спасибо тебѣ, ласковый Владимиръ князь,
Спасибо на банюшкѣ-парушѣ:
Я выпарился, вымылся“.
И сходилъ ласковый Владимиръ князь,
Сходилъ одинъ въ банюшку-парушу.
135. И зачали они опять играть костью, картами:
И проговорить ласковый Владимиръ князь:
— Не умѣешь-ли ты, Василій, поборотися?—
„Пожалуй, могу сходить, поборотися“.
И высылаетъ онъ на Василья Алешу Поповича.
140. И пошелъ Алеша Поповичъ младъ
Съ Васильемъ Васильевичемъ боротися.
И побороль Василій Васильевичъ
Алешу Поповича, пнулъ подъ гузно.
И высылатъ ласковый Владимиръ князь Добрыню Никитича.
145. И поборола она Добрыню, пнула подъ гузно.
И проговорить Василій сынъ Васильевичъ:
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Не нашла я такихъ борцовъ молодцовъ,
Супротивъ Ставра, сына Годеновича,
150. Выводите его изъ шанца глубокаго!“
И вывели Ставра сына Годеновича
Изъ того шанца глубокаго.
И беретъ она его за бѣлы руки,
За тѣ за перстни злаченые,
155. И цѣлуетъ его въ уста сахарныя.
„Гой еси, ласковый Владимиръ князь,
Не нашла я супротивъ его борцовъ молодцовъ:
Да у него была свачка серебряная,
У меня колечко золоченое;
160. Только онъ своей свачкой обыгрываль
Меня въ колечко золоченое.
И прощай, ласковой Владимиръ князь“.
Посадила Ставра, сына Годеновича,
Посадила на добра коня,
165. Повела во свою сторону во Черниговъ-градъ.
Тутъ-то сказала княгиня Апраксія
Ласкову князю Владимиру:
„Не умѣлъ ты развѣдати:
Не Василій вѣдь это, сынъ Васильевичъ,
170. Сама Васнлиса, дочь Микулишна:
Идетъ по полу — потихоньку шагаетъ
И на лавку садится — колѣнцы жметъ“

Записана С. И. Гуляевымъ въ Барнауль со словъ крестьянина Леоптія Тулицына.

57. То-же.

- Какъ во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
Ужъ какъ было пированье, почетный пиръ,
Ужъ какъ было столованье, почетной столъ,
5. Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскихъ,
Да про всю поленину удалую.
А и былъ ужъ пиръ во полу-пиру,
Сѣхались всѣ князы и боярины,
10. Только нѣту одного добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрные!
Поѣзжайте-ко вы за добрымъ молодцомъ
15. За Ставромъ бояриномъ Гудимовичемъ;
Вы подайте-ко Ставру мою грамотку,
Позовите Ставра на веселый пиръ“.
Какъ не дивно тому время миновалось,
Приѣзжаетъ ко князю бояринъ Ставръ.
20. Онъ вступаетъ во палаты бѣлы-каменные,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писанному,
Онъ поклоны-то ведетъ по ученому;
Онъ кланяется да покланяется
На всѣ на четыре сторонушки,
25. А Владимиру князю на особицу.
И посажи всѣ за дубовы столы,
За скатерти бранья шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Какъ дѣ сыта бояре наѣдалися,
30. Какъ до пьяна бояре напивалися,
Промежъ собою они расхвасталися.
Хвасталися бояре градомъ Кіевомъ,
Хвасталися бояре златомъ, серебромъ,
Еще хвасталися бояре скатнымъ жемчугомъ.
35. Тутъ возговорилъ, промолвилъ бояринъ Ставръ
На единѣ своему товарищу:
„Ой глупые бояре, неразумные!
Они хвалятся градомъ Кіевомъ,
Они хвалятся златомъ, серебромъ,
40. Еще хвалятся скатнымъ жемчугомъ:
А что это за ограда во Кіевѣ

- У ласковаго князя Владимира?
У меня-ли, у Ставра, широкой дворъ
Не хуже будетъ города Кіева:
45. Онъ строенъ у меня на семи верстахъ,
Свѣтлы свѣтлицы дуба бѣлаго,
Покрты свѣтлицы сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ въ свѣтлицахъ черныхъ соболей,
Поль-середа чиста серебра,—
50. Крючья, пробои по булату злачены.
У меня-ли, у Ставра у боярина,
Злата, серебра стоятъ кованы ларцы,
Крупну жемчугу бурмицкому нѣсть числа;
У меня ли, у Ставра Гудимовича,
55. Молода жена Василиса Васильевна:
Она ростомъ, дородствомъ дороднѣе всѣхъ,
Красотою, лѣпотою она краше всѣхъ,
Ея бѣлое лицо—словно бѣлый снѣгъ,
Ея черныя брови—какъ у соболя,
60. Ея ясныя очи—какъ у сокола;
Умѣеть она и прясть и ткать,
Умѣеть она изъ лука стрѣлять
Въ семисотную версту въ золотъ перстень“.
А и были тутъ у князя слуги вѣрные,
65. Доносили они таковы слова.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ужъ вы гои еси, князи и боярины,
Вы могучи богатыри свѣту-руссіе!
Не напрасно-ли Ставръ похваляется?
70. Ужъ не больно-ли онъ завирается?
Вы возьмите-ко его за бѣлы руки,
Посадите-ко въ подвалы глубокіе,
Заприте-ко дверями желѣзными,
Замкните-ко замками булатными,
75. Замечите-ко песками рудо-желтыми;
Снарядите-ко посла грознаго
• Ко двору его хвальному, широкому—
Опечатать его широкой дворъ,
Съ златомъ, серебромъ, крупнымъ жемчугомъ,
80. И привести во Кіевъ молодую жену,
Молодую Василису Васильевну,
Ко мнѣ ко князю Владимиру!“
Какъ не дивно тому время миновалось,
Перепадала къ Ставровой молодой женьѣ,
85. Къ молодой Василисѣ Васильевнѣ,

- Перепала вѣсточка нерадостная,
Что Ставрѣ де бояринѣ во Кіевѣ
Посажень въ подвалы глубокіе,
Замкнуть на замки на булатные,
90. Засыпанъ песками сыпучими.
Тутъ велить она искать ¹⁾ коня добраго
На ту на уздицу на тесмѣнную;
Сѣдлаетъ коня во черкасское сѣдло,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шолковыхъ,
95. Надѣваетъ на себя кудри черныя,
А на ноги сапоги зеленъ-сафьянъ;
Подпоясываетъ палицу тяжелую,
Да подстегиваетъ свой тугой лукъ,
Что тугой свой лукъ вѣдь разрывчатый;
100. Называется она грознымъ посломъ
Изъ дальнія земли Золотой орды.
Что не темная туча подымалася,
Что не вихри по полю повѣяли,
Подымалася Ставрова молода жена
105. Со своею свитою великою
Ко славному городу ко Кіеву.—
Половину дороженьки проѣхали;
Тутъ на встрѣчу изъ Кіева грозень посоль
Отъ славнаго князя Владимира.—
110. Они слѣзли, сошли съ добрыхъ коней,
Разбивали въ чистомъ полѣ полотнянъ шатерьъ,
Какъ послы они попословалися,
По три раза они поцѣловалися,
А послѣй того садились за дубовый столъ,
115. За скатерти браныя шелковыя,
За питья, за ѣствы за сахарныя.
Тутъ спрашивалъ изъ Кіева грозень посоль:
„Ой гой еси, удалые добры молодцы!
Вы откуда ѣдете, куда Богъ несётъ“?
120. Отвѣчаетъ послу таковы слова
Молодая Василиса Васильевна:
„А мы ѣдемъ изъ орды, золотой земли,
Отъ грознаго царя, хана Крымскаго,
Ко славному городу ко Кіеву,
125. Къ великому князю Владимиру,
Братъ съ него дани, невыходы,
Еще тѣ ли пошрины великія,

¹⁾ Уздать.

- Ни много, ни мало за двѣнадцать лѣтъ,
За каждый годъ по двѣ тысячи“.
130. Изъ Кіева посоль призадумался,
Призадумался онъ, прикручинился,
Поговариваетъ онъ таковы слова:
„А я, де, изъ Кіева грозень посоль,
Ѣду ко Ставру-боярину
135. Опечатать его широкій дворъ
И привести его молодую жену
Ко великому князю Владимиру“.
Отвѣчаетъ Василиса Васильевна:
„Какъ ѣзжали мы прежь изъ Золотой орды,
140. Во дворѣ Ставра боярина
Останавливались на перетутіи;
А нонѣ заѣзжали—двери заперты;
Знать бояринъ Ставръ съ молодой женой
Снарядился по гостямъ гостить“.
145. Изъ Кіева посоль воротился назадъ;
Поѣхаль онъ дорогой прямоѣзжею
Ко славному городу ко Кіеву.
А и былъ онъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
150. Доносилъ онъ князю про грозна посла.
Ужъ и больно тутъ князь запечалился
Со княгиней своей Апраксѣвной.
Въ тужъ пору пріѣзжалъ и грозной посоль
Къ княженецкимъ палатамъ бѣлымъ-каменнымъ,
155. Скоро слѣзаль со добра коня,
Входилъ во свѣтлицу во свѣтлую,
Садился на скамью богатырскую.—
А и тутъ княгиня Апраксѣвна
Выводила князя на тесовъ крылецъ,
160. Говорила словечко по-тихохоньку:
„Ни о чемъ ты, князь, не печалуйся;
То не грозный посоль изъ Золотой орды,
А то Ставрова молода жена,
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
165. Она по двору идетъ словно уточка,
А по горенкѣ частенько переступываетъ,
А на лавку садится, колѣнца жметъ“.
Тутъ собираль князь Владимиръ почѣтный столъ
Про многихъ князей, про бояриновъ,
170. Про великихъ богатырей свѣту-русскихъ.

- А и былъ ужъ день въ половинѣ дня,
А и былъ ужъ столъ во полу-столѣ,
Напивались гости, наѣдались.
Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь
175. По-тихоньку княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣевна!
Я ли грознаго посла провѣдаю:
Заставляю его боротися
Съ моими богатырями могучими“.
- 180 Въ ту пору прилучилися въ Кіевѣ
Удалые бойцы, добры молодцы:
Алѣша Поповичъ, Илья Муромецъ,
Кунгуръ богатырь Самородовичъ,
Суханъ богатырь сынъ Дементьевичъ,
185. Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Да еще ребята Хапиловы.
Выходили всѣ на широкій дворъ,
Становились въ рядъ двѣнадцать человекъ;
А того ли посоль не понятился:
190. Перваго онъ хлестнулъ въ голову,
А другаго хлестнулъ промежъ ребрами,
А третьяго хлестнулъ поперекъ хребта;
У одного мозги разлетѣлися,
У другаго ребра повыскакали,
195. А третій по двору окарачь поползъ;
Остальные же всѣ разбѣжались.
Плюнулъ тутъ Владимиръ да и прочь пошелъ.
Говорилъ онъ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная!
200. У те волосы долги, да умъ коротокъ:
Называешь ты богатыря бабою;
Такова посла у насъ еще не бывало“.
А княгиня съ княземъ заспорила:
„Эй ты ласковый, сударь, Владимиръ князь!
205. Да не быть этому послу грозному,
А быть Ставровой молодой женѣ.
У ней бѣлое лицо словно бѣлый снѣгъ,
У ней ягодицы—словно маковъ цвѣтъ,
А пальцы на ручкахъ тонѣшеньки“.
210. Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
„Ой ты гой еси, княгиня Апраксѣевна!
Я ли посла грознаго провѣдаю:
Заставляю его изъ лука стрѣлять

- Съ богатырями моими могучими“!
215. Выводилъ тутъ ласковый Владимиръ князь
Двѣнадцать богатырей въ поле чистое;
Стали они стрѣлять по сыру дубу.
Попадаютъ они по сыру дубу,
Да отъ стрѣлочекъ ихъ отъ кленовыхихъ
220. Сырой дубъ только шатается,
Будто отъ погоды сильныя.
Тутъ взяла Василиса Васильевна
Во бѣлы руки волокитный лукъ,
Да тонкую стрѣлочку кленовую;
225. Тянула тетивочку за ухо,
Спускала тетивочку до слова;
Спѣла тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла кленова стрѣла,
Угодила она въ крыковястый дубъ,
230. Раздвоила дубъ на двѣ на полы,
Изломала въ черенья ножевыя.
Плюнулъ князь Владимиръ да и прочь пошелъ;
Говорить онъ княгинѣ громкимъ голосомъ:
„Глупая ты, княгиня, неразумная;
235. Называешь ты богатыря бабою;
Такого посла у насъ еще не было.
Посмотри-ко ты на крыковястый дубъ:
Мнѣ не жаль сыра дуба крыковястаго,
Только жаль мнѣ стрѣлочки кленовыя.
240. Не найди ее теперъ во чистомъ полѣ.
Развѣ самъ я посла провѣдаю“.
Тутъ сядилъ ласковый Владимиръ князь
Во своихъ во палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ
Со грознымъ посломъ за широкой столъ.
245. Стали они играть въ шахматы
Тавлеями кленовыми, вальящетыми.
Первую заступъ заступовали—
Выигралъ у князя молодой посоль;
Другую заступъ заступовали—
250. И другую заступъ посоль поигралъ;
Третью заступъ заступовали
Шахъ да и матъ, да и подъ доску.
И сказалъ тутъ посоль таковы слова:
„Ои ты гои еси, ласковый Владимиръ князь!
255. Я пріѣхалъ къ тебѣ въ гости не тѣшиться:
Ты отдай-ко мнѣ дани, невыходы,

- Еще тѣ ли пошліны великія,
Ни много, ни мало, за двѣнадцатъ лѣтъ
За всякой годъ по двѣ тысячи“.
260. Тутъ возговорилъ, промолвилъ Владимиръ князь:
А и нонѣ пришло время невзгодливое;
Не торгуютъ купцы, нѣту пошліны,
А и звѣря пушнаго давно не видать;
265. Не чѣмъ мнѣ платить дани-пошліны,
Еще тѣ ли невыходы великіе:
Развѣ изволишь самого меня
Головою взять со княгинею“!
— „Ладно“,—проговорилъ грозенъ посоль.
270. Ну, а чѣмъ же ты, князь, потѣшаешься?
А и нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть“?
Тутъ припомнилъ ласковый Владимиръ князь
Про Ставра боярина Гудимовича.
А кромѣ его въ городѣ Кіевѣ
275. Не было горазднѣй на гусяхъ играть.
Посылалъ онъ по Ставра боярина.
Приводили Ставра на почетный пиръ,
Сажали Ставра супротивъ посла;
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывать:
280. Сыгрыщъ сыгралъ Царя-града
Танцы навелъ ерусалимскіе,
Величалъ князя со княгинею,
А кромѣ того сыгралъ еврейскій стихъ.
Посоль задремалъ и спать захотѣлъ;
285. Говорилъ онъ князю Владимиру:
„Ой ты гой если, ласковый Владимиръ князь!
Хоть хотѣлъ я тебя головою взять
Со княгиней твоей Апраксѣвной,—
Да не надо мнѣ дани-пошліны,
290. Еще тѣхъ ли невыходовъ, невыплатовъ
За двѣнадцатъ лѣтъ по двѣ тысячи;
Ты отдай мнѣ про все добра молодца,
Боярина Ставра Гудимовича“.
Въ ту пору князь Владимиръ сталъ радошень;
295. Отдавалъ онъ Ставра молодцу послу,
Затѣвалъ пированье веселое
Про многихъ про князей, про бояриновъ,
Про могучихъ богатырей свѣту-русскихъ,
Да про всю поленину удаую.
300. А Ставръ бояринъ съ молодымъ посломъ

Сѣдлали коней черкасскихъ
И поѣзжали въ землю дальнюю.

Былина записана кн. Костровымъ и напечатана имъ въ его статьѣ „Овскія селенія“ (Москвитинъ 1851 г. Ч. 6, № 24, кн. 2-я, стр. 245). Не смотря на заявленіе кн. Кострова, что былина записана дословно, въ ней замѣтны нѣкоторыя литературныя подправки.

***58. То-же.**

- Во стольномъ во городѣ въ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира,
У Владимира у князя у Солнышка,
Заводился у него почестень пиръ
5. На многихъ на князей на боярь
И на русскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ поленицъ на удалыхъ;
И всѣ на пиру и сыты, и пьяны, и веселы.
Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій
10. Похвастьватъ самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похвастьвали силою,
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торговли
Похвастьтали они тутъ товарами,
15. Тьма ли товарами заморскима
И соболемъ заморскимъ,
Куницами заморскима.
Добрынюшка похвастьталь своимъ дбрымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвастьталь
20. Своей да золотой казной:
Есть у молодца да золотой казны безчетной;
А умный хвастьталь отцемъ, матерью,
А неумный хвастьталь молодой женой.
Прогдворять богатыри таково слово:
25. „Ты, неумный удалый добрый мблodeць!
Ты не хвастьтай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны,—
Богатыи крестьяна похвастьтываютъ
30. Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна—малымъ дѣтушками.
И сидить-то младъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
И сидить-то онъ, ничѣмъ не хвастьтаетъ.
Прогдворить Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій:
35. „Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастьтаешь?
Вси-то людишки похвастьтались“.
И прогдворить Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:

- „Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,
40. Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново;
Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,
И снесу эти кафтанцы на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму за нихъ цѣну полную.
45. Есть еще, Солнышко Владимиръ князь-стольно-кѣвскій,
У Ставра да чѣмъ похвастати:
Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,
Оны шьютъ-то сапожки снова на ново;
Которы сапожки я день держу и другой проношу,
50. И снесу эти сапожки на рыночекъ,
Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
Возьму-то за нихъ цѣну полную“.
- И прогѣворитъ Ставеръ да таково слово:
„Солнышко Владимиръ князь да стольно-кѣвскій!
55. Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати:
Есть у Ставра добры мѣлодцы на дворѣ да не старятся“.
- Спроситъ Солнышко Владимиръ князь стольно-кѣвскій:
—Отчего же у тебя добры мѣлодцы не старятся?—
Прогѣворитъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
60. „Оттого-то у меня добры мѣлодцы не старятся:
День-то придетъ—мѣлодецъ со двора долой,
А два да три—на дворъ домой.
Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,
Солнышко Владимиръ князь стольно-кѣвскій!
65. Золота казна да не держится,
Малыи денежки да не торчатся“.
- Прогѣворитъ Солнышко Владимиръ князь:
—„Ай же ты, Ставеръ да Годиновичъ!
Отчего же у тебя золота казна да не торщится,
70. Малыи денежки не держатся?“—
- „Оттого-то у меня золота казна не торщится,
И малыи денежки не держатся:
Была кобылица златылица,
И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,
75. И носить жеребчиковъ хорошенькихъ;
Которы жеребчики получше,
На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;
Которы жеребчики похуже,
И сгоню этихъ жеребчиковъ на рыночекъ,
80. Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
И возьму-то за нихъ цѣну полную“.

- Еще проговорить младъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кїевскїй!
Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати:
85. Молода жена Настасья Микулишна
Князей-то бояръ съ ума сведеть,
Владимира вонъ повыведеть
Изъ покоя княженецкаго“.
И эти слова Солнышку князю Владимиру да не казалися.
90. Приказаль-то Солнышко Владимиръ князь да стольно-кїевскїй
Своимъ слугамъ вѣрнымъ:
“Ай же вы, мои слуги вѣрнии!
Вы возмите-тко Ставра да Гоудиновича
За его за хвостанья за великїи
95. Засадить его въ погребы великїи“.
Шли тутъ слуги его вѣрнии
Во это во поле во широкое,
Копали да яму великую,
Засадили туда Ставра да Гоудиновича,
100. Засадили его да по бѣлымъ грудямъ,
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ.
Написаль-то Ставеръ сынъ Гоудиновичъ скорописчату грамотку
Къ молодой жены Настасьи Микулишной:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
105. Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Гоудиновичъ
У Солнышка князя Владимира стольно-кїевского
Во этии во погребы глубокїи
Не на много, не на мало—на тридцать лѣтъ“
Взяла Настасья Микулишна
110. Обрубила волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кїеву;
Прїѣхала ко Солнышку князю ко Владимиру на княжїй дворъ;
Заходитъ она въ покои княженецкїи;
Она крестъ кладеть по писаному,
115. Поклонъ ведеть по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется,—
И Солнышку князю Владимиру
Она дѣлаеть поклонъ да въ особину.
Прогѣворить Солнышку князю Владимиру:
120. „Посоль земли Турецкой!“
Прогѣворить Солнышко Владимиръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки
На дубовой стуль да поотдохни“.
И проговорить посоль земли Турецкой:
125. „Недосугъ сидѣть послу разсїивать,

- За то посла скоро жалуютъ.
Есть у тя племянница любимая,
У Солнышка князя у Владимира;
Отдай-ко ты да во супружество
130. За этого посла да за Турецкаго“.
Проговорить Солнышко Владимиръ князь да стольно-кіевскій:
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ,—
Могу отдать, посолъ земли Турецкой,
За тебя да во супружество“.
135. Проговорить посолъ земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владимиръ князь стольно-кіевскій!
Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великихъ
По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичъ
140. Ко послу да ко Турецкому;
Береть-то за рученьки за бѣлыи
Ставра сына Годинова,
За этии за перстни за злаченни,
145. Цѣлуетъ во уста да во сахарнии
И этого Ставра да Годиновича.
Благодарить-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владимиру стольно-Кіевскому эпистолю:
„Благодарю тебя, Солнышко Владимиръ князь,
150. Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокихъ;
Не надо мнѣ племянницы любимой,
А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Тотъ мой мужъ законный“.

Записана М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова. Напечатана Е. В. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества Олонец. губ.“ стр. 67—71.

***59. То-же.**

- Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пиръ
На многихъ князей, на бояровъ,
5. На славныхъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ паленицъ на удалыхъ,
И на всѣхъ гостей приходящихъ.
Какъ пиръ идетъ у нихъ навеселѣ,
А день идетъ ко вечеру,
10. Красно солнышко идетъ да ко западу;

- Какъ всѣ на пиру напивалися,
А и всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру пьяны и веселы сидятъ,
Да и всѣ на пиру поросхвасталися.
15. Идной хвасталъ золотой казной,
Идной хвасталъ добрымъ конемъ,
Идной хвасталъ шолковымъ платкомъ,
А умной хвасталъ отцомъ-матерью,
А безумной хвасталъ молодой женой.
20. Какъ сидитъ во пиру Астоверсть да сынъ Гординовичъ,
Онъ не истъ, не пьетъ, ничѣмъ не хвастаетъ,
Только въ гуселка еровчеты поигрываетъ.
И тутъ подходитъ къ нему Солнышко
Владимиръ стольно-кѣвской
25. И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Ай же, Астоверсть да сынъ Гординовичъ!
Что же ты ни ѣшь, ни пьешь и ничѣмъ не хвастаешь?
Развѣ нѣту у тебя роду-племени,
И нѣту у тебя добрыхъ коней неѣзжанныхъ,
30. И нѣту у тебя золотой казны,
Или нѣту у тебя молодой жены похвальной“?
Тутъ проговорилъ Астоверсть да сынъ Гординовичъ:
„Есть у меня золотой казны по надобью,
Да есть у меня добрыхъ коней неѣзжанныхъ,
35. И есть у меня шолковыхъ платковъ недержанныхъ,
Да и есть у меня молода жена похвальная Настасья Никулична:
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ“.
И тутъ князю Владимиру къ стыду пришло;
40. За то посадили Астоверста Гординовича
Въ погреба да глубокіе, за рѣшотки за желѣзныя,
А самы послали посла во дальну землю Леховицкую,
Ко той-ли Настасьи Никуличной съ извѣстіемъ.
Какъ-то этотъ посоль да кѣвскій
45. Пріѣзжаетъ во землю Леховицкую
Ко той-ли Настасьи Никуличной,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
А самъ онъ говоритъ да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Никулична!
50. Какъ твой-ли Аставерсть да сынъ Гординовичъ
Какъ на пиру-то онъ да поросхвастался
И говорилъ онъ да таково слово:
„Какъ есть у меня молода жена Настасья Никулична,—
Она всѣхъ князей-бояровъ въ полонъ возьметъ,

55. А тебя, князя Владимира, съ ума сведеть“.
За это посаженъ въ погребѣ во глубокіе,
За рѣшотки посаженъ за желѣзныя“.
Какъ тутъ-ли Настасья Никулична
Приказала посла посадить въ погребѣ да во глубокія
60. За рѣшотки за желѣзныя,
А сама пошла во цырульную,
Остригла волосы по мужески,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Соберала силушки хороброей
65. И отправлялась ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
И не доѣхавши до города до Киева
Роскинула полатки тканьевыя
И оставляла часовые свои присмотры,
70. И отправлялася ко князю ко Владимиру
На его любезная дочери посвататься.
И заходитъ она въ полаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
И поклонъ ведетъ да по ученому
75. На всѣ на четыре стороны,
А князю Владимиру да въ-особину.
„Вы здравствуйте, Владимиръ князь стольно-кѣвскій,
Со своей-ли вы княгиней со Апраксіей
И со своей-то вы любимой семьей“!
80. И тутъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кѣвскій:
„Ай же ты, удалой доброй молодець!
Ты коей орды да ты коей земли?
Да и какъ тебя именемъ зовуть
И нарекають тебя да по отчеству“?
85. И отвѣчаетъ удалой доброй молодець:
„Я есть посоль изъ дальняя земли да Леховицкія,
Я пріѣхаль къ вамъ, Владимиръ князь,
На вашей дочери любезной посвататься“.
Тогда ласковой Владимиръ стольно-кѣвскій
90. Призываетъ свою онъ дочь любимую
Ко тому-ли послу да Леховицкому,
Что согласна-ли она съ нимъ вступить въ законной бракъ
И принять съ посломъ золоты вѣнцы.
Но какъ дочь его любимая получаетъ отъ родителя
95. Такую вѣсть то радостну,
Идетъ она къ родителю ко батюшкѣ
Въ эти полаты княженецкія.
Она крестъ кладетъ да по писанному,

- Поклонъ ведетъ да по ученому,
100. На всѣ на четыре стороны,
А послу Леховицкому въ-особину,
Говорить она да таково слово:
„Ай же вы, удалой доброй молодець!
Вы коей орды, вы коей земли?
105. Какъ-то тебя да имемъ зовуть
И нарекають тебя да по отчеству“?
Какъ тутъ сталъ посолъ по свѣтлицы похаживать
И сталъ о своей земли рассказывать,
И сталъ ручкой правой размахивать,
110. И сталъ по головушки поглаживать.
Какъ тутъ проговорить дочь княженецкая
Ко своему родителю ко батюшкѣ
Ко ласковому князю ко Владимиру:
„Ай же ты, родитель мой батюшко!
115. У тебя-то что есть да на разуми?
Не отдавай-ко ты дѣвчину за женщину,
Будетъ намъ обѣимъ съ тоски умереть.
Мнѣ какъ видится, что по походочки
То онъ будто женщина,
120. И рѣчь-поговоря у него все по женьскому;
Его перстаки тонешеньки всѣ по женьскому;
Гдѣ жуковинья были, тутъ мѣсто знать;
Она стегна жметъ, все добра бережетъ.
Ай же ты, родитель мой батюшко,
125. Ласковой Владимиръ стольно-киевскій!
Какъ для гостя нежданого и незваного
Постелемъ-ко перину пуховую
Во эту-ли во свѣтлую во свѣтлицу,
Во столовую нашу горницу,
130. И посмотримъ-то гостя хорошохонько,
Какъ онъ будетъ спать и опочивъ держать, —
Плечами ли будетъ толще или ж...ю“?
Но какъ этотъ пріѣзжій гость
Ложился плечами на перину пуховую,
135. А ж... ю на крутое складнее зголовьицо
И закрывался соболинымъ одѣялышкомъ;
Но какъ Владимиръ князь стольно-киевскій
Отворяетъ дверь во свѣтлую во свѣтлицу,
Во эту-ли столовую во горницу,
140. И не посмѣли открыть одѣяла соболиного,
И видятъ, что плеча у него да богатырскія,
А ж... ю подхитъ весьма.

- А тутъ-ли гость незванный а самъ нежданный
Онъ спитъ-храпитъ а самъ думу думаетъ
145. Объ своей-ли невѣстѣ богосуженой.
И тутъ проговорить дочь та княженецкая:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Ласковой Владимиръ стольно-кѣвскій!
Нашему то гостю нежданному и незванному
150. Какъ со пути-то со дальнѣй со дороженьки
Истопить-то теплая парная баенка,
Какъ у насъ есть люди на это истопщицки и парильщицки,
Мы посмотримъ-ко гостя хорошоохонько“.
Тутъ какъ сказано, такъ и сдѣлано:
155. Была баенка истоплена,
И парильщицки были приготовлены.
Но какъ прѣзжій гость по утру всталъ.
Доложили его слуги вѣрныя
Князя Владимира происки лицемѣрныя.
160. Что была баенка истоплена,
И парильщицки были притотовлены,
Но прѣзжій гость по утру всталъ,
По образу встаетъ онъ смиренному,
Одѣвается по военному;
165. Поскорешенько умывается,
И крестомъ христіанскимъ знаменается,
И въ парну баенку отправляется,
И раздѣвается поскорешенько,
По военному успѣху возможному.
170. И попарился по дорожному;
Но слуги князя Владимира не догадались:
Надо-бы попарить гостя прѣзжаго, —
А самы остались,
А самъ прѣзжій гость одѣвается,
175. А о парильщикахъ князя Владимира сумнѣвается.
И говоритъ въ отвѣтъ: „Ахъ, какъ долго нѣтъ!“
Но какъ слуги князя Владимира
Попарить гостя не успѣли,
А сказать князю Владимиру не посмѣли.
180. Говорить дочь князя Владимира:
„Ай же ты, родитель мой батюшко,
Владимиръ князь стольно-кѣвской!
Какъ у насъ-то во славномъ городѣ во Кіевѣ
Есть стрѣльцы-борцы.
185. Пускай-ко сходить гость прѣзжій во чисто поле
Съ нашими стрѣльцами со удалыма“.

- Какъ было сказано, такъ и сдѣлано
Тутъ проговорить рѣзкій гость:
„А во что стрѣляютъ у васъ во Кіевѣ“?
190. Говорятъ стрѣльцы кіевскіе:
„У насъ стрѣляютъ во грошика“.
Тутъ проговорилъ прѣзжій гость:
„А у насъ стрѣляютъ въ остріе ножичное“.
Какъ первой стрѣлецъ стрѣлилъ,—не дострѣлилъ,
195. А другой стрѣлецъ перестрѣлилъ,
А третьей стрѣлилъ,—попасть не могъ.
И тутъ-ли прѣзжій гость
Онъ натягиваетъ тетивочку шелковую,
И накладываетъ стрѣлу онъ каленую,
200. И попадаетъ въ остріе во ножичное;
И разсѣкло стрѣлу эту каленую
Объ остріе объ ножичное на двѣ части,
Вѣсомъ, мѣрою очень равныя.
И тутъ проговорить дочь княженецкая:
205. „Какъ во нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Есть сильныя могучія богатыри,
Пуцай-ко сходитъ гость прѣзжій
На нашъ-ли онъ да на широкой дворъ,
Съ нашими борцами поборотися,
210. Своей силушки поотвѣдати,
А князя Владимира припотѣшити“.
И выходили оны на широкъ дворъ;
И какъ тутъ посоль да леховицкіи
И самъ посоль да разбѣгается,
215. За нашихъ рускіихъ богатырей принимается,
На приемѣ все поохиваетъ,
А самъ кіевскихъ богатырей помахиваетъ;
Гдѣ смахнетъ, стяхнетъ—тутъ мѣсто знать;
И перекидалъ всѣхъ до единого,
220. Доходило до пороцея (?) дѣтинога.
И тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Усмирись-ка ты, пожалуста, посоль да Леховицкіи!
Пожалѣй-ко нашего роду-племени
И оставь-ко народу намъ на симена“.
225. Какъ проговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Своей дочери любимой:
„Не буду тебя я больше спрашивать,
Надо наговоръ твой нарушивать:
Какъ женихъ твой можетъ съ русскими богатырями пострѣчатися,
230. То надо тебѣ съ нимъ повѣнчатися“.

- Тутъ пошли въ полаты княженецкія,
Стали за дубовъ столъ садиться хлѣба кушати
И бѣлыя лебедушки рушити.
Но какъ тутъ посоль леховицкія
235. Онъ не ѣсть, не пьетъ и не кушаетъ
И бѣлой лебедушки онъ не рушаетъ,
Бѣлымъ сахаромъ посоль не закусываетъ.
И тутъ подходитъ Владимиръ князь стольно-кіевскій
Ко тому послу да Леховицкому,
240. А ко своему ко зятю нареченному,
И тутъ возговорилъ Владимиръ таково слово:
„Ой-же удалой доброй молодець!
Что сидишь-то ты да закручинился и запечалися?
Или яства тебѣ да не по уму,
245. Или невѣста тебѣ не по любви,
Или гусельщички тебѣ да не по разуму“?
Тутъ проговорилъ посоль да Леховицкіи:
„Нѣтъ-ли у васъ хорошихъ гусельщичковъ
Изъ молодыхъ затюремщичковъ“?
250. Какъ тутъ Владимиръ князь прираздумался
И самъ онъ говоритъ таково слово:
„Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра,—разгнѣвить посла“.
И достали тутъ Ставра изъ погребовъ глубокихъ,
255. Изъ-за рѣшотокъ за желѣзныхъ.
И тутъ началъ Аставерстъ сынъ Гординовичъ поигрывать,
И посоль да Леховицкіи сталъ продрыгивать,
И сталъ по свѣтлой свѣтлицѣ похаживать,
И сталъ онъ выговаривать:
260. „Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичъ!
Какъ мы съ тобою съ молода любилися,
И въ грамотѣ съ тобою да училися:
У меня была чернильничка серебрянная,
А у тебя было перышко лебединое,
265. И какъ я попадала тогда, тогда,
А ты попадалъ всегда, всегда“.
А тутъ проговорилъ Аставерстъ да сынъ Гординовичъ:
„Какъ мы съ тобою съ молода не любилися,
Въ грамотѣ съ тобою не училися“.
270. И тутъ возговорилъ посоль да Леховицкіи:
„Ты послушай, Аставерстъ да сынъ Гординовичъ!
Какъ мы съ тобою въ зеленомъ саду погуливали
И въ свачку съ тобою поигрывали,—
У тебя-то была свачка серебрянная,

275. А у меня было колечко позолоченое:
Я попадала тогда, тогда,
А ты попадалъ всегда, всегда“.
А тутъ возговорилъ Аставерстъ да сынъ Гординовичъ:
„Мы съ тобою въ зеленомъ саду не погуливали,
280. И въ свачку съ тобою не поигрывали“.
И тутъ возговорилъ посолъ да Леховицкіи:
„Ты послушай-ко, Владимиръ князь стольно-кіевскій!
За что былъ посаженъ Аставерстъ въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“?
285. Тутъ возговорилъ Владимиръ князь стольно-кіевскій:
„Онъ какъ былъ у насъ на пиру, самъ расхвастался
Своей-ли онъ молодой женой похвальной:
„Какъ у меня-то есть молодая жена Настасья Никулична,
Она всѣхъ васъ князей-бояръ въ полонъ возьметъ,
290. А тебя, князя Владимира, съ ума сведетъ““.
За то онъ былъ посаженъ въ погреба во глубокія,
За рѣшотки за желѣзныя“.
И тутъ-ли посолъ да Леховицкіи
Роскидываетъ платье цвѣтное,
295. Роскрываетъ свою бѣлую грудь,
И сама говорить: „А я то кто“?
Тогда видѣли молодцовъ на добрыхъ коней сядучи,
А не видѣли какъ поѣдучи.
Тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ
300. И Аставерста Гординовича.
Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическій Отдѣлъ И.
Русс. Геогр. Общества.

***60 Молодецъ и королева *).**

- Да былъ-то молодецъ да одишешенекъ,
Онъ охочъ гулетъ да загуливать,
Долги вечера прохаживать,
Осенны ночки прогуливать,
5. По зеленымъ по затрясьямъ погуливать,
Да стрѣляти сѣроплавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ молодцевъ сѣлезней.
И жанилъ-то удалого добраго молодца
И жанилъ-то батюшко и матушка
10. Неволею и неохотою.

*) Походженія безыменнаго молодца приписаны сказителемъ этой былинны Василію Буслаевичу.

- да приданого много, человѣкъ-отъ худой;
Да приданое-то большое на грядки висить,
Да зѣлота монета въ кованомъ ларцы,
Да худое-то женишко на руки да лежить,
15. На руки-то лежить, ды во глаза-то гледить,
Во глаза гледить, цѣловать-то велить.
Цѣловать-то мни да ей не хочетца,
Да животъ-то сердечко не воротитца,
Да все животъ-то сердечко все болѣетца.
20. Тутъ и вздумался удалой доброй молодець;
Заплели по самоцвѣтному да по камешку
Да во эти лапотыки во шелковыи,
Да съ рожденными родительмы да прощаетца;
Да худая-то жанишецька да на умъ нейдѣ.
25. Да Дунай, Дунай, да на столъ-то собирай,
Да любимой пить-ли, ись хочетца;
Да сегодняшній день удалой доброй молодець не обѣдываль,
И хлѣба нѣтъ,—не поужиналь.
Какъ отвѣтъ-то жонка подасть да голосомъ:
30. Да видь по мосту покатысься, за порогъ-то руками захватисься!
Да и день-то идѣ онъ по красному по солнышку,
Да видь ночь идѣ по самоцвѣтнымъ по камешкамъ.
И пошелъ удалой да доброй молодець
Изъ земли въ землю да изъ орды во орду,
35. Да видь шель удалой доброй молодець,
Да видь шель ѣнъ да къ королю въ Литву.
Да приходитъ удалой доброй молодець
На королевской дворъ.
Увидали тутъ его слуги вѣрные,
40. Слуги вѣрные, слуги подданны.
Ѣнъ проговоришь удалой доброй молодець
Да проговоришь таковъ словъ:
„Вы скажите-тко, да слуги вѣрные:
Да пришелъ удалой доброй молодець,
45. Да пришелъ-то онъ да отъ города,
И отъ города видь отъ Кіева;
Да пришелъ-ли я да къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву да въ услуженіѣ“.
Да видь эти тутъ да слуги вѣрные
50. Да шли-то тутъ да въ покои королевскіе,
Да сказали-то королю да таковъ словъ:
„Ай же ты король да земли Литовской!
На твоёмъ ли на двори да королевскоёмъ
Да стоитъ-то удалой доброй молодець;

55. Да пришелъ-ли то онъ да отъ города,
И отъ города ды отъ Кіева,
Да пришелъ-ли къ вамъ да въ у(о)служеніе“.
Говориль-ли тутъ король земли Литовскойей:
„Ай же вы мои да слуги вѣрные,
60. Да возьмите-тко уда́ла добра мо́лодца.
Да во эты видь покои королевськіи!“
Да приходитъ и уда́лой доброй молодець,
Онъ крестъ-то кладеть по писаному,
Да поклонъ-то ведеть да по ученому,
65. На двѣ, на три, на четыре сторонки поклонился,
Королю-то дѣлаё поклонъ да и въ осѣбину.
Онъ проговорить король да земли Литовско́ей:
„Да ты удалой доброй мо́лодецъ,
Да садись-то ты съ дороженьки со широкіе,
70. На дубовой стуль ды й по́бдохни!“
Й отвѣчае тутъ уда́лой доброй молодець:
„Ай же ты, король земли да Литовско́ей,
Недосугъ-то сидѣть да разсиживать“.
Да за-то то король да много жалуё:
75. „Ай же ты, удалой доброй молодець,
Да ты у меня на дворѣ служи да приворотникомъ!“
Тутъ я служу уда́лой доброй молодець.
На двори-то видь служилъ да приворотникомъ;
Да вина-то горькаго тутъ не пивываль,
80. Бѣлымъ сахаромъ-то видь я да не закусываль;
Да Господь Богъ меня-то да тутъ помиловаль,
Да король-то Литовской много жаловаль;
Да и жилъ-то я ды въ конюхахъ;
Да вина-то видь удалой добрый молодець не пиваваль,
85. Бѣлымъ сахаромъ не закусываль;
Да Господь Богъ меня помиловаль,
Да король Литовской много жаловаль:
„Да видь третій-то годъ живи да во по́варахъ“.
Да вина-то горькаго да й не пивываль,
90. Бѣлымъ сахаромъ-то я да не закусываль.
Да щетвертый-то годъ жилъ ды во ключникахъ.
Да вина-то уда́лой доброй молодець не пивываль,
Бѣлымъ сахаромъ ды я да не закусываль.
Да восемь лѣтъ онъ жилъ да со дочерью,
95. Да со дочерью да съ королевскою:
Спаль-ли я-то ѱ ней да на право́й-то руки,
На правой-то руки, у бѣлой да груди.
Да проходить-то времени двѣнадцать лѣтъ;

- По рожденнымъ родителямъ ему да стосковалося,
100. Да худая-то жанишецько на умъ нейдѣ.
Пошель-ли добренькой мблodeць,
Пошель отъ короля съ Литвы,
Да идетъ то онъ по городу
По городу по Киеву ¹⁾.
105. Выходить изъ домишецька питѣйнаго,
Выходить тутъ бабеночка турыжная,
Да турыжная сама ды ярыжная,
И къ удалому добру молодцу подхаживаетъ,
Да сама-то говорила таково да слово:
110. „Ай же ты, удалой доброй молодець,
Приустали да твои рѣзвы ноженъки
Во пути большой ды дороженьки;
Примахались твои рученьки бѣлыи
Во пути большой ды дороженьки;
115. Принакачалась твоя буйная головушка
И во пути большой да дороженьки;
Призасвегли уста твои сахарныи
Во пути большой да дороженьки.
Зайди-тко ты, удалой доброй молодець,
120. Да во это-то видь домишко, да во питейное,
Да ты выпей-ко видь чару зелена да вина,
Да дрѹгую выпей похмельною,
Звесели свою буйную да головушку,
Розмочи свое ретливое сердечюшко!“
125. Какъ заходить-то удалый доброй молодець
Во это видь домишецько да во питейное,
Какъ съль-ли то удалой доброй молодець
Да на эту на скамеечку дубовую;
Наливаетъ она чару зелена да вина,
130. Да дрѹгую наливае похмельною;
Звеселилъ свою буйную головушку,
Окатилъ свое ретливое сердечюшко;
Енъ какъ выпилъ-то удалой доброй молодець,
Выпилъ чару зелена да вина,
135. Дрѹгую выпилъ похмельною,
Да похвасталь-ли енъ да красной дѣвушкой:
„Жиль-ли я удалой доброй мблodeць
Жиль-ли у короля въ Литвы двѣнадцать лѣтъ,
Первой-то годъ на двори приворотникомъ;
140. Тутъ Господь меня Богъ да помиловаль,

¹⁾ При повтореніи: по Киеву.

- Да король-то Литовської много жаловаль;
Другой-то годъ жилъ ды во конюхахъ;
Господь и Богъ мя тутъ да помиловаль;
Третій годъ-то жилъ да во пбварахъ;
145. Тутъ Господь Богъ меня миловаль;
Да щетвертой-то годъ жилъ во ключникахъ;
Да Господь Богъ меня тутъ помиловаль;
Тутъ я восемь лѣтъ жилъ да со дочерью,
Спаль-ли я то у ней на правбй руки,
150. На правой руки, у бѣлбй груди".
Услыхали тутъ люди вѣрныи,
Тутъ какъ сковали да дббру молодцу,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
Да связали тутъ ему уда́лому добру молодцу,
155. Да связали тутъ ему да бѣлы рученьки,
Да завѣсили ему да очи ясныи,
Да повели-то уда́ла доброго мблодца
Да на это-ли поле куликовое,
Отрубить-то ему да буйна гблова,
160. Да придати-то смерть ему да напрасная,
Да видъ вынять-то ему сердце со печенью.
Онъ прогбворить уда́лой доброй мблodeцъ,
Проговорить да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
165. Ай же вы, слуги подданныи,
Ай же вы, слуги короля Литовскаго,
Вы ведите-тко меня да мимо королевъ да й домъ,
Послѣднѣ мнѣ съ ней да проститися,
А послѣднѣ разставатися!“
170. И повели его уда́ла добра мблodeца
Супротивъ дому королевичныи,
Противу окошекъ косивчатыхъ;
И крикнулъ уда́лой доброй мблodeцъ
И крикнулъ онъ голосомъ громкимъ:
175. „Ай же ты, дочь королевская,
Послѣднѣ мнѣ съ тобой проститися,
Послѣдне разставатися!
А зашель-ли я на царевъ кабакъ,
Выпилъ чару зеленá вина,
180. Другую выпилъ похмельнюю,
И похвасталъ тобой да красной дѣвушкой;
Услыхали тутъ да слуги вѣрныи,
Услыхали тутъ да слуги подданныи,
И повели меня на поле куликово

185. Придати да мнѣ смерть напрасную,
Да выняти мнѣ сердце со печенью!“
Она проговорить дочь да дочь королевская:
„Ай же вы, слуги вѣрныи,
Ай же вы, слуги подданны
190. Короля ды Литовскаго,
Вы возьмите съ меня денежекъ да пятьдесятъ рублей,
Вы роскуйте удалого добра молодца,
Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи,
Розвяжите ему да ручки бѣлыи,
195. Да откройте ему да очи ясныи;
Не ведите его да на поле куліково,
Не рубите ему да буйну голову,
Не придайте его смерти напрасныи,
Да не выньте ему сердце со печенью!“
200. Взяли съ ней да денегъ пятьдесятъ рублей,
Розвязали ему да ножки рѣзвыи,
Роспутали ему да ручки бѣлыи,
Открыли ему да очи ясныи.
Эта взяла да дочь королевская,
205. Взяла-то да удалого добра молодца,
Во новы сѣны да во рѣшетчаты,
Въ покой-то возводитъ въ королевскіи,
Да сама-то говорила таковыя словы:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
210. Удалой ты да доброй молодець,
Не зайди-тко ты больше на царевъ кабакъ,
Да не выпей-ко болѣ чары зелена вина,
Да не выпей-ко похмельныи,
Не похвастанъ мной да красной дѣвушкой.“
215. Дала эта дочь да королевская,
Дала ему денегъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтинкою.
Онъ пошелъ удалой доброй молодець,
Не зашелъ болѣ тутъ да на царевъ кабакъ;
220. Онъ пошелъ тутъ да изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду;
Да приходитъ онъ тутъ да ко своей стороны;
Да пришло ды тутъ три рѣзтани,
Три рѣзтани, три любимыи:
225. Первая рѣзтанъ ведетъ да къ роду племени,
Друга рѣзтанъ ведетъ да къ родителямъ,
Третья рѣзтанъ ведетъ да къ худой женѣ.
Онъ роздумалъ да Василій-отъ Буслаевичъ,

- Да пойти мнѣ-ка, Василию Буслаевичу,
230. Да пойти мнѣ къ роду племени,—
Имъ мѣня видь не спознать;
Да пойти мнѣ къ рождѣннымъ родителямъ,—
Да живыхъ мнѣ ихъ не достать;
Я пойду удалой доброй молодець
235. Къ молодой да ко худой женѣ.
Приходитъ тутъ удалой доброй молодець;
Да стоитъ-то тутъ палата бѣлодубова,
Да у той полаты бѣлодубовой
Два юнчика тутъ похаживаютъ;
240. Да спросить онъ этихъ юнчиковъ маленькихъ:
„Да чьи же вы юнчики маленькіе?“
Отвѣчаютъ юнчики маленькіе:
„Ай же ты, нашъ родной дяденька,
Нѣтъ у насъ родного татеньки,
245. Ушелъ же нашъ родной татенька къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву въ услуженіе,
А проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;
Есть у насъ одна маменька.“
„Ай же вы, да юнчики маленькіе,
250. Вы скажите своей родной маменьки:
Да пришелъ нашъ родной татенька,
Стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой“.
Да бѣжали эти юнчики маленькіе
255. Да во ту полату бѣлодубовую:
„Ай же ты, наша родна маменька,
Да пришелъ же нашъ родной татенька,
Да стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой.“
260. Да стала это молода жена несчастная
На свои на рѣзвыя ноги,
Идетъ покоемъ бѣлодубовымъ,
Выходи она во сѣни рѣщещаты,
Да на это-ли на крылецько на дубовое;
265. Увидала-то она да добра молодца,
Да стоитъ-ли онъ на улицы на широкой
Да у этой у площадки у дубовой;
Да проговорить она, жена несчастная:
„Ай же ты, удалой доброй молодець,
270. Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился ты, да нагулялся ты,
Да пришелъ назадъ къ молодой къ худой женѣ!“

- Тутъ взяла молода жена несчастная
Она опуцалась по этимъ по ступенецькамъ по крутымъ
275. На эту на площадку на дубовую,
Она брала-то Василья да Буслаевича,
Брала-то за рученьки за бѣлыи,
За эти за персни злачѣныи,
Цѣловала во уста сахарныи,
280. Сама говорила да таковы слова:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился же ты да нагулялся ты,
А пришелъ же ты назадъ да къ молодой къ худой жены;
А ведетъ же тутъ въ покои бѣлодубовыи;
285. Оны крестъ-то кладутъ да по писаному,
А поклонъ ведутъ да по ученому;
На двѣ, на три, на четыре стороны поклоняются,
Божьей Матери поклонъ въ особину.
Сталь-то жить да Василій-то Буслаевичъ,
290. Сталь-то жить да со худой да женой,
Стали оны жить да быть, добро наживать,
Добро наживать, да лихо избывать,
Лихо избывать, да медъ-пиво пить;
По усамъ текло, да въ ротъ не дошло.
295. Тебѣ, старинушка, славу поють!

Записана О. М. Истоминамъ въ 1886 г., отъ сказителя В. П. Щеголеня, въ дер. Бояршиной, Петрозаводск. у., Олонецк. губ.

*61. Василій Буслаевичъ.

- Какъ жилъ Буславлюшко девяносто лѣтъ, онъ не славился;
Поперекъ дорожки не ставился,
Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ да спору не было.
5. Живучись Буславлюшко представился;
Оставалось его чадо милое,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичъ.
И зачалъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И зачалъ Васильюшко шуточки пошучивать:
10. Кого хватить онъ за руку,
Руку рветъ изъ плеча онъ вонъ;
Кого хватить онъ за ногу,
Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватить за головушку,
15. Головой вертитъ, будто пугвицей.

- Да пойти мнѣ-ка, Василию Буслаевичу,
230. Да пойти мнѣ къ роду племени,—
Имъ мѣня видь не спознать;
Да пойти мнѣ къ рожденнымъ родителямъ,—
Да живыхъ мнѣ ихъ не достать;
Я пойду удалой доброй молодець
235. Къ молодой да ко худой женѣ.
Приходитъ тутъ удалой доброй молодець;
Да стоитъ-то тутъ палата бѣлодубова,
Да у той полаты бѣлодубовой
Два юнчика тутъ похаживаютъ;
240. Да спросить онъ этихъ юнчиковъ маленькихъ:
„Да чьи же вы юнчики маленькіе?“
Отвѣчаютъ юнчики маленькіе:
„Ай же ты, нашъ родной дяденька,
Нѣтъ у насъ родного татеньки,
245. Ушелъ же нашъ родной татенька къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву въ услуженіе,
А проходитъ-то времени двѣнадцать лѣтъ;
Есть у насъ одна маменька.“
„Ай же вы, да юнчики маленькіе,
250. Вы скажите своей родной маменьки:
Да пришелъ нашъ родной татенька,
Стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой“.
Да бѣжали эти юнчики маленькіе
255. Да во ту полату бѣлодубовую:
„Ай же ты, наша родна маменька,
Да пришелъ же нашъ родной татенька,
Да стоитъ на улицы на широкой,
На площадки дубовой.“
260. Да стала это молода жена несчастная
На свои на рѣзвыя ноги,
Идетъ покоемъ бѣлодубовымъ,
Выходи она во сѣни рѣшешаты,
Да на это-ли на крылецько на дубовое;
265. Увидала-то она да добра молодца,
Да стоитъ-ли онъ на улицы на широкой
Да у этой у площадки у дубовой;
Да проговорить она, жена несчастная:
„Ай же ты, удалой доброй молодець,
270. Ай же ты, Василий да Буслаевичъ,
Находился ты, да нагулялся ты,
Да пришелъ назадъ къ молодой къ худой женѣ!“

- Тутъ взяла молода жена несчастная
Она опушалась по этимъ по ступенецькамъ по крутымъ
275. На эту на площадку на дубовую,
Она брала-то Василья да Буслаевича,
Брала-то за рученьки за бѣлыи,
За этии за персни злачѣнии,
Цѣловала во уста сахарныи,
280. Сама говорила да таковы слова:
„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,
Находился же ты да нагулялся ты,
А пришелъ же ты назадъ да къ молодой къ худой жены;
А ведетъ же тутъ въ покои бѣлодубовыи;
285. Оны крестъ-то кладутъ да по писаному,
А поклонъ ведутъ да по учѣному;
На двѣ, на три, на четыре стороны поклоняются,
Божьей Матери поклонъ въ особину.
Сталь-то жить да Василій-то Буслаевичъ,
290. Сталь-то жить да со худой да женой,
Стали оны жить да быть, добро наживать,
Добро наживать, да лихо избывать,
Лихо избывать, да медъ-пиво пить;
По усамъ текло, да въ ротъ не дошло.
295. Тебѣ, старинушка, славу поють!

Записана Ѳ. М. Истомнымъ въ 1886 г., отъ сказителя В. П. Щеголенка, въ дер. Бояршиной, Петрозаводск. у., Олонецк. губ.

*61. Василій Буслаевичъ.

- Какъ жилъ Буславлюшко девяносто лѣтъ, онъ не славился;
Поперекъ дорожки не ставился,
Съ каменной Москвой не перечился,
Съ Новымъ-городомъ да спору не было.
5. Живучись Буславлюшко представился;
Оставалось его чадо милое,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичъ.
И зачалъ Васильюшко по Нову-граду похаживать,
И зачалъ Васильюшко шуточки пошучивать:
10. Кого хватить онъ за руку,
Руку рветъ изъ плеча онъ вонъ;
Кого хватить онъ за ногу,
Ногу рветъ изъ ходиловъ вонъ;
Кого хватить за головушку,
15. Головой вертитъ, будто пугвицей.

- И стали жалобы доходить
Къ его родной матушки
Пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны:
„И ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
20. Унимай-ко ты свое чадо милое,
Молодого Василья Буславьевича,
Что онъ ходитъ по городу уродуетъ,
И шуточки онъ пошучиваетъ:
Кого ухватить за руку,
25. У того рука прочь;
Кого за ногу, у того нога прочь;
Кого ухватить за головушку,
И головой вертеть, будто пугвицей.
А ты не уймешь, такъ мы уйдемъ“.
30. И дождалась честна вдова Мальфа Тимофеевна
Своего-ли чада милаго,
Молода Василья Буславьевича,
А сама говорить таково слово:
„Ай же ты, мое чадо милое,
35. Молодой Василей да Буславьевичъ!
Что-же ты ходишь по городу, уродуешь?
По что-же хватаешь за руки,
Руку рвешь изъ плеча вонъ,
По что хватаешь за ноги,
40. Ногу рвешь изъ ходала вонъ;
Когохватишь за голову,
Головой вертишь, будто пугвицей?
А въ твои ты годы отецъ безъ портокъ ходилъ,
Не имѣлъ онъ въ карманѣ ста рублей,
45. А имѣлъ дружину хоробрую.
И нѣту у тебя заступщиковъ,
И некому за тебя заступитися“.
Эты рѣчи Василей понимаетъ,
И беретъ чернила со бумагою,
50. И написалъ онъ письмо да скорописчато:
„И что тати, разбойники ко мнѣ на дворъ,
Плутъ, мошенникъ къ моему двору,
Къ моему двору Василья Буславьеву,
А не роботы роботать деревенскія,
55. А пить зелена вина безденежно.“
И бросалъ письмо на Волховъ мостъ
И самъ выкатилъ бочку зелена вина,
Зелена вина да сорока ведеръ,
Сорока ведеръ себѣ на шпрокой дворъ.

60. И наливаетъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
И тыя мужички да Новгородскія
Подняли письмо на Волховомъ мосту
И пошли то ко двору да ко Буславьеву.
63. Тутъ стоитъ Василей да сынъ Буславьевичъ
И говоритъ Василей таково слово:
„Кто подойдетъ чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра,
И подойдетъ чару единою рукой,
70. И выпьетъ чару на единой здохъ,
Стерпитъ-то черяной вязъ въ буйну голову,
Тотъ попадетъ ко мнѣ въ дружину хоробрую“.
Идетъ-то Иванище сильнее,
Беретъ-то онъ чару единою рукой,
75. Выпиваетъ онъ на единой здохъ,
И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ въ буйну голову.
А стоитъ Иванице, не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
80. И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Иванища сильного во свой теремъ златоверховатой
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити,
Ко своей родители ко матушки,
85. Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевной,
И тотъ прошоль, такъ идной пошоль:
Идетъ тутъ Потанюшка Хроменькой
И принимается за чару единою рукой
И выживаетъ чару за единою здохъ,
90. И ударитъ Василей червяннымъ вязомъ,
Червяннымъ вязомъ да въ буйну голову;
А стоитъ-то Потанюшка не стряхнется,
Не стряхнется и не ворохнется,
И съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
95. И зазывалъ Василей Буславьевичъ
Во свой теремъ златоверховатой
Хлѣба-соли кушати
И бѣлыя лебедушки рушити
Ко своей родители ко матушки,
100. Ко честной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тотъ прошоль, такъ идной пошоль:
Тутъ идетъ Васинька Маленькой,
Принимается за чару единою рукой

- Говорить Василей сынъ Буславъевичъ:
- 105 „Не поднять-ти чары единой рукой
И не вышить чары на единой здохъ“.
И плюнулъ Васька и прочь пошолъ
И самъ говоритъ таково слово:
„Ты молодой щенокъ, Василей да сынъ Буславъевичъ,
110. Не узналъ молодца, а обезчестилъ меня“!
И тутъ молодой Василей да Буславъевичъ
Набѣжалъ онъ вслѣдъ съ червяннымъ вязомъ
И ударить Василья червяннымъ вязомъ да въ буйну голову.
Идетъ Васька да не страхнется,
115. Не страхнется и не сворохнется,
Съ буйной головы колпакъ не ворохнется.
И говоритъ тутъ Василей да Буславъевичъ:
„Развѣ сила у меня да не по старому
И вѣрно чернянъ-то служить не попрержнему“.
120. И лежитъ горючей бѣлой камешокъ,
И ударилъ червяннымъ вязомъ въ бѣлой камешокъ,
И разсыпался камешокъ на мелки части.
И забѣжалъ молодой Василей да сынъ Буславъевичъ
Къ Васиньки Маленькому, сталъ просить
125. Хлѣба-соли кушать, бѣлыя лебедушки рушить.
И собрались тутъ мужики Новгородскіи:
Идной-то пьеть нападкою,
А идной-то пьеть рукавицою.
И напились мужики новгородчана,
130. Поспорили оны и повздорили;
И началъ молодой Василей да сынъ Буславъевичъ
Мужиковъ онъ попинывать,
И началъ мужиковъ онъ поталкивать:
Идной-то идетъ скривя бокъ,
135. Идной-то идетъ скривя голову,
Идной-то идетъ да прихрамываетъ,
Идной идетъ руки накосо.
Говорятъ мужики да новгородчана:
„Какъ у двора да у Буславъева,
140. Не упито было, не уѣдено,
Безвѣчье-то на вѣкъ завезено“.
Какъ тѣ-ли мужички да Новгородчана
Завели свой-ли оны да почесной пиръ
У того у Викулы Окулова,
145. И не зовутъ молодого Василья Буславъевича
Со своей дружиной хороброю.
И проговорить Василей да Буславъевичъ

- Своей дружины хороброю:
„Ой же вы, мои братьица,
150. Пойдемте-тко вы во почесной пиръ
Ко тому-ли Викулѣ да къ Окулову“.
И справился Василей да Буславъевичъ
Со своей дружиною хороброю
На тотъ хорошъ, на почесной пиръ.
155. Идутъ оны къ широку двору;
Тутъ увѣдали мужички Новгородчана,
Что идетъ Василей да Буславъевичъ,
И заложили ворота крѣпко нѣ крѣпко.
И говоритъ молодой Василей да Буславъевичъ:
160. „Ай же ты, Васинька Маленькой!
Обскочитко ты да широкой дворъ,
Найдитко ты витрянку ¹⁾ маленьку,
Подымитко ты за широкимъ дворомъ,
И заскочитко ты на широкой дворъ,
165. И отворитко ворота ты на пяту,
И зазовитко меня да во почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулѣ къ Окулову“.
И Васинька Маленькой обскочилъ широкой дворъ,
И нашолъ витрянку маленьку,
170. И зашолъ на широкой дворъ,
И отворилъ ворота ты на пяту,
И зазывалъ Василія въ почесной пиръ,
Ко тому-ли Викулѣ къ Окулову
Со своей-то дружиной хороброю.
175. И тутъ молодой Василей да Буславъевичъ
Садился онъ во большой уголъ,
Въ больше мѣсто за дубовый столъ.
И дѣлать нечего мужикамъ Новгородчанамъ,
И тутъ начали Василія то упивать;
180. И пьяныма глазами Василей Буслаевичъ
Поросхвастался и ударилъ онъ о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ.
Пировали, столовали и пошли оны
Въ свой теремъ златоверховатой
185. Ко пречесной вдовы Мальфы Тимофеевны.
И тутъ спрашиваетъ родна матушка:
„Ай же, мои дѣти, дѣти милыя,
Каково то васъ на пиру да почествовали“?
Говорятъ то дѣточки таково слово:

¹⁾ Жердь.

190. „Что большой нашъ братъ да отоманицо
Ударился онъ да о великъ закладъ
Биться-драться на весь Новъ-городъ“.
И его родна матушка
Сожалѣла своего чада милого,
195. Молодого Василья Буславьева,
Снесла перину въ погреба глубокія,
Положила зголовьицо высокое,
Положила одѣяло соболиное.
И свела своего чада милого,
200. Молодого Василья Буславьева,
И заложила въ погреба да во глубокія,
А сама поклала злата, серебра и скачного жемчуга
И пошла къ полицейскимъ начальникамъ,
Къ городничему Фомы да Родіоновичу:
205. „Вы возьмите-тко вы злато и серебро,
И возьмите-тко скачного жемчуга,
И не троньте-тко моего чада милого,
Молодого Василья Буславьевича,
И простите-тко его да во большой вины,
210. И пьяны глазами ударился
Онъ да о великъ закладъ“.
И говорятъ полицейскіи начальники,
Городничинъ Фома да Родіоновичъ:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
215. Не надоть намъ злата и серебра
И ни скачного жемчуга,
А надоть головка Васильева“.
И тутъ пошла чесна вдова, заплакала.
И ночь та тутъ да скороталася;
220. Заутра собирались мужички да Новгородчана,
Ищутъ молода Василья Буславьевича,
Его-то братицовъ, дружину хоробрую.
Имъ связали ручки бѣлыя,
И сковали ножки рѣзвыя,
225. И загнали ихъ въ Пучай рѣку.
И пошла та нянька Буславьева
На Пучай рѣку мыть то платя цвѣтного.
И мужики да Новгородчана
Захватили няньку Буславьеву:
230. „Ты отдай-ко своего хозяина
Молодого Василья Буславьева,
И тебя туда же свяжемъ съ его братьями“.
И какъ вырывалась нянька Васильева

- Отъ мужиковъ да Новгородчановъ,
235. И бѣжить она къ погребу глубокому,
И ударить коромысломъ двери погреба,
И разлеталися двери на три четверти.
И говоритъ она таково слово:
„Что молодой Василей да Буславьевичъ,
240. Спишь да ты, прохлаждаешься,
А надъ собой невзгоды не вѣдаешь:
Какъ твоей дружины хороброй
Имъ связаны ручки бѣлыя,
Имъ скованы ножки рѣзвыя,
245. И загнаны оны во Пучай рѣку“.
И какъ выскочилъ молодой Василей сынъ Буславьевичъ
Изъ погреба глубокого,
Не попало ему червянной вязъ,
А попало ему осицо телѣжное,
250. Телѣжное осицо, желѣзное,
Желѣзное осицо девяноста пудъ,
И зачалъ онъ съ осью похаживать,
И началъ осью помахивать:
Куда махнетъ,—туда улица,
255. А повернется,—да переулочокъ.
И разбѣжались мужички да новгородчана,
И видятъ мужики бѣду неминучую,
И затыкаютъ дыру свою онучою,
Что не состоятъ буде съ Васильемъ Буславьевымъ,
260. И шли они въ монастырь Сергіевъ
И созвали старца Приугрюмища.
И идетъ старецъ Приугрюмища,
Сто пудовъ колоколь несетъ
А языкомъ онъ да подперается,
265. А самъ онъ говоритъ таково слово:
„Я иду да колоколь несу,
Не колоколь несу, а Василью смерть несу“.
Какъ наскочилъ молодой Василей сынъ Буславьевичъ
И самъ онъ говоритъ таково слово:
270. „Ай же ты, кресной батюшко!
Не даль ты яичка о Христови дни,
А я дамъ тебѣ яичко о Петрови дни“!
И ударилъ Василей сынъ Буславьевичъ,
И колоколь на мелки части розсыпался!
275. И ухватилъ Василей старца на руки
И сшибалъ его да подъ вышиночку,
А самъ стоячись пороздумался:

- Отца креснаго убить не спасенье зались ¹⁾.
А самъ говоритъ Василей таково слово:
280. „Отець кресной, старецъ Приугрюмищю!
Иди-тко назадъ да во Сергіевъ,
Молись-ко Богу Господу,
А въ нашо дѣло не вникайся ты“.
И тутъ началъ Василей по Нову-городу похаживать,
285. По зауголкамъ мужичковъ поколачивать,
И тыя-ли полицейскіи начальники
И Фома да Родіоновичъ,
Наклали золота, серебра,
Да и скачного жемчуга;
290. И пошли ко чесной вдовѣ Мальфы Тимофеевны,
И говорятъ оны таково слово:
„Ай же ты, чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
Возьми-тко ты золото и серебро
А уговори-тко своего чада милого,
295. Молода Василья Буславьева“.
И тутъ проговорить чесна вдова,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна:
„Я къ вамъ ходила со золотомъ и серебромъ
И со скачнымъ жемчугомъ,
300. А вы у меня да не приняли;
А буде такъ могу уговорить
Своего чада милого,
Молодого Василья Буславьева“.
И пошла она къ Василью Буславьеву на Новъ-городъ,
305. И зашла сзади и клала свои руки бѣлыя.
Василью на могучи плечи
И сама говоритъ таково слово:
„Ай же мое чадо милое,
Молодой Василей да Буславьевичъ!
310. Укrotи свое сердце богатырское“.
Какъ тутъ молодой Василей да Буславьевичъ
Послушалъ онъ своей родной матушки,
Укrotилъ онъ сердце богатырское
И приходитъ онъ въ свой теремъ златоверховатой
315. И говоритъ своимъ роднымъ братьяцямъ:
„Ой мои братьяца родные!
Складемся-ко мы на стружечки-витляночки
И поѣдемъ-ко мы ко граду Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,

¹⁾ т. е. зацвѣтъ = найти.

320. Господу Богу помолитися,
И ко Христовой гробницы приложитися“.
И говорятъ ему родны братьица:
„Ужь ты большой братъ отоманищо,
Молодой Василей да сынъ Буславьевичь!
325. Куда ты пойдешь, туда и мы пойдемъ“.
И проговорить Василей да Буславьевичь:
„Ай ты, родимая наша маминька,
Чесна вдова Мальфа Тимофеевна!
А ты дай-ко намъ прощенье съ бласлоненьицомъ
330. Ъхать къ городу Еросолиму,
Ко святой святыни и ко Божьей церкви,
Господу Богу помолитися,
И Христовой гробницы поклонитися“.
И проговорить имъ родна матушка:
335. „Ой же вы, мои дѣточки!
Добро вы, дѣтушки, вздумали:
Буди на васъ прощенье съ бласлоненьицомъ!“
И склались молодцы на стружочки-витляночки
И поѣхали ко граду Еросолиму.
340. Никая молодцовъ погода не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколь летить.
И прѣвзжали къ граду Еросолиму
И пошли въ Ерданъ-рѣку купатися.
Братья купаются въ рубашечкахъ,
345. А молодой Василей Буславьевичь тѣломъ нагѣимъ.
И стоитъ на другой стороны
Дѣвица прикрасивая
И сама говоритъ таково слово:
„Ахъ ты, молодой Василей да Буславьевичь!
350. Не слѣдуетъ купаться тѣломъ нагѣимъ,
А слѣдуетъ купаться въ рубашочки“.
И проговорить молодой Василей Буславьевичь:
„Ай же ты, красна дѣвица!
Какъ была ты, дѣвица, на сей сторонѣ,
355. Я бы сдѣлалъ тебѣ двухъ мальчиковъ,
Двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей“.
А тутъ плюнула дѣвица и прочь пошла.
И сходили оны во святу святыню во Божью церковь,
И служили-то молебны заздравныя,
360. Господу Богу молилися,
И гробницы Христовой приложилися.
И стала у Василья головушка побаливать,
И поѣхали отъ града Еросолима ко Нову-граду,

- И ѣхали оны до Фоворъ-горы,
365. И привернули на Фоворъ-гору поотдохнуть;
И лежитъ бѣль-горючей камешокъ
А на камешки подпись подписана:
„Кто камень перескочить, силы вдвое прибудеть“.
И начали скакать его братія,
370. И перескочили всѣ три братица
Бѣлой-горючей-то камешокъ,
И проговоритъ Василей Буславъевичъ:
„Я скочу и назадъ отскочу“!
Какъ скочилъ Василей Буславъевичъ
375. Чрезъ бѣль-горючей камешокъ
И назадъ отскочилъ до полу камешка,
И палъ на бѣлой горючей камешокъ,
И розбилъ свою буйную голову,
И самъ говорить таково слово:
380. „Ой мои братица родные!
Поѣжайте-тко къ родителю матушки
И скажите поклонъ ей и вѣсточку,
Что сосватался Василей
На Фоворъ славной горы,
385. А женился на бѣломъ-горючемъ камешки“.
И поѣхали братица ко Нову-граду,
Никакая погода ихъ не сдерживала,
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летитъ.
И приѣзжали оны ко чесной вдовы,
390. Чесной вдовы да Мальфы Тимофеевной.
И стрѣчаетъ ихъ родна матушка:
„Ай же мои дѣточки милые,
Гдѣ-же у васъ большой братъ да отоманицо,
Молодой Василей да Буславъевичъ“?
395. И говорятъ оны таково слово:
„Что сосватался Василей на Фоворъ-горѣ,
А женился на бѣломъ-горючемъ камешки“.
Тутъ ихъ матушка плакала:
„Что не надо мнѣ ни злата, ни серебра,
400. Ни скачного жемчуга“.
Раздала свое имѣніе по Божьимъ церквамъ,
И по честнымъ монастырямъ,
И по нищой по братіи;
И поминала своего чада милого,
405. Молодого Василья Буславъевича.
И тутъ Василью славу поють,

Синему морю тишину даютъ,
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записана сказителемъ И. А. Касьяновымъ и доставлена имъ въ Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Геогр. О-ва.

*62. То-же

- Жилъ Буслаюшко не старился,
Вдругъ Буслаюшко состарился.
Оставалоси да цядо милое,
Цядо милое, Василій сынъ Буслаевичъ.
5. Сталь Васильюшко конемъ владать,
Конемъ владать, копьемъ шормовать,
Сталь Васильюшко ходить по улущки,
Кого въ ногу пне—ножку выпинывать,
Кого за руки фатить—руцьку выхватить,
10. Кому въ голову ударить—тому смерть придаеть.
Сдѣлался поцестной пиръ,
Вси-то на пиръ собиралисє,
Всѣ-то на поцестномъ напивалисє,
Всѣ-то на пиру да наѣдалисє,
15. Нашъ Васильюшко не пье, не ѣсть, не кушає.
„Что Васильюшко не пьєшь, не ѣси?
Видно мѣсто теби да не по разуму,
Видно цяра теби вина не рядомъ пришла,
Пьяница-ли осмѣяласи,
20. Аль безумница огалиласъ?“
Всѣ-то на пиру да порасхвасталисє:
Умной фастать отцемъ-матерью,
Безумной фастать молодой женой.
„Я, Васильюшко, ницѣмъ не хвастаю:
25. Кабы сбитце мнѣ, сборотце съ Новымъ-градомъ,
Съ Новгородскимъ новымъ старостомъ“.
Да они сбилисє, сборолисє съ Новымъ-градомъ,
Записи они записали,
Къ записямъ-то свои руценьки приложили:
30. Завтра надо идти на Волховъ мостъ,
На Волховъ мостъ на боищю.
Приходить Василей къ родной матушкѣ,
Садилсє онъ на лавоцьку брусевую,
Повѣсилъ онъ свою буйну голову.
35. „Что ты, Васинька, не весель?
Буйна головушка повѣшена,

- Развѣ ти мѣсто было не по разуму?
Цяра теби видно не рядомъ пришла?
Или пьяница да осмѣяласи?
40. Али безумница огалиласи?
— Ай, ты, мать, моя матушка,
Сбился я сборолся съ Новымъ-градомъ,
Записи мы записали,
Записямъ-то свои рупеньки приложили.—
45. „Ахъ, ты, цядо мое милое,
Василій сынъ Буслаевицъ,
Рѣшилъ ты свою буйну головушку!“
Береть-то мису злата-серебра,
Другую беретъ да золотой казны,
50. Пошла-то къ Новгородскому ко нову старости:
„Ай же, ты, Новгородской новой староста,
Возьми, возьми да мису злата-серебра,
Другой возьми да золотой казны,
Поставь Васильеву головушку“.
55. — Не надо мису злата-серебра,
Друга не надо золотой казны,
Давай Васильеву головушку! —
Приходить родна матушка,
Береть-то Васю за желты кудри,
60. Повела-то Васю во цисто поле,
Посадила Васю во глубокъ погребъ,
Навалила плиту еще сто пудовъ:
„Ужъ ты спи-ко, цядо, не пробудися!“
На томъ мосту на Волховѣ
65. Сдѣлалось великое побоищо;
Увидѣла дѣвушка цѣрнавушка,
Прибѣжала она да во цисто поле,
Отсдѣнула*) плиту еще во сто пудовъ:
„Ужъ ты что ты спишь, Василей, не пробудиссе?
70. Твои-то слуги вѣрны вси полосланы,
Платоцькамы головушки повязаны“.
— Ахъ, ты, дѣвушка цѣрнавушка,
Нѣтъ фатить шалыга подорожная,—
И фачу, пойду я ось тельжнюю,
75. Пойду на великое побоищо! —
Куды махне—туть улича паде,
Куды отмахне—туть переулоцецкъ,
Прибилъ народу онъ какъ смѣты нѣтъ. —

*) Приподняла.

- Видить Новгородской новой староста,
80. Видить, что бѣда неминуя,
Затыкае ж... онъ онуцею,
Береть онъ мису злата-серебра,
Другу беретъ да золотой казны,
Пошелъ онъ къ Омельфы Тимофеевой:
85. „Ахъ, ты, Омельфа Тимофеевна,
Ты бери-ко мису злата-серебра
Да другую золотой казны,
Заклици ты своего да цяда милого,
Оставь народу хоть на симяна“.
90. Вышла родна матушка на переное крылецюшко,
Зарыкала она своимъ да горькимъ голосомъ:
„Ахъ, ты, цядо мое милое,
Сокроти свое сердце ретивое,
Ты прибиль вѣдь народу какъ смѣты нѣтъ“.
Пошелъ Васильюшко со велика со боица;
95. Стритился да кресной батюшко,
На томъ мосту на Волховомъ,
Несе колоколь да сто пудовъ,
Одинъ языкъ да еще триста пудъ.
Тутъ ему да еще смерть придалъ.—
100. Заплакала да родна матушка.
Приходитъ Василій къ родной матушкѣ,
Садился онъ на лавоцьку брусую,
Повѣсилъ свою буйную головушку.
„Ахъ, ты, мать, ты, моя матушка,
105. Спусти меня Богу молитися,
Во грѣхахъ пойду прощатися,
Во Ердани-то пойду купатися“.
Пошелъ Васильюшко Богу молитисе,
Дошелъ до той горы, до Фараонъ горы;
110. На Фараонъ горы лежитъ голова да целовѣцеска;
Сталъ головушку попинывать,
Сталъ надъ головушкой подщувивать.
Заговорила голова да рѣзвымъ голосомъ:
„Не въ тебя я богатырь да лежу на Фараонъ горы,
115. А тебѣ со мной рядомъ лежать!“

* 63. То же.

- Да славныи князья, да не бояры,
Да сильныи могучии богатыри,
Да всё ли поляници удалыи,
Собирались оны всё да на почетной пирь;
5. На пиру да напивалисе,
На почетномъ наѣдалисе;
На пиру всё пьяны-веселы сидять,
Да на пиру всё поросхвастались.
Кто ѣстать отцёмъ матерью,
10. А безумно-тъ молодой женой,
А Добрынюшка поѣстывать добрымъ конемъ,
А Василей сынъ Буслаевиць
Похвастывать своей силой богатырскою.
Они клали-то залогы великіе—
15. Дратьце, битьце съ Новымъ-градомъ,
Со старостой да Новгородскимъ.
Приходитъ Василей невесель, нерадошень,
Онъ повѣсилъ голову ниже плечъ.
Спросила его матушка родная:
20. „Что ты, Василей, пришель съ пиру невесель, нерадошень?
Развѣ мистецько было тебѣ не по разуму?
Надъ тобой пьяница огалилась?
А безумница осмѣяласе?
Или рюмоцька тебѣ да не рядомъ дошла“?
25. Говорилъ тутъ Василей сынъ Буслаевиць:
„Мни-ка мистецько было по разуму,
Мнѣ-ка рюмоцька да рядомъ дошла,
Надо мной пьяница да не огалилась,
Безумница не осмѣяласе;
30. Какъ ужъ мы клали-то залогы великіе
Дратьце, битьце со Новымъ-градомъ,
Со старостами Новгородскими“.
Вдова честна Омельфа Тимофеевна:—
Она мису брала злата-серебра,
35. А другую брала скатня жемчугу,
Пошла къ старосты Новгородскимъ,
Говорила она таково слово:
„Ай же, старосты да Новгородскіе,
Возьми-тко мису злата-серебра,
40. Возьми другую скатня жемчугу“.
Говоритъ тутъ староста Новгородскіе:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,

- Мнѣ не набъ другая скатня жемчугу,
Надобна Васильева головушка.
45. Дакъ пошелъ Василей на великій бой.
По тому-ли мосту по Волховскому,
Идетъ старичище Угрюмище,
Несетъ на главѣ да колоколь да стопудовые,
Несетъ языкъ до двадцати пудовъ,
50. Говоритъ старичище Угрюмище:
„Молодое куро, не попархивай,
Молодое куро, не подпивывай“.
Эти рици Василью не по разуму:
Ухватилъ Василей языкъ до двадцати пудовъ,
55. Убилъ старичище съ одного разу;
Слетѣлъ колоколь да стопудовые.
Выходила матушка родная
На крылечко на переное,
Вырыкала она зычнымъ голосомъ:
60. „Ай же, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не старичища ты убилъ да крѣсна батюшка“!
Дакъ пошелъ Василей на великой бой,
Пошелъ Василей по Нову-граду,
Да ухватилъ Василей-отъ червленый вязъ,
65. Да куды махнетъ—да туды улица,
Куды отмахнетъ—да переулочѣкъ;
Дакъ прибилъ всю силу Новгородскую.
Да Новгородскіе да новой староста
Видитъ онъ да бѣду неминучую,
70. Затыкае онъ ж... онучею.
Онъ беретъ-то мису злата-серебра,
Онъ беретъ другу да скатня жемчуга,
Пошелъ ко вдовы честной Мамельфы Тимофеевной:
„Вдова честна, Омельфа Тимофеевна!
75. Бери-тко мису злата-серебра,
Бери другую скатня жемчуга“.
Говоритъ вдова честна Омельфа Тимофеевна:
„Мнѣ не надоть миса злата-серебра,
Мнѣ не набъ другая скатня жемчуга,
80. Пусь-ко мое чадо понатѣшитце,
Радосью да принаполнитце“.
Такъ пошелъ Василей съ бою великого,
Въ чистомъ полѣ лежитъ камень превеличающой;
На камешкѣ подписано и подпечатано:
85. „Кто этотъ камень скочить да перескочить?“
Скочилъ Василій да не перескочилъ,

Другой разъ скочилъ да не перёскачилъ,
Третій разъ скочилъ. назадъ палъ,
Да тутъ ему и смерть пришла.

Записана Г. И. Куликовскимъ въ 1886 г., въ д. „Трихнова горка“, отъ кр. Якова Семенова Еремьева.

***64. То-же.**

- Во стольномъ Новѣ-городѣ
Жила была матера вдова
Амелфа Тимофеевна.
Какъ и быть у ней сынокъ
5. Свѣтъ Василій Буслаевичъ.
Отдала она его грамотъ учить:
Грамота Василью въ руку пошла.
Обучивши его грамотъ,
Отдала его пѣтью учить.
10. Вотъ и не было у насъ такого пѣвца,
Какъ Василя Буслаевича.
Познакомился Василій со пьяницами,
Со пьяницами, со безумниками.
Стать Василій Буслаевичъ
15. На кулачный бой ходить:
Кого ухватить за руку—рука прочь,
Кого ухватить за голову—голова прочь.
Бросился Василій Буслаевичъ
На всѣхъ жителей новгородскихъ;
20. Побѣжать онъ по широкой улицѣ:
На дорогъ ему попался
Старецъ Пилигримище:
На плечахъ держать онъ колоколь
Во триста пудъ:
25. Говорить онъ ему таково слово:
„Почто дерешься, Василій Буслаевичъ.
Съ мужиками новгородскими?“
Отвѣчать ему Василій Буслаевичъ:
„Бился я съ ними объ великъ закладъ
30. На свои-ли буйную голову.
Чтобъ пройти весь ихній Новгородъ,
Опрочи тебя, старца Пилигримища.
А во заторъ зайдю.—и тебя убью.“
Ударить онъ старца по колокоду:
35. Во лѣу глаза у него какъ вѣкъ не было.

- Пошли мужики новгородскіе
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ:
„Уйми ты свое чадо милое
Василія Буслаевича,
40. Заплатимъ мы тебѣ дани
За всѣ двѣнадцать лѣтъ.

Записана въ Москвѣ С. И. Лапшинымъ отъ Московскаго мѣщанина И. А. Лапшина, постоянно жившаго въ Москвѣ.

*65. Суруга-богатырь.

- Какъ Суруга Суруга зарождалася,
А Курганъ царь подымается.
Зарождался тутъ бѣлой царь богатырь,
Суруга Суруга Суруга богатырь...
5. А сталъ тутъ Суруга конемъ владать,
По широкимъ по улицамъ поѣзживати,
По чистымъ ¹⁾ переулочкамъ;
Гусей, лебедей сталъ подстрѣливати.
Не наѣхалъ не на гуся, не на лебедя,
10. Не на ту-ли сѣру утицу:
А наѣхалъ онъ на сырой дубъ,
На сырой дубъ на крепористой ²⁾.
На сыромъ дубу сидитъ пташка вѣщая,
Пташка вѣщая и поднебесная.
15. Хочетъ эту пташечку подстрѣлити,
Подстрѣлити и подшибити.
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Накладываетъ каленую стрѣлу.
И тутъ эта пташечка провѣщилася,
20. Провѣщилася, проязычилася.
Человѣческимъ она языкомъ,
Богатырскимъ она голосомъ:
„Гой ты еси, бѣлой царь,
Суруга Суруга Суруга богатырь!
25. Не то тебѣ честь, не то похвала—
Ушибить тебѣ птицу на сыромъ дубу,
Пташечку вѣщую, поднебесную.
Поѣзжай-ка ты во горы во Трепетовы:
Синее-то море всколыбалося,
30. Ужь то Курганъ царь подымается“.

¹⁾ Частымъ. ²⁾ Криковистый.

- Прекрасный царь Василій Окульевичъ
10. Сталь по горенькѣ похаживать,
Пословечно сталь выговаривать:
„Князи-бояре, русскіе могучіи богатыри,
Всѣ на пиру принакормлены,
Всѣ на пиру принапоены,
 15. Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру испоженены,
Одинъ я холостъ—не женать:
Выбирайте мнѣ супротивницу,
Чтобъ станикомъ она была ровнешенька,
 20. Ростомъ бы она была высокошенька,
Тѣло бы у ней было снѣгу бѣлого,
Очушки у ней бы были ясна сокола,
Бровушки были бы у ней доброго молодца,
Походочка бы была ланей бѣлыхъ,
 25. Бѣлою лани напольскою,
Напольскіи лани златорогіи,
Чтобъ мнѣ было съ кѣмъ жить да быть, вѣкъ коротати.
А вамъ было бы кому поклоняться“.
Всѣ за столикомъ умолкнули...
 30. Зѣ-за тыхъ столиковъ дубовыхъ
Выходилъ Ивашка Поваренной,
Бьетъ целомъ царю, поклоняется:
„Прекрасной царь, Василій Окульевичъ!
Знаю я тоби супротивницу:
 35. Станикомъ она ровнешенька,
Ростомъ она высокошенька,
Тѣло у ней снѣгу бѣлого,
Оци у ней ясного сокола,
Брови у ней доброго молодца,
 40. Походочкой она ланей бѣлыхъ,
Бѣлыхъ ланей напольскихъ,
Напольскіи лани златорогіи,—
Вамъ будетъ съ кѣмъ жить да быть,
Намъ будетъ кому поклоняться:
 45. Есть за славнымъ за Синемъ-моремъ,
У того у царя у Солóмана,
Есть царица Соломанея“.
Онъ ¹⁾ ударилъ Ивашка по той стороны,
Ударилъ Ивашка и по другой стороны:
 50. „Ай ты воръ, Ивашка Поваренной!

¹⁾ Т е. царь Василій.

- Какъ можно у живого мужа жену отнять?!“
Того Ивашка не пытаются—
Бьетъ целомъ, царю поклоняется:
„Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
55. Я знаю, какъ у живого мужа жену отнять:
Сдѣлай три насады цевленныхъ,
Сдѣлай тамъ кровати тесовыя
И клади туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки клади туды ситцевы,
60. Сдѣлай столбики точеные,
Сдѣлай грядочки золоченныя,
Клади туды птичушекъ райскихъ,
Чтобы пѣли оны пѣсенки царскія,
Клади туды питья забудущія,
65. Сдѣлай царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи сдѣлай камоцику круцатой камки.“
Прекрасный царь Василій Окульевичъ
Сдѣлалъ три насады цевленныхъ,
Сдѣлалъ кроваточки тесовыя,
70. Положилъ туды периночки пуховыя,
Занавѣсточки положилъ туды ситцевы,
Сдѣлалъ столбики точеные,
Сдѣлалъ грядочки золоченныя,
Клалъ туды птичушекъ райскихъ,
75. Чтобы пѣли пѣсенки царскія,
Клалъ туды питья забудущія,
Сдѣлалъ царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику круцатой камки.
Воръ Ивашка бралъ себѣ народу по надобью,
80. Поѣхалъ за славно за сине-море.
Пріѣзжалъ за славно за сине-море,
И становился къ царю Солóману подъ окошечко;
Бралъ онъ шубу соболиную,
Бралъ камоцику круцатой камки,
85. Шелъ Ивашка къ царю Солóману въ палаты бѣлокаменныя,
Крестъ кладетъ онъ по писанному,
Поклоны ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Самой царицѣ Соломанеи въ особину.
90. Царя Соломана дома не случилось.
Ивашка поваренный дарилъ царю Солóману шубу соболиную,
Царицѣ Соломанеи камоцику круцатой камки,
Бьетъ целомъ царицѣ, поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!

95. Сходи-тко ты на наши насады цервленныя,
Обцѣни-ка ты у насъ товаръ на насадахъ,—
Намъ бы было изъ чего торковать,
А вамъ-бы была изъ чего платить пошлина.“
Говорить царица Соломанея:
100. „Ай же, Ивашка поваренный!
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по два-году,
Ты торгуй у насъ, Ивашка, хоть по три-году,
Намъ съ тебя пошлина не надобно!“
105. Того Ивашка не пытается,
Онъ другой разъ бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Ты прекрасная царица Соломанея!
Ты сходи на наши насады цервленныя,
Обцѣни у насъ товаръ на насадахъ—
110. Намъ бы было съ чего торковать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
Говорить царица таковы слова:
„Ты торгуй, Ивашка, хоть по годъ-поры,
Ты торгуй, Ивашка, хоть по два-году
115. И торгоуй, Ивашка, хоть по три году:
Намъ съ тебя пошлина не надобно.“
Того Ивашка не пытается,
Бьетъ целомъ, царицѣ поклоняется:
„Прекрасная царица Соломанея!“
120. Сходи на наши насады цервленныя,
Обцѣни у насъ товаръ на насадахъ,
Чтобъ намъ было изъ чего торковать,
А вамъ бы была платить пошлина.“
И эта царица Соломанея
125. Надѣла чоботы на босы ноги,
Кунью шубоньку она надѣла на одно плечко,
Соболиную шапочку надѣла на одно ушко,
Шла на насады цервленныя,
Стала по насадамъ похаживать,
130. Стала по насадамъ погуливать,
Увидѣла кроваточки тесовыя,
Увидѣла перинушки пуховыя,
Занавѣсточки увидѣла ситцевы,
Увидѣла столбики точеные,
135. Увидѣла грядочки золоченыя;
Сидятъ птичушки райскія,
Поютъ пѣсенки царскія;
Увидѣла питья забудуція.

- Тутъ царица принапилася,
140. Тутъ царица обвалилася.
Повезъ Ивашка воръ поваренный,
Повезъ царицу за сине-море...
Выѣзжали середь славнаго сinya-моря,
Тутъ царица прохмелилася,
145. Тутъ царица прослезилася:
„Ай ты, воръ Ивашка поваренный!
Увезъ ты царицу за сине-море“.
Говорить Ивашка поваренный:
„Ты не плачь, царица Соломанея—
150. Буде Богъ снесетъ за славно за сине-море,
И выдаемъ мы тебя за прекраснаго царя Василія Окульевича“.
Пріѣзжали они за славно за сине-море,
Приставали они ко крутому ко берегу.
Выходилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
155. И заходилъ на насады цервленныя
И подходилъ къ царицѣ Соломанеи,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,*)
За ея за перстни злаченые,
Вель-то онъ ее во Божью церковь;
160. Тутъ они повѣнчались,
Златы Божіи вѣнцы принимали,
Чуденъ Божій крестъ цѣловали,
Златыми перстнями обручались;
Стали жить въ совѣтѣ и любви.
165. Жили въ совѣтѣ въ любви по три году.
Собиралъ Солѣманъ по три году
Коней да людей все крылатыхъ,
Приказывалъ Солѣманъ своей силушкѣ:
„Сила ты моя сильная,
170. Сила сильная, сила великая,
Кони да люди крылатые!
Первый разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней;
Другой разъ я затрублю во турій рогъ,—
175. Такъ вы садитесь на добрыхъ коней;
Третій разъ я затрублю во турій рогъ,—
Такъ вы сѣзжайте за славно за сине-море,
Въ славное раздольице чисто поле,
Пріѣзжайте на мою на помощь да на выручку.“
180. Пошелъ Солѣманъ за сине море

*) При повтореніи сказитель измѣнилъ эту строку такъ: „Бралъ ее за ручки за бѣлыя“.

- Къ прекрасному царю къ Василию Окульевичу,
Приходилъ онъ подъ окошечко,
Вскричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ во всю голову:
185. „Прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
Создай калѣки милостину,
Чтобъ было калѣки что ѣсть да пить,
Да чего калѣки волочиться“.
- Прекраснаго царя Василья Окульевича
190. Въ домъ не случилось.
Кидалася царица до плечъ въ окно,
Говорила царица таковы слова:
„Ты поди, Солѣманъ, на высокъ теремъ“.
- Кормила она Солѣмана досыта,
195. Пошла Солѣмана до-пьяна;
Замыкала Солѣмана въ кованъ-ларецъ.—
Пришелъ прекрасный царь Василий Окульевичъ,
Говорила царица Соломанея:
„Ты прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
200. Жили мы въ совѣтѣ въ любви по три году,
Мы кого боялись по три году,
Тотъ сидитъ подъ ж бабей.
Казни Солѣмана вскорѣ-наскоро,
Ты казни Солѣмана не по царьскому,
205. А казни Солѣмана по холопъему:
Есть у Солѣмана сила запасная,
Конн да люди все крылатые“.—
Говоритъ Солѣманъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
210. Ты не слушай бабы с вщцы:
Какъ бы была она баба умная,
Какъ бы была баба разумная,
Она не шла бы на насады цервленныя,
Не пила бы питей забудущихъ,
215. Не вышла бы замужъ за другога!“
Говорила царица таковы слова:
„Прекрасный царь, Василий Окульевичъ!
Поѣзжай-ка въ раздольное чисто поле,
Сдѣлай три столбика точенныхъ,
220. Сдѣлай три грядочки золоченныхъ,
Казни царя Солѣмана“.—
Прекрасный царь Василий Окульевичъ.
Сдѣлать три столбика точенныхъ,
Сдѣлать три грядочки золоченныхъ.

225. Повезли царя Солóмана
Во славное во чисто поде,
Привезли царя Солóмана
Во славное во чисто поле.
Выходила царица Соломанея,
230. Отпоясывала отъ себя шелковъ поясъ,
Сдѣлала она три петельки шелковыхъ,
Говорила она таковы слова:
„Ай же ты, Солóманъ царь!
Пройди ты скрозь три петельки шелковыхъ“.
235. И этотъ Солóманъ царь первую петельку прошелъ хитростью,
Другу петельку прошелъ мудростью,
Третью петельку прошелъ своей глупостью.
Тутъ надо показнить царя Солóмана.
Говорилъ Солóманъ таковы слова:
240. „Прекрасный царь, Василій Окульевичъ!
Дай-ка мнѣ при скорой смеретушкѣ турій рогъ:
Я былъ смолоду охочь коровъ пасти“.
Приказалъ прекрасный царь Василій Окульевичъ
Подать Солóману турій рогъ.
245. Первый разъ онъ затрубилъ во турій рогъ:
Всѣ высоки горы пошаталися,
Темные лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода приусохнула,
Въ озерáхъ вода приудрогнула,
250. Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошелъ тутъ около моря шумъ великъ.
Говорилъ прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это чтò, Солóманъ, около сinya моря шумъ великъ?“
Говорилъ Солóманъ таковы слова:
255. „Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
Всѣ звѣри-птицы возрадовалися
И летять глядѣть на царьскую смеретушку“.
Другой ѣнъ разъ затрубилъ во турій рогъ:
Высокія горы пошаталися,
260. Темные лѣса къ землѣ приклонялися,
Во рѣкахъ вода приусохнула,
Во озерáхъ вода приудрогнула,
Во моряхъ вода всколыбалася,
Пошолъ около сinya моря шумъ великъ.
265. Говорить прекрасный царь Василій Окульевичъ:
„Это что, Солóманъ, около сinya моря шумъ великъ?“
Говорить Солóманъ таковы слова:
„Это всѣ звѣри, всѣ птицы возрадовалися

- И летять глядѣть на царьскую смеретушку“.
270. Говоритъ Соломанъ таковы слова:
„Ты, прекрасный царь, Василій Окульевичъ,
Позволь мнѣ затрубить въ третій разъ въ турій рогъ“.
Третій разъ онъ затрубилъ въ турій рогъ:
Налетѣла тутъ сила сильная,
275. Сила сильная, сила великая,
Кони-люди все крылатые,
Обошли прекрасный царя Василя Окульевича;
Въ перву петельку повѣсили Ивашка поваренного,
Въ другу петельку повѣсили прекрасного царя Василя Окульевича.
280. Учала царица слезно плакати:
„Ты прости, Соломанъ, во первой вины!“
— Во первой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на насады цервленныя,
Пила питья забудущія?
285. Во первой вины тебя Богъ проститъ.—
„Ты прости, Соломанъ, во другой вины“.
— Во другой вины тебя Богъ проститъ:
Зачѣмъ шла на насады цервленныя,
Зачѣмъ пила питья забудущія,
290. Зачѣмъ же ты вышла замужъ за другова?
А зачѣмъ же ты Соломана замкнула во кованъ ларець?
Зачѣмъ же ты велѣла сдѣлать столбики точеные?
Зачѣмъ же ты сдѣлать велѣла грядочки золоченныя?
А зачѣмъ же ты сдѣлала три петельки шолковыхъ?—
295. „Ты прости меня, Соломанъ, во третьей винѣ“.
— Во третьей винѣ не могу простити!—
Тутъ повѣсили царицу Соломанею...
Собиралъ Соломанъ силу свою сильную,
Всѣхъ коней-людей крылатыхъ,
300. Отправлялся Соломанъ за сине море
Со своей со силушкой великою.
Сталь жить да быть да вѣкъ коротати.

Записана М. Н. Харузинымъ въ 1881 году въ дер. Середки, Кижской волости, Олонецкой губ. отъ крестьянина Степана Григорьевича Рябинина.

67. Т о ж е.

- Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Василій Окуловичъ.
Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку осударя Ильи Муромца,
5. На вѣжество Добрынюшки Никитича,

- На ярость Олеси Поповича,
На золоту казну Дюка Степанова,
На богатство Садко купца богатаго,
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева.
10. На красоту Василья царя Окульева.
Заводился у Окульева почестень пиръ
На многихъ пановой-улановой,
На злыхъ проклятыхъ татаровой.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы.
15. Василий царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
Всѣ у насъ въ городѣispoженены;
20. Красны дѣвицы исподаваны;
Одинъ я, Василий царь, холость хожу,—
Холость хожу,—не женать слыву;
Не знаетъ-ли мнѣ кто обручницы,
Обручницы, мнѣ сопротивницы,
25. Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
Ясны-то очи будто у сокола,
У того у сокола перелетнаго,
Брови у ней какъ у соболя.
30. Того соболя сибирскаго;
Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна;
Чтобы было кому поклониться,
Было кого чтобы назвать царицею?“
Большой хоронится за средняго,
35. А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говоритъ Василий царь во второй законъ;
Говоритъ Василий во третій законъ;
Все большой хоронится за средняго,
40. Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой,
Выходилъ удалый добрый молодець
45. По прозванью Василий Пустоволосовичъ,
Младый Василий Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василий къ царю близехонько,
Самъ говоритъ потихохоньку:
„Прекрасный царь, Василий Окульевичъ!

50. Благослови мнѣ, Василій, слово молвить,
Не моги-ко меня за слово скоро сказнити,
А скорѣе того чтобы повѣсити“.
Говорить царь Василій Окульевичъ:
„Говори, Василій, что тѣ надобно“.
55. Говорить Василій Пустоволосовичъ:
„Я знаю тебѣ обручницу,
Обручницу знаю, сопротивницу:
Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
Ягодницы будто маковъ цвѣтъ;
60. Ясны очи будто у сокола,
Того сокола перелетнаго;
Черныя брови будто у соболя,
Того соболя сибирскаго;
Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
65. Есть кому поклониться,
Есть кого и назвать царицею.
Есть у царя Соломона,
Есть у него молода жена—
Молодая царица Соломѣнида“.
70. Говорить царь Василій Окульевичъ:
„Ты какъ можешь у жива мужа жену отнять?“
Говорить Василій Пустоволосовичъ:
„Ты гой еси, Василій Окульевичъ!
Плохо у жива мужа жену отнять:
75. Дай-ко-се ты мнѣ три коробля, три червленыхъ,
Нагрузи ихъ товарами заморскими:
Первой нагрузи краснымъ золотомъ,
Другой нагрузи чистымъ серебромъ,
Третій скатнымъ жемчугомъ;
80. Наклади еще напитковъ забудущихъ;
Пойду я, Василій, во Святую Русь,
Привезу тебѣ царицу Соломѣниду“.
Эти рѣчи царю во любви пришли,
Во любви пришли, очень поглянулись.
85. Далъ ему три корабля, три червленныя;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первой нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
90. Накладъ напитковъ забудущихъ;
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходить во гавань корабельную,
Въ гавань заходить—платить пошлину;

- Якорь кладеть—платить пошлину;
95. Парусь ронить—платить пошлину;
Береть онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломбна дома не случилось:
Уѣхалъ во иностранныя гѣроды
100. Собирать дани пошлینی
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ онъ къ царицѣ Соломбнидѣ.
Отворяетъ Василій двери въ пятау;
105. Не кснить свою лица чернаго,
Не кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ царицѣ Соломбнидѣ:
„Здравствуй, царица Соломбнида!“
Говоритъ царица Соломбнида:
110. „Здравствуй, Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?“
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломбнида!
Я пришелъ къ тебѣ съ подарками великими“.
115. Подаетъ царицѣ Соломбнидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломбнида
Тѣ подарочки великіе.
„Ужъ ты гой еси, царица Соломбнида!
120. Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
Оцѣнить мои товары заморскіе,
Чего мои корабли будутъ стоить“.
Говорила царица Соломбнида:
„Поди, Василій, къ себѣ на червленъ корабль,
125. Буду я къ тебѣ на червленъ корабль;
Посмотрю твоихъ товаровъ заморскіихъ“.
Пошелъ Василій на червленъ корабль;
Пошла царица Соломбнида
Къ Василію на червленъ корабль.
130. Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломбнидѣ:
„Здравствуй, царица Соломбнида!“
Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
Заходитъ царица Соломбнида
Въ ту каюту корабельную;
135. Напоилъ тутъ царицу Соломбниду
Тѣми напитками забудуцими.
Заспала тутъ царица Соломбнида

- Въ той каютѣ корабельныя.
Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
140. На ту палубу дубовую:
„Ужъ ты гой еси, дружинишка добрая!
Отсѣките якори булатныя,
Распушайте парусы полотняны“!
- Въ ту пору дружина не ослышалась:
145. Отсѣкла она якори булатныя,
Развивала парусы полотняны;
Пошли изъ гавани корабельныя.
Падала повѣтеръ способная;
Выходитъ Василій на сине море,
150. И русска земля потаилася,
А невѣрна земля возвременилася.
Пробудилась царица Соломѣнида,
Сама говорила таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
155. Ты куда меня везешь, куда повезъ“?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѣнида!
Везу тебя къ царю Василію Окульеву,
Везу тебя за него замужъ“.
160. Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
Во ту во гавань корабельную.
Кладетъ Василій якори булатныя,
Подвилъ парусы полотняны;
Выдернулъ флаги шелковыя.
165. Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
Тѣ свои три корабля червленныя,
Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ.
Что того же Василія Пустоволосова.
Увидалъ онъ царицу Соломѣниду,
170. Беретъ онъ ее за бѣлы руки,
Цѣлуетъ въ уста сахарныя,
Повелъ въ палату бѣлокаменну.
У Василія повелся тогда почестень пиръ
Со того со веселья со великаго.
175. Во ту пору во то время
Пріѣзжаетъ Соломонъ царь Давыдовичъ,
Во тѣже палаты бѣлокаменны.
Не встрѣчаетъ его царица Соломѣнида.
Говоритъ Соломонъ царь Давыдовичъ:
180. „Ужъ вы здравствуйте, князи, бояри!
Ужъ вы гой еси, князи, бояри,

- Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
Развѣ больна она у меня находится,
Или ее въ домѣ не случилось“?
185. Говорили тогда князи-бояри:
„Ужъ ты гой еси, Соломонъ царь Давыдовичь!
Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленыхъ,
Увезъ твою царицу Соломониду
190. Къ тому царю Василію Окульеву,
Повезъ къ Василью за него замужъ“.
Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досаду за великую.
Сталь тогда Соломонъ собиратися,
195. Сталь онъ со дружиной собрунятися.
Собраль онъ дружину хоробрую,
Собраль тридцать безъ одинаго,
Самъ былъ тридцатый.
Отправились они сухимъ путемъ,
200. Ъхать надо было три года,
Переѣхали они въ три мѣсяца;
Не доѣхали они до Новгорода,
Становились они во чистомъ полѣ,
Разставили они бѣлы шатры.
205. Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичь:
„Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
Я вамъ стану что наказывать,
Исполните вы мое наказанье:
Пойду я калѣкой перехожею,
210. Ко тому царю Василію Окульеву,
Просить я милостыни спасеня
Для-ради Царя Христа небеснаго;
Только слушайте мое наказанье:
Я заиграю во дудочку во мѣдную,
215. Хватайте вы тогда коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку въ серебряну,
Сѣдлайте вы коней добрыхъ;
Заиграю во дудочку во золоту,
Тогда скачите на добрыхъ коней,
220. Тогда рубите стараго и малаго,
Не покидайте ни одинаго на сѣмена“.
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичь
Тою калѣкою перехожею.
Приходить ко гридни княженецкія,
225. Кричить зычнымъ голосомъ,

- Просить милостыни спасеня
Для-ради Христа Царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилось;
Услышала царица Соломѣнида,
230. Сама говорила таковы рѣчи:
Не калѣка пришелъ со Святой Руси,
Пришелъ-то Соломонъ царь Давыдовичъ.
Добро жаловать ко мнѣ, Соломонъ,
Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить“.
235. Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидятъ, пьютъ, прохлажаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
240. Говоритъ царица Соломѣнида:
„Ты Соломонъ царь Давыдовичъ!
Куда я тебя укрою?
Есть у меня да окованъ сундукъ,
Ложись-ко-се ты въ окованъ сундукъ,
245. Не увидитъ тебя Василій царь Окульевичъ“.
- Легъ то Соломонъ во кованъ сундукъ,
Замкнула его царица Соломѣнида.
Приходитъ Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
250. Говоритъ царица Соломѣнида:
„Сказали про Соломона на Святой Руси,
Что на Святой Руси Соломонъ хитеръ-мудеръ,
А теперъ Соломона глупѣ нѣтъ:
Лежитъ онъ въ сундукъ кованомъ“.
255. Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
„Ужъ ты гой еси, царица Соломѣнида!
Выпускай-ко Соломона Давыдова,
Сѣку я у него буйну голову“.
- Отмыкала царица Соломѣнида окованъ сундукъ,
260. Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Беретъ Окульева за бѣлы руки,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„У насъ на Руси не сѣкутъ царей;
Сдѣлай ты реину высокую,
265. Повѣсь на ней три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липовую,
А третью (петельку) шелковую“.
- Говоритъ царица Соломѣнида:

270. „Ты гой еси, Василий царь Окульевичъ:
Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
Пора ему голову сказнить:
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
Говорилъ Василий царь Окульевичъ:
275. „Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Стали дѣлать реинну высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую (петельку) липову,
280. Третью (петельку) шелковую.
Повели Соломона на реинну высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давидовичъ:
„Ужъ вы гой еси, народы православные,
285. Воротитесь вы панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во второй законъ:
290. „Воротитесь, панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупый-то впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во третей законъ:
295. „Воротитесь вы, панове-уланове
Соломону ¹⁾ смерть страшна будетъ“.
Мудрый-то народъ воротилися,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реинѣ высокія;
300. Ступилъ Соломонъ на перву ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови, Василий царь,
Поиграть во дудочку во мѣдную,
Царя съ царицей приутѣшити,
305. А мнѣ край смерти возвеселитися“.
Говоритъ Василий царь Окульевичъ:
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно.—
Говоритъ царица Соломониди:
„Пора тебѣ, Соломону, указъ чинить—
310. Указъ чинить, голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.

¹⁾ Соломонова.

- Говорить Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку во мѣдную,
315. Услыхала дружинишка хоробрая,
Сѣдлали уздали коней добрыхъ.
Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку во серебряну
320. Тебя съ царицей приутѣшити,
А мнѣ по край смерти взвеселитися“.
— Играй-ко, Соломонъ, сколько тѣ надобно“.—
Говорить царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить—
325. Указъ чинить—голова сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
Говорить Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку серебряну:
330. Услыхала дружинишка хоробрая,—
Легко скачетъ на добрыхъ коней.
Вступилъ Соломонъ на третью ступень:
„Благослови, Василій царь,
Сыграть во дудочку въ золоту“.
335. — „Играй, Соломонъ, сколько тѣ надобно“.—
Говорила царица Соломонида:
„Пора Соломону указъ чинить,—
Пора ему голову сказнить;
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью“.
340. Говорить Василій царь Окульевичъ:
„Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ“.
Заигралъ во дудочку во золоту:
Услыхала дружинишка хоробрая,
Сѣкутъ стараго и малаго.
345. Береть Соломонъ Василья за бѣлы руки,
Кладеть Окульева во петельку шелковую,
А царицу Соломониду въ варовую,
А Василья ¹⁾ во липову;
Пускай виснетъ, а не давится.
350. Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

Записана священникомъ Вл. Розонымъ на Зимней берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотницѣ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранныхъ П. С. Еоименкомъ.“ Ч. 2-я стр. 21—25.

¹⁾ Пустоволосовича.

68. Сорокъ каликъ со каликою.

- Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студенаго,
Отъ озера Маслеева,
Собиралися калики перехожіе,
5. Сорокъ каликъ со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповѣдь великую,
Великую заповѣдь тяжелую:
„Не ходитъ намъ къ царямъ, царевичамъ,
10. Не ходитъ намъ къ королямъ, королевичамъ;
Кто изъ насъ, братцы, заворуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, заплутуетъ,
Кто изъ насъ, братцы, за блудомъ поидеть,
Намъ судить таковаго своимъ судомъ,
15. Намъ копать таковаго въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи де ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечьми“.
Пошли-то калики по чисту полю,
20. День идутъ и другой идутъ.
На встрѣчу каликамъ идетъ Владимиръ князь,
Не доѣхаль до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
25. Вы калики перехожіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!“
Тѣхъ-то каликъ лучше краше нѣтъ:
30. Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
Сумочки были лита ¹⁾ бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
„Гой еси, удалы добры молодцы!
Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
35. Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати“.
Ужъ и тутъ калики не ослушались,
Во сыру землю копыца потыкали,
Запѣли калики Еленинскій стихъ,
Запѣли, захотали въ поль-крикъ;

40. Земля-то мати потрясалася,
Во озерахъ воды всколыхалися,
Темные лѣса пошаталися,
На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
Не можетъ Владимиръ стоячи стоять,
45. Не можетъ Владимиръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владимиръ лежучи лежать;
Увалился его Алешинько извощичекъ,
Увалился его Добрынюшко запятничекъ.
Говорилъ имъ Владимиръ таковы слова:
50. „Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы,
Не могу я стоячи стоять,
Не могу я сидючи сидѣть,
Не могу я лежучи лежать,
Увалился мой Алешинько извощичекъ,
55. Увалился мой Добрынюшко запятничекъ,
Ужъ вамъ полно пѣть Еленскій стихъ“.
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Брали сумочки бархатныя,
Пошли калики во чисто поле.
60. Ужъ и тутъ Владимиръ возговорилъ:
„Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы!
Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
Приворачивайте-ко къ молодой княгинюшкѣ Апраксіѣ.
Милости просимъ хлѣба-соли ѣсть,
65. Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить“.
Пошли тѣ калики по чистому полю;
День они идутъ и другой идутъ,
Доходятъ они до палатъ княженскіихъ,
Ко тое-ли околени стеклянныя.
70. Запросили они милостинку Христа ради,
Для-ради Христа, Царя небеснаго.
Попросили они въ поль-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерахъ вода всколыхалася,
75. На столахъ-то кушанья всплескалися,
Муравлены печки помитусилися.
Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
Высовывалась она въ окошечко по поясу:
„Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
80. Вы калики перехожіе,
Здравствуй-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Касьянъ сынъ Ивановичъ,
Здравствуй-ко, Михайло сынъ Михайловичъ!

- Просимъ милости хлѣба-соли ѣсть,
85. Хлѣба-соли ѣсть, да пива съ медомъ пить
Ко младои княгинѣ ко Апраксѣ“.
Заходили калики на красно крыльцо,—
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,—
90. Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу гридню,
Ужъ и крестъ кладуть они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведуть да по ученому:
„Ужъ ты здравтвуй-ко, княгинюшка Апраксія!“
95. Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Туть калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
100. Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладуть по писаному,
Ужъ и поклонъ кладуть по ученому:
—Благодарствуй, княгинюшка Апраксія!—
105. „Ужъ вы гой еси, удалы добры молодцы!
Ужъ и день идетъ ко вечеру,
Ужъ и солнышко клонится къ западу,
Не пора-ли намъ, калики, опочивъ держать?
Выведу я васъ да по единому“.
110. Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
115. На подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилось ночи во первомъ часу,
Соходила княгинюшка со печки со муравленья,
Ложилася на кроваточку тесовую,
120. На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушку ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
125. „Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня, княгиню Апраксю,
Ты наймись-ко ся къ князю Владимиру во работники.

- Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
130. — Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходитъ намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходитъ намъ къ королямъ, королевичамъ.
135. И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ поидеть,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу.
140. Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.—
Ушла княгиня на ту печку на муравленую.
Случилось ночи во второмъ часу.
145. Соходила княгинюшка со печки со муравленья.
Ложила на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
150. Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
„Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
Ты влюбись-ко ся въ меня княгиню Апраксію,
Ты наймись-ко ся къ князю Владимиру во работники.“
155. Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
За едино жить, да любовь творить“.
- Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая,
Великая заповѣдь тяжелая:
160. Не ходитъ намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходитъ намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ заворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ поидеть,—
165. Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать такого въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.
170. Ушла княгиня на ту печку на муравленую.
Случилось ночи во третьемъ часу.

- Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Соходила княгиня со печки со муравленья,
Брала тутъ сумку лита бархата,
175. Расшила, растягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ прѣзда пьетъ,
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
180. Ключевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися;
Снарядилися калики переходіе,
Пошли калики во чисто поле.
Прѣхалъ тутъ Владимиръ князь:
185. — Ужъ ты гой еси, княгиношка Апраксія!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ прѣзда пью?—
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ князь!
Ночевали у насъ калики переходіе,
190. Украли у насъ братынюшку серебряную“.
Кому была служебка надмѣчена?—
Алешинькѣ была служебка явлена:
„Поѣзжай-ко ты, Алешинька, во чисто поле,
Состыги ты каликѣ да во чистомъ полѣ,
195. Отбери у нихъ братынюшку серебряную.
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, дымъ столбомъ валитъ,
Изъ ушей, изъ ноздрей коня пламя огненное.
200. Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,
Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подзорную
Да на всѣ четыре дальнія сторонки—
И завидѣлъ каликѣ да на чистомъ полѣ,
Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
205. «Ужъ вы гой еси, калики переходіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную“.
Ужъ и тутъ каликамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалось.
210. Подождали Алешиньку близко-наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешинькѣ ж ку сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
215. Привязали Алешиньку ко стремянамъ;

- Едва-едва онъ на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Выходилъ Владимиръ на высокъ балконъ,
Смотрѣлъ Владимиръ въ трубку подзорную.
220. Увидалъ, что Алешинька едва на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Доѣзжаетъ Алешинька ко Владимиру:
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ стольно-кѣвскій!
Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
225. Зазычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
—Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Ночевали вы у князя Владимира,
Украли братынюшку серебряную.—
Ужъ и тутъ пождали меня близко-наблизко,
230. Хватали меня со добра коня;
Ужъ и мнѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали ж сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стременамъ“.
235. Кому служебка была надмѣчена?
Добрынюшкѣ была служебка явлена.
Выѣхалъ Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
Обѣхалъ Добрынюшка дорожками посторонними,
240. Ёдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
«Ужъ вы здравствуйте, калики перехожіе!
Не попалась-ли какъ къ вамъ братынюшка серебряная,
245. Изъ которой братыни князь съ приѣзду пьетъ?»
Тутъ калики другъ на друга осердились,
И стали по сумочкамъ похаживать,
Доходятъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
Расшили сумочку лита бархата
250. И вымали братынюшку серебряную;
Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землѣ по поясу,
255. Рѣчиствъ то языкъ тянули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечми.
И отѣхали они близко-наблизко,—
Идетъ Михайлушка здоровешенекъ.

260. Казнили они его во второй наконѣ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій наконѣ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
265. «Ужъ ты гои еси, Михайлушко Михайловичъ!
Ужъ и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная?»
—Ночеваль я у княгинюшки Апраксін
И случилось noci во первомъ часу ¹⁾...
- И положила она мнѣ братынюшку понасередкѣ“.—
270. Тутъ калики распростилися.
Пошли калики во чисто поле,
День идутъ и ночь идутъ.
Дошли калики до Іерусалима града;
Тутъ они Богу помолилися,
275. На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ представились.

Записана въ г. Мезени г. Никольскимъ. Напечатана въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельск. губ., собранныхъ П. С. Есименкомъ“. Ч. 2-я стр. 41—43. По словамъ г. Никольскаго, пѣвцы называютъ эту былину „Есенинскимъ стихомъ“.

*69. Наѣздъ Литовцевъ.

- Жили были Левики королевичи,
Чолпанá короля Политовскаго племянники,
Приѣзжали оны къ своему дядюшки,
Чолпану королю Политовскому:
5. „Ай же ты нашъ дядюшка.
Чолпанъ король да Политовскіи,
Ты дай-ко намъ прощенье съ благовеньицемъ,
Штобы съѣздить-то намъ да на святую Русь,
На святую Русь въ каменну Москву,
10. Къ мѣлодому князю Константину Дмитричу,
Погостить къ нему, а каменну Москву подъ себя забрать“.
Тутъ отвѣтъ держалъ Чолпанъ король да Политовскіи:
—Ай же вы Левики королевичи,
Я не дамъ вамъ прощенье съ благовеньицемъ,
15. Штобы ѣхать-то вамъ на святую Русь,

¹⁾ Повторяется тотъ же рассказъ, который былъ приведенъ выше.

- На святую Русь, въ каменну Москву;
А кто на Русь не ѣзживаль,
Никто съ Руси счастливъ да не выѣзживаль;
А вамъ счастливымъ не выѣхать.
20. Поѣзжайте вы лучше въ Золоту Орду;
Въ Золотой Орды добрыѣ кони по конюшнямъ застоялисе,
Призакѣптѣло платье цвѣтное,
И призаржавѣла тамъ золотá казна;
Оберите-тко вы платье цвѣтное,
25. И оберите-тко вы золотú казну;
Да того на вѣкъ будетъ не прожить-то вамъ.—
Какъ тутъ-ли Левики королевичи,
Чолпанá короля Политовскаго племянники,
Пріѣзжали оны въ Золоту Орду,
30. И ѡбрали оны добрыхъ коней,
И ѡбрали да платье цвѣтное,
И ѡбрали оны да золоту казну,
И возвратились оны въ свою землю.
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
35. Поѣхали оны да во святую Русь,
Во святую Русь да въ каменну Москву,
И не завернули больше къ своему дядюшки,
Къ Чолпану королю да Политовскому.
Пріѣзжали оны во первое село,—
40. Во первомъ селѣ было три церквѣ,
Было три церквѣ соборныя;
Оны ѡбрали золоту казну,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны во другое село;—
45. Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей соборныхъ;
Оны зóлоту казну оны ѡбрали,
Оны то село огнемъ сожгли.
Пріѣзжали оны въ третье село;
50. Во третьемъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей да соборныхъ;
Золотую казну оны ѡбрали,
И то село огнемъ сожгли,
И полѡнили тутъ полоняночку,
55. Молоду князю Настатью Дмитревну
Съ двумѣсяшнымъ со младенчикомъ,
И завернули они за быстру рѣку
За быстру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ бѣлополѣтнянной.

60. Тутъ пріѣхалъ гонецъ въ каменнѣ Москву
Къ молодому князю Кѳнстантину Дмитричу,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
„Какъ пріѣхали Левики королевичи,
Чолпанѣ короля Политовскаго племянники,
65. Пріѣхали оны да на святую Русь,
На всятую Русь да во первое село;
Во первомъ селѣ было три церквы,
Было три церкви соборныхъ;
Золоту казну оны ѳбрали,
70. И то село огнемъ сожгли;
И пришли оны во другое село;
Во другомъ селѣ было шесть церквей,
Было шесть церквей соборныхъ;
Золоту казну оны ѳбрали,
75. И то село огнемъ сожгли.
И пришли оны во третье село;—
Во третьемъ селѣ было девять церквей,
Было девять церквей соборныхъ;
Золотую казну оны ѳбрали,
80. И то село огнемъ сожгли,
И полонили полоняночку
Молоду княжну Настасью Митревну
Со двумъсяшнымъ со младенчикомъ,
А самы завернули за быстру рѣку
85. За бѣстру рѣку за Смородину,
И раскинули шатеръ бѣлополотняннѣ.
Какъ тутъ-ли молодой князь Кѳнстантинъ да Дмитревичъ
Онъ хватилъ ножище кинжалище,
Ударилъ ножищемъ о дубовой столъ;
90. Пролетѣло ножище сквозь дубовой столъ,
Да пролетѣло ножище и сквозь кирпичень полъ.
Самъ онъ говоритъ таково слово:
„Не дойдетъ поганымъ надъ святой Русью да насмѣхатися“!
- И собралъ онъ три полка три тысячныхъ,
95. И поѣхалъ ко рѣки да ко Смородины,
И раскинули шатры бѣлополотнянны;
Самъ онъ взговорилъ таково слово:
„Ай же вы мои да князья-бѣяра,
Какъ закрычѣтъ черной воронъ на сыромъ дубу во первой разъ,
100. Тогда вы коней сѣдлайте;
Какъ закрычѣтъ черной воронъ во другой разъ,
Тогда переправляйтесь вы черезъ быстру рѣку Смородину;
Закрычѣтъ-то черной воронъ во третьей разъ,

- Тогда берите вы Левиковъ королевичевъ,
105. Чолпанá короля Политовскаго племянниковъ“.
Самъ повернулся сѣрымъ волкомъ
И побѣжалъ за рѣку за Смородину,
Прибѣжалъ во конюшни во стоялые
И у всѣхъ коней глотки повыхваталъ;
110. Повернулся сѣрой волкъ добрымъ мблодцемъ,
И зашелъ-то онъ въ оружейныя,
И ружья-то вси онъ повыломалъ,
И пули по чисту полю порбскидалъ;
Повернулся доброй мблodeцъ горносталюшкомъ,
115. И забѣжалъ на шатеръ бѣлополотнянной,
И сталъ-то онъ да попрыгивать,
А бѣлополотнянной шатеръ да сталъ подрыгивать.
Тутъ прогбворитъ Настасья Дмитрiевна:
„Не твой-ли дядюшка попрыгиваетъ,
120. Што шатеръ бѣлополотнянной подрыгиваетъ?“
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Бросили на верхъ шубу соболиную,
А горносталюшко скочилъ да на окошечко;
Повернулся горносталь да чѣрнымъ ворономъ,
125. Садился чѣрный воронъ на сѣрой дубъ,
И закрычалъ-то онъ во всё горло во первой разъ:
Тутъ русскiе могучiе богатыри
Сѣдлали они да добрыхъ коней;
Тутъ закрычалъ чѣрный воронъ во другой разъ:
130. Переправлялись войска да за быстру рѣку,
За быстру рѣку да Смородину.
Говорятъ тутъ Левики королевичи:
„Не кричи-тко, черной воронъ, на сыромъ дубу;
Мы сходимъ-то въ оружейную,
135. И подстрѣлимъ тебя чѣрна вброна,
А кровь прольемъ по сыру дубу“.
Какъ тутъ-ли Левики королевичи
Приходятъ оны въ оружейну;—
Ружья ты вси да повыломаны,
140. И замочки изъ ружей повыщелканы,
А пульки по чисту полю порбскиданы;
И приходятъ оны во конюшни во стоялые;—
И у всѣхъ коней глотки повыхватаны,
И кони у нихъ да повѣдавлены.
145. Тутъ закрычалъ то чѣрный воронъ во третiй разъ:
И наѣхала тутъ сила армiя;
Повернулся чѣрной воронъ добрымъ мблодцемъ

- Туть взяли оны Левиковъ королевичевъ:
Старшему глаза да повыкопали,
150. А младшему ноги повырубали,
И посадили младшого на старшого,
Штобы старшому нести,
А младшому дѣрога показывать,
И отпустили ихъ во свою землю,
155. Во свою землю въ погану Литву.
Приходятъ оны къ свѣму дядюшки,
Къ Чолпану королю Политовскому.
И говоритъ имъ рѣдной дядюшка,
Чолпанъ король Политовскій:
160. „Ай же вы мои Левики,
Ай же вы мои королевичи!
Не послушались своего дядюшки,—
Теперь нѣ вѣкъ сдѣлались вы каликами.
Кто на Русь не ѣзживалъ
165. Никто счастливъ съ Русей да не выѣзживалъ“.

Записана въ 1886 г. Ѡ. М. Истоминымъ въ погостъ Косозеро, Петрозав. у., Олопецк. губ., отъ сказителя И. А. Касьянова.

70. Конецъ богатырей.

(Отрывокъ).

- Собиралосе на поле Боиканово триста богатырей;
Енѣ думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу заединую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
5. Кругомъ всей земли, кругомъ всей орды,
Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
Самого бы царя въ полонъ взяли.
Кабы была на небо лисница,—
Мы бы выстали на небо,
10. Всю небесную силу присѣкли,
Самого бы Христа въ полонъ взяли“.
Услышалъ Христосъ риць похвальную,
Похвальную, супротивную,—
Спустилъ съ небесъ поляницу удалую.
15. Прибила поляница всѣхъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
Перваго богатыря Добрынюшку,
Другаго Олешеньку,
Третьяго Илью Муромца.

20. Они со той со страсти, со ужаси
Уѣзжали на поле Боиканово,
И разставили шатры бѣлополотнянныя.
Они спали три дня и три ночи,
Не пиваючи и не ѣдаючи...

Былинный отрывокъ записанъ въ Олонцкой губ., въ Вытегорск. уездѣ, учителемъ Сойдинскаго училища Константиномъ Маклюновымъ отъ крестьянина дер. Сойды Дементія Тимоѣева, который при „сказываніи“ прикрѣпилъ его къ былинѣ, напечатанной у насъ выше подъ № 14 и записанной отъ того же сказителя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Свѣдѣнія о крестьянинѣ пѣвцѣ былинь Л. Г. Тупицынѣ.

(Изъ рукописной замѣтки покойнаго сибирскаго этнографа С. И. Гуляева)¹⁾.

Большая часть былинь, вошедшихъ въ сборникъ покойнаго Степана Ивановича Гуляева, были записаны имъ со словъ крестьянина Барнаульской волости, деревни Ересной (въ 5-ти верстахъ отъ Барнаула) Леонтія Гавриловича Тупицына, съ которымъ Степанъ Ивановичъ познакомился въ январѣ 1871 г. Желая поближе приглядѣться къ обстановкѣ жизни Тупицына, С. И. Гуляевъ въ декабрѣ 1871 года отправился изъ Барнаула въ деревню Ересную и сообщаетъ въ своей замѣткѣ слѣдующія свѣдѣнія, которыя передаемъ его же словами:

«Деревушка Ересная—небольшая и крайне бѣдная, основана прадѣдомъ Тупицына при постройкѣ Демидовымъ Барнаульскаго завода. Тупицынъ жилъ съ семьей въ маленькой кое-какъ сколоченной изъ тонкихъ бревешекъ избѣ, безъ стѣнъ, съ дверью прямо на улицу. Когда мы вошли въ избу, Тупицынъ «тонталъ» (валялъ) сукно въ корытѣ, держась руками за жердь, укрѣпленную подлѣ стѣны. Съ печи выглядывали четверо мальчуговъ въ теплыхъ шапкахъ. Жена мыла горшки и чашки. Обстановка была самая жалкая».

По прїѣздѣ въ Барнаулъ, Тупицынъ, оставшись погостить, передалъ С. И. Гуляеву слѣдующій разсказъ:

«Прадѣдъ мой, Лазарь—говорилъ онъ—вышелъ откуда то изъ Россіи, на р. Ишимѣ, а потомъ, по основаніи А. Н. Демидовымъ Барнаульскаго завода, поселился съ другими выходцами тамъ, гдѣ теперь деревня. Сначала они жили въ землянкахъ, занимались рыбною ловлей; перевозили на заводъ дрова, руду и уголь. Дѣдъ Иванъ умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Отецъ Гаврило жилъ болѣе семидесяти. Оба знали много былинь, пѣсень и преданій. Кромѣ того дѣдъ, какъ свадебный дружка, славился еще и знахарствомъ и выкидывалъ на свадьбахъ непостижимыя штуки противъ недобрыхъ знахарей и знахарокъ. Отецъ, занимаясь по вечерамъ какою либо работою, постоянно напѣвалъ былины, или разсказывалъ о стародавнихъ временахъ. Во время исправленія заводскаго «новытка», когда станутъ, бывало, «лагеремъ» на ночлегъ, тогда всѣ, собравшись къ огню, садились около старика и слушали былины, которыя любили также и господа, и казаки, охранявшіе соляныя озера (Ямышевское и Боровыя), куда старикъ ѣздилъ за солью, и всегда позволяли ему за пѣнье нагребать безплатно воза по три соли. Слушая былины, я напѣвалъ ихъ послѣ одинъ и удержалъ въ памяти; но много и позабылъ». Тупицынъ былъ неграмотный.

¹⁾ Сообщаемыя нами свѣдѣнія о Тупицынѣ были уже напечатаны въ 1874 въ «Извѣстіяхъ Н. Р. Географ. Общества т. X № 6» Л. Н. Майковымъ, заимствовавшимъ ихъ изъ письма къ нему С. И. Гуляева.

«Въ то время, къ которому относится разсказъ Леонтія Тупицына (умершаго въ 1878 г.), онъ считалъ себѣ болѣе шестидесяти лѣтъ. Овдовѣвъ передъ этимъ лѣтъ за двадцать пять, женился въ другой разъ. Отъ первой жены осталось у него три сына и три дочери. Отъ второй онъ имѣлъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Сыновья отъ перваго брака все женаты, а дочери замужемъ. Когда мы посѣтили Тупицына, старшему сыну отъ второй жены было 17 лѣтъ. Занимаясь рыбною ловлей, перевозкой руды и угля, умѣя дѣлать лодки, телѣги, дровни и разную посуду, вить веревки, прясть пеньку для сѣтей и вязать ихъ, онъ жилъ хорошо; но по смерти первой жены, женитьбы сыновей и выдачи дочерей замужъ, когда семья разрознилась, хозяйство стало разстраиваться, особенно послѣ двухъ постигшихъ его несчастій, которыя довели его до крайней бѣдности.

Первое, случившееся въ 1855 или 56 году, состояло въ томъ, что однажды, когда онъ поѣхалъ на дровняхъ за сѣномъ, возилась въ икру лѣвой ноги сосновая «зелина» («зелъ», изъ котораго готовятъ «заѣзки» для вершъ). Выдергивая занозу, онъ переломилъ ее; нога въ колѣнѣ согнулась, отъ чего и отъ боли онъ девять лѣтъ ходилъ съ большимъ трудомъ на костыляхъ, но все-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на девятомъ году, на другой сторонѣ ноги, противъ раны образовался нарывъ и показался конецъ занозы, которую онъ мало по малу и вытаскилъ, послѣ чего рана закрылась, нога же осталась согнутою, такъ что онъ во время ходьбы ступалъ только на оконечности пальцевъ, не касаясь подошвою земли. Другое несчастье—внезапная слѣпота, поразившая Тупицына въ 1863 году. «Въ мясопустное заговѣнье, говорилъ онъ,—я былъ въ гостяхъ у двоюроднаго брата Ивана Тупицына. Возвращаясь домой часовъ въ шесть вечера, я шелъ по переулку; погода была тихая, но вдругъ пахнулъ въ лицо налетѣвшій съ косогоора вѣтерокъ, отъ чего у меня затряслись вѣки и въ глазахъ потемнѣло, такъ что я добрался до избы уже ощупью». На эту странную причину внезапной слѣпоты я обратилъ вниманіе мѣстныхъ медиковъ, которые отозвались, что подобные случаи бывають.

Несмотря на потерю зрѣнія, Тупицынъ постоянно занимался какою-либо работою, прялъ пеньку и лезъ на сдѣланной имъ самимъ же до слѣпоты «прядеѣ» (самопрялкѣ), вязалъ сѣти и другіе рыболовные снаряды, выдолбливалъ водопойныя колоды и корыта, «сѣльницы» (сѣльницы), «начовки» (лотки для «шанегъ» и калачей), дѣлалъ грабли и вилы, косилъ траву, когда укажутъ ему «постать» (мѣсто, гдѣ стануть косить); шилъ даже «азямы» (армяки) изъ крестьянскаго сукна, скроенные женою, причемъ ктонибудь изъ дѣтей вдѣвалъ въ иголку нитку. Не за долго передъ моимъ знакомствомъ съ нимъ, Тупицынъ нарубилъ 12 сажень дровъ для одного изъ сосѣдей. Послѣ, по моему заказу, сдѣлалъ двѣ водопойныя колоды, выдолбленныя изъ сосновыхъ бревенъ. Однажды, пріѣхавши ко мнѣ лѣтомъ 1871 года, приготовилъ пару головокъ для граблей, а изъ коры, содранной съ молодыхъ деревцевъ ветлы, свилъ веревку, употребляемую для «кошекъ» (якорей изъ «каракуль» — сучковатыхъ вершинокъ сосны, на подобіе мотовокъ). Многіе, вида Тупицына, работающаго подобно зрячему, не вѣрили, что онъ слѣпъ; но мнѣніе это совершенно неосновательно: зрачки глазъ у него были тусклы, и падающіе прямо на глаза солнечные лучи не производили на него никакого впечатлѣнія. Онъ замѣчалъ, однакожъ, солнечный свѣтъ и огонь свѣчки, но изъ окружающихъ предметовъ ничего различить не могъ.

Леонтій Гавриловичъ,—человѣкъ религіозно-нравственный,—представлялъ замѣчательный типъ даровитаго великорусса, обладавшаго обширною памятію и наблюдательностію. Въ простой ясной рѣчи онъ передавалъ обстоятельно все случившееся съ нимъ въ жизни,

видѣнное и слышанное отъ другихъ. Убѣжденный въ истинѣ того, о чемъ поется въ былинахъ, онъ пѣлъ ихъ съ выраженьемъ на лицѣ чувства внутренняго удовольствія и увлекался, при поэтической его натурѣ, въ мѣръ фантазіи. Музыка и пѣніе производили на него, очевидно, пріятное впечатлѣніе, какъ можно было судить по проявлявшейся на лицѣ улыбкѣ. Заслышавъ знакомый ему напѣвъ, онъ, при чуткомъ музыкальномъ слухѣ, не могъ удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодіи. Кромѣ былинъ, онъ зналъ довольно народныхъ пѣсенъ, обрядовыхъ, круговыхъ, сказокъ и повѣрій. Хотя голосъ у него потерялъ уже полноту и свѣжесть, однакожъ былинъ его заслушивались всѣ. Женская прислуга наша, когда онъ, бывало, начнетъ пѣть, трогалась до слезъ.

Вообще, на сколько мы можемъ судить по личнымъ наблюденіямъ, жители южной Сибири весьма сочувственно относятся къ былинамъ и стариннымъ былевымъ пѣснямъ, сложенымъ народомъ, а не сочинителями, поддѣлывающимися подъ народный ладъ.

Знаменитый натуралистъ Брэмъ, во время проѣзда въ іюнѣ 1876 г. чрезъ Барнауль въ Томскъ, со своими спутниками Финшемъ и графомъ Вальдбургъ-Цейлемъ, пожелалъ видѣть Тупицына, за которымъ я и послалъ въ Ересную. Тупицынъ пропѣлъ по нѣсколькимъ стихамъ изъ былинъ и пѣсенъ, выбранныхъ изъ сборника по особенному характеру мелодій. Знаменитый путешественникъ, сидя противъ пѣвца, не сводя глазъ съ него, внимательно слушалъ пѣніе»...

Въ заключеніе С. П. Гуляевъ замѣчаетъ: «ни одинъ изъ семи сыновей Леонтія Тупицына не имѣетъ тѣхъ дарованій и способностей, какими обладалъ отецъ, ни одинъ не перенялъ былинъ и пѣсенъ ему извѣстныхъ».

II. Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Илья Муромецъ и разбойники.

а)

- Воздалеченько было, воздалеченько,
Было во темномъ лѣсу,
Пролежала тамъ дороженька,
Дороженька не широкая, она неглубокая.
5. Да никто-то, никто-то по этой дороженькѣ
Не ходилъ, не ѣзживалъ; да тамъ шель прошелъ,
По этой дороженькѣ, старый старичокъ;
На старинушкѣ шубеночка она вся худымъ-то худа,
(Худымъ худа) она вся излатана.
10. Какъ и лѣвая полочка стоитъ сто рублей,
А правая полочка стоитъ тысячу;
Всей-то шубеночкѣ ей цѣны нѣтъ.
На встрѣчу старинушкѣ идутъ три разбойничка.
Да хотѣли они со старинушки шубеночку снять;
15. А старинушка на ту пору пріосторожила:

- Исправляетъ онъ свой тугій лукъ,
Закладаетъ онъ стрѣлу быструю,
Ударяетъ онъ въ трехъ разбойничковъ.
Не попалъ старикъ во разбойничковъ,
20. А попалъ онъ во сырой дубъ,
Раскололъ дубъ сверху до низу.
А съ того-то разбойнички испугалися,
И всё врозь они разбѣжались.
На третій день они собиралися,
25. Собиралися, думушку думали:
— «Да и что это за старинушка,
Старый старикъ?»...

Записана В. Пятирублевымъ въ станицѣ Наурской, Грозненскаго округа, Терской области.
Напечатана въ XV вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кав-
каза“ 1893. Отд. I, стр. 203.

б)

- Пролегла во полѣ дороженька, она непробойная,
Непробойная она дороженька, она неторная.
Никто по ней не ходилъ, не ѣзживалъ;
Одинъ тамъ шель-прошелъ старый старикъ,
5. (Что старый старикъ), старикъ Илья Муромецъ;
На немъ была шубочка вся худая, излтанная:
Лѣвая полочка она была по пятьсотъ рублей,
А правая полочка во всю тысячу,
По всему хребту шубеночка—ей и смѣты нѣтъ.
10. Наѣзжаютъ на этого старинушку три разбойника,
Да хотять они его убить али зарѣзати,
А шубочку съ него сняти, между себя подуванити.
На ту пору старинушка онъ присторожился:
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
15. Онъ натягаетъ туго-на-туго,
Закладаетъ свою *тробовую* стрѣлу,
Пустилъ во разбойничковъ,
Попалъ онъ во сырокрѣпчатый дубъ
И разбилъ его на двѣнадцать частей.
20. И тогда разбойники перепужались
И всё врозь они разбѣжались.
Всходитъ старинушка онъ во царскій кабакъ
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники вы кабатчики, вставайте поскорѣе,
25. Вы палайте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,

А любимому моему товарищу (?)

Ему вина на всю тысячу!»

Цѣловальники перепугались,

30. Всѣ врозь-то они разбѣжались.

— «Что это къ намъ пришелъ за пьяница,

Что это за питухъ такой!»

Записана въ станицѣ Ищерской, Грозненск. округа. Напечатана въ томъ же изд. стр. 204.

в)

Какъ со вечера старѡй казакъ думу думалъ,

На бѣлой зарѣ старѡй казакъ своего коня сѣдлалъ,

На восходѣ то солнца краснаго со двора съѣзжалъ.

Выѣзжалъ же старѡй казакъ на чисто поле.

5. Все на чисто поле, старѡй казакъ, на Куликово.

Не бѣлы снѣги-снѣжочки въ полѣ забѣлѣлись,

Забѣлѣлася у стараго воина головушка,

Отъ головушки посѣдѣла вся его бородушка.

Наѣзжалъ же старѡй казакъ на диковинку,

10. На диковинку, старѡй казакъ,—на три дороженьки.

На дороженькахъ лежить, братцы, бѣль-горючъ камень,

А на камешкѣ всѣ дороженьки порасписаны:

Какъ по первой по дороженькѣ ѣхать—быть богатому,

По другой же по дороженькѣ ѣхать—быть женатому,

15. Какъ по третьей по дороженькѣ ѣхать—быть убитому.

Становился же старѡй казакъ, сталъ думу думать:

«По которой по дороженькѣ мнѣ будетъ ѣхать?

Мнѣ богатство, старому, братцы, не надобно,

Мнѣ женитба, казаку старому, все на умъ нейдетъ,

20. Дай, поѣду по дороженькѣ, гдѣ мнѣ быть убитому.

Поѣхалъ я, старый, по дороженькѣ,

Наѣхалъ я, старый, на охотниковъ,

На русскихъ удалыхъ разбойниковъ.

Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:

25. «Примите меня, братцы, во товарищи».

Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помысль,

Что хотить они у стараго коня отнять.

Возговорилъ старѡй казакъ таковы слова:

«Убить вамъ, братцы, меня не за что,

30. И снять съ меня вамъ, братцы, нечего:

Одна у меня серяга и та—сѣрая,

Одна пола—во пятьсотъ рублей,

А другая—во всю тысячу,

А всей серягѣ и цѣны нѣту».

35. Вынулъ же онъ изъ налучня тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву кленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру землю....
Тутъ же ему покорились тѣ охотники.

Эта былина, хотя Илья Муромецъ въ ней не названъ, представляетъ близкій вариантъ къ № 4 и записана Н. Ф. Савичевымъ въ тѣхъ же мѣстахъ т. е. у Уральскихъ казаковъ. Напечатана Н. Г. Мякушинымъ въ его „Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсней“. Сиб., 1890 г., стр. 8—9.

г)

Илья Муромецъ и царице Кудрянище.

(Отрывокъ).

- Какъ ѣхалъ то дородень добрый молодець,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Копали окопы глыбокии,
А гдѣ поймать дородня добра молодца.
5. Первые окопы десять сажень печатныхъ,
А другіи окопы двадцать сажень печатныхъ,
Третьи окопы трицать сажень печатныхъ,
Четверты окопы сорокъ сажень печатныхъ.
Съ десяти сажень печатныхъ повыскочилъ,
10. Съ двадцати сажень повыскочилъ,
Съ тридцати сажень опъ повыскочилъ,
Съ сорока сажень не могъ выскочить,
И хотя зарыть дородня добра молодца
Въ томъ окопѣ глыбокоёмъ.
15. Говорить Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы поганьи татаревья!
Не честь-хвала ваша великая,
Что зарыть дородня добра молодца;
А то честь-хвала великая,
20. Свяжите мнѣ бѣлы рученки,
Скуйте мнѣ скоры ноженки,
А ведите къ царицу Кудрянищу».
Привели его къ поганому татарищу;
Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:
25. — Станешь-ли мнѣ служить вѣрой-правдою?—
«Не сладилось у мня сабли вострыи,
Не сладилось у мня палочки боевыи,
Послужилъ бы тебѣ вѣрой-правдою,
Сейчасъ отсежь бы буйну голову!»
30. Тутъ татарище разсѣрдился,

- На дородня добра молодца:
— Ай вы поганьи татаревя!
Ведите вы дородня добра молодца
На то на болото Куликово,
35. Ко той ко плашкѣ ко липовой,
Отсыките ему да буйну голову!—
Повели дородня добра молодца
Къ тому болотцу Куликову,
Ко той ко плашкѣ ко липовой
40. Отсычь ему буйну голову.
Выѣзжаютъ поганьи татаревя,
Выѣзжаютъ да на чистò поле.
Говорилъ дородній добрый молодець:
«Ай же вы поганьи татаревя!
45. У котораго есть отецъ да мать?
У котораго есть да молода жена?
У котораго есть да малы дѣтушки?»
Отступились отъ дородня добра молодца.
Не сладилось палицы боёвыи,
50. Не сладилось сабли острыи,
Ухватилъ одного татарина за ноги.
«Исполать ти, поганое татарище!
Вдоль погибашься, а самъ не ломашься».
Перебилъ поганыхъ татаревей всехъ дочиста,
55. Не оставилъ на симена.
Только одному отсыкъ да буйну голову,
Потòрнулъ эту голову на рогатыню
И несеть къ идолицу поганому.
Увидалъ идолице поганое,
60. Увидалъ въ косивчато окошечко,
Такъ испугался поганое татарище:
— Ай же ты дородень добрый молодець,
Оставь ты меня во живности,
Вотъ ти государство здись.—
65. «Не надо твоего государства мнѣ,
Выходи-ко ты на улицу,
Я теперь съ тобой да попытаюси».
Не выходи поганое татарище.
Ухватилъ дородень добрый молодець
70. Въ томъ косивчатомъ окошечкѣ,
Бралъ его да за желты кудри,
Вытащилъ его да во чистò поле,
Разсыкъ его да на мелкй части,
Раскидалъ его онъ по чисту полю

75. Ворона́м да на съѣденице,
Дорожнѣмъ—на поршни ¹⁾.

Былинный отрывокъ записанъ покойнымъ А. Гильфердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Напечатанъ въ „Русской старинѣ“ т. IV. (1871 г., стр. 453—455). Въ своей замѣткѣ „Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи“, („Русская старина“ 1871 г., т. IV, стр. 451—452), А. Ѳ. Гильфердингъ сообщилъ слѣдующія свидѣнія о сказителѣ, который по его приглашенію пріѣзжалъ къ нему въ Петербургъ изъ деревни: „Я увидалъ передъ собою старика, на видъ еще довольно бодрого, хотя нѣсколько сгорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ огромнымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему „девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ“. Отецъ его умеръ, когда ему было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старинныя и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе повѣтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губернія; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, къ пѣвню которыхъ онъ, судя по его словамъ, наследовалъ склонность отъ родителя. Выучившись коновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обиліе лошадей у крестьянъ обѣщало ему хорошіе заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоилъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ; былъ и другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и, наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома. Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлевича ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былинныя; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былинныя. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого то Мирощку богатыря, который побѣдилъ Вабу-Ягу, про Аншку воина и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка“.

д)

Илья Муромецъ на Соколъ-корабль.

Дотоплева, братцы, про Кіанъ-море не слыхано,
А пониче на Кіанъ-море собираются,
Собираются Сацкой, Пруцкой, Новоторженецъ.
Собираетъ онъ тридцать кораблей безъ единого,

5. Для себя убираетъ онъ Соколъ-корабль,

Деревца ставитъ кипарисовы,
Двѣнадцать парусовъ канѳасовыхъ.

На корму сажалъ Илью Муромца,
А на носъ—Добрыню Никитича.

10. Отваливаетъ Сацкой отъ бережка,

Отъ того-ль бережка крутова,
Отъ камешка горячаго.

¹⁾ Т. е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи. Примѣч. А. Гильфердинга.

- Какъ сильная буря поднималася,
Налетѣлъ на Соколь-корабль сизой орель;
15. Онъ всё снасточки, бичевочки пооборвалъ,
Двѣнадцать парусовъ всё попустилъ.
Возговорить Добрыня Никитѣвичъ:
«Ты, названный братъ, Илья Муромецъ,
Вынь изъ налучня свой тугой лукъ,
20. Наложь-ка свою калену стрѣлу,
Убей сиза орла во бѣлу грудь».

Былина, представляющая близкій вариантъ къ № 17, записана, какъ и послѣдняя, у Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Сборникъ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Мякушина стр. 6—7.

• е)

Устное преданіе старожиловъ села Карачарова объ Ильѣ Муромѣ ¹⁾.

Понинѣ жители села Карачарова съ большимъ жаромъ защищаютъ и за непреложную истину выдаютъ въ обыкновенныхъ своихъ разговорахъ, что Илья Муромецъ рожденъ въ ихъ селѣ Карачаровѣ, былъ чрезвычайно величественнаго вида и имѣлъ необыкновенную силу. Въ доказательство сего приводятъ слѣдующую повѣсть:

Въ тогдашнія времена, на берегу рѣки Оки лежали три черные дуба, вытащенные изъ воды рыболовами, изъ коней каждой (дубъ) былъ такой тяжести, что крестьянская лошадь безъ отдохновенія въ гору не могла вывезти. А онъ (Илья) ихъ на своихъ плечахъ переносилъ на гору, на которой нынѣ устроена церковь, гдѣ они находились долгое время и послѣ поступили въ основаніе при постройкѣ Троицкой деревянной церкви, сгорѣвшей около 1790 года, отъ коего пожара тогда пострадала большая часть села Карачарова. О родословіи же его (Ильи) въ разсказахъ жителей настоящаго времени ничего слышать не удается. 1847 года августа 10 дня. Село Карачарова, что близъ Мурома.

ж)

Илья Муромецъ.

«Отъ града Муромъ въ ростоинѣ три версты деревня Корочарова, построина похоже много на городъ; церковь высокая большая, близько около церквию полаты построины трохтажныя на горѣ высокой, далече видно, надъ самой рѣкой, Ока, гдѣ родился богатырь Илья *Моровецъ*. И по сие время значительно, гдѣ онъ рѣзничалъ мѣсто для сивокосу и хлѣбнашествва. Росли тамо дубы толстыя, два охвата или три толщины, — онъ ихъ новыдергалъ, какъ конопли, и бросилъ въ Оку рѣку; на двадцать верстъ длинъку и на десять верстъ ширъку выпозалъ лѣсу, и такъ зоволилъ эту рѣку лѣсомъ, (что) другимъ мѣстомъ пошла тая рѣка. Шолъ я атомъ лугомъ двѣнадцать верстъ, гдѣ угодникъ божий

¹⁾ Эта замѣтка мѣстнаго жителя села Карачарова, написанная въ 1847 г., была намъ доставлена графиней П. С. Уваровой.

розчищаль мѣсто Илія *Муровецъ*; теперь опочиваютъ ево мощи неоткрыти въ Бѣвѣвѣ. Случай мнѣ позволилъ (узнать слѣдующее). На этомъ лугѣ построена церковь Иліи *Муровца*, называется *Съкочекъ*. Я сталъ спрашивать тамошнихъ жителей, и они розказали мнѣ все подробну. Въ прежнія времена ѣхоль Илія *Муровецъ* въ Бѣвѣвѣ Богу молиться на богатырскомъ конѣ—десять верстъ *скочекъ*—(и) за одни сутки долетѣлъ въ Бѣвѣвѣ. Съ Муромъ и до самаго Бѣвѣва теперь поставлены церкви на всякомъ *скочекѣ*. Когда вы не вѣрите,—то теперь *печатуютъ книжки въ мѣцѣхъ*, и такъ точно сквозь слухъ по этой губернии одинаковъ. Вотъ какую пользу угодникъ божій созидилъ Илія *Муровецъ* христіаномъ. Это притѣча большая, какъ онъ купилъ у священника маленького *лошенка*,—никто гроша не даетъ и не нашто дивится, (а) потомъ черезъ три года выросъ богатырской конь, божия сила и мудрость. Дневка. Симъ лугомъ, который богатырь розчищаль Илія *Муровецъ*, шелъ въ двѣнадцать верстъ.

Изъ рукописнаго дневника (1848—1858) странника, бывшаго іеромонаха Корсунскаго единовѣрческаго монастыря, Герасима, а по лищеніи сана—Григорія Панкѣва. (Стр. 906, 907). Рукопись хранится въ библіотекѣ Императорскаго Историческаго Музея (№ 1023 inf^o).

III. Къ былинамъ о Добрынь Никитичѣ.

а)

Устиманъ-звѣрь.

- Какъ не пылъ-то во чистомъ полѣ запылался,
Не туманушки со синя-моря подымались,—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со кунницею,
5. Напередъ у нихъ бѣжить старъ Устиманъ-звѣрь;
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя;
Какъ на кажинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо;
10. Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается,—
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются,
Подбѣгали звѣри дивные къ Яику-рѣкѣ.
Вскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ громкимъ голосомъ:
15. Всѣ сыры дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыръ матѣрый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сиздй орелъ,
Не сизой орелъ, удалый добрый молодець.
20. Ужъ онъ жѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
Попадалъ-же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце;
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать сыру землю:

Застонала мать сыра земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго,
25. Самого Устимана разбойника.

Былина, представляющая вариантъ къ № 19 съ нѣкоторыми дальнѣйшими искаженіями (Устимаць изъ Скимень), помѣщена Г. И. Желъзновымъ въ его „Очеркъ быта Уральскихъ казаковъ“ въ изданіи 1858 года, ч. I, стр. 221—222.

б)

Добрыня въ отъѣздѣ.

- Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Передъ матерью родной сынъ въ ноги кланяется:
„Ужь ты, родима матушка Амрфа Александровна!
Еще дай-ка ты мнѣ благословленьице“.
5. — Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь малыхъ дѣтушекъ?—
„Малыхъ дѣтушекъ оставляю на твои руки“.
— Ты дитя-ли мое, чадо милое,
На кого ты оставляешь молоду жену?—
10. „Молоду жену на свою волюшку“...

Былинный отрывокъ, записанный Г. Н. Потанинымъ въ Бухтармѣ, Томской губерніи, напечатанъ въ его статьѣ „Югозападная часть Томской губерніи“, въ Этнограф. Сборникъ, издав. И. Р. Геогр. Обществомъ, вып. VI, стр. 97. По словамъ Г. Н. Потанина этотъ отрывокъ поется какъ продолженіе былины о Сминовѣ-звѣрѣ.

в)

Добрыня и Марина.

- Вотъ еще три года Добрынюшка столярничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ,
Столярничалъ, ложничалъ девять лѣтъ,—
На десятомъ году погулять захотѣлъ,
5. Какъ по славному по городу по Кіеву,
По проѣзжей большой улицѣ Маринкиной.
Увидалъ онъ у Маринки въ высокомъ теремѣ,
Въ высокомъ теремѣ на косяцатомъ окнѣ,
Два жужличка, два голубчика,
10. Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, мцлуются.
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:
15. Его лѣвая нога поскользнулась,
Его правая рука колыхнулася,

- И за досаду Добрынь показалося,
За великую грубу становилося.
Вынималъ онъ изъ налучна тугой лукъ,
20. Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетивочку шелковую,
И накладывалъ стрѣлочку кленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова.
Вспѣла тетивочка шелковая,
25. Завындзяла стрѣлочка кленовая;
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова—
Друга милова змія Тугарина.
На ту пору Маринки тутъ не было,
30. Тутъ не было, не случилось:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенкѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красенъ крылецъ,
35. Увидала она дружка свою обранена,
Обранена змія Тугарина.
И возговорить Маринка таковы слова:
„Чья это шуточка зашучена?
Эта шуточка зашучена не маленькая,
40. Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки сына Никитъевича,
Что ни худшаго моего полюбовника“...
Да возговорить Добрыня таковы словеса:
„Ты, Маринка.“
45. Не тебѣ-же, Маринка, насмѣхатися,
Мною молодецъ похвалятися.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою, кобылицею водовозною“.

Былина, повидимому, неполнѣ точно записанная отъ Уральскихъ казаковъ. Напечатана въ „Библиотекѣ для чтенія“, 1861 г., I, стр. 30—31 и затѣмъ перепечатана въ „Сборникѣ Уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ Н. Г. Минушина, стр. 3—4.

IV. Къ былинамъ объ Алешѣ Поповичѣ.

а)

Алеша и Тугаринъ.

Солнце было, братцы, на-вечерь,
А князя-бояре навесель;
Они пили, гуляли, прохлаждалися,
Между собой сами выхвалялися.

5. Сильные хвалятся силою,
Богатые хвалятся богатствомъ,
А убогіе хвалятся убожествомъ.
Алешенька Догрубникъ онъ за дверью стоитъ.
Одна книжничюшка не пьетъ и не ѣстъ,
10. По полатушкѣ она похаживала,
Крутыми бедрами скоро поворачивала,
Часто въ окошечко сама поглядывала.
Не темная туча изъ горъ восходила,
Не частыя молнии онъ просіяли,
15. Не страшные громы съ трескомъ ударили—
Летитъ собака змѣй Угаринъ
Въ княжепецкій дворъ,
И ударился онъ о дубовъ крылецъ;
Восходить онъ въ комнатушку—Богу не молится,
20. А князьямъ-боирамъ не кланяется,
Княгинямъ, графинямъ онъ имъ чести не отдастъ;
Садится онъ не въ свое мѣсто, не въ показанное,
Между князей-бояръ со книжницею;
Онъ пилъ поило въ полъ-осьмую ведра,
25. А закусывалъ въ полъ-пята быка.
Всѣ князья-боиаре съ ужасомъ они глядятъ на него,
Одинъ Алеша Догрубникъ рѣчь возговорилъ:
—«У моего батюшки была коровушка она все прожорливая,
Поѣдала скирдъ соломы со мякиною,
30. А воды выпивала она три бочки».
Показалось, собакѣ, ему во досадушку;
Вынимаетъ онъ свой острый кинжалъ,
Пустилъ онъ въ Алешеньку.
Алеша Догрубникъ онъ на лету поймалъ,
35. И тогда князьямъ рѣчь онъ возговорилъ:
—«Что этотъ кинжалъ у себя придержать,
Или назадъ пустить?
Кинжалъ я себѣ возьму,
А его свяжу, собаку, въ кабакъ прощью».

Эта сильно подправленная былина записана Е. Бутовой въ станицѣ Ищерской, Грозненскаго округа, Терекской области. Напечатана въ XV Вып. Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Отд. I, стр. 274.

6)

Алеша Поповичъ и Ярюкъ Ивановичъ.

Говорилъ Алеша Поповичевъ:
«Молодой Ярюкъ сынъ Ивановичъ,
Отсѣку тебѣ да буйну голову,

- Твою молодую жену да себѣ замужъ возьму».
5. Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:
«Не хвались, Алеша Поповичевъ,
Отъ двора ли идучи,
Похвались, Алеша Поповичевъ,
Ко двору пріѣзжаючи.
10. Разъѣзжались добры молодцы на три поприща,
Ударилсь саблямъ вострыишъ;
Молодой Ярюкъ ударилъ Алешу Поповича,
Какъ убилъ Алешу Поповича.
«То-то Алеша на моей женѣ женатъ бывалъ!» ...

Былинный отрывокъ записанъ А. Ф. Гильфердингомъ въ сентябрѣ 1871 года, въ Петербургѣ, отъ крестьянина Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губ. Напечатанъ въ „Русской Старинѣ“, т. IV (1871 г.) стр. 453.

в)

Былина объ Алешѣ Поповичѣ, пропѣтая казакомъ Дьяковымъ въ Бухтармѣ.

(Въ изложеніи Г. Н. Потанина).

«Бдутъ два богатыри, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ; кони подъ ними такіе-то, шапки такіе-то, сапоги такіе-то (одинаковы). Подъѣзжаютъ къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ-градъ, другая въ Путиловъ-градъ; Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Путиловъ, но Екимъ Ивановичъ отговариваетъ: въ Путиловъ-градѣ только бабьей вони нанюхаешься, дѣвичьей вони нанюхаешься, а въ Кіевѣ живетъ Владимиръ князь, есть могучіе богатыри, есть съ кѣмъ поиграть и помѣряться. Бдутъ дальше, опять розстани: одна дорога въ Кіевъ-градъ, другая въ Черниговъ-градъ. Алеша-Поповичъ хочетъ ѣхать въ Черниговъ, но Екимъ Ивановичъ въ тѣхъ же выраженіяхъ отговариваетъ его. Бдутъ въ Кіевъ; возлѣ дороги дерево, на деревѣ черной воронъ съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, точно надъ богатырями насмѣхается.

Это показалось обиднымъ Алешѣ-Поповичу; онъ натягиваетъ лукъ, чтобы убить ворона, но воронъ говоритъ: «Не трать, Алеша, стрѣлу по напрасному, поѣзжай лучше въ Кіевъ, тамъ ты найдешь дѣло почестиѣе: у князя Владимира живетъ въ гостяхъ Тугаринъ Змѣевичъ, не годъ живетъ, не два, а ровно три года, и самъ князь ужъ не радъ ему». Пріѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша-Поповичъ не садится на мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю; всѣ удивляются коверу. Потомъ Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ведро вина и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, пивалъ ли онъ по такому. Тугаринъ Змѣевичъ взялъ ведро и выпилъ. «Была у моего отца корова, та тоже выпивала по такому ведру гуци», замѣтилъ Алеша. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалось. Алеша-Поповичъ приказываетъ Екиму Ивановичу принести ковригу и спрашиваетъ у Тугарина Змѣевича, ѣдалъ ли онъ по такой заразъ. Тугаринъ Змѣевичъ кинулъ ковригу за щеку. Алеша-Поповичъ опять сказалъ какую-то болость. И то Тугарину Змѣевичу за бѣду стало, за злую досаду показалось. Выходятъ они на поединокъ. Тугаринъ

Змѣвичъ поднялся на бумажныхъ крылышкахъ, но Алеша-Поповичъ взмолился Богородицѣ: «Матерь Божія, создай тучу грозную, подмочи у Тугарина бумажныя крылышки». И все сдѣлалось по божецки. Сдѣлалась гроза, бумажныя крылышки подмокли, Тугаринъ Змѣвичъ упалъ на землю; тутъ Алеша-Поповичъ набѣжалъ на него, сразу отрубилъ голову и сталъ звать къ себѣ Екима Ивановича. Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошо и схватилъ самого Алешу, повалилъ и началъ бить; только когда тотъ началъ кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не понялъ въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешой. Возвращаются они вдвоемъ въ Кіевъ; Алеша говоритъ: «Всѣ богатыри будутъ рады мнѣ, только одна Апраксѣвна упрекнетъ меня». Подъѣхавъ ко двору князя, Алеша бросилъ на середину двора голову Тугарина Змѣвича и сказалъ: «Вотъ вамъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатися». Апраксѣвна вышла на крыльцо и сказала: «стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйной головой добраго молодца».

См. „Этногр. Сборникъ“ издан. Императорскимъ Русс. Геогр. Обществомъ, вып. VI, 1864 г. стр. 102—104 изъ статьи Г. Н. Потанина—„Юго-западная часть Томской губ.“.

V. Къ былинамъ объ Иванѣ Годеновичѣ.

№ 44.

- Заводился у Владимира почестень пиръ,
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
5. Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Новѣй хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владимиръ ходить по гридиѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ,
10. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Ужъ что же ты, Иванушко, не пьешь, не ѣшь
Не пьешь ты, не ѣшь, не кушаешь“?
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго,
15. Самъ говоритъ таковы рѣчи:
„Благослови-тко-се мнѣ, Владимиръ, женился“
Говоритъ Владимиръ стольно-кѣвскій:
„Тебя Богъ благословитъ, Иванъ, женился,
Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
20. Хошь у князя женись, хошь у боярина“.
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
„Не хочу я женился во Кіевѣ,
Не хочу я женился во Черниговѣ,
Только дай мнѣ-ка благословеньце великое.

25. Есть у короля Ляховинскаго,
Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
Чтобы лишни-то люди не зазрили,
30. Благослови мнѣ-ка туда ѣхати“.
—Богъ благословить, Иванушко, жениться,
Бери ты силы, сколько надобно,
Бери ты золотой казны, сколько надобно.—
Говорить Иванушко Годеновичъ:
35. „Ужь я съ силой пойду, не воевать стану,
Съ золотой казной,—не торговать стану;
Ужь я силой своей возьму богатырскою,
А грозой возьму княженицею“.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
40. Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня, лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева,
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю.
45. Ёдетъ Иванъ по чисту полю,
Пріѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,
50. Не приказана мечеть, не привязана,
Не разнуздана мечеть, не разсѣдлана.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую,
Брестъ-отъ владеть по писаному,
55. Поклонъ-то ведеть по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
„Ужь ты здравствуй, король земли Ляховинскія!“
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
60. „Ужь ты здравствуй, Иванушко Годеновичъ!
За чѣмъ Иванушко пріѣхалъ,
Или пріѣхалъ съ данью съ пошлиной,
Или пріѣхалъ посломъ пословать?“
Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
65. „Я пріѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
А пріѣхалъ сватомъ свататься,
Что на душечкѣ Овдотѣ лебедь-бѣлая“.
Говорить король земли Ляховинскія:

- „У меня, право, Овдотьюшка засватана,
70. У меня, право, запоручена
За того короля Вахроменца“.
Говорить-то Иванъ во второй законъ:
„Отдай дочку за меня замужъ“.
Говорить король земли Ляховинскія:
75. „У меня дочка просватана,
Просватана, запоручена,
Бѣлыя ручки исподаваны,
Злачеными перстнями не помѣняюсь“.
Говорить Иванъ во третьей законъ.
80. Говорить король земли Ляховинскія:
„У меня нельзя тебѣ Овдотю взять:
Сидитъ Овдотю въ новомъ теремѣ
За тридцать замочками висучими,
За тридцать сторожами крѣпкими“.
85. Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣнота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганого татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татаринѣмъ помахивать:
90. Куда махнетъ, тамъ и улица,
Отмахнетъ назадъ,—перезулки;
Приблизъ то всѣхъ пановой-улановой.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни,
Сдериулъ Иванъ двѣнадцать замочковъ,
95. Приблизъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожесъ.
Защелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотѣ лебедь-бѣлая.
Сидитъ Овдотю въ новомъ теремѣ,
Вышиваетъ Овдотю ширинку красна золота
100. Тому-то царицу Вахроменцу.
Сказала Овдотю на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотю таковы рѣчи:
„Ужъ мнѣ ждять-то гостя,—не дождатися,
Звать-то мнѣ гости, не дозватися,
105. Тенерь ко мнѣ гость самъ пришелъ“.
Береть-то Овдотю Иванушко за бѣлы руки,
Цѣловалъ Овдотю во уста сахарныя,
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема высокаго;
110. Вывелъ Иванъ на новы сѣни;
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежать.
Тутъ-то Овдотю прирасплакалася:

- „Охти-хти мнѣ тошнешенько!
Ты умѣлъ меня, батюшко, вспоить, вскормить,
115. Не умѣлъ меня, батюшко, замусть отдать“.
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
„Добро жаловать, Иванъ, хлѣба-соли ѣсть,
Хлѣба-соли ѣсть, чару съ медомъ пить!“
120. Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
„На прїѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ гостя не учествовать.
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
125. Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю;
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ полотняный,
130. Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро на скорѣ
Къ королю Вахрамею земли поганья,
Что былъ-то Иванушко Годеновичъ,
135. Увезъ-то Овдотью, лебедь-бѣлую.
Господь ночь-то проноситъ, Господь день даетъ:
Спать-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалось,
Наѣхалъ поганое идолище,
140. Кричить-то, рычить зычнымъ голосомъ:
„Тебѣ полно, богатырь, спать, прокляжаться,
Пора намъ съ тобой поборотися!“
Встаетъ-то Иванушко Годеновичъ,
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
145. Умывается Иванушко свѣжей водой,
Утирается тонкимъ полотенышкомъ,
Онъ молится Спасу пречистому,
Матери Божьей Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
150. Разъѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми;
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во второй наконъ,
155. Ударились сабелями острыми;
У нихъ сабельки пощербалися,

- Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третьей наконъ,
Ударилсь копыцами вострыми;
160. У нихъ коньца по яблокамъ ломалися,
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ремень, за подбрудное,
По колѣвъ въ сыру землю втопталися.
165. По Иванушкову было по счастьюцу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Слибъ какъ Иванушко Годеновичъ,
170. Сшибъ татарина поганого,
Сшибъ царица на сыру землю,
Съль-то царицу на черны груди.
Забылъ-то Иванушко Годеновичъ свой булатенъ ножъ,
Забылъ свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
175. Кричитъ-то, зычитъ зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
Неси-тво ты мой булатенъ ножъ,
Забылъ-то я свой булатенъ ножъ,
Забылъ во бѣломъ шатрѣ!“
180. Бѣжить-то Овдотья лебедь бѣлая
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ,
Подошла Овдотья, лебедь бѣлая, близехонько.
Говорить царице Вахраменце:
„Ужь ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая,
185. Спехни-тво Ивана со мошъ грудей.
За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
За мной будешь царицею;
Будуть тѣ люди повзоятися“.
Туть Овдотья призадумалась;
190. У бабы волосы долги, а уль коротенькой:
Спехнула Иванушка Годенова.
Скакаль-то царице Вахраменце,
Хочеть у Иванушка спороть груди бѣлые.
Говорить Овдотья-лебедь бѣлая:
195. „Ужь ты гой-еси, царице Вахраменце,
Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
Броси ты его подь сырой дубъ“.
Опуталъ Иванушка опутами шелковыми,
Бросилъ его подь сырой дубъ.
200. Самъ легъ опочивъ держать

- Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спить царице Вахромеище
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проносить, Господь день даеть.
205. Выходить Овдотья-лебедь бѣлая
По утру ранымъ ранешенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидить надъ Иваномъ Годеновымъ,
Не два голубя сидить—два Ангела.
210. Говорить-то Овдотья-лебедь бѣлая:
„Ужь ты гой еси, царице Вахромеище!
Ужь ты выди-тко, царице, изъ бѣла шатра,
Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
Подстрѣлико-се мнѣ-ка голубятинку.
215. Захотѣлось мнѣ-ка голубятинки“.
Выходить поганое царице Вахромеище,
Выходить изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Кладеть стрѣлочку каленую.
220. Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая,
Падала царицу въ груди черные,
Порола царицу груди черные.
Стоять-то Овдотьюшка-лебедь бѣлая,
225. Стоять Овдотья прираздумалась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
„Охти мнѣ, ахти мнѣ топщехонько!
Отъ того бережку откачнулася,
Ко другому бережку не прикачнулася.
230. Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ,
Самъ говорить таковы рѣчи:
„Ужь ты душечка, Овдотья-лебедь бѣлая,
Ты распутай пути шелковыя,
235. А не положу на тебя таковой вины,
Только дамъ поученьице по женскому“.
Лише хватила Овдотья саблю вострую,
Хочеть у Ивана отсѣчь буйну голову.
Какъ тюкнула Овдотья, лебедь бѣлая,
240. Пересѣкла Овдотья путыни шелковыя.
Скакалъ Иванушко на рѣзвы ноги,
Пошелъ Иванъ ко добру коню,
Ко добру коню, ко бѣлу шатру,
Онъ Овдотьюшку ведетъ позади себя.
245. Садился Иванъ на добра коня,

- Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю;
Не доѣхавши Иванъ до города Кіева,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
250. „Ужъ ты душечка, Овдотья, лебедь бѣлая!
Сойди-ко, Овдотья, со добра коня,
Разуй-ко у меня сафьянъ сапогъ,
Захотѣлось мнѣ напиться“.
Ужъ тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
255. „Не пить-то ты хочешь,—кровь пролить“.
Сошла то Овдотья со добра коня;
Сходитъ и Иванушко Годеновичъ.
Махнулъ-то Иванушко саблей вострой по бѣлой шеѣ,
Овъ отсѣкъ у Овдотьи буйну голову,
260. Разметалъ онъ Овдотью по чисту полю.
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ Иванъ на Пучай-рѣку,
Омывать саблю вострую.
Садился Иванъ на добра коня,
265. Поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ,
Встрѣчаютъ его русскіе богатыри.
Во глаза Олеша насмѣхается:
„Здорово женился,—тебѣ не съ кѣмъ жить“!
270. Говорить-то Иванушко Годеновичъ:
„Я женилъ-то свою саблю вострую“.

Записана свѣщ. Вл. Розономъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотницѣ.
Напечатана въ „Матеріалахъ по Этнографіи русскаго населенія Арханг. губер.“, собран. П. С.
Ефименкомъ. Ч. 2-я, стр. 14—17.

VI. Къ былинамъ о Василии Буслаевѣ.

Къ № 69.

- Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завелъ пиръ про князей, про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую.
5. Тутъ на пиру да напивалися,
Тутъ на пиру да наѣдалися,
Тутъ на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
10. Еще кто-то хвалится налицей боѣвою,

- Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Какъ возгворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?»
15. Какъ тутъ князья-бояре,
Сильнии могучии богатыри
Еще большей за меньшова хоронится,
А меньшей за ббольшова хоронится,
А средней-то не знае отвѣту дать.
20. Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да зъ-за дубовыхъ
Становился тутъ дородещъ добрый молодецъ
Василій Богуслаевичъ;
Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.
— Ужь какъ, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
25. Ужь какъ я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мнѣ со пиру, со кумпаньцы
Себѣ выбрать двухъ товарищей.—
Говорилъ Василій Богуслаевичъ:
— Еще кто со пиру да со кумпаньцы
30. А ко мни во товарищи?—
Какъ выскакивалъ Поташенька сутуль-горбатъ,
На одну ноженьку принадывалъ.
— Еще кто второй да во товарищи?—
Еще выскакивалъ Васька Бѣлозѣрянинъ:
35. «Какъ Василью Богуслаевичу
Я иду да во товарищи».
— Ступай же ко мни въ полаты бѣлокаменны,
Ступайте же къ моей матушки
Къ Мамельфы Тимофеевны,
40. Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.—
Тутъ Василій Богуслаевичъ
45. Съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ
Сдѣлали они заговоръ ¹⁾ великии,
Ужь какъ записи они записывали,
Ужь какъ заклинки заклинивали:
Ежели побѣть да силу войскую,
50. Чтобы владѣть да всемъ Новымъ-градомъ;
Ежели побѣть да сила войская,
Такъ нѣтъ ни сыску, ни отыску..

¹⁾ Т. е. условіе. А. Г.

- Какъ пошелъ Василій Богуслаевичъ къ своей матушкѣ,
Сидится за столы за дубовыи,
55. За скатерти за браныи,
А за ѣствы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидить буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потушивши.
60. Говорить его матушка:
«Что сидишь, мило мое дитятко,
Что сидишь буйну голову повѣсивши,
Очи ясныя въ зень потушивши?
Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
65. Чарой зелена вина?»
— Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
Чарой зелена вина;
А только я похвалился птти на силу войскую.
Ежели побью силу войскую,
70. Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всеѣмъ Новымъ-градомъ;
Если побѣтъ сила войская,
Такъ пѣтъ ни сыску ни отыску.—
Его матушка рѣдная
Напоила напитокомъ пьянымъ,
75. Двѣнадцати дверямъ затворила,
Двѣнадцати замкамъ замнула все личинымъ.
Какъ спать ѣнъ не пробнется,
Народу къ нему валомъ вали,
А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу.
80. Дакъ выскакивалъ Поташенька сутуль-горбатъ,
На одну ноженьку припадывалъ,
То сразу семьсотъ убилъ.
Дакъ народу не убавляется,
А народу прибавляется,
85. А палокъ возы возамъ везу.
Какъ выскакивалъ Васька Бѣлозѣрянинъ,
А то сразу восемьсотъ убилъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
90. А палокъ возы возамъ везу.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселѣкъ железненькой,
Ведѣрочка дубовыи,
Видитъ, что его товарищамъ
95. Головушки да переломаны,
А платочникамъ да перевязаны.

- Какъ брала коромыселѣкъ,
Стала коромыселькомъ помахивать.
Буды махнеть—туды улица,
100. А розмахнеть—переулочекъ.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палокъ возы возамъ везу.
Какъ тутъ дивка уполѣхалась,
105. Бросилась да на широкій дворъ,
Завричала громкимъ голосомъ:
«Что же ты, Василий Богуслаевичъ,
Что ты спишь, не прѣспнешься,
А твоимъ товарищамъ
110. Головушки да переломаны,
Платочкамъ да перевязаны!»
Какъ услыхалъ Василий Богуслаевичъ
Голосъ да богатырскій,
Безъ людей двери отворялсе,
115. Безъ ключей замки да отмыкалсе.
Какъ выскакивалъ Василий Богуслаевичъ,
Какъ выскакивалъ на широкій дворъ,—
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
120. Ухватилъ да ось тельжнюю,
Тельжнюю да железную.
Да куды розмахнеть, лежить сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставяе народу на симена.
125. Его дядюшка родныи
Жилъ въ намастыри въ Юрьевъ,
И пришлоъ ево да уговаривать:
«Ой же ты, племянничекъ,
Не оставяешь себѣ народу на симена.
130. Я тебя досюль на борьбѣ побаривалъ,
Я тебя на кулачки поколачивалъ».
— Это дѣло было, дядюшка, да за робячества,
Это тебѣ спущается, что ты дядюшка родныи.—
Да ужъ какъ сталъ Василий Богуслаевичъ
135. Владѣть да всѣмъ Новымъ-градомъ.

Записана А. Ф. Гильердингомъ въ сентябрѣ 1871 года въ Петербургѣ отъ крестьянина
Ивана Яковлевича Гусева, изъ деревни Конецъ, Усанской волости, Новоладожскаго уѣзда, Пе-
тербургской губерніи. Напечатана въ „Русской старинѣ“, т. IV, (1871 г.) стр. 455—456.

I.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ *)

- Атаманъ: Атаманищемъ называется Василий Буслевъ, II, 61: 190, 323, 393.
- Бабенка яржвая, туржвая, II, 60: 106.
- Бабки (игра), II, 28: 108.
- Бабушка задворенка идетъ за стрѣлой Добрыни въ теремъ Марши, II, 27: 63.
- Балковъ высокъ у палатъ кн. Владимира, II, 68: 218.
- Баня: банюшка парушка II, 56: 118, 120, 123, 131, 134; 59: 151, 160, 167.
- Барда, II, 28: 119.
- Бархатъ красный, II, 8: 113.
- Вашмаки, II, 47: 28, 30.
- Башни наугольныя, II, 31: 220; 38: 7; 51: 27.
- Бедра тучныя, II, 28: 46.
- Берегъ: крути бережки у Давыра, II, 54: 7; у сина моря, II, 66: 153.
- Берева кудрявая, II, 31: 144, 288; кудрявая, II, 38: 1; 40: 1; бѣленькая, II, 49: 40.
- Било колокольное, II, 10: 31.
- Бобръ сѣднѣ: нми обята свѣтлица Ставра, II, 57: 47.
- Богатырь могучий, II, 5: 127; 6: 4, 7, 108; 10: 5; 18: 37 и др. Сильный 6: 92, 108. Тридцать два богатыря живутъ у кн. Владимира въ Киевѣ, I, 49: 30; тридцать богатырей собираются на свадьбу Ивана Годеновича, II, 42: 10; богатыри русскіе, II, 49: 45; Богатырка дочь Соловья разбойника, I, 16: 3; сильный богатырь земли русской наз. Илья, II, 5: 39, 41; богатырями называются Добрыня и Дунай, II, 36: 69.
- Болото зыбучее, II, 54: 43.
- Бочки зелена вина въ 40 ведеръ, II, 61: 57, 58.
- Боляре на яру у Владимира, I, 32: 4; злые, подмолчывые, II, 1: 161; боляре—свадебный чинъ: Добрыня былъ болярномъ на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 14; боляре черниговскіе, II, 44: 19.
- Братина (чаша): братина серебряная, II, 68: 176, 186, 190, 195, 207, 228.
- Брови черныя, какъ у соболя (часто).
- Бумага, II, 49: 141, 172, 184; Василий Буслевъ беретъ бумагу и чернила, II, 61: 49.
- Бурушко косматый—конь Дюка Степановича, II, 50: 5.
- Бѣлила, II, 48: 69.
- Вдова честная, II, 27: 5, 182.
- Веиры: веирыше-кабанище, II, 42: 115.
- Верста плтисотная, II, 37, 247.
- Визирь, II, 8: 12.
- Вино горькое, II, 60: 79; зеленое (часто); заборчивое, II, 31: 78; заморское II, 31: 77.
- Вода ливал: ее приносятъ змѣя Потоку Ивановичу, I, 37: 3—7; 44: 27—31.
- Волкъ сѣрый, II, 10: 162; 31: 36, 523; 39: 34.
- Воронъ черный, II, 10: 163; 31: 524.
- Ворота рѣшетчатыя, II, 1: 142; широкія, II, 48: 48; заднія челядинныя, II, 48: 59.
- Выжляки и черниче упоминаются въ числѣ предметовъ, послѣднихъ въ дѣлѣ Владимировъ парю Батуру Батаѣсову, II, 37: 31.
- Вѣники въ банѣ, II, 56: 124.
- Вѣнички красна золота на оградѣ у двора Дюкова, II, 49: 10.
- Вѣтры буйные (часто).
- Вязъ червленый, II, 63: 64; черланный, II, 61, 76, 248; червяный, II, 61: 71.
- Гавань корабельная, II, 67, 147, 161.
- Гвозди золоченные у сапогъ, II, 37: 41.
- Гайздо Соловья Разбойника на 12 дубахъ, I, 14: 5.
- Голова буйная (часто).
- Голуби сизые, II, 42: 174; дѣлуются на теремѣ Марши, II, 23: 38—40 или на ея красномъ оявѣ, II, 24: 45, 46, или на ея каменной стѣнѣ, II, 25: 16.
- Гонецъ скорый, I, 56: 31.
- Горлица високая, II, 32: 188; отхожал, I, 36: 12: 43; 34.
- Горностай, II, 45: 3; 46: 4.
- Горы, II, 35: 30.
- Градъ подсолиный, II, 7: 202.
- Грамота: грамотѣ училась жена Ставра, II, 59: 262; Василий Буслевичъ, II, 64: 6.
- Гридия, гридняца, II, 37: 11; свѣтлая, II, 8: 65, 74; 31: 165; княжевецкая, II, 32: 69, 70; 44: 8; столовая, II, 13: 80, 155; 31: 246.

*) Римскія цифры I и II обозначаютъ 1-й и 2-ой отдѣлы книги; арабск. цифры послѣ I обозначаютъ страницу и строку; арабск. цифры послѣ II обозначаютъ № былинны и стихъ.

- Гробница каменная для Потока и его жены, I, 36: 17; 44: 22; Христова в Иерусалимѣ, II, 61: 321, 333, 361.
- Гроши: в грошикъ стрѣляютъ, какъ в цѣль, II, 59: 191.
- Груди бѣлыя (часто); черныя — у Кошея безсмертнаго, II, 42: 152; у царица Вахрамѣица, II, 44: 172.
- Грядки: грядочки золоченыя на садахъ Василіа Окулева, II, 66: 61.
- Грѣзи тонучія, I, 14: 20; 20: 4, 17.
- Гуна въ 500 пудовъ на калѣчшѣ, кот. встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 34; гуна сорочинская, II, 13: 36, 43.
- Гусельщики, II, 59: 246, 248.
- Гуси-лебеди: ихъ стрѣляетъ Сурога богатырь, II, 65: 8, 9.
- Гусля лрочаты: на нихъ играетъ Ставръ, II, 57: 271, 280—283; 58: 22.
- Двери дубовыя, II, 25: 29; 48: 33.
- Дворецъ (=дворъ) широкъ, II, 12: 62.
- Дворъ бѣлый, II, 7: 98, 184; 33: 55—6; богатырскій, I, 34: 1; 41: 32; посольскій в Кіевѣ, I, 57: 12; княженецкій, I, 3: 17; широкій, II, 1, 91; 32: 6, 140.
- Деньги свѣтлы, II, 45: 20; малы денежны, II, 58: 66.
- Дятлатко родимое, II, 27: 13.
- Домъ на одной верстѣ у Ставра, II, 56: 27; на 7 верстахъ 51: 2; домишко питейное, II, 60: 105, 120, 126.
- Дорога прямоѣзжая, II, 1: 160; святогорская, I, 40: 24; свиторусская, I, 33: 2; ставровая, (?) I, 33: 1; 40: 24.
- Досѣхъ и крѣпкіе, I, 48: 10; досѣха богатырская, II, 54: 13.
- Дружина хоробрая (часто); добрая, II, 31: 70; на корабль, II, 67: 146; хорошая, II, 31: 22, 277.
- Дружок: легкій друженько на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 11.
- Дубинка подарочная у калѣкы, II, 13: 57.
- Дудка мѣдная, серебряная, золотая; на ней играетъ Соломонъ, II, 67: 214, 216, 218.
- Дубъ сирой (часто), кряковистый, II, 1: 60.
- Дьякъ думный, выдумщикъ, воръ сопровождаетъ Батыгу, II, 38: 25, 93, 112.
- Елаванъ раскатистый, II, 28: 139, 146.
- Жаба подземельная, II, 26: 79, 119.
- Желѣза нѣмецкія, II, 12: 146.
- Жемчугъ скатный, II, 6: 50; 8: 42, 108; бурмицкій, II, 57: 53.
- Жеребды латинскіе у Ставра, I, 54: 8; 55: 29; у жены Ставра, I, 56: 11; сивые въ числѣ лани Владимира Батуру, II, 37: 32; нѣзжалме, II, 49: 19; жеребцы кн. Владимира синегривый, половецкій, половецкій воронго, II, 55: 29 — 31; жеребецъ Ивана Гостинаго бурый, косматый, тучелточекъ, II, 55: 53—54.
- Жестъ бѣлая на крышѣ полаты, II, 30: 3.
- Жуковинья (веретин), II, 59: 122.
- Заводы тихія, II, 31: 14, 297; вешнія, II, 31: 68.
- Замки висячіе, II, 32: 186; 44: 83.
- Заслонъ желѣзные, II, 56: 55.
- Застава великая, II, 5: 51, 66, 69, 73; три заставы на пути Дюка Степановича в Кіевъ, II, 50: 12 слѣд.
- Зайцы, II, 45: 3; 46: 3.
- Звѣздъ частныя, II, 33: 220.
- Звѣрь пушной, II, 57: 264.
- Змѣя лютая—выползаетъ въ гробницу Авдотьи Михайловны, I, 30: 3; 44: 22.
- Золото, II, 1: 112; 5: 44; аравитское, I, 56, 23.
- Зубъ дорогъ рыбій: изъ него сдѣлана подюготня у Дюка, II, 49: 31.
- Игреть на гусляхъ, I, 58: 11, 13.
- Изба поваренная, задняя челдинная, II, 45: 6, 7, 29, 30, 35, 36, 50, 51.
- Истошники, II, 59: 152, 156.
- Кабакъ государевъ, II, 16: 27; царевъ, II, 1: 114, 191; 38: 59; 60: 178.
- Каблуки серебряныя у савогъ Ставра, II, 37: 40; 56: 19.
- Казакъ, II, 22: 13; донскіе, II, 16: 43.
- Казна золотая, II, 5: 46; 27: 36; 32: 7 (часто).
- Калачи крупнчатые, II, 47: 13; 49: 121, 124, 126; 51: 66, 73; бѣлые, II, 28: 17, 28, 95.
- Калѣки перехожіе, II, 13: 88, 110; 27: 101; калѣчице прохойжій встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22: 33; калѣка поднимаетъ камень, въ который былъ превращенъ Михаилъ Потокъ, I, 38, 35; сорокъ калѣкъ № 68.
- Камни: бѣлыя, I, 38: 20; самоцѣтный, II, 28, 80; латырь, II, 10: 24, 49, 157; бѣлы-горючъ, II, 4: 4; 28: 4; 61: 120; на Фаворъ-горѣ, II, 61: 366, 375, 377; сѣрый, II, 31: 66, 439.
- Камка бѣлая покрываетъ тѣло Авдотьи Лиховидовны, I, 29: 14; 36: 12; кручатая на царницѣ Соломанен, II, 66: 66.
- Карманъ шелковый, II, 37: 209.
- Карты игральныя, II, 56: 107—109, 135.
- Кипарисъ на Соколѣ корабль, II, 17: 6; въ кипариса строганы стрѣлы Михаила Казарятина, II, 41: 15; кипарисъ-дерево водится, плодится на Ефратъ-рѣкѣ, II, 41: 16—18.
- Китъ-рыба; ея клеены стрѣлки Михаила Казарятина, II, 41: 24; китъ плодится на Ефратъ-рѣкѣ, 41: 26.
- Ключи золотые, II, 12: 94; 27: 34; на короннѣ желѣзномъ, II, 52: 134.
- Ключникъ вѣрный, II, 1: 194, 200; у короля Литовскаго, II, 60: 91.
- Книги божья, II, 48: 93.
- Книгиня душечка, II, 1: 151, 215; 9: 75; 21; 35: молодая, II, 1: 246.
- Князь—молодой мужъ, II, 27: 233; князь-болре, II, 1: 152, 216; 6: 3; 24: 6; 63: 1; 66: 3.
- Кобыла сѣройблѣ; ея слѣды на охотѣ, II, 42: 124; кобылица златяница у Ставра даетъ дорогихъ жеребчиковъ, II, 58: 73—81.
- Ковры волокитные, II, 28: 75—77; сорочинскіе, II, 21: 8; 39: 63.
- Ковылъ трава, II, 26: 99.
- Колоколъ въ 100 пудовъ; его несетъ старецъ Пригрюмиче, II, 61: 263; крестный отецъ Василіа Буслаева, II, 62: 95—99; старичище Угрюмиче, II, 63: 48; 50; колоколъ въ 300 пудовъ на плечахъ старца Пилигримца, 64: 23.

- Колпакъ на Иванѣшѣ сильномъ, II, 61: 79; на Потанюшкѣ хромомъ, 61: 94; на Васенькѣ Маломъ, 61: 116; золотые колпаки на молодцахъ Ставра, I, 55: 1.
- Колчанъ въ 700 стрѣлъ у Ильи, II, 3: 16; хлѣбъ въ колчанѣ, II, 7: 126.
- Кольцо золотое, II, 27: 193; 28: 54; 29: 22; мѣдное, II, 29: 23; витое, 31: 157; серебряное, 46: 31.
- Кольчуга: кольчужные подорожники, II, 6: 36, 69.
- Конюхи у короля Литовскаго, II, 60: 83, 142.
- Кони добрые (часто); волчьи сътъ травинной мяшокъ, II, 1: 69.
- Копье булатное, II, 14: 76, 103; 24: 24; бурсоменское 5: 12; бурзурменное, 29: 2; мурзалецкое, 1: 7; 9: 156; 28: 147; долгомѣрное, 31: 48, 491.
- Корабли червленые, II, 67, 75.
- Кости (играальныя), II, 56: 107—9, 135.
- Кресла, I, 7: 2; 9: 30; 18: 31.
- Крестъ золотой, II, 48: 127; чудецъ, 13: 70; 31: 576.
- Крестьяне—мужички на пиру Владимира, II, 58: 28 хвастаютъ богатые—конями, небогатые—дѣтущками, 58: 30—31.
- Кречеты бѣлые, II, 1: 13; 21: 14; 31: 304; заморскіе 8: 111.
- Кровать, II, 48: 58; тесовая, 66: 57; передняя, 29: 27, 36.
- Кроль горчача, II, 32: 177; черная 46: 52.
- Кружала государены, II, 38: 58.
- Крючки дверные, булатные, золоченые, II, 57: 50.
- Крыльцо красное, II, 1: 184; 8: 64; 9: 117; 12: 89 (часто); дубовое, II, 27: 169; крутое 33: 78; переное 62: 90; 63: 58; тесовое 57: 159; хрустальное у Дюка Степановича, 49: 27.
- Кръпость високая, II, 49: 138.
- Кубецъ въ полдвѣра подносить Владимиръ Ильѣ М., I, 18: 10.
- Кудри русыя (часто); желтыя у Чурилы, II, 48: 15.
- Кузня: въ ней набиваютъ обручи желѣзные, II, 65: 77.
- Куница заморская, II, 58: 17; мамурская 16: 19.
- Купчина золотой орды, I, 27: 21; {34: 10; 41: 31.
- Кусти ракиковы, II, 31: 126.
- Лавка: лавочка булавая (?), II, 1: 220; лавицы-булавицы золотыя въ теремахъ Ставра 56: 35; брусовыя 62: 33.
- Лань быстра, II, 66: 24; бѣлая 66: 25; злато-рогая навольская 66: 40; 42: 119.
- Лапти: лавочки семи шелковъ, II, 13: 33, 47.
- Ларцы кованные, II, 27: 223; 48: 102, 135—139; 57: 52; 66: 196; золотые, II, 12: 95; 27: 35.
- Лати: латинѣ подорожники, II, 6: 36, 68; латы кольчужныя 31: 44, 398, 513.
- Лебедь бѣлая, II, 5: 129; 28: 18; 29: 44; 31: 251.
- Лисица заморская; ея мѣхомъ обиты стѣны въ теремахъ Ставра, II, 56: 37.
- Лицо бѣлое (часто); черное у Василя Пустоволосовича, II, 67: 106.
- Лошади водовозныя, II, 49: 109.
- Лукъ тугой (часто), крѣпкій, I, 1: 4; 5: 3; 27: 7; разрывистый, II, 5: 85; 44: 213; разрывчатый 57: 99; зеленый 9: 23 (по смѣшенію съ лугъ); лукъ Батура несуть 9 человекъ, 37: 258.
- Лѣсъ столчій, II, 1: 74; 31: 306; ветловый 54: 9; крековный 54: 10.
- Лютый звѣрь, II, 9: 45.
- Макъ: лицомъ какъ маковъ цвѣтъ, II, 43: 40.
- Медъ: сладкій, I, 41: 11; II, 27: 246, 252; 31: 184.
- Мечъ вострый, I, 10: 6; II, 31: 468.
- Министры у кн. Владимира: Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ, I, 16: 28.
- Мисы краснаго золота, II, 12: 97; скатнаго жемчуга 12: 98; злата-серебра, 62: 48; 63: 34—35.
- Молодецъ добрый (часто); дородшій, II, 32: 32.
- Монастыри честные II, 31: 93, 129, 505.
- Море синее (часто); студеное, II, 68: 2.
- Мосты каменные (часто), I, 2: 13; 4: 9; 5: 23, 27; 6: 32 и т. д.
- Мужики торговые на пиру у кн. Владимира, I, 54: 10; засельщина, II, 49: 133; деревенщина, II, 1: 163; мужики Новгородскіе 61: 62; 64: 27.
- Мѣдъ красная изукрашаетъ палату, II, 30: 4; зеленою мѣдоу крытъ дворъ Дюка 49: 9; козарскія 49: 50; 51: 4.
- Мѣщане: мѣщанскій родъ, II, 41: 103.
- Мыло въ банѣ, II, 56: 125.
- Нагрудникъ булатный, II, 31: 46.
- Налучникъ (налучно, налучіе), I, 27: 7; 33: 4; II, 4: 29; 31: 51.
- Насады (судна) червленые, II, 66: 56, 95, 107, 120, 128—130.
- Ноги рѣзвыя (часто).
- Ножи булатные, II, 13: 141, 145; 26: 42; 29: 74; ножъ чинжаліе, II, 28: 125; сгублянье въ ножъ 33: 192.
- Облако поплавающее, II, 28: 152; 54: 47.
- Образъ чудные, II, 12: 69; 32: 158; 44: 56.
- Ограда булатная вокругъ Дюкова двора, II, 49: 13.
- Одѣяло собольное, II, 59: 136, 140; 61: 198.
- Озно красное, II, 24: 43; косицатое, 25: 24; 27: 59; стеклянное 1: 171; хрустальное, I, 4: 16; стеклычатое, II, 1: 138; 29: 135.
- Орда великая, II, 8: 232; 31: 98; магушка 8: 17; золотая 57: 101, 69: 20.
- Орелъ синий садится на Соколя-корабль, II, 17: 14; орлы турскіе, заморскіе, 53: 12.
- Оружье, I, 38: 18; богатырское 3: 9; 8: 32.
- Осы телѣжика въ 90 пудовъ; ею избиваетъ Василий Буславичъ Новгородскіихъ мужиковъ, II, 61: 249—255; 62: 74—78; ею избиваетъ татаръ Суруга богатырь, 65: 95.
- Очи ясныя (часто)—какъ у сокола, II, 32: 42.
- Павы: паванная походка у Настасьи Дмитриевны, II, 43: 41.
- Палата бѣлокаменная, II, 27: 229; 28: 131; 31: 440; грановитая 13: 71; столовая, I, 3: 19; 9: 5; бѣлодубовая, II, 60: 237; богатырская 10: 18; княженецкая 10: 12; новая 1: 254.
- Палачи немилостивые, II, 33: 83.
- Палица боевая, II, 1: 5; 9: 154; 28: 172; 31: 50; военная, 33: 142; булатная, 7: 9, 35, 50; 10: 168; желѣзная, 14: 95; I, 38: 19; въ 100 пудовъ, II, 14: 75; тяжелая у пояса, II, 57: 97.

- Пандыр, II, 21: 39.
 Панъ турецкій, II, 16: 38; панове-уланове 67: 12 (вирують у Василя Окульєва).
 Парильщики въ банѣ, II, 59: 152—175.
 Паруса полотняные, II, 67: 143, 163; тонкіе, 16: 47.
 Переулки частые, II, 23: 19.
 Перини пуховыя, II, 59: 127, 134; 66: 58.
 Перстни златные, II, 27: 253; 31: 425 (часто); именные, 31: 503; однозолотные, 42: 76.
 Песокъ желтый (часто); скатный, II, 54: 8.
 Печка муравьиная, II, 6: 97, 100; 49: 33; 68: 170.
 Пещеры Киевскія, II, 8: 318.
 Пиво пльвое, II, 31: 256; 39: 95.
 Пиръ почестный, почетный, II, 1: 197, 204; 26: 102; 27: 225 (часто).
 Письмо скорописчатое пишетъ Василій Буслевичъ, II, 61: 50.
 Питья медвяныя, II, 48: 41 (часто).
 Платки шелковыя, II, 59: 17, 35.
 Платье цвѣтное, II, 48: 12; перемѣнное у Дюка, 49: 136.
 Плетка шелковая, II, 7: 7 (часто); богатирская 7: 31, 40.
 Плеча могучія, II, 31: 583 (часто).
 Повара, II, 60: 88.
 Поварни, II, 28: 118.
 Поводья шелковыя, II, 37: 180.
 Погреба темные, II, 32: 55—66; пива пльвого, зелена вина, сити медвяной, 39: 94—96.
 Подруги шелковыя, II, 21: 10, 103; 31: 30; 39: 66 (часто).
 Подружье: Азема Поповичъ подружье на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 13.
 Подсумки рыва (лѣта) бархата, II, 13: 34.
 Покои бѣлодубовыя, II, 60: 262, 284; королевскіе, 60: 61, 207.
 Поле чистое (часто); Куликово, II, 60: 158 (гдѣ совершаются казни); поле—поединокъ, I, 3: 10; 8: 32.
 Полевица: поляница удалая, II, 56: 4; 58: 7; полезна, 57: 7; преудалая 31: 533; сильная, 31: 38; полевица—дружина, 37: 16.
 Полонянка, II, 41: 50.
 Полотенце тонкое, II, 44: 146; бѣлое 68: 181.
 Польъ киршицать, II, 1: 249; 28: 59; 37: 63; 39: 38 (часто); поль-середа чиста серебра у Ставра, 57: 49.
 Помело сосновое у кн. Владимира, II, 51: 74; шелковое у Дюка 51: 80; 52: 56, 58; самошелковое 49: 85.
 Поврище (мѣра пространства): поскиаи за 5 поврищевъ II, 33: 124; стрѣлянъеза 5 поврищевъ, 33: 191.
 Попи церковныя, II, 49: 92.
 Портки тонкіе, II, 42: 146; 61: 43.
 Портные мастера у Ставра, II, 58: 39.
 Портюйницы Дюковы, II, 49: 155, 158; 51: 101; 52: 95.
 Посоль грозень, I, 56: 26; 57: 1, 10; посольское мѣсто 57: 19.
 Постельницы у Дюка, II, 52: 100.
 Потники бумажныя, II, 1: 3; 21: 7; 42: 18.
 Поторчи вострыя въ колахъ, II, 65: 40.
 Пошлины великія требуетъ посоль Крымскаго хана отъ кн. Владимира (собств. переодѣтая жена Ставра), II, 57: 127—130; отъ пошлины освобождаетъ Иванку повареннаго царца Соломана, 66: 101—104, 111, 116; пошлину платитъ на Руси прѣйхашій на корабляхъ Василій Пустовосовичъ, 67: 93.
 Поѣзжанья (свадебный чинъ), II, 42: 15.
 Польъ шелковый на царцѣ Соломенѣ, II, 66: 230.
 Приворотники, II, 1: 143; 9: 67; 12: 26; 21: 28; 60: 76.
 Приданое, II, 60: 11.
 Придверники, II, 1: 144; 9: 68; 12: 27.
 Приселки, II, 31: 241.
 Притеремки, II, 39: 92.
 Пробои златные по булату, II, 57: 50.
 Птицы райскія, II, 66: 62.
 Пуговицы золоченыя у Дюка, II, 52: 165; вальянскія, 31: 397; жемчужныя 31: 45, 497.
 Пути, путыи, опутни, опуты—шелковыя, II, 44: 196, 198, 233.
 Пшено бѣлоярово, II, 10: 96; 55: 82; ситное 48: 51.
 Разбойники нападаютъ на Илью, II, 3: 9; 6: 35.
 Ракитовъ кустъ частый, II, 41: 32.
 Рогъ турій, II, 8: 195 (у Ильи); 66: 172—176, 244, 272 (у Соломана).
 Рукавицы, II, 61: 128; шелковыя, 45: 44, 64.
 Руки бѣлыя (часто), II, 31: 584; 32: 12; 44: 9 и проч.
 Румяна, II, 48: 70.
 Рина (рюмка), II, 38: 79; 63: 24.
 Сабля острая, II, 1: 6; 5: 8; 9: 155; 15: 75 (часто).
 Садъ зеленый, II, 16: 69.
 Сани, II, 47: 15 (у Чурилы).
 Сапоги зеленъ-сафьянъ, II, 25: 33; 37: 39; 44: 252; 48: 4, турецкаго сафьяна 48: 5.
 Сарафанъ, II, 47: 23; костью-сарафанъ, 48: 71.
 Сахаръ бѣлый, II, 43: 15, 21; 60: 80, 85, 90.
 Сбруи богатирская, I, 6: 10; II, 31: 47; ратная, 24: 23—29; лошадиная, 44: 7.
 Свайка (для грн) серебряная, I, 58: 25; II, 56: 158; 59: 273.
 Сваха на свадьбѣ Ивана Годеновича, II, 42: 16.
 Свѣтлица свѣтлая, II, 9: 71; 21: 79.
 Свѣтъ бѣлый, II, 28: 169 (обычно).
 Свѣча воска ярова, II, 9: 105.
 Сердце ретивое, II, 31: 501 (обычно); богатирское, 33: 86 (обычно).
 Серебро, II, 1: 112; 2: 8.
 Сермяга, II, 45: 37—41 (хатра, мудра, покроя ивменскаго, наметку турецкаго, шитья ярославскаго), II, 3: 15; сѣрая въ 50 рублей; 4: 25—28 одна пола въ 500 руб., другая въ 1000.
 Скамья бѣлодубовая, II, 32: 31; 37: 36; дубовая, 28: 71; 55: 43.
 Скатерти бранья, I, 11: 22; II, 28: 93; шерчатныя, 31: 248; 68: 96; шелковыя, 30: 6; 57: 27.
 Скоба (у дверей), II, 45: 52.
 Скоморохи: гудки скоморошья, II, 27: 220, 236; платье скоморохово на Добрынь, 27: 219.

- Скорлатъ: скорлатъ бѣлый, I, 48: 21; скорлатъ сукно, 55: 1 (на однорядкахъ у Ставровыхъ молодцовъ).
- Скуфья въ 500 р. на Ильѣ М., II, 6: 64, 75.
- Снѣгъ бѣлый, II, 43: 39; пороша бѣлаго снѣга, 45: 1.
- Соболь сибирскій, II, 6: 63; 8: 110: 67, 29; борзой 16: 16; чернй, 57: 48; заморскій, 58: 16.
- Соколъ лѣсий, II, 1: 12; 8: 134; 14: 11; 15: 67 (часто); перелетный, 67: 28.
- Солнце красное, II, 28: 170 (часто).
- Сорока бѣлохвостая, II, 27: 126.
- Сорочка тоненькая, II, 47: 9.
- Староста Новгородскій, II, 62: 26, 79—80; 63: 16, 36—41.
- Стекло заморское, II, 27: 60.
- Столбъ дубовый, II, 12: 64; лѣсной, 28: 104; мѣдный, желѣзный, 49: 25; 51: 9; золоченый, 49: 24; 51: 8; серебряные въ оградѣ у Дюка, 49: 23; 51: 7; точеный, 31: 156; 46: 14.
- Столъ дубовый, II, 8: 66; 10: 13; 12: 32; 23—40 (часто); бѣлый, 29: 81; лѣсной, 28: 84; широкій, 27: 231; почестный, 24: 5; золотой, 16: 71.
- Столыница Дюкова, II, 52: 106.
- Сторожи крѣпкіе, II, 32: 187.
- Стрежа булатное, I, 3: 3, II, 5: 6; вальжное, 41: 84; голышиное, 1: 240; 21: 106; 37: 181.
- Струги легкіе, II, 16: 49; стружечки ветляночки строить Василій Буслаевичъ съ дружиною, 61: 317.
- Стрѣлы каленныя, I, 2: 25; II, 1: 77; 7: 86 (часто); бѣлыя въ 5 рублей, 3: 17; клевоныя, 4: 30; 24: 48; 57: 224.
- Стрѣлище (мѣра пространства), II, 35: 46.
- Стулъ ременчатый, II, 8: 36; 9: 15; 12: 20; 16: 72 (часто); дубовый, 58: 123; клевоный, 48: 38.
- Ступени крутыя, II, 60: 274.
- Стуль (конская) бродовая, II, 51: 57.
- Стѣны каменныя, II, 25: 15; бѣлокаменныя, 28: 52, 183.
- Сужки рты бархата, II, 68: 174, 249. См. подсумки.
- Судулы кованыя, II, 67: 244—246.
- Сыта медвяная; ею угощаетъ Владиміръ коня Ильѣ Муромца, I, 19: 7; медовая, сладкая, II, 55: 82—(ея вроситъ конь Ивана Гостиняго).
- Сѣдла черкасскія, I, 1: 14; II, 1: 4; 27: 24; 28: 179 (часто); сѣдло въ 500 р. у Ильѣ М.; 6: 44.
- Сѣли новыя, II, 31: 164; 44: 110; 51: 31.
- Тавлен клевоныя, вальчатныя, II, 57: 246.
- Тарелки золотыя, II, 30: 7.
- Тати разбойники: ссылаются Василіемъ Буслаевичемъ, II, 61: 51.
- Телѣги златокованныя, II, 1: 111; 37: 344.
- Терема высокіе, II, 1: 84, 137, 208; 21: 23; 26: 30 (часто); златоверховатые, I, 14: 22; II, 61 (часто).
- Тетива шелковая, II, 1: 78 (часто).
- Торговище мѣнное, II, 16: 25.
- Торки шелковыя, II, 41: 82, 140.
- Трава шелковая, II, 23: 32; 49: 20.
- Трактиры, II, 31: 276.
- Трубки подзорныя, II, 10: 159; 31: 295; 68: 201; зрительная труба—въ нее смотритъ Ильѣ Муромецъ изъ окошка въ палатахъ кн. Владиміра I, 22: 17.
- Тысяцкій (свадебный чинъ), II, 42: 12.
- Туръ гнѣдой, II, 26: 94 (съ золотой и серебряной щетиной); туръ золотыя рога, 27: 94; 38: 4; 39: 2; турца, 39: 5; 40: 3.
- Тынь желѣзный, II, 23: 33; 26: 35; окружаетъ дворъ Ставра, 56: 29.
- Узда тесьманная, II, 24: 26; 27: 25; 31: 39; 32: 130.
- Улица широкая, II, 1: 135, 172, 207, 237; 21: 24; 28: 186 (часто); стрѣлка, 10: 19, 46.
- Уста сахарныя, II, 23: 25; 48: 36 (часто).
- Утки сѣрыя, пушистыя, перелетныя, II, 21: 95; перистыя 31: 16; сѣролавыя, 60: 6.
- Холопы, I, 4: 19; 9: 27; 52: 11.
- Хоромы, I, 7: 3; опрощенныя, 56: 8.
- Царевичи заморскіе, I, 1: 10; 4: 7; 5: 6; C: 28; 7: 13; 9: 19.
- Царица, II, 6: 91, 103.
- Царь, II, 5: 42; сорокъ царей, 6: 106; 8: 12; 9: 2; 10: 27.
- Церкви божьи, II, 12: 70; 27: 166; 29: 94; 31: 505; святныя, 31: 103; священныя, 48: 94; л. Вознесенская, 49: 81; Свѣта Пречистаго, 51: 11—12.
- Цырульная, II, 59: 61; въ ней жена Ставра остригаетъ себѣ волосы помужски.
- Цѣны золотыя дасть кн. Владиміръ богатырямъ, I, 52: 23.
- Чара зелена пива, II, 1: 183 (часто).
- Чаша красна золота, II, 5: 35 (часто).
- Чернила, II, 49: 141, 172, 184; 61: 49.
- Чернильница серебряная, II, 59: 263.
- Чижалище булатное, II, 8: 252; 15: 77; 31: 53.
- Чоботы, II, 42: 146; 46: 37; по турецкому: шломы пята, носки острѣе, I, 54: 19; чоботные мастера у Ставра, II, 58: 47.
- Чулки бумажныя, II, 45: 45; тонкіе, 46: 37.
- Чумбуры, ченбуры шелковыя, II, 12: 145; богатырскіе, 42: 210.
- Шалыга (шелыга) подорожная, II, 1: 66; 62: 73 (обычно).
- Шанка пуховая у Чурылы, II, 45: 43; въ 500 рублей, 48: 13.
- Шатеръ бѣлополотняной, II, 6: 89; 8: 31, 55, 161, 205; 9: 9 (часто); бѣлый, 8: 203; 14: 13; 16: 70 (часто); бѣлобѣлчатый, I, 56: 21; тонкій, II, 33: 119.
- Шахматы, II, 57: 245; Владиміръ играетъ съ грознымъ посломъ (женой Ставра).
- Шашки, II, 48: 54.
- Шелкъ шемахисскій, II, 27: 26.
- Шеломъ окатистое, II, 15: 55; 31: 143; 68: 200.
- Ширинка пята краснымъ золотомъ, II, 32: 191; 44: 99.
- Щитъ: въ выраженіи: за щитомъ взять городъ, I, 4: 5; 5: 8; 6: 30; 7: 15; 9: 20.
- Шляпа черная, II, 1: 181, 206; 9: 79; 37: 64; земли грецкія, 13: 35, 42; пуховая, 37: 80.
- Шуба собольная въ 1000 р. у Ильѣ М., II, 6: 60; у кн. Владиміра, I, 21: 30.
- Тѣства сахарныя, II, 28: 94; 48: 40; I, 3: 13.
- Эпистолия: ее пишетъ кн. Владиміру жена Ставра, II, 58: 148.
- Лѣлоко у коваля, II, 44: 160.
- Лидова, II, 7: 69, 83.
- Ярлыкъ, II, 8: 48; 37: 56; скорописчатый 8: 37, 69, 80: 12. 2.

II.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Алевичья земля : съ вел. кн. Владимиръ беретъ дань, I 25 : 11; 32 : 11; 40 : 1, 11.

Авдотья—лебедь бѣлая—жена богатыря Михаила Потока Ивановича, I 27:16; 34:5; 41:26, 42—45; Авдотья—лебедь бѣлая—дочь Ляховицкаго короля, за которую сватается Иванъ Годеновичъ, II 44 : 26, 67, 69.

Алеша (Олеша) Поповичъ упоминается въ числѣ 7 богатырей Владимира, I 47 : 15; названъ министромъ Владимира, 16 : 34; надъ Алешей издѣвается Соловей-разбойникъ, 20 : 36; Алеша наз. племянникомъ кн. Владимира, 29 : 143; вызывается ѣхать за данью въ землю Алевичскую, 26 : 4; 40 : 11; поднимаетъ до полая камень, въ который превращенъ Михаилъ Потокъ Ивановичъ, 38 : 34; 46 : 11; проситъ у калики переходящихъ платье калическое, 48 : 18; умѣетъ говорить татарскимъ языкомъ, 49 : 11; бранится съ цареградскимъ богатыремъ Идоломъ, 50 : 10—14; остается одинъ въ Цареградѣ, когда уѣхали прочіе богатыри, 50 : 54; затѣмъ объясняетъ причину ихъ отъѣзда и отъѣзжаетъ самъ, 51 : 4; издѣвается надъ Тугариномъ, 59 : 1—10. Услужливо подхватываетъ кн. Владимира подъ лѣвую руку, II 5 : 164; упоминается въ дружествѣ Ильи, 8 : 128; упоминается при кн. Владимирѣ, 12 : 55; выручаетъ вмѣстѣ съ Добриней Добриня своей женой выходить замужъ, такъ какъ онъ ему названный братъ, 22 : 51—52; 23 : 15; 27 : 164; називается младшимъ, 28 : 1; 31 : 5; тучнымъ, 28 : 7; бьется съ Тугариномъ, 28 : 140 и слѣд.; названъ сыномъ вола Ростовскаго, 31 : 3; проговлетъ рать Василя Прекраснаго, 31 : 3 слѣд.; Илья М. посылаетъ Алешу П. противъ паллицы, 31 : 315 и слѣд.; Алешу выпрашиваетъ у кн. Владимира Дунай себѣ третьимъ товарищемъ, чтобы ѣхать къ королю Задонскому за Опраксою, 32:124, 33 : 45; у Алешы тросточка въ 40 пудовъ, 33 : 95; А. подхватываетъ стрѣлу Кошелъ и подаетъ Илья Муромцу, 42 : 188—189; смѣется надъ Иваномъ Годеновичемъ послѣ неудачной женитьбы послѣдняго, 44 : 268; упоминается яростъ Алеша, 49 : 5 (срав. I 67 : 1); А. ѣдетъ вмѣстѣ съ Ильей М. по приказу Владимира отвать вѣтние Дюково, 51 : 94;

дерзко говорить о Дюкѣ, 52 : 60—61; Алешу вмѣстѣ съ Добриней посылаетъ кн. Владимиръ привести Ставрову молодую жену въ Кіевъ, 56 : 59—60; Алеша выходитъ бороться съ Васплемъ Васплевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56 : 140—144; упоминается въ числѣ богатырей Владимира, 57:182; хвастаетъ золотою казною, 58 : 20; Алешенька павозвчекъ у кн. Владимира, 68 : 67; А. остался непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70:18.

Алтай гора, II 12 : 149.

Амельфа Тимофеевна молодая вдова Никиты Романовича, мать Добрини, II 21:66, 82; провожаетъ сына, 21:109.

Апраксія. Апраксина королевична, жена кн. Владимира, I 16:24; иначе Апраксина, 17:32; 21 : 33; 22:5; ее цѣлуетъ Идолице, 24:5; Апраксія королевична угадываетъ жену Ставра, 57:21; княгиня, II 8 : 93; 21 : 189, 194; описывается ея нарядъ, 31 : 230—232. Опраксія дочь короля Задонскаго, 32 : 106 и слѣд.; упоминается, 51 : 34; 52:40; 56:110; 57:152; высказывается повоаясь изъ окошка, чтобы послушать калику, 68:77—78; угрожаетъ ихъ и кричитъ оочивъ держать, 68:84—110; соблазняетъ калику Михайла Михайловича, 68:110—170; зашиваетъ братину серебряную въ сумку Михаила, 68:173—178.

Аравитское золото: изъ него сдѣлали наковки на шатрѣ Василисы Никуличны, жены Ставра, I 56:23.

Араховъ (Орѣховъ?) городъ, II 39:9.

Афимья Александровна—мать Добрини, II 22:5стара вдова; срав. стихи, 7, 18, 29, 36, 45; 27:5 (сества вдова).

Ахта (Охта?) городъ, II 39:9.

Батуръ Батиѣсовъ царь получаетъ дань отъ кн. Владимира, II 37:22; називается собака (обычно); его лукъ несутъ девять татаряновъ, 37:258.

Батига Сергѣевичъ съ сыномъ Батигой Батигвичемъ обступаютъ Кіевъ, II 38:22, и требуютъ поединника, ст. 40; називается также Богатушко Богатовичъ, 40 : 11, и Батигушка Батигвичъ, 40:36.

Бахматъ конь любимый богатыря Сурога, II 65:44, 52; бурой конь, 53:4.

Бермета Васильевичъ мужъ Катерини, любовницы Чурман, II 45:5, 21, 23, 25, 50, 57; иначе наз. Бермась Васильевичъ въ № 48.

Бойканово поле, II 14:83; 70:21.

Борисъ королевичъ младъ, II 1:38.

Брянскіе лѣса, I 2:12; 10:25; иначе Брянскіе, 8:2; 9:22; 56:17; иначе Брянскіе, 12:18; 13:7; 14:19.

Буславъ: Буславушка—отецъ Василія, II 61:1, 5; иначе Буслаушко, 62:1, 2.

Бѣлая палица—дворянинъ, шестой богатый при Владимирѣ, I 47:17.

Бѣлозерово—озеро, II 22:32, 64.

Васенька Маленькой въ дружинѣ Василія Буслаевича, 61:102, 107, 113—124; обскакиваетъ дворъ, гдѣ пируютъ мужики новгородчане и впускаетъ туда Василія Буслаева, ст. 160—174.

Василиса Васильевна жена Ставра, II 57:55, 81, 85, 121, 138, 222.

Василиса Никулична (Микулична): а) жена Берматы, II 45:8, 31; называется честная королевична 45:9, 32, 56; б) жена Ставра, I 54:3; 55:30; 56:1—7; II 56:42.

Василій Боголюблевъ царь въ Цареградѣ, II 13:19.

Василій Буслаевичъ новгородскій удалецъ. Оставшись мальчикомъ по смерти отца, уродуетъ новгородцевъ на улицѣ, II 61:5—15; 62:7:11; 64:16—18; по совѣту матери собираетъ съ дружиною, испытывая поступающихъ въ шее ударомъ чернянымъ вазомъ по головѣ, 61:43—125; идетъ незваный съ своей дружиной на пиръ новгородскихъ мужиковъ у Викулы Окулева, 61:150—177; бьется о закладъ драться со всѣми Новгородомъ, ст. 180—183; мать сажаетъ его въ погребъ, ст. 196—201, идетъ къ полицейскимъ начальникамъ съ дарами просить о помилованіи ея сына, 202—218; когда дружинѣ Василія приходится плохо отъ новгородцевъ, нянька выпускаетъ его изъ погреба, ст. 235—245; Василій, схвативъ ось въ 90 пудовъ, избиваетъ новгородцевъ, которые вызываютъ противъ него старца Приугрюмища, ст. 246—266; Василій шадитъ старца и продолжаетъ избивать новгородцевъ, 267—285; полицейскіе начальники приходятъ съ дарами къ Малфѣ Тимофеевнѣ и просятъ укротить ея сына, что она и дѣлаетъ, ст. 286—313. Вас. ѣдетъ въ Иерусалимъ, купается нагимъ тѣломъ къ Иорданю, 314—357; встрѣчаетъ на Фалорѣ горѣ камень съ надписью и скопавъ чрезъ него разбиваетъ себѣ голову, ст. 365—385. Ср. №№ 62, 63, 64. Въ № 60 Василію Буславу приписана похощеніи въ Литвѣ съ королевной.

Василій Васильевичъ—переодѣтая жена Ставра, Василиса Никулична, II 56.

Василій Ивановичъ—переодѣтая въ мужское платье жена Ставра, I 56:13; называетъ себя грознымъ посломъ, 67:2.

Василій Игнатьевичъ—богатырь, дѣйствующее лицо въ былинѣ № 38. При присутствіи Батыги къ Киеву о Василіи рассказываютъ князю Владимиру гола кабацкіе (ст. 49—56). У Василія третій голова съ похмелья (68); онъ проситъ опохмеляться (75), пьетъ полнота ведра зелена вина (83), затѣмъ стрѣлой убиваетъ сына, зятя Батыги и дѣлца выдушника (90—93);

выбираетъ себѣ коня, ѣдетъ къ Батыгѣ, винитъ, выпрашиваетъ у Батыги 40000 татаръ для взятія Киева, но всѣхъ ихъ избиваетъ.

Василій Касимеровъ—упоминается какъ богатырь, II, 8:124, 184—186; въ дружинѣ кн. Владимира, 31:211; Василій Казимерской вызывается отвезти дань отъ Владимира Батуру въ землю Поленецкую, II, 37:48—60; встрѣчаетъ Добрыню, который хочетъ вѣхать съ нимъ (224—128); ѣдетъ съ ирдыками кн. Владимира къ Батуру. В. угрожаетъ ему смертью (217); Василій избиваетъ татаръ осью тельжкою (315).

Василій Окулевичъ—наз. прекрасный царь, II, 66:1, 10; (ср. 67:10); по совѣту коварнаго Ивашки ковареннаго хочетъ увезти жену Соломана, царицу Соломаню (55—65); Ивашка, напоивъ царицу питьемъ забудущимъ, привозитъ ее Василію (138—165); Соломанъ, авившись отнять жену, посаженъ ею въ сундукъ и долженъ быть преданъ казни (190—240), но, прибывшая на звукъ турья рога, дружина выручаетъ Соломана (241—275), который велитъ повѣстѣ Василія Окулевича и Соломаню (276—297). Въ № 67 отчество Василія Окуловичъ и онъ служитъ царемъ въ Новгородѣ (ст. 2).

Василій Прекрасный—любимый зять Мамаю, II, 8:14, 35, 57, 93, 103, 114; осаждаетъ Киевъ, 31:99 и савд.

Василій Пустоволосовичъ—младой Тараканковъ сынъ даетъ царю Василію Окулевичу совѣтъ увезти жену Соломаню и приводитъ его въ исполненіе, II, 67:45—55.

Василій-пьявица (см. также Вас. Игнатьевичъ)—дѣйствующее лицо въ былинахъ №№ 39 и 40; освобождаетъ Киевъ отъ цари Подольскаго или Батыги.

Вахрамей (Вахраменце)—король, за котораго просватана Авдотья лебедь-блудя, дочь короля Лиховинскаго, II, 44:71, 100; называется королемъ земля поганой (133), поганымъ идолицемъ (139), царичемъ (183); его убиваетъ Иванъ Годеновичъ.

Викула Окуловъ: у него пируютъ мужики Новгородскіе, II, 61:144, 151, 173.

Владимиръ—князь бесидный киевскій; Всеславьевичъ, I, 7:11; Всеславичъ, I, 32:4; II, 1:3; 32:4; чаще: Сеславьевичъ, II, 1:9, 43; 9:27; 21:22; 28:185; 37:347 и т. д. Эпитеты: стольниковскій (часто); ласковый (часто); батюшка, II, 1:188; 12:71; славный, I, 5:1; II, 33:117; красное солнышко, II, 9:27; 10:10; 13:72 (часто); блудный царь II, 12:129; великій князь, I, 27:10; 21:29, упоминается въ каменной Москвѣ, II, 24:3; при нападеніи враговъ на Киевъ выказываетъ трусливость, II, 9:39—42; печалится и кручинится, 12:48—50; недовѣряетъ разсказу Иаки Муромца, I, 3:9; 17; выслушиваетъ грубости отъ Соловья разбойника, I, 21:25; отъ Михаила Потока, 36:28; Ва. проситъ Потока Ивановича услужить ему привезенную имъ дѣлицу Авдотью Лиховидову, I, 27:11; 34:2; 41:23. Запрещаетъ богатырямъ оставлять Киевъ, его потчину, 47:10—11., но они не исполняютъ его приказанія; жадуется богатырей шубами соблазнами и золотыми цѣпями, 52:22—24; засаживаетъ за похвальбу Ставра въ погребъ и по-

сылает переписать его золоту казну, 56: 35; отвошения Владимира къ Ильѣ Муромцу, см. П, №№ 1 (170—245); 5; 7; 9 (90—100); 10 (89—93); 11 (72—115); 12 (60—79); къ Никитѣ Романовичу, 21: 34—55; къ Добрынь Никитичу, 21: 389—396; къ Алешѣ Поповичу, 28: 185—191; 29: 86—145; 31; 130—134; 253—257; къ Дунаю, 32: 47—53; 75—79; 87—115; къ Василию Касимерскому, 37: 359—374; къ Василию Пгватъевичу 38: 76 и слѣд.; къ Ивану Гординовичу, 43: 16 и слѣд.; къ Дюку Степановичу, 49: 138 и слѣд. 51: 46 и слѣд. 52: 32; къ Суханшь Заманъеву, 54: 50—65; къ Ивану Гостинному сыну, 55; къ Ставру №№ 56, 57, 58, 59.

В о л х о в ь—рѣка: по Волхову поплыли глаза Идолица убитого Ильей, П, 13: 159. Волховъ мость: на него бросаетъ Василій Буслаевичъ письмо, П, 61: 56, 63; на мосту рѣшено биться Василию Б. съ Новгородомъ, 62: 30; здѣсь же встрѣчаетъ Василія Б. его вѣстный батюшка, 62: 95; ср. 63: 46.

В о л ы н е ц ь—крѣпкій городъ; изъ него призываетъ Михаилъ Козаргитивъ, П, 41: 1, 122, 130, 148; изъ него же Дюкъ, 52: 1, 45, 87. (Волынскъ-Галичъ).

В у я н д и ц а—мѣстность, П, 29: 14.

Г а л а ц к а я земля; изъ нея призываетъ Василій Ивановичъ, т. е. переодѣтая жена Ставра, I, 56: 14; 57: 7.

Г а л и ч ь—славянь городъ, гдѣ живетъ Дюкъ Степановичъ, П, 50: 1, 131 (см. Волынецъ).

Г а н а—дочь Кошца, которую беретъ за себя замужъ Михайло Потокъ Ивановичъ, I, 46: 18 ср. *Ранка*.

Г е р м а н ь (Ермакъ) Святой, П, 10: 112.

Г л а в и т ь—4-й богатырь въ числѣ семи при кн. Владимирѣ, I, 47: 16.

Г о р ы н и ч ь—змиѣ (Горынице), съ которымъ бьется Добрыня, П, 21: 127—139.

Д м и т р и й Дмитріевичъ (Митрій Митріевичъ)—купецъ, отецъ Настасьи, невѣсты Ивана Годиновича, П, 42: 7; 43, 47; гость торговый въ Черяговѣ, 43: 36.

Д и ѣ п р ь—рѣка широкая; черезъ нее скачутъ Дюкъ съ Чурилой, П, 52: 177—199; на Дивирь вызываетъ Суханша, 54: 4, 5; Д. называется быстрымъ, 42: 26, 110; 54: 14; батюшкой, П, 1: 52; 9; 7; 21: 116; Нѣпречка П, 19: 16; на Дивирь выбѣгаетъ Скимень звѣрь, 18: 17 или Нидрикъ-звѣрь, 19: 13.

Д о б р ы н я Никитичъ—упоминается какъ 7-й богатырь при кн. Владимирѣ, I, 47: 18; подхватываетъ Владимира подъ праву руку, П, 5: 163; состоитъ въ дружинѣ Ильи, 8: 127, 182; въ дружинѣ у кн. Владимира, 12: 56; встрѣча Д-ни съ Кузьмою Семерияниновымъ № 14; зоветъ Пылю дядюшкой, 14: 36; Д. сынь торговаго гостя Никиты Романовича, 15: 7; братается съ Ильей, 15: 118 и слѣд. (ср. 31: 264); уважаетъ отъ матери стрѣлать гусей и утокъ, 15: 50—53; бьется съ Ильей, не узнавъ его, 15: 67—109; Д. вѣрный сауга Ильи на Соколъ-корабль, 16: 34; 17: 9. Рожденіе Добрыни сопровождается знаменіями, 18; дѣтство его по смерти Никиты Романовича, 21: 69—79; бьетъ челомъ передъ матерью, 22: 3; 23: 3; Ильи названный братъ Добрыни, 23: 7.

Д. жилъ въ разныхъ должностяхъ 9] лѣтъ у Владимира, 24: 17—21; Добрыню посылаетъ Владимиръ звать отъѣхавшаго Алешу, 31: 195 и слѣд.; его посылаетъ Ильи М. противъ Поляницы, 31: 350 и слѣд.; Д. сватаетъ кн. Владимиру Опраку, 32: 33; ѣдетъ вмѣстѣ съ Дуваемъ и Алешей къ королю Задонскому сватать Опраку, помогаетъ Дуваю ее добыть и отвезти въ Кіевъ, 32: 151—219 (ср. 35: 37 и 36: 25); вызывается самъ сопровождать Василия Казимерскаго къ царю Батуру въ Поленецкую землю, 37: 124—128; играетъ въ кости съ Батуромъ, 37: 228—230; стрѣляетъ и ломаетъ лукъ Батура, 37: 274; побораеъ борцовъ Батура, 37: 300—310; влѣкство Д-ни упоминается 49: 4 (ср. 67: 5); Д. ѣдетъ описывать имѣнье Дюка Степановича, 52: 80; выходитъ бороться съ Василіемъ Васильевичемъ, переодѣтой женой Ставра, 56: 144; хвастаетъ добрымъ конемъ на пиру Владимира, 58: 18 (ср. 63: 11 на пиру въ Новгородѣ); Д. запяточекъ у кн. Владимира, 68: 48; ѣдетъ за каліками, чтобъ вернуть братину, защити Евпраксій въ сумку предводителя калікъ, 68: 235 и слѣд.; Д. остается непобитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 17.

Д у н а й Ивановичъ—богатырь; называется задорливымъ, П, 8: 175; Д. названный братъ Добрыни, 32: 45; сидитъ три года въ погребѣ у Владимира, 32: 48; выпущенный изъ погреба уваживаетъ Владимиру на Опраку, дочь короля Задонскаго, какъ на достойную невѣсту, 32: 106 слѣд.; ѣдетъ съ Добрыней и Алешей добывать ее, 32: 123 слѣд.; смиряетъ короля Задонскаго (ст. 176—184), выводитъ Опраксу и ѣдетъ съ нею въ Кіевъ (210 и слѣд.); на пути, защитиъ некомптъ, поручаетъ Опраксу Добрынь, самъ встрѣчаетъ палицу Настасью королевичну, побѣждаетъ ее и привозитъ въ Кіевъ себѣ невѣстой (215—247); тѣже похождения въ былинахъ №№ 33—36; смерть Настасьи, 33: 215 и слѣд.; самоубійство Дуная (ст. 221—225); изъ крови Дуная протекалъ Дунай рѣка (ст. 228). Имя Дунай въ припѣвѣ, 60: 25.

Д ю к ъ С т е п а н о в и ч ь: описаніе его двора и палаты, П, 49: 8—40; проситъ благословенья у матери ѣхать въ Кіевъ (40—66); приѣзды въ Кіевъ (76—80); хвастовство Дюка на пиру у Владимира (115—139); посольство Владимира къ матушкѣ Дюка (144—189); три заставы встрѣченныя Дюкомъ на пути въ Кіевъ, П, 50: 10—30; встрѣча Д. съ Ильей Муромцемъ (33—40); хвастанье Д. на пиру у Владимира (66—73); споръ съ Чурилой Плекковичемъ (76—78); Д. перещипалъ Чурилу (112—130); № 51=49, но съ подробностями; въ 52: 4 Д. называется молодымъ бояриномъ, боирскимъ сыномъ; состязанье Д. съ Чурилой въ ераветствѣ (66 слѣд.); Добрыня Никитичъ въ палатахъ Дюка (89 слѣд.); Д. ирещипалъ Чурилу (158—173); скачца Д. и Чурилы черезъ Дивиръ (177—206); № 53 (начало былинъ о Дюкѣ); 67: 2 Дюкъ упоминается по золотой казѣ.

Е к и м ъ Ивановичъ—богатырь, спутникъ Алешы Поповича, П, 28 (часто), выручающій его въ битвѣ съ Тугариномъ; иначе Екимъ П, 29: 65; хватаетъ ножъ пущенный Тугариномъ, 29: 75.

Е л е н а—царица, благовѣрная, жена Константина; просить русскихъ богатырей—Илью М. съ товарищами отпустить Тугарина Змѣвича, взятого ими въ пѣлвъ, I, 51: 30—33.

Е л е н и н с к і й стихъ, II, 68: 34, 38; иначе Еленскій, 68: 56.

Е р д а н ь—рѣка; въ ней купается Василий Буслаевичъ съ дружиной, II, 61: 343; 62: 107; также Иорданъ: въ немъ купаются калики, 68: 276.

Е р м а к ъ Тимофеевъ—молодой богатырь; вызывается вѣхать противъ татаръ, II, 10: 105; избиваетъ ихъ, причѣмъ ему помогаетъ Илья Муромецъ (172—186).

Е ф и м ъ—слуга паробокъ; его проситъ Иванъ Гординовичъ у Владимира себя въ спутники, чтобы вѣхать въ Черниговъ сватать Настасью Дмитріевну, II, 43: 52, 54.

Е ф р а т ѣ—рѣка II, 41: 18, 23, 26.
З а д о н с к і й король—отецъ Опраксы и Настасьи, II, 32: 100, 138, 161; задонское царство, 32: 137, или королевство, 32: 139; задонская земля; съ нея Владимиръ беретъ дань, I, 25: 10; 32: 10.

З а л ѣ ш е н и н ъ—дворянинъ, 2-й богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира, I, 47: 15; 49: 10; извиняетъ Алешу предъ царемъ Константиномъ, 50: 14; разговариваетъ съ царемъ, 50: 27; русскіе богатыри посылаютъ Залѣшенина напередъ въ Кіевъ къ Владимиру съ извѣстіемъ о ихъ побѣдѣ надъ цареградскими богатырями 52: 6—9.

З л а т ы г о р ь—сильная, II, 31: 534 (ей сызъ Подсокольничекъ); лютая, 31: 544, 559.

И в а н и ц е—сильный Игнатъевъ сызъ II 13: 4—14, 22, 31; II. въ дружину Василия Буслаевича, II, 61: 73.

И в а н ъ Годиновичъ, иначе Гординовичъ; его женитьба на Настась Дмитріевнѣ, измѣна жены и убіеніе ея Ивановъ, см. №№ 42, 43 и 44.

И в а н ъ Гостинный сынъ—вызывается на своемъ буршкѣ скакать изъ Кіева до Чернигова въ состязаніи съ тремя жеребцами кн. Владимира, II, 55.

И в а н ъ Тимофеевичъ—крестьянинъ, отецъ Ильи Муромца, I, 11: 29.

И в а н ы—два брата, II, 8: 129.

И в а ш к а Поваренный—за столомъ у Василия Окулевича сватаетъ ему Соломаню, жену Соломана, II, 66: 30—47; называется вормъ, 66: 79.

И д о л и щ е—печетливое: его описаніе, I, 23: 15—20; проклятое, II, 13: 17; его вѣшній видъ, 13: 26—29; милой дружокъ Маринки, 26: 22; Идолице Жидовское—богатырь у царя Константина въ Царьградѣ, I, 49: 26, 35; 50: 3—22; его лошади вѣдутъ 20 человекъ, 50: 24; называется Скоропитъ, 51: 17; тридцать идолицевъ будутъ кланяться Настась Дмитріевнѣ, если она выйдетъ за Кошея, II, 42: 164; идолицемъ поганымъ названъ король Вахрамей, 44: 133.

И л ь я Муродецъ—Ивановъ сынъ, I, 2: 4; 3: 25; 5: 20; 6: 23 (часто); свѣтъ государь, I, 10: 13; 16: 11; 13; 12: 15; 17: 21; осударь, 49: 3; II, 5: 19 и др. 15: 26 (часто); сваторусскій богатырь, I, 14: 9; старый вазиль, II, 1: 15; 6: 19;

7: 1; 9: 47; 10: 57, 12: 61; 15: 15 (часто); воинъ, II, 7: 194; дѣдушка, 6: 39; батюшко, 13: 3; старъ-матерь человекъ, 23: 21; Илюшко, I, 2: 4; 3: 24; 7: 20; 9: 9; Илюшенька, II, 12: 141; Юлюша, 13: 59; Юлюшенька, 13: 65, 149; Илья вызывается вѣхать за данью въ землю турецкую, I, 40: 6; вѣдетъ на р. Смородину, 40: 21; вѣдетъ испать Потока, 46: 9; бросаетъ черезъ себя камень, въ которомъ былъ заключенъ Потокъ, 46: 12; упоминается въ числѣ семи кievскихъ богатырей, 47: 14; получаетъ платье каличе отъ каликъ, 48: 29; проситъ кн. Владимира отпустить въ Царьградъ плѣннаго Тугарина, 52: 31—35; вѣдетъ изъ дому въ Кіевъ, II, 1: 14; по дорогѣ туда освобождаетъ городъ Кидошъ (1: 19); называетъ себя въ Кидошѣ Юришъ-Маришъ-Шингаретинкомъ, 1: 37; рветъ дубье и мостъ мостить черезъ Дивиръ 1: 54; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ, 1: 57 и слѣд.; прѣидъ въ Кіевъ, знакомство съ кн. Владимиромъ, 1: 145 и слѣд.; скоро Илья съ Владимиромъ 1: 178 и слѣд.; убіеніе Соловья разбойника (ст. 255 слѣд.). Вызвѣтъ Илья изъ дому, см. № 2 и 5; встрѣча съ разбойниками №№ 3, 4 и приложение, стр. 271—274; встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ №№ 5 и 7; три повѣдки № 6; встрѣча съ Идолицемъ, 7: 56 и слѣд.; Илья и Мамай № 8; наружный видъ Илья, 8: 223—228; Илья М. и Каливъ (Каливъ) №№ 9, 10, 11, и 12; Илья въ Царьградѣ у царя Василия Боголюблева № 13. Встрѣча Илья съ племянникомъ—Кузьмой Семерцилинковымъ № 14; Илья вѣдетъ къ Добрыню 15: 15 и слѣд., не заставъ его дома, находитъ въ полѣ и вступаетъ съ нимъ въ бой, 15: 66—90; Добрыня повалилъ Илью Муромца, хотѣвъ зарвать, но, узнавъ его, проситъ у него прощенья (ст. 114 слѣд.); Илья съ Добрынею на Соколѣ ворабль №№ 16, 17 и Приложение стр. 276—277; И. бьется съ богатыркой, 31: 375 слѣд.; И. убиваетъ стрѣлою Кошея безсмертнаго, 42: 190—193; говорится, что нѣтъ выше Илья счастье, 49: 3; И. поручается за Дюва Степановича, 49: 147, 52: 75; вѣдетъ съ Алешей отнять Дюково ижиге, 51: 92; говорится, что не было выше его на смѣтку, 67: 4; Илья остался не побитымъ въ числѣ трехъ богатырей, 70: 19; И. называетъ на 3 дороги: Приложение стр. 273, Илья и царице Кудрянице—тамъ-же стр. 274—276; мѣстное преданіе объ Ильѣ въ Карачаровѣ, стр. 277; Илья Муровецъ (Моровецъ), 277—278.

И н д р и к ѣ—звѣрь (Скимень), II, 19: 5; описаніе его вида, 19: 6—11.

И е р о с о л и м ѣ градъ, II, 13: 10; смѣшивается съ Царьградомъ, 13: 16, 63; въ Еросолимѣ вѣдетъ Василій Буслаевичъ, 61: 318—363; туда-же идутъ калики, 68: 273.

К а з а р а—поль церквы соборныя въ Волынцѣ, II, 41: 5, 125, 132, 150.

К а л и в ѣ (иначе Каливъ) поганый царь, II, 10: 20, 47.

К а л и в ѣ—царь, собака, злой, II, 9: 1, 54, 97—144; 12: 118; сынъ Смородевичъ, 9: 55; у него сынъ Калинепочекъ, 9: 145; Каливъ-царь Тугаринъ, 12: 6.

К а л и ч и щ е прохожій—встрѣчаетъ Илью Муромца и Добрыню, I, 22; онъ учился съ Ильѣй

въ одной школѣ грамотъ, 23: 5; общается въ свѣчь Илью 23: 10.

Карачарово село, I, 11: 28; II, 2: 2; Прилож. стр. 277—278. (Родина Ильи Муромца).

Касьянъ Ивановичъ въ числѣ каликъ, II, 68: 27, 28.

Катерина Никитична — сестра Добрыни II, 26: 114.

Катерина Никулична (Микулична) жена Бермети (Обемела)—любовница Чурилы, II 46: 10; 47: 24; 48: 28—63.

Киберскій князь, I, 11: 18; 12: 3; 12: 4. (=Себежскій).

Кидошъ—городъ, II, 1: 16, 23, 30.

Кіевъ столичный городъ, I, 47: 9. II, 1: 8, 41, 47, 113, 134; 2: 12; 9: 6; 10: 1 (часто); славный, II, 5: 5; 6: 1 (часто); красенъ, II, 5: 48; 8: 7; 31: 112 (часто); на горѣ стоитъ, 52: 9. Кіановъ городъ—Кіевъ, 60: 104 (примѣч.).

Кіань—море, II, 53: 13; Кіань, 17: 1, 2.

Казарская мѣдь; ею покрытъ дворъ Дюка Степановича, II, 49: 10.

Константинь царь въ Цареградѣ, I, 49: 17; называется вольный царь, 49: 27; спрашивается объ Ильѣ Муромцѣ, 49: 32; 50: 4.

Константинь Дмитричъ — молодой князь въ Москвѣ, II, 69: 10; къ нему привѣзжаетъ гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи Левиками въ пѣльнъ княгини Настасьи Дмитревны, 69: 61 и слѣд.; ѣдетъ на р. Смородину, гдѣ стоятъ Левики, 69: 95; оборачивается сърмъ водкомъ и перегрываетъ глотки конямъ (ст. 99); обертывается горностаемъ (ст. 134) и чернымъ ворономъ (ст. 124).

Корела—богатая; отсюда Михаилъ Казарятинъ, II, 41: 2, 123, 131, 149; отсюда Дюкъ Степановичъ, II, 52: 2.

Кощей—царь Золотой орды, I, 27; узнавъ о красотѣ жены Михаила Потока, собираетъ 40,000 войска и обступаетъ Кіевъ; его силу избиваетъ Михаилъ, 28: 14; называется невѣрнымъ 31: 11; 34: 17; 37: 16; 41: 4; привѣзжаетъ подъ Кіевъ съ 100,000 рати, 45: 6; Кощенце безсмертный—женить Настасью Дмитревну, II, 42: 74 слѣд.; Трапезовичъ 43: 59.

Крымскій ханъ, наз. грознымъ царемъ, II, 57: 123.

Кузьма Семерцянниковъ богатырь—племянникъ Ильи Муромца, II, 14: 124 слѣд.

Куликово поле; II, 4: 2; Добрыня ѣдетъ туда, 22: 26; Алеша ѣдетъ туда перевѣдаться съ амбемъ Тугаретиномъ 28: 133; Илья Муромецъ въѣзжаетъ на Куликово поле; Прилож., стр. 273. Илью ведутъ казнить на поле Куликово, стр. 275.

Кунгуръ Самородовичъ богатырь въ числѣ богатырей кн. Владимира къ Кіеву, II, 57: 183.

Курганъ — царь невѣрный; поднимается и ѣдетъ въ горы Тренетовъ II 65: 2, 30; спрашивается поповшаго въ пѣльнъ Сурогу, будетъ ли онъ ему служить, 65: 64; велитъ казнить Сурогу (ст. 74); названъ Смородовичемъ (ст. 100).

Кутузовы села, I, 2: 35; 3: 4; 6: 8; 8: 22.

Леванидовъ крестъ, II, 40: 2; 68: 6; иначе Евандіевъ 8: 22.

Левики королевичи, племянники Чолпана, короля Политовскаго, II, 69: 1; собираются ѣхать

на святую Русь 69: 8; ѣдутъ въ Золоту орду 69: 29; въ камень Москву 69: 35.

Левонтей попь Ростовскій, отецъ Алеша Поповича, II, 29: 67.

Леховицкая земля; изъ нея Ставръ II 59: 42, 45; Леховицкій посоль (жена Ставра) 59: 86, 91, 101.

Литва—земля; хоробрай, II, 35: 27, 48, 59; 55: 32 (часто); матушка 35: 48; съшшивается съ татарскимъ царствомъ 35: 55; (стр. №№ 36 и 60); поганая 69: 155; въ Литвѣ король, у котораго служилъ добрый молодець 60: 36.

Литовскій князь—отецъ Настасьи и Опрасы, II, 35: 28 и слѣд.; онъ же называется королемъ 36: 45; причемъ при немъ татары 36: 57. Литовская королевична 60: 95—204.

Литовцы—ихъ павздъ см. № 69.

Личарда слуга въралъ, II, 8: 209.

Ляховицскій король—отецъ Овдотья лебеди-бывлой, II, 44: 25; Ляховицкое царство 44: 46, 126.

Мальфа Тимофеевна мать Василия Буслевича, II, 61; иначе Омельфа № 62.

Мамай—татарскій царь, II, 8: 6, 22, 34 и проч.; богатый 8: 168; грозный 8: 233; безумный 8: 241; сильный 31: 368; безбожный 54: 17.

Мамельфа Тимофеевна честна вдова, мать Дюка Степановича, II, 50: 7.

Марина (Маринушка, Маринка, Марышка) любовница Зызя Горынична, II, 25: 22—35; 26: 5; (Игнатьевна); зеленщица и отравщица 26: 7; вѣдьма 26: 117; обертывается сорокою 26: 121; 27: 84; курва 24: 42; прекрасная 25: 13; безбожница 25: 13; злая еретница 25: 14; красна дѣвушка 27: 57; сова заморская 27: 94; зятя семиглава (тамъ-же).

Маслѣво—озеро, II, 68: 3; отъ него идутъ калики переходіе.

Матвѣй Петровичъ чашникъ фряинъ при дворѣ кн. Владимира, I, 59: 6, 10, 17.

Михайло (Михайлушка) Игнатьевъ, II, 9: 125; въ дружинѣ кн. Владимира 31: 213.

Михайло Михайловичъ въ числѣ сорока каликъ, II, 68: 28, 83; его зазываетъ Апраксія, владеть спать (ст. 112—116) и ночью приходитъ къ нему (ст. 117—124)

Михайло Петровичъ ѣдетъ вѣзеть съ Алешей Поповичемъ описывать имѣнье Дюково, II, 49: 144.

Михайло Потокъ Ивановичъ—богатырь; вызывается ѣхать въ землю Задонскую за даью, I, 25: 20; 32: 19; 40: 8; у снѣга моря хочетъ устрѣлить лебедя (26: 17), которая обертывается дѣвцей 33: 3; 34; избиваетъ 500 князянь 39: 16; похода Ія Потока см. I стр. 25—46.

Михаилъ Архангелъ, воевода небесныхъ силъ; освобождаетъ Потока Ивановича изъ камня, I, 39: 2, 4.

Михаилъ Казарятинъ — богатырь. См. № 41. Выѣзжаетъ изъ Волянца, Корелы богатыя; роскошно вооруженъ; хочетъ застрѣлить чернаго ворона на ракитовомъ кусту; воронъ сообщаетъ ему о трехъ татарахъ, держащихъ въ пѣльнѣ русскую дѣвицу. Подслушавъ рѣчи татаръ, М. сдергиваетъ шатеръ, убиваетъ татаръ

и освобождает дѣвицу, которая оказывается его сестрою.

Москва—каменная, II, 24:2; 53:16; 61:3; на святую Русь въ каменну Москву вдутъ Левики 69:9.

Муровець (Муравѣць) наз. Илья, I, 1:1; 2:19; 3:2; 4:20 и проч.; Прилож. стр. 277—278.

Муровъ градъ (=Муромъ), I, 1:1; 2:5. Муровъ 3:25, 27.

Муромъ—городъ; славный I 4:29; 7:8; 10:1; изъ него Илья М., II, 1:157; 2:1; 5:2; 15:14 и проч.

Настасья Дмитріевна (Митріевна)—дочь купца Черниговскаго Дмитрія Дмитріевича, II, 42:8; за нее сватается Иванъ Годеновичъ (тамъ же); ср. 43:37; Настасья Дмитріевна молодая княжна съ младенчикомъ; ее полонили Левики 69:54.

Настасья Казарична сестра Михайлы Казарятина, вырученная изъ плѣна татарскаго, II, 41:138.

Настасья Королевична—дочь короля Задонскаго, сестра Опраксы, II, 32:103; похищена въ полѣ, сражается съ Дунаемъ, выходитъ за него замужъ, хвастается мѣткостью стрѣлы и гибнетъ отъ стрѣлы мужа. Изъ ея крови Настасья рѣка, 33:226; Настасью Дупай убиваетъ въ Литвѣ № 36.

Настасья Никулична (Микулишна) жена Добрыни, II, 23:10; 27:41; жена Ставра, II, 58:85, 103, 109; 59:36.

Никита Карачевецъ—атаманъ каликъ, I, 4:24.

Никита (Микатушка) Романовичъ—торговый гость, отецъ Добрыни, II, 15:1—7; богатый гость въ Рязани 21:3; идетъ въ Киевъ ко Владимиру 21:25—35; идетъ въ монастырь (тамъ же); Микатушка 25:1—3.

Новгородское шитье щегольское II 48:7.

Новгородъ: наз. Новы-города, II, 25:7; съ Новымъ городомъ не спорилъ старикъ Буславъ 61:4; егольный 64:1, 31. Упоминается въ №№ 62, 63, 64; Прилож. стр. 292; въ Новъ-городѣ служилъ Василій Окуловичъ 67:2, 202.

Новоторженской, II, 17:3.

Нѣмедій покроей сержаги учурилы, II, 45:39.

Обемялъ Васильевичъ (=Бермета) — мужъ Катерины Никуличны, любовницы Чурилы, II, № 46.

Одолице (=Идолице) поганое, II, 7:56 и слѣд.

Омельѣа Тимофеевна, иначе Мамельѣа, Амельѣа, Мальѣа—матера вдова, мать Василя Буславича, II, 62:63; 64.

Пилигримище старецъ, II, 64:22; иначе Пригрюмище 61:260—265; Угрюмище 63:44, 50, 55.

Подольскій царь съ силой невѣрною подступеть подъ Киевъ, II, 39:29.

Подсокольникъкъ сынъ Илья Муромца, II, 31:479—585.

Подсолнечный градъ, II, 5:202.

Полятовскій король, II, 69:1.

Польскій король, I, 56:14.

Полевецкая земля, II, 37:21; въ ней живетъ Батуръ Батьсовъ (ст. 49); наз. дальняя (ст. 190).

Потанюшка хроменьый, II, 8:119, 131; въ дружинѣ вл. Владимира, 31:212; въ дружинѣ Василя Буславича 61:87 и слѣд.

Потокъ Ивановичъ—богатырь, см. Михайло Потокъ Ивановичъ.

Пруцкой, II, 17:3.

Путерема городъ, II, 28:13, 26.

Пучай—рѣка; въ ней вдетъ Иванъ Годеновъ, чтобы обмытъ саблю, которою онъ отсекъ голову Овдотьи Лебеди-бѣлой, II, 44:262; въ Пучай заговяютъ мужики Новгородчана дружину Василя Буславича, 61:225.

Рапка—дѣвка, дочь Кошея; ее беретъ Потокъ Ивановичъ за себя замужъ, I, 39:13—15.

Рославней Рославнеевичъ, II, 8:235.

Ростовъ—славный городъ, родина Алеши Поповича, II, 31:1; городъ Ростовскій, 31:88, 137, 140.

Русь—святая, матушка, II, 13:113; 24:1; 67:231; 69:8 (часто).

Рязань—славень городъ, II, 15:18 (родина Добрыни); въ Рязани его широкий дворъ 15:28, гдѣ живетъ его матушка, вдова благочестивая (см. 35, 41, 122); село, а затѣмъ городъ 21:1, 2.

Садко—упоминается какъ богатый купецъ II, 49:67:3.

Салтанъ Салтановичъ турецкій пашъ II, 16:40, 73, 76.

Самсонъ Колуванъ II, 8:122, 173; въ числѣ Киевскихъ богатырей 38:47; С. Колыбановъ 49:1—2; 67:3; Колыбановичъ 57:185.

Саратовы степи II, 6:9; 38:130; тамъ Василій Игнатьевичъ избиваетъ 40,000 татаръ Батыги.

Святорусская земля I, 11:6.

Себежъ градъ I, 1:7; 4:5; 5:6; 6:28; 7:15; 9:20; иначе Себежинъ 7:13; 9:18; Себежинскій царь 5:9; 6:30; 10:7 и пр.

Сергіевъ монастырь; въ немъ живетъ старецъ Пригрюмище II, 61:260.

Сибирскій царь (=Себежскій) I, 1:12; 2:11; 4:6; 7:18.

Сергіій—свитой II, 10:112.

Скимень—звѣрь; лютой II, 18:7; описаніе его вида 18:8—16; иначе Скимъ-звѣрь 20:8—18; иначе Устимъ-звѣрь—Прилож. стр. 278.

Смородина—рѣка I, 2:13; 4:9; 8:2; 9:23; 10:26; 11:2 и т. д. На Смородину вдетъ, направляясь къ Киеву, Василіса Никулична, жена Ставра I, 56:17; на Смородинѣ оставяиваются Левики II, 69:58.

Смугра—рѣка; ее переѣзжаютъ семь русскихъ богатырей по пути изъ Киева въ Царьградъ I, 48:16; у нея оставяютъ своихъ коней 49:6; 51:2.

Сокодь—корабль II, 16:3; 17:5 и пр.

Соловей разбойникъ: Мировичъ (т. е. Будимировичъ) I, 40:23; Будимировичъ 10:28, 11:3; Рахмановичъ, II, 5:150—182; Рахмановъ 5:139; 7:131—201; сильный богатырь I, 12:22; сидитъ на 7 или 9, или 12 дубахъ I, 2:27; II, 5:60; 7:131; встрѣча съ Ильей Муромцемъ см. подъ именемъ Илья М.; грозится ударить Алешу Поповича гильямъ крыломъ I, 21:2; у него 12 сыновей I, 3:5; 8:27; три дочери 14:28; 27 сыновъ II, 1:113—133.

Соломаней—царица жена Соломана II, 66; иначе Соломониды 67.

Соломанъ—царь; Окульевъ II, 67: 9; Давыдовичъ 67: 176. Его похождения см. №№ 66 и 67.

Ставеръ Гадеповичъ I, 54; Годеповичъ II, 56; Гудимовичъ № 57; Астовертъ сынъ Гординовичъ № 59; наз. бояриномъ I, 54: 1 II, 57: 15; похождения его въ Киевъ см. I, стр. 54—58; II №№ 56, 57, 58, 59; даетъ деньги въ ростъ и этимъ богатѣетъ I, 54: 14; ѣздитъ на перемъныхъ жеребцахъ 55: 4—7; прѣзжаетъ въ Киевъ изъ стольнаго града Чернигова 55: 12; Владимиръ жадуетъ ему Черниговъ 58: 30.

Столъ—городъ (испорчено изъ стольній); отсюда прѣзжаетъ Ставеръ II, 56: 25.

Суздальцы—два брата богатыри II 8:130, 280—309.

Суруга—богатырь: Суруга Суруга Суруга II, 65 (обычно); наз. бѣлымъ царемъ 65:3.

Суханъ Домантьевичъ—пятый богатырь въ числѣ семи богатырей кн. Владимира I, 47: 16; иначе Суханъ Дементьевичъ II, 57: 184.

Суханъша Замантьевъ—богатырь; ѣдетъ на Дибирь, видитъ что онъ несетъ трупы коней, узнаетъ отъ Дибра, что надъ нимъ стоитъ сила Мамай и нападаетъ на послѣднюю II, 54: 1—35; перебивъ силу, самъ умираетъ отъ полученныхъ ранъ (ст. 35—60), причѣмъ при его смерти присутствуетъ князь Владимиръ, случайно его нашедшій (ст. 50—65).

Суцкой II, 17: 3.

Тагула—птица; ея перомъ оперены стрѣлы Михаила Казарятина II, 41: 20; водится и плодится на Евратъ-рѣкѣ (ст. 21—23).

Татары: поганые II, 9: 80; 10: 8 (часто); злые 9: 133; бусурманы 41: 47; татары уланывые 65: 33—83.

Татьяна Александровна старая дѣвица, родная тетка Добрыни Никитича II, 27:104.

Тилица—дѣвка служанка у Ярма Васильевича II, 47: 18—75.

Тороканникъ Каранниковъ—зять Батыги II, 38: 24—111; иначе Тараканскій Корабниковъ 40: 3, 36.

Торопъ—паробокъ, слуга Алеша Поповича, I, 60: 4.

Трепетовы горы II 65: 28; туда посылаетъ пташка вѣщая богатыря Суругу (ст. 31 слѣд.)

Тугаринъ Змѣевичъ—богатырь цари Ковстантина Царьградскаго I, 49: 19; его лошади богатырскую ведутъ 10 человекъ 50: 26; его берутъ въ лѣвъ русскіе богатыри 51: 17; мать Тугарина плачетъ и проситъ царицу Елену ходатайствовать за ея сына предъ русскими богатырями, что та и исполняетъ 51: 27—20; его везутъ въ Киевъ 52: 3, представляютъ кн. Владимиру 52: 21, который отпускаетъ его обратно въ Царьградъ 52: 37; Т. Змѣевичъ насильникъ въ Киевъ при кн. Владимирѣ 59: 2; Владимиръ подноситъ ему чару 60: 2; Тугаретинъ зѣвъ завладѣлъ дочерью кн. Владимира II, 28: 43; бой съ нимъ Алеша и Екима Ивановича 28: 86—153;

Тугаринъ въ Киевъ № 29; Тугаринъ Иамъевичъ татаринъ; у него Илья М. полонилъ воронка 55: 33.

Турецкая земля: Настасья Никулевна, жена Ставра, выдаетъ себя за посла земли Турецкой II, 58: 120.

Турская земля, I, 25: 9; 32: 8; 39: 28.

Фаворъ—гора; туда прѣзжаетъ Василій Буслевичъ съ дружиной, возвращаясь изъ Иерусалима II, 61: 364—396; наз. славная 61: 384; иначе Фараонъ-гора 62: 109—114.

Федоръ, попъ соборный, отецъ Алеша Поповича, I, 60: 10.

Фома Родіоновичъ, повгородскій городничій II, 61: 204, 213; идетъ съ полицейскими начальниками проситъ Мальфу Тимофееву удержатъ ея расходившагося сына Василія Буслевича 61: 287.

Хапилковы ребята, упоминаются въ числѣ богатырей кн. Владимира II, 57: 186.

Хвалунское (т. е. Хвалынское) море, II, 16: 2.

Царьградъ, отсюда царь Ковстантинъ отпускаетъ богатырей на Киевъ I 47: 7; упоминается II, 2: 13; 13: 9—77; въ Царьградѣ служитъ Соломонъ-царь 67: 1.

Чернавушка дѣвушка въ услуженіи у Бермяты, II, 45: 12—24; 46: 16; Чернавушка освобождаетъ Василія Буслевича изъ погребя, куда его засадила мать 62: 66—71.

Черниговка—рѣка II 31: 285, 507.

Черниговскій воевода, I, 11: 22; беретъ Илью М. подъ лѣвую руку; Черниговскій владыка въ Киевъ; его Михаилъ Потокъ зоветъ на погребенье Авдотьи Лиховидовны 29: 21; 36: 19; онъ же вѣнчаетъ Потока съ Авдотьей 27: 13; 41: 27; гора Черниговска II 31: 142.

Черниговъ—городъ, I, 13: 1; стольный градъ Ставра 55: 12; въ Черниговъ ѣдетъ гонецъ отъ Владимира 56: 35; упоминается: II 8: 212; 28: 12; 31: 64; въ Черниговѣ живетъ Митрій Митриевичъ купецъ II 42: 6, 23; 43: 35; 44: 19; въ Черниговѣ вдутъ за женою Ставра Алеша и Добрыня по приказанію кн. Владимира 56: 78—80; кн. Владимиръ вызываетъ желающихъ сваятъ отъ Киева до Чернигова 55: 27.

Чиженецъ—городъ, II, 5: 20—49.

Чолпанъ, король Полятовскій, дядя Левиковъ, II, 69: 2—159.

Чурило Пленковичъ, иначе Цюрилушко Щапенковичъ, II 47; Щапопленковичъ № 52. Его похождения съ женой Бермяты (Обемья, Ярма, Бермаса) см. II №№ 45—48; его соетязаніе съ Дюкомъ въ франтовствѣ и въ скванціи черезъ Дибирь см. № 50 и 52.

Шемахинскій—шелкъ, II, 48: 22.

Юришь-Маришь-Шіймаретинъ: такъ называетъ самъ себя Илья Муромецъ II, 1: 37.

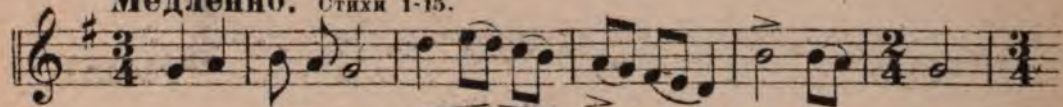
Ярма Васильевичъ, мужъ Катерини, любовницы Чуриловой, II, 47.

Ярославское шитье серяги Чуриловой, II, 45: 41.

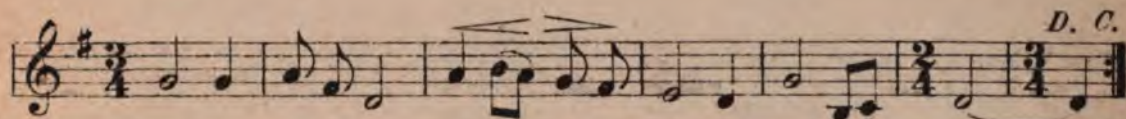
ДОБРЫНЯ И МАРИНА.

Къ №23.

Медленно. Стихи 1-15.

Что не бѣлая бере-за къ землѣ кло-нит - ся,

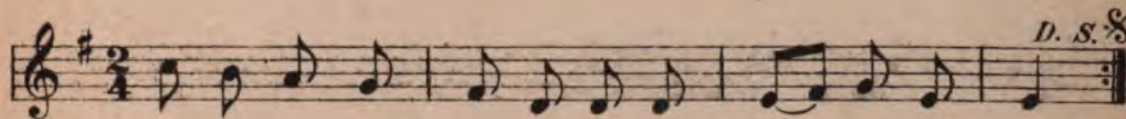

Не шел-ко-ва-я тра-ва въ по-лѣ раз-сти-ла-ет - ся.

§ Скорѣе. *)

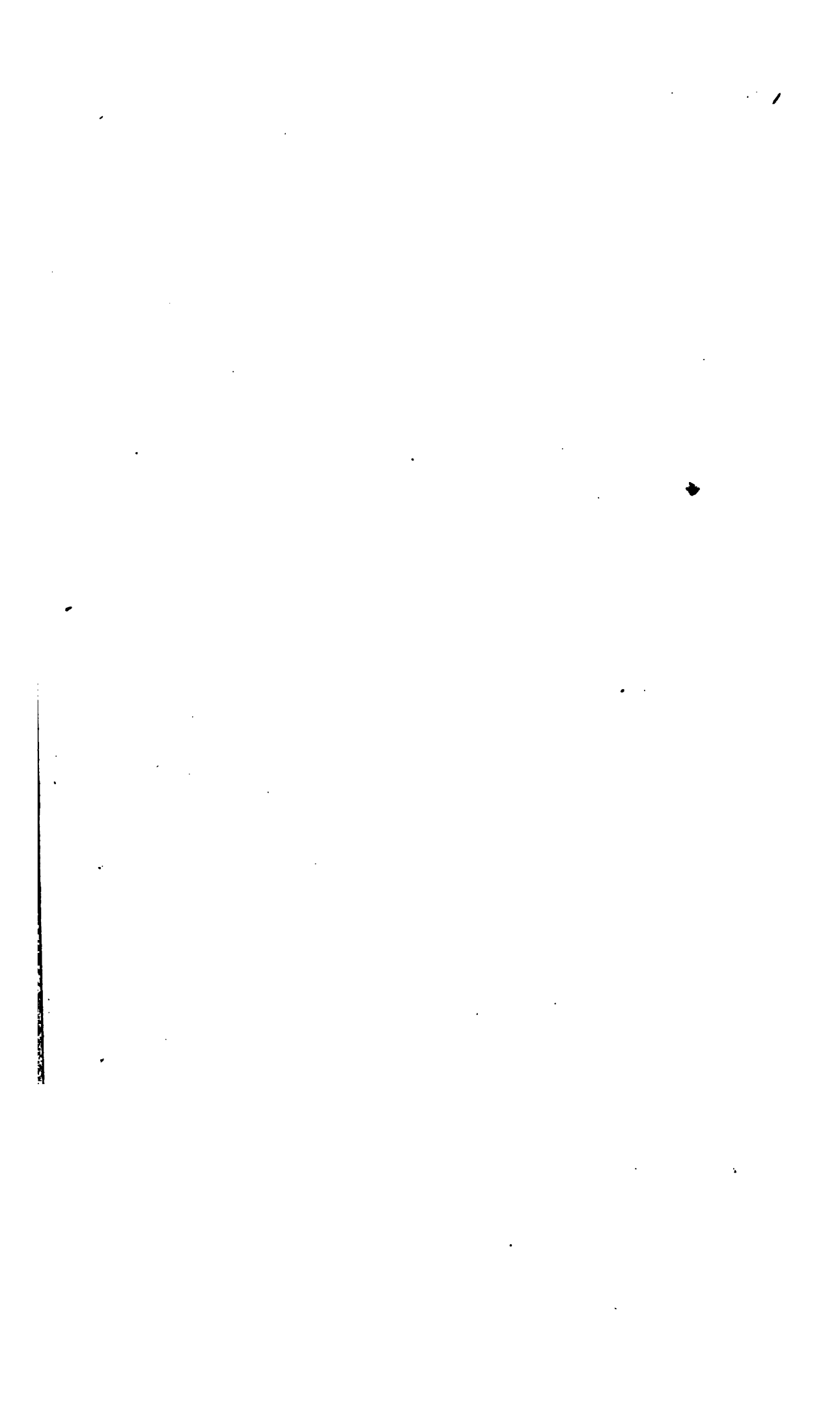

Ужъ какъ три го-да Доб - ры - нюш-ка браж-ни - чалъ, На чет -

- вер-тый годъ Доб - ры - ня по - гу - лять за - хо - тѣлъ.

*) Начиная съ 16-го стиха до конца.

Замѣченныя опечатки.

<i>Напечатано.</i>			<i>Слѣдуетъ.</i>
I. стр.	14 строка 4	Соловьиное	Соловьиное
"	17 " 10	и посла ^а	и посла ^а
"	37 " 16	пришелъ	пришелъ
"	44 " 35	сесѣды	сосѣды
II. "	101 " 1 сл.	сказателя	сказителя
"	108 " 9 св.	токово	таково
"	159 " 5 св.	43	*43
"	178 " 13 св.	шелковыи	шелковый

